ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2006 Том 12

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 2

Главный редактор
Н.М. РАССАДИН

Редакционная коллегия:

О.П. Акаев, Н.Ф. Басов, П.Н. Белкин, А.М. Белов, С.К. Булдаков, Н.П. Гибало, И.А. Едошина, А.Г. Кирпичник (зам. главного редактора), **А.Н. Коврижных** (отв. секретарь), **В.П. Лебедев, Ю.В. Лебедев, В.Н. Маин, В.Л. Миловидов, М.И. Скаржинский, А.И. Субетто, А.И. Тимонин, Г.М. Травин, Н.П. Фетискин, В.В. Чекмарев, М.С. Шалумов**

Учредитель
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЗДРАВЛЯЕМ

4 Ничего не жалеть для людей... (К 60-летию Михаила Иосифовича Рожкова)

ОБРАЗОВАНИЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

5 **Мильтонян С. О.**
«Я есть жизнь среди жизни» или о педагогической культуре в современном обществе

9 **Мудрова Е. Б., Легостаева В. И.**
Использование современных технологий адаптации и методов управления ею в решении проблем привлечения и закрепления в вузе молодых научно-педагогических кадров

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

14 **Галафеев В. А.**
Определение тяжелых металлов атомно-адсорбционным методом в воде и почве

17 **Лебедев В. П., Целикова Л. Е.**
Особенности мозаик некоторых луговых злаков

20 **Чередникова А. В., Ерастова А. В.**
О радикалах Джекобсона колец квазиэндоморфизмов сильно неразложимых абелевых групп без кручения ранга 4

23 **Пухов Н. М., Марков В. Н., Исаев П. П.**
Закон движения релятивистских частиц как следствие проявления и действия фундаментальных физических симметрий вакуума

29 **Карсакова Ю. Е., Тятенкова Н. Н., Хлякина О. В.**
Влияние условий труда на здоровье людей

33 **Радченко Д. И., Стекольников А. А.**
Влияние гомеопатического препарата на лейкоцитарную формулу крови собак при переломах костей

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

35 **Лаврентьева З. И.**
Социальное развитие личности: педагогический аспект

41 **Бобрышов С. В.**
Система методологических подходов к изучению историко-педагогического процесса

46 **Козырев Ф. Н.**
Проблемы методологической культуры в школьном религиозном образовании

57 **Шемет И. С.**
Интегративные механизмы психики

65 **Тимонин А. И.**
Социально-педагогическое обеспечение профессионального становления студента

69 **Тимонина Л. И.**
Формирование педагогической позиции студента как проблема профессионального образования

72 **Приступа Е. Н.**
Социальное здоровье ребенка как педагогическая категория

77 **Самохвалова А. Г., Котова С. В.**
Личностные детерминанты коммуникативной деятельности женщин, совершивших преступления

81 **Вавилов Ю. П.**
Исследование специфики профессионально важных качеств учителей начальных классов

87 **Хайновская Т. А.**
Основные тенденции современного венгерского музыкального образования

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

92 **Мусарский М. М.**
Критерии качества опорных моделей экономической диагностики вузов

99 **Милославский С. Л.**
Стратегические направления реформирования отношений собственности

108 **Пятницкий Д. В.**
Предположения и гипотезы теории финансов

116 **Дмитриев Д. О.**
Антикризисное управление агропромышленным сектором с применением мер государственного регулирования на примере Ивановской области

121 **Грабова О. Н.**
Эволюционно-институциональный анализ природы олигархизации

126 **Закинчак Г. Н., Иваненко Л. В.**
Формирование и развитие методологии управления регионом

131 **Лабуз Л. С.**
Кластерный подход к организации въездного и внутреннего туризма на региональном и муниципальном уровне

135 **Виноградова Г. Л., Крылов А. М.**
Методика моделирования перманентного реинжиниринга административных бизнес-процессов

142 **Палаш С. В.**
Неопределенность и риски. Институциональная сущность информации

147 **Токарева И. В.**
Перспективные механизмы привлечения инвестиций для реализации стратегических инфраструктурных проектов

ИСТОРИЯ

150 **Баранов А. Н.**
Российские либеральные политические партии о Манифесте 17 октября 1905 года и созыве I Государственной думы

156 **Лебедева О. А.**
Деятельность партийно-государственных и общественных организаций по повышению квалификации учительской интеллигенции в 60–70-е гг. XX в. (на материалах Верхнего Поволжья)

160 **Пушкарев А. М.**
Об определении понятия «история повседневности» в новейших исследованиях российских ученых

163 **Новосёлова Н. Г.**
Актовые материалы и статистические источники по изучению исторического развития Нерехты XIII – XVIII вв.

165 Рыбкин А. А.
Политический терроризм в 1905–1907 гг. в Российской провинции (на материалах Тверской, Ярославской, Костромской губерний)

ФИЛОЛОГИЯ

170 Фокина М. А.
Фразеологизмы в сказовом повествовании и несобственно-прямом дискурсе (по произведениям русской прозы XX века)

176 Ганцовская Н. С.
Деятели научных обществ конца XIX в. о статусе, происхождении костромского акающего острова, особенностях его говоров: А.И. Соболевский, Ф.И. Покровский

182 Катаева С. Г.
О некоторых подходах к типологии немецкого политического языка

188 Бабаева Р. И.
Глагольные конструкции в роли дискурсивных маркеров (на материале немецкого и русского языков)

193 Мешалкин А. Н.
Нравственно-эстетический идеал в рассказах А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор»

199 Юдина Н. В.
К вопросу о причинах ограниченной сочетаемости слов (на материале атрибутивно-субстантивных комплексов)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

207 Хрякова А. С.
Из истории русского церковно-певческого искусства (Древнерусское церковное пение. Древнерусские распевы)

216 Красильников Г. В.
«И у меня есть сердце» (Гимназический дневник Л.Н. Трефолева)

ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

222 Волкова В. О.
Онтологическая обусловленность духовно-практической компетенции человека

228 Баскова М. Н.
Учение В.И. Вернадского как методология понимания современной картины мира и человека

231 Куделин А.Е.
Типология современного предпринимательства

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

237 Петров А. В.
Антитерористический «ликбез» как повышение безопасности населения

240 Киселева Т. А.
Объект авторского права – служебное произведение

ЧТО. ГДЕ. КОГДА

245 Захаров А. И., Луданова Т. В.
VIII Открытый фестиваль преподавателей и студентов музыкальных факультетов вузов России (КГУ им. Н. А. Некрасова, 25–28 апреля 2006 г.)

«Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова» отражает основные результаты научной, педагогической, методической и воспитательной деятельности коллектива университета, а также публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Журнал включен в перечень периодических научных и научно-технических изданий, рекомендуемых ВАК РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Редколлегия журнала приглашает авторов для публикации работ в **основном выпуске** (4 номера в год) и следующих сериях:

Экономические науки: «**Проблемы новой политической экономии**» (4 номера в год);
«**Экономика образования**» (4 номера в год);
Культурология: «**Энтелехия**» (2 номера в год);
Исторические науки: «**Волжский рубеж**» (2 номера в год);
Технические и естественные науки: «**Системный анализ. Теория и практика**» (2 номера в год);
«**Квалиметрия образования и науки**» (2 номера в год);
Гуманитарные науки: «**Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика**» (2 номера в год);
Философские науки: «**Вопросы системогенетики**» (2 номера в год).

ПОЗДРАВЛЯЕМ

НИЧЕГО НЕ ЖАЛЕТЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ... (К 60-ЛЕТИЮ МИХАИЛА ИОСИФОВИЧА РОЖКОВА)

Поздравить юбиляра всегда радостно и ответственно. Особенно, когда именинник является наставником многих достойных людей и твоим Учителем. Поэтому выбор для изложения добрых слов на страницах серьезного научно-методического журнала, мы, коллеги, последователи и друзья метра отечественной науки считаем обоснованным и закономерным.

Несколько слов о Человеке – подвижнике, профессионале, ученом.

Михаил Иосифович Рожков – заслуженный деятель науки РФ, доктор педагогических наук, профессор. Его трудовая биография объединяет достижения учителя, пионерского вожатого Всероссийского лагеря «Орленок», преподавателя техникума и профессионально-технического училища, младшего научного сотрудника, заведующего лабораторией НИИ профтехпедагогики Академии педагогических наук СССР, директора Института педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д.Ушинского.

За свой труд он награжден многими профессиональными наградами, является лауреатом премий Ленинского комсомола (1989 г.), правительства Российской Федерации (2001 г.), трижды лауреатом премии губернатора Ярославской области. Михаил Иосифович Рожков – автор 305 научных работ, им подготовлено 90 кандидатов наук, 14 докторов.

Конечно, этот перечень славных жизненных побед неисчерпаем. Он связан с неутомимым творческим и научным поиском юбиляра, который последователен и всегда результативен. За прожитые годы своей работоспособностью, организаторским талантом, внимательным и чутким отношением к людям Михаил Иосифович снискал заслуженный авторитет и уважение.

Его научные доклады и выступления во многих трудовых, научных и учебных коллективах в Российской Федерации, в странах Содружества независимых государств, в Европейских странах, Соединенных штатах Америки, участие в крупных международных научно-практических конференциях всегда активно обсуждаются широкой педагогической общественностью, используются в практике деятельности образовательных учреждений, в детских и молодежных общественных объединениях, публикуются в педагогических журналах.

Трудовая, творческая и общественная деятельность юбиляра всегда отличается глубоким научным подходом, жизненным оптимизмом, творческим отношением к решению серьезных и актуальных социально-педагогических проблем, верой в неисчерпаемые потенциалы добра и справедливости подрастающего поколения, убежденностью в победах своих учеников, преодолении ими трудностей освоения азов научных исследований.

Примите, уважаемый Михаил Иосифович искренние пожелания здоровья, творческого долголетия, успехов в благородном деле научного познания и просветительства, большого человеческого счастья Вам и Вашим близким. Пусть время не остановить – оставайтесь всегда молоды душой, светлы помыслами и настойчивы в их достижении. Пусть не оборвется связь поколений и тогда новые ученики будут признаваться Вам в любви.

Мы благодарим Вас за многолетнее и плодотворное сотрудничество, надеемся на его дальнейшее продолжение во имя настоящего и будущего нашей страны – детей и молодежи России.

Ваши ученики:
Е.Е. Чепурных – д-р пед. наук,
А.В. Волохов – д-р. пед. наук, профессор,
И.И. Фришман – д-р. пед. наук, профессор,
В.Н. Кочергин – канд. пед. наук,
Т.А. Лубова – канд. пед. наук,
О.В. Майорова – канд. пед. наук,
Т.П. Вернигорова – канд. пед. наук,
Л.В. Спирина – канд. пед. наук,
Л.С. Савинова – канд. пед. наук,
Т.В. Дурнева – канд. пед. наук,
А.И. Тимонин – канд. пед. наук.

ОБРАЗОВАНИЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

С. О. Мильтонян

«Я ЕСТЬ ЖИЗНЬ СРЕДИ ЖИЗНИ» ИЛИ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Преамбула. *Проблема межличностных отношений всегда была актуальной в человеческом сообществе. С позиции, что в XXI веке она должна стать центральной в воспитании личности ребенка, автор рассматривает проблемы современного образования и педагогической культуры в российском обществе.*

Все прогрессы – реакционны,
Если рушится человек.

А. Вознесенский

Двадцать первый век всё чаще называют веком образования. В историческом соревновательном движении государств по пути прогресса качество образования становится неотъемлемым компонентом современной жизни, одним из её приоритетов. Либерально-демократические реформы, активно проводимые в России, коснулись и образования, – этой стратегически важной сферы общественной жизни и государственного устройства. Учитывая деликатность, тонкость и уязвимость предмета реформ, проводить их особенно важно всесторонне продуманно, взвешивая, выверяя каждый шаг. Прежде чем приступить к ним, нужно проработать ясно выраженную, отвечающую историческим и национальным особенностям, а также сегодняшним потребностям страны концепцию изменений.

На каждом историческом этапе *основная миссия образования* менялась в зависимости от принятой человеческим сообществом системы ценностей. Классическая образовательная парадигма складывается в XVII веке. С этого времени и вплоть до наших дней основная цель образования формируется как передача ученику системы практических знаний, умений, навыков, приобретение им полезной для общества профессии, подготовка к труду. В конце XIX века американский философ, психолог и педагог Дж. Дьюи писал: «В настоящее время начинается перемена в деле нашего образования, которая заключается в перемещении центра тяжести. Эта перемена, революция, подобна той, которую произвёл Коперник, когда астрономический центр был перемещён с Земли на Солнце. В данном случае ребёнок становится солнцем, вокруг которого вращаются средства образования; он центр, вокруг которого они организуются». Однако до сих пор в США и Европе доминирующей остаётся технократическая модель управления учебной деятельностью ребёнка или взрослого.

Сегодня интенсивное развитие мировой педагогической науки и практики способствует активному становлению новой образовательной парадигмы. В её основе лежит представление о человеке, не только потребляющем культурные ценности в процессе образования, но и наращивающем их; личности как самоценности; цели, а не средства общественного развития. В связи с этим особое значение получает воспитание, формирующее и развивающее нравственные качества человека. Какие личностные качества молодого поколения сегодня общественно потребны? Вопрос этот фундаментальный для образовательного процесса в любой стране. К сожалению, внятного ответа на него нет и в Законе РФ об образовании, декларирующем: «Образование – целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства».

В отсутствие чётко прописанных ориентиров личностных качеств, проектируемых современным образованием, обращусь к общемировому опыту. Условно можно вывести три вектора развития личности: 1) «западный тип» – превалирование личного над общественным и государственным; 2) «восточный» (социалистический) – приоритет государственного и общественного над личностным; 3) российская модель – срединная, совмещающая достоинства западной и восточной моделей. (в этом я вижу, может быть, са-

© С. О. Мильтонян, 2006

мый ценный вклад России в культуру мировой цивилизации – вклад, который полностью ещё не осмыслен, но который должен повлиять на мировой исторический процесс.

Мир, в котором живут сегодняшние дети, полон насилия. Казалось бы, развитие человечества должно было делать человека всё более счастливым. Но нет же, равнодушия, жестокости и ненависти в душах многих людей не меньше прежнего, если не больше. Сегодня ни в какой точке земли никто не может чувствовать себя защищенным от недоброй воли других людей. Не войной – так террором, не террором – так техногенной катастрофой, нарушением экологии, духовным растлением другой человек достанет, дотянется, нанесет ущерб. Сегодня опасна даже кнопка телевизора. Вот таким устроили взрослые мир для себя и детей.

Но взрослые – это дети вчерашнего дня, которые росли и живут в доставшемся им в наследство нелепо устроенном мире, добавляя в него свою долю хаоса. Они ещё полностью не осознали, что человек рождается свободным и любое посягательство на его свободу (силой, морально, материально), будучи действием негативным, рано или поздно вызовет ответную реакцию, лишив отношения людей уравновешенности. Вчерашние дети не осознали, не выстрадали, что человечество едино во времени и пространстве. По этой причине ненависть и жестокость, единожды возникнув, тяжелым наследием останутся в сообществе людей. Однако есть одно обстоятельство, которое смягчает вину вчерашних детей. Вернее, это даже и не вина их, а беда, потому им, детям выросшим, нужно сочувствовать.

Родился ребенок – Божья душа. Он растёт и учится. Ходит в школу, осваивает письмо и математику, физику и историю. Учится, чтобы стать биологом, экономистом, скрипачом. Выучился, дорос до самостоятельной жизни, нашёл работу, завел семью. Стал взрослым человеком. Человеком? А учили его быть этим самым человеком? Графы с таким предметом в аттестате нет, следовательно, не надо и учиться? Сегодня большинство людей искренне считает, что стоит ребенку вырасти – и он станет человеком. Действительно, кому повезло с семьей, Царскосельским лицеем, духовником, окружающими людьми, счастливыми жизненными обстоятельствами, тот вырос *человеком*. У остальных в детстве подобных «витаминов», способствующих становлению человека, было меньше. В школе целенаправленно учат всем предметам, кроме главного: предметы, помогающие выстраивать душу человека, сегодня по недомыслию пока ещё относят не к основным, но только к дополнительным. Каким вырастет человеком, оценит большая жизнь, когда изменить что-либо вряд ли возможно: не каждому дано труднейшей душевной работой во взрослом возрасте прийти к себе – человеку. В итоге – мир сегодня такой, каким его и устроили все сообща.

Человечество оказалось старательным, штудируя науки, осваивая технику. А что дальше? А дальше все активнее заявляет о себе общественная потребность не менее старательного освоения человечеством ещё одного предмета. На этот раз главного. *Человечность, человек, его личность и душа – вот название предмета.* Не заметить такой общественной потребности уже невозможно. Исторически время пришло.

Общий уровень педагогической культуры в нашем обществе, по контрасту с отдельными достижениями, исключительно низок. Молодые родители, особенно ожидающие первенца, чаще всего не знают об особенностях возрастных периодов, соотношении эмоционального и рационального у ребенка, о факторах, способствующих развитию или его угнетающих. Они не готовы не то чтобы ответить на вопросы, поставленные жизнью, но к самой постановке вопроса. Именно в семье чаще всего начинается, неосмысленно или даже осознанно, насилие над личностью ребенка.

Учителя, несмотря на то, что имеют специальную педагогическую подготовку, в большинстве своём не педагоги, если под педагогом подразумевать профессионала, целью деятельности которого является становление личности воспитанника. Предметность в этом случае хоть и основное, лишь средство воздействия. Конечно, педагогический дар неискореним, но он встречается редко. Официально признанные и административно поддерживаемые ориентиры и критерии качества труда отводят основную часть учителей от педагогики. Царит заурядное преподавание, передача знаний без осмысления и коррекции последствий этого процесса для личностного развития ученика. В таких условиях насилие над личностью ребенка продолжается.

Сердцевиной процесса становления личности является межличностное общение, которое

начинается для новорождённого с общения с матерью. В дальнейшем круг общения расширяется. Другая личность, общаясь, сотрудничая с ребенком, несет ему накопленный опыт, культуру. Характер устанавливающихся межличностных отношений в максимальной степени влияет на духовно-нравственное развитие личности, на степень *очеловеченности* человека. Для полноценного развития личности человеку необходимо учиться видеть себя глазами другого человека, уметь не только слушать, но и услышать другого, признавать за другим такие же права, что личность оставляет за собой, уметь сочувствовать другому и сопереживать с ним.

В школе подобные личностные качества наиболее интенсивно проектируются в процессе занятий по предметам эстетического цикла. В лидерах здесь, в виду своей специфики, *музыка* (особо оговорю, что речь идет о предмете, преподаваемом на современном научном уровне; традиционные уроки ничего общего с решением подобной личностной задачи не имеют). Музыка – в этом её природа и сущность среди остальных учебных предметов – не дополнительный и не основной предмет, но заглавный в строительстве личности человека! Однако в общеобразовательных школах предметы эстетического цикла даже в том усечённом виде, в котором они существуют, выводятся за границы базовой части обучения. На этом фоне отнесение основной ступени системы музыкального образования ДМШ (ДШИ) к образованию дополнительному является ещё одной принципиальной государственной ошибкой, концептуальной ущербностью.

В разработке концепции реформ общего и специального образования должны на равных участвовать педагоги, историки, философы, культурологи, политики, экономисты. Пока реально учитывается лишь голос экономистов. Это ярко выраженная тенденция бездуховного прагматизма у поколения не новых русских, а новых циников. Есть понятие «потребительская корзина», в котором заключен тот минимум материальных предметов и продуктов питания, который необходим для жизнеобеспечения в сегодняшних условиях. Аналогичного ему, симметричного понятия в духовно-нравственной сфере жизни нет. Тот реальный минимум личностных качеств, который проектируется сегодняшними реформами в сфере общего и музыкального образования, удручает. Это ориентация на личность технократа, обделённую, лишённую духовно-нравственных оснований. Понятно, что в евроремонте, затеянном реформаторами, мы уравняемся со среднестатистической евространой. Но при этом непонятно, как сохраним самоидентификацию «лица необщего выражения». А о том, что «душа обязана трудиться и день и ночь», нам исторически нужно будет забыть – до лучших времён? Бессмертная мысль выросла на отечественной почве, и забыть её полностью – остаться манкуртами.

Предлагаемая современными реформаторами модель личностных качеств, проектируемых государственным образованием, не соответствует национальным традициям России. Это модель будущего, у которого нет будущего. Значение человеческого фактора в современном техногенном мире постоянно растёт и будет расти. Бездумные реформы, не получившие общественного одобрения, стратегически опасны, ибо отодвигают Россию на обочину исторического развития. А между тем *в России исторически накоплен богатейший, уникальный опыт физического, интеллектуального, духовно-нравственного воспитания личности*.

Педагогические технологии, отвечающие самым актуальным запросам сегодняшнего дня, имеются. На повестке дня – системное использование этих технологий. В качестве образца движения в нужном направлении приведу пример Твери. Здесь с 1980 года существует клуб «СемьЯ», объединяющий родителей, максимально заинтересованных в полноценном, гармоничном развитии своих детей (1980-е годы были временем особо пристального интереса к ребенку, временем педагогов-новаторов, временем возникновения многочисленных родительских клубов). Сегодня в клубе применяются уникальные авторские методики: подготовка к рождению ребенка, закаливание, физическое и психическое развитие грудничков. Есть опыт детсадовской разновозрастной группы. Вполне естественно, что родители, проведшие своих детей через это педагогическое богатство, в высшей степени заинтересованы в продолжении аналогичного педагогического воздействия на этих же детей и в школе. На осенней 2004 года конференции, инициированной родителями, встал вопрос о создании Центра непрерывного образования, который идейно, методологически, административно объединил бы все ступени системы в еди-

ное целое. У создаваемого Центра есть аналоги в других городах, с которыми тверитяне поддерживают связь.

В философии и психологии есть понятие содержательного обобщения, исходного, «клеточки». В действиях тверских родителей «клеточкой» отражены сегодняшние потребности в полноценном, очеловеченном, гармоничном развитии ребенка. Отсюда потребность выстроить адекватную форму организации непрерывного образовательного процесса.

Для разбитой, побежденной в войне, с незаживающей атомной раной Японии воспитание нового поколения стало тем образом мышления, который сегодня называют национальной идеей. Японцы много преуспели среди других стран, поставив перед собой именно такую задачу. В России исторически накоплен уникальный, богатейший опыт воспитания детей – в семье, в школе, внешкольный. В одиночку, одним предметом такой высокой задачи не решить. Обосновывая реальность и необходимость подобной программы, я беру в сторонники В. А. Сухомлинского. Вот мысль выдающегося педагога: «Борьба с недостатками бесперспективна. На месте старых вырастут новые. Вместо борьбы с недостатками нужно воспитывать достоинства, которые, развиваясь, вытеснят недостатки». *Очеловеченный человек* – наивысшее достоинство. Нужно ли доказывать, что вкладывать средства в человека – самый верный путь? Если не оглядываться во вчерашний японский день, а заглянуть в российский завтрашний, то необходимость подобной программы не должна вызывать сомнений. Полноценная работа с ребенком морально и интеллектуально насыщена, напряжена, в наивысшей степени ответственна. У педагога, проводящего такую работу, должен быть иной, нежели сегодня, социальный статус. Завтрашний! К пониманию этого нужно быть готовым уже сегодня, если мы хотим иметь не только технологически совершенное, но и очеловеченное завтра.

Модель системы непрерывного образования должна, на мой взгляд, включать несколько элементов. Обосную первое положение.

На практике известны два взгляда на ребёнка, два подхода к его воспитанию: первый – принимать ребёнка таким, какой он есть; второй – принимать его таким, каким его хочет видеть находящийся рядом с ним взрослый. В первом случае воспитание проводится через естественным образом организованную совместную деятельность, сотрудничество двух равноправных личностей. Искомые личностные качества ребёнка как раз и проектируются этой деятельностью. Для второго случая, который можно назвать «педагогическим фашизмом», характерно воспитание на вербальном уровне, авторитарное давление на воспитуемого, постоянные конфликты. Авторитарность угнетает, деформирует личность, страну, человечество. Этим недостатком часто грешат очень даже многие профессиональные преподаватели-эмпирики. А каково молодым неопытным родителям? Стайка мам с колясками на прогулке. О чем они беседуют? Чаще всего, рассказывая и советуясь, делятся молодым материнским опытом. Знакомый многим бытовой эпизод подводит к мысли о необходимости не стихийного, а регулярного общения родителей. В окультуренной форме таким общением становится семейный клуб.

Итак, *во-первых*, нужна сеть семейных клубов по месту жительства. Общаясь, советуясь по вопросам воспитания, привлекая специалистов по различным аспектам детства, новое поколение родителей каждый раз вновь само будет открывать для себя истину, что главное в семье – совместная деятельность детей и родителей, что от своего ребенка нельзя откупаться деньгами, телевизором, компьютером.

Опыт свидетельствует, что родители, заинтересованные в полноценном развитии своего ребенка, ограничивают себя в курении, потреблении алкоголя, тяготеют к здоровому образу жизни. Внимание к выращиванию ребенка укрепляет семью совместной деятельностью родителей. В активе клубов будут и демографические плюсы. Общедоступный семейный клуб на добровольной основе объединит родителей с *максимально высокой мотивацией,* основанной и на врождённом родительском инстинкте – уберечь, защитить, вырастить свое дитя. Отсюда интерес как можно глубже познать своего ребенка. Именно в семейном клубе молодые, неопытные в жизни родители могут и должны получать среди других знания и психолого-педагогические сведения о ребенке и способах его гармоничного развития. Конечно, поначалу в клубы пойдут не все молодые семьи. Но со временем позитивная деятельность родительских объединений захватит в свою орбиту большинство из оставшихся, и семейный клуб станет таким же естественным

институтом воспитания, как сегодня детская консультация или школа. Потребность в знаниях для молодых (и не только!) родителей всегда опережает личный опыт отцовства-материнства. В условиях современной жизни я не вижу другой действенной формы удовлетворения актуальнейшей потребности родителей, кроме как формы *свободного объединения по важнейшему из интересов*. Этой самодеятельности нужна умная поддержка государства.

Во-вторых, детский сад должен работать в едином комплексе с семьей и «своей» школой.

В-третьих, методики, применяемые в Центре непрерывного образования, должны отвечать принципам гуманистической педагогики. Их внедрение творчески и административно должно быть беспрепятственным, дебюрократизированным.

В-четвертых, представители семейных клубов совместно с представителями законодательных и административных органов территории должны входить в Попечительский совет Центра, у которого должны быть достаточно серьёзные полномочия для поэтапного устранения тех деструктивных в педагогическом отношении факторов организации жизни соответствующих территорий.

В-пятых, Центр непрерывного образования должен находиться в организационной и творческой связи с аналогичными образованиями на других территориях для обмена опытом, скоординированного внедрения педагогической культуры в обществе. Незаменим здесь печатный орган.

Выросшие дети, воспитанные в условиях системно организованного внимания к их полноценному становлению, возможно, и не смогут полностью отвести от общества угрозы, связанной с человеческим фактором, но, можно сказать с большой долей уверенности, не будут их создавать и приумножать. Главное же – появятся предпосылки перехода *от техногенной цивилизации к гуманистической*.

Человеческое сообщество находится сегодня на этапе своего развития, который называют техногенной цивилизацией на стадии её перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Технологические достижения человечества действительно впечатляют. Не менее впечатляет на этом фоне несовершенство человеческих отношений. Дисбаланс между взлётом технологической культуры и угнетённым состоянием гуманитарных проблем, в первую очередь низким уровнем.

Е. Б. Мудрова, В. И. Легостаева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ АДАПТАЦИИ И МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ ЕЮ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ПРИВЛЕЧЕНИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ В ВУЗЕ МОЛОДЫХ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ

Одним из основных факторов, определяющих престиж и конкурентные преимущества любого вуза, является его кадровый потенциал. Его воспроизводство и наращивание невозможно без активного привлечения молодежи к научно-педагогической деятельности, ее закрепления в вузе. Это способствует сохранению и обеспечивает преемственность научно-педагогических школ, существующих в вузе.

Успешность решения задачи закрепления молодежи в вузе на научно-педагогических должностях во многом определяется уровнем работы по управлению человеческими ресурсами в высших учебных заведениях, зависящим от осознания руководством организации важности этой деятельности, реализации принципов системности и комплексности в управлении этим видом ресурсов.

Основная деятельность по управлению человеческими ресурсами в современных организациях связана с работой в следующих областях:

– анализ содержания работы каждого работника организации (анализ рабочих мест);
– планирование потребности в персонале;
– набор и отбор персонала;
– ориентация и адаптация;
– развитие персонала (подготовка кадров, переподготовка, повышение квалификации);
– оценка деятельности персонала;
– управление карьерой, управление резервом;
– управление оплатой труда работников;
– техника безопасности и др.

Эффективная работа по всем вышеназванным областям способствует привлечению и закреплению талантливой молодежи в вузе, росту ее трудовой мотивации. В данной работе рас-

© Е. Б. Мудрова, В. И. Легостаева, 2006

смотрены возможности решения этой задачи, связанные с применением методов адаптации молодых научно-педагогических кадров. Адаптация начинающего преподавателя, научного сотрудника играет важную роль в его трудовой жизни. От того, насколько он в начале профессиональной деятельности будет себя комфортно чувствовать в коллективе, насколько интересна будет ему научная и педагогическая деятельность, настолько перспективна будет его карьера в данной организации.

Адаптация – взаимное приспособление работника и организации к новым профессиональным, социально-экономико-организационным условиям труда. При адаптации преподавателя нередко возникают различные проблемы и противоречия, такие как:

– проблемы соответствия профессионального потенциала личности предъявляемым в вузе требованиям (проблемы, связанные с *профессиональной адаптацией*);

– проблемы, связанные с привыканием к новому режиму работы, психологическим нагрузкам (проблемы, связанные с *психофизиологической адаптацией*);

– проблемы, связанные с включением работника в систему взаимоотношений коллектива с его традициями, ценностными ориентациями, групповыми нормами (проблемы, связанные с *социально-психологической адаптацией*);

– проблемы, связанные с особенностями организационно-экономического механизма управления вузом, усвоением роли и организационного статуса своего рабочего места и подразделения в общей организационной структуре вуза (в этом случае мы говорим о проблемах *организационно-экономической адаптации*).

И, если в вузе не созданы условия, способствующие разрешению этих проблем, затруднения, испытываемые новичком в первое время работы, начинают оказывать активное влияние на человека. Проявляются они первоначально как трудности в выполнении прямых трудовых обязанностей, затем, как психические состояния растерянности, подавленности, затем – общей неудовлетворенности, нередко приводящей к решению перейти работать в другую организацию.

Следует особо отметить, что все вышеуказанные аспекты адаптации взаимосвязаны. Поэтому, чтобы обеспечить ее успешность, в процессе управления адаптацией необходимо использовать единую систему технологий, инструментов воздействия на все аспекты адаптации.

На процесс адаптации оказывают влияние различные факторы, которые условно можно разделить на следующие категории:

I. факторы управления процессом адаптации;

II. факторы среды, в которой осуществляется адаптация;

III. индивидуально-личностные факторы, связанные с особенностями адаптанта.

К первой категории относятся уровень проработки организационного механизма управления адаптацией, уровень профессиональной подготовки работников вуза, осуществляющих деятельность по адаптации новых сотрудников.

Ко второй категории – престиж и привлекательность профессии, особенности организационной культуры высшего учебного заведения, социально-психологический климат организации, особенности организации труда в вузе, гибкость системы обучения, действующей в организации, объективность оценки кандидата при отборе, объективность оценки текущей деятельности молодого специалиста, наличие в вузе отработанной системы внедрения нововведений.

К третьей – уровень знаний, умений, и навыков, возраст, семейное положение, мотивация, определяющая отношение к деятельности (т.е. личностное побуждение к деятельности, побуждение, основанное на потребностях личности, ее ценностных ориентациях, интересах), индивидуально-психологические свойства личности.

Специалисты, занимающиеся проблемами управления персоналом в современных организациях, сходятся во мнении, что ключевое условие успешного осуществления адаптации – это наличие организационного механизма управления ею. Управление трудовой адаптацией персонала – процесс целенаправленного воздействия на взаимное приспособление работника и организации для повышения скорости и успешности адаптации.

По мнению Н.Я. Кибанова и Д.К. Захарова неотработанность данного механизма для отечественных организаций является одной из главных причин декларативности управления адаптацией [5].

Соглашаясь с мнением вышеназванных специалистов, считаем, что для управления адаптацией в вузе необходимо обеспечить:

1) структурное закрепление функции управления адаптацией;

2) использование современных технологий адаптации и управления процессом адаптации;

3) внедрение системы мониторинга показателей качества и длительности процесса адаптации.

Для решения проблемы структурного закрепления функций управления адаптацией в вузе предлагаем следующие организационные мероприятия:

– выделение соответствующего подразделения в организационной структуре системы управления персоналом вуза, отвечающего за адаптационную деятельность в организации (чаще всего функции по управлению адаптацией выполняются подразделениями по обучению персонала);

– закрепление специалистов, занимающихся управлением адаптацией, за подразделениями (специалистом по управлению адаптацией может быть как сотрудник из системы управления персоналом, так и подготовленный к этой роли сотрудник другого функционального подразделения);

– закрепление функций, обеспечивающих реализацию процесса наставничества в трудовых коллективах, за руководителями учебных и научных подразделений. К формам наставничества можно отнести беседы, консультации, совместную работу по планированию и подготовке к проведению учебно-воспитательных мероприятий, совместную научно-исследовательскую работу, взаимопосещение занятий и их анализ и другие;

– развитие структурных взаимосвязей системы управления персоналом с другими подсистемами вуза, например, с отделом аспирантуры, с Советом по инновационной деятельности и другими.

Знакомство с опытом российских вузов в области управления персоналом позволяет выделить следующие успешно применяющиеся методы, способы, инструменты адаптации [1; 3; 4; 6]:

– лекционно-практические занятия по проблемам педагогики и психологии высшей школы, беседы за круглым столом, встречи с мастерами педагогического труда, групповые консультации, коллективные посещения и обсуждения открытых занятий;

– обучение на факультете повышения качества преподавателей без отрыва от основной работы. В период обучения новички должны прослушать курсы по педагогическому мастерству, психологии, риторике. Желательна также организация на базе этого подразделения вуза подготовки магистров, аспирантов и начинающих преподавателей по такой дополнительной программе, как «Преподаватель высшей школы». Актуально также предоставление молодым преподавателям и научным сотрудникам возможности подготовки по отдельным модулям: «Использование Internet в науке и образовании», «Иностранный язык», «Инженерная и компьютерная графика», «Педагогическое мастерство».

– в связи с расширением в последние годы деятельности вузов в сегменте дистанционного образования необходимо внедрять для преподавателей курсы, связанные с разработкой учебно-методических материалов для реализации технологий дистанционного обучения;

– поддержка коллектива. Начинающий, не очень опытный преподаватель будет чувствовать себя гораздо увереннее, если члены коллектива будут настроены к нему доброжелательно. Так как другие преподаватели являются более опытными, они могут предложить начинающему педагогу различные методические материалы, рекомендации, или просто проконсультировать и поделиться личным опытом;

– формирование для вузов сети стратегических партнеров, заинтересованных во взаимном сотрудничестве в области подготовки кадров, укреплении материально-технического обеспечения учебного процесса, модернизации производства и выпуска продукции. Такая сеть предоставляет следующие возможные механизмы адаптации в области научных интересов: организация технологических практик для молодых научно-педагогических сотрудников, позволяющих им эффективно и оперативно знакомиться с современными технологиями, применяемыми на предприятиях; при формировании на год тематического плана НИОКР вуза, финансируемых предприятиями, в рамках программы на уровне вуза определение квоты участия в них молодых преподавателей и научных сотрудников; включение в комплексную программу стажировки на предприятиях по тематике его основных научно-исследовательских работ преподавательского состава вуза; использование технологии обучения через исследовательские проекты.

За несколько лет, в течение которых молодой преподаватель или ученый проходит программу адаптации, он должен принять участие в работе над несколькими проектами в составе проектных групп.

Реализация предлагаемых технологий адаптации молодых научно-педагогических кадров с привлечением к процессу заинтересованных предприятий и научно-исследовательских орга-

низаций предоставляет вузам возможность обеспечить адаптационный процесс необходимой технической базой, которая, как правило, отсутствует в вузе в силу финансовых проблем.

Внедрение системы мониторинга показателей качества и длительности процесса адаптации обеспечит информационную поддержку процесса адаптации. Получаемая с заданной периодичностью информация по определенным показателям реализации адаптационного процесса позволит своевременно изменять набор реализуемых методов, тем самым минимизируя длительность процесса.

Инструментом мониторинга может стать анкета, включающая в себя ряд наблюдаемых параметров. Целесообразно разделить их на группы, соответствующие аспектам адаптации. В заполнении анкеты участвуют в качестве оценщиков руководители адаптанта, коллеги, студенты и сам адаптант.

Периодичность проведения опроса – один раз в квартал.

Динамика показателей, сравнение их с нормативами помогут определить проблемные зоны деятельности новичка в реальном времени и наметившиеся тенденции, а также эффективность применяемых по отношению к данному индивиду методов адаптации. Лица, ответственные за управление процессом адаптации, по результатам мониторинга должны скорректировать индивидуальный план адаптационных мероприятий, определить меры, направленные на преодоление конкретных затруднений.

Важно отметить, что сотрудники, отвечающие за эту работу, должны быть подготовлены к такой деятельности, должны иметь четкое представление обо всех аспектах адаптации, о показателях ее уровня и длительности, должны осознавать необходимость накопления нормативных показателей, должны владеть современными технологиями сбора и обработки информации и т.п.

Как было отмечено выше, успешность адаптации во многом определяется объективностью оценки кандидатов на замещение научно-преподавательских должностей при отборе. Задача отбора заключается не просто в поиске и выявлении талантливых и склонных к научно-педагогической деятельности молодых людей, а в определении среди них тех, в системе жизненных предпочтений которых эта деятельность стоит на одном из первых мест среди прочих ценностей, тех, для кого значимы мотивы поведения личности, связанные с ее самоактуализацией и саморазвитием, а также с ее оценочными потребностями. К таким мотивам можно отнести следующие: профессиональный рост, карьерный рост, академическое признание, уважение со стороны научного сообщества и т.п. [2].

Отбор кандидатов может быть проведен в форме собеседования, проводимого специалистом службы персонала совместно с руководителем структурного подразделения, в котором претендент будет работать. Цель собеседования – выявить, как стремление кандидата работать в предлагаемой должности, так и наличие у него необходимых для этого качеств.

Особое внимание при отборе следует уделять оценке соответствия имеющихся характеристик кандидата требованиям к уровню образования, опыту, знаниям, умениям, ответственности, личностным характеристикам, необходимым для успешного выполнения преподавательской и научной деятельности. Определить вышеуказанные требования поможет проведение анализа рабочих мест профессорско-преподавательского состава кафедр и научных подразделений вуза, составление спецификаций на преподавательские и научные должности, представляющих перечисление компетенций и характеристик работника, необходимых для выполнения работ на конкретном рабочем месте. Кроме того, подобная информация позволяет составлять более совершенные должностные инструкции, и, в целом, представляет исходную информацию для модели молодого специалиста, которая может быть использована для оценки соответствия характеристик адаптанта требованиям должности.

Такая оценка даст возможность точнее определить задачи деятельности по адаптации новичка в вузе.

Повысить объективность и качество отбора кандидатов из числа лиц молодого возраста на замещение научно-педагогических должностей помогут мероприятия, реализуемые вузом в течение подготовки специалистов с высшим образованием. К ним можно отнести следующие:

– привлечение студентов, аспирантов и молодых ученых вуза к активной научной деятельности;

– проведение различных конкурсов, например, научных достижений студентов и аспирантов, на лучшую научно-исследовательскую работу студентов, на лучшую дипломную работу по специальностям;

– проведение межвузовских олимпиад по предметам;

– личный отбор ведущими преподавателями кафедр наиболее способных студентов;

– тестирование кандидатов на психологическую склонность и готовность к научно-педагогической деятельности;

– привлечение кандидатов (студентов старших курсов по направлению специалиста и студентов магистратуры) к активной педагогической деятельности в качестве помощников в проведении занятий со студентами младших курсов под непосредственным контролем ведущих преподавателей кафедры.

Таким образом, интеграция усилий работников различных подразделений вуза, участвующих в адаптационной деятельности, даст предпосылки для успешных процессов адаптации, а реализация предлагаемых технологий создаст условия закрепления молодых сотрудников в вузе, развития их успешной карьеры, а, следовательно, определит перспективу дальнейшей работы в сфере науки и образования.

Библиографический список

1. *Грудзинский А.О.* Концепция проектно-ориентированного университета // Университетское управление: практика и анализ. – 2003. – №3(26).

2. *Дубицкий В.В.* О мотивации деятельности преподавателей вуза // Социологические исследования. – 2004. – №1.

3. *Жураковский В., Сазонова З.* Подготовка преподавателей высшей школы – стратегическая задача // Высшее образование в России. – 2004. – №4.

4. Развитие университетского комплекса: традиции и новации / Под ред. Д.В. Пузанкова. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2004.

5. Управление персоналом организации. Учебник / Под ред. А.Я. Кибанова. – М.: Инфа–М, 2003.

6. *Хохолов А.Ф., Строгин Р.Г., Грудзинский А.О.* Проектно-ориентированный университет // Высшее образование в России. – 2002. – №2.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

В. А. Галафеев

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЯЖЕЛЫХ МЕТАЛЛОВ АТОМНО-АДСОРБЦИОННЫМ МЕТОДОМ В ВОДЕ И ПОЧВЕ

Преамбула. *Изучение содержания тяжелых металлов в окружающей среде имеет большое практическое значение. Оно необходимо для контроля за состоянием окружающей среды, охраны ее от загрязнения. Так называемое фоновое количество тяжелых металлов служит точкой отсчета при исследовании загрязненных почв и воды, позволяет определить темпы и степень загрязнения.*

Атомно-адсорбционный анализ – один из наиболее распространенных методов в почвенных и водных биологических исследованиях, один из наиболее точных, чувствительных, быстрых, селективных методов современный аналитической химии. Потребности народного хозяйства и преимущества этого метода перед другими методами аналитической химии способствуют его совершенствованию и распространению там, где необходим элементный анализ практически любых объектов [2].

Мощные темпы химизации сельского хозяйства во всем мире, проблемы оптимизации питания растений и оценка качества получаемых продуктов питания человека и животных, несомненно, играют решающую роль в развитии атомно-адсорбционного метода для определения почти всех металлов в биологических материалах. Метод атомной адсорбции очень удобен для определения содержания элементов в природных водных и промышленных водах, для изучения загрязнения рек промышленными стоками и определения следов элементов в исследуемой пробе почв [1].

Известно, что химическое загрязнение окружающей среды несет в себе опасность для здоровья человека. Тяжелые металлы опасны тем, что они обладают способностью накапливаться в организме, быстро менять свою химическую форму и вступать в многочисленные реакции друг с другом и биологически важными неметаллами. При попадании в человеческий организм тяжелые металлы вызывают рак – выявлена четкая взаимосвязь между их содержанием в почве и количеством злокачественных новообразований у населения [4]. Проблема накопления тяжелых металлов в почвах и водах далеко выходит за рамки региональной и становится глобальной, так как в России, в отличие от большинства развитых стран, не проводится скоординированная государственная политика планомерного снижения выбросов тяжелых металлов, что отрицательно сказывается на состоянии здоровья населения.

Тяжелые металлы – это группа химических элементов, имеющих плотность более 5 г/мл. Для биологической классификации правильнее руководствоваться не плотностью, а атомной массой, то есть причислять к тяжелым металлам все металлы с относительной атомной массой более 40. Группа элементов, обозначающих тяжелые металлы, активно участвуют в биологических процессах, многие из них входят в состав ферментов, относятся к микроэлементам. Набор тяжелых металлов во многом совпадает с перечнем «микроэлементов». К наиболее токсичным тяжелым металлам относятся те, содержание которых в живых организмах очень мало, и достаточно небольшого абсолютного увеличения их концентрации, чтобы сделать ее опасной для процессов метаболизма. Естественно, что, добывая и очищая металлы от примесей, человек не только дает им новую жизнь, но и способствует их интенсивному рассеиванию в среде обитания. Почва, обладая ярко выраженной катионной поглотительной способностью, очень хорошо удерживает положительно заряженные ионы металлов. Поэтому постоянное поступление их даже в малых количествах в течение продолжительного времени способно привести к существенному накоплению металлов в почве. Поступление тяжелых металлов в биосферу вследствие техногенного рассеяния осуществляется разнообразными путями. Важнейшими из них являются выброс при высокотемпературных процессах (черная и цветная металлургия). Кроме того, источниками загрязнения биоценозов мо-

© В. А. Галафеев, 2006

Таблица 1

Содержание Zn и Mn в почвах Костромской области

№ проб ы	Источники проб почв	Оптическая плотность цинка	Концентрация цинка в воздушно-сухой пробе	Оптическая плотность марганца	Концентрация марганца в воз душно-сухой пробе
	Поназыревский район:				
1	автотрасса	0,1652	67,0155	0,0909	174,7200
2	железная дорога	0,1308	53,0905	0,0793	152,4130
3	Нерехтский район	0,2480	19,9112	0,0697	63,6145
	Костромской район:				
4	пос. Апраксино	0,0769	31,2015	0,1492	114,730
	Город Кострома:				
5	ул. Щемиловка	001643	66,6654	11,24	86,4540
6	автовокзал	0,1028	47,6813	0,0660	55,7413
7	завод текстильного машиностроения	0,0875	101,4968	0,0485	102,6531
8	железная дорога	0,0963	111,7933	0,0725	153,4281
9	«Фанплит»	0,1720	198,3468	0,1361	115,1625
10	водоканал	0,2725	24,6915	0,0547	46,3125

жет служить орошение водами с повышенным содержанием тяжелых металлов, внесение осадков бытовых сточных вод в почвы в качестве удобрения. Набор металлов, поступающих в ландшафт, зависит, прежде всего, от характера человеческой деятельности в данном регионе [3]. Так, при сильном развитии автомобильного транспорта справедливо ожидать обогащение ландшафта свинцом, поступающим в окружающую среду с отработанными газами двигателей внутреннего сгорания.

Обогащение ландшафта цинком может произойти при систематическом использовании в качестве органических удобрений осадков сточных вод городов, а также при сжигании на полях отходов резины, в состав которой он входит как элемент, улучшающий вулканизацию.

Марганец широко распространен в природе и содержится как в земной коре, так и в воде морей, рек.

В настоящее время трудно найти область промышленности, где бы не использовалась медь, ее сплавы или соединения. Самое важное обстоятельство в загрязнении почв медью – это большая склонность поверхностного слоя почв к ее накоплению.

Таблица 2

Содержание Pb и Cu в почвах Костромской области

№ проб ы	Источники проб почв	Оптическая плотность меди	Концентрация меди в воздушно-сухой пробе	Оптическая плотность свинца	Концентрация свинца в воз душно-сухой пробе
	Костромской район:				
1	пос. Апраксино	0,0283	219,76	0,0041	4,14
	Поназыревский район:				
2	автотрасса	0,0032	24,99	0,0024	2,46
3	железная дорога	0,0198	154,05	0,0126	25,56
4	Нерехтский район	0,0019	14,4	0,0094	9,50
	Город Кострома:				
5	ул. Щемиловка	0,0067	51,26	0,0151	15,35
6	автовокзал	0,0388	12,45	0,0052	5,33
7	завод текстильного машиностроения	0,0345	12,02	0,0719	73,29
8	«Фанплит»	0,0112	17,88	0,0238	24,21
9	железная дорога	0,0133	21,36	0,0462	47,04
10	водоканал	0,0233	37,37	0,0331	33,65

Таблица 3

Содержание Zn и Mn в воде

№ пробы	Источники проб воды	Определяемый элемент			
		Zn		Mn	
		Оптическая плотность	Концентрация, мкг/мл	Оптическая плотность	Концентрация, мкг/мл
1	р. Черная	0,1241	0,40285	0,0542	0,36704
2	Водоканал	0,1051	10,34131	0,0203	0,13795
3	р. Костромка	0,1180	0,38320	0,0295	0,20020
4	р. Волга	0,1124	0,36491	0,0287	0,19435
5	Водопроводная	0,0715	0,23228	0,0159	0,10772
6	р. Солоница	0,2706	0,87812	0,0298	0,20056
7	Галичское озеро	0,0999	0,32436	0,0160	0,10836

В настоящей работе экспериментально исследовано атомно-адсорбционным методом содержание тяжелых металлов марганца, меди, свинца, цинка. Для анализа отобрано 10 образцов почвы каждого из четырех элементов в г. Костроме, Костромском, Нерехтском и Поназыревском районах, 7 образцов воды каждого из четырех элементов в реках Черная, Костромка, Волга, Солоница, Галичском озере, водопроводной, в горводоканале.

Определения содержания концентрации цинка, марганца, меди и свинца в пробах почвы и воды проведены на атомно-адсорбционном спектрометре «Квант-АФА». Результаты анализов образцов почв по содержанию цинка и марганца представлен в таблице 1, анализы образцов почв по содержанию меди и свинца – в таблице 2.

В целом полученные данные по содержанию марганца, цинка, меди и свинца в почвах Костромской области не превышают ПДК, что соответствует гигиеническим нормативам санэпидемстанции. Следует отметить, что содержание тяжелых металлов в почвах города значительно выше, чем в почвах сельской местности, чему способствуют большое количество транспорта, хозяйственная и промышленная деятельность человека. Как видно из приведенных данных, пробы почвы, взятые вблизи предприятий г. Костромы: (завод текстильного машиностроения, «Фанплита»), содержат цинка в 2–4 раза, марганца в 1,2–4 раза выше, чем вблизи автовокзала и жилого массива. Это говорит о том, что промышленные предприятия в результате технологических процессов в большей степени способствуют интенсивному рассеиванию тяжелых металлов в составе газообразных выделений. Для почв г. Костромы и пригорода (пос. Апраксино), взятых вблизи жилого массива, характерно большее содержание цинка (в 3 раза), марганца (в 1,5–2 раза), меди (в 15 раз), чем в почвах Нерехтского района, так как в г. Костроме и его пригородах антропогенное воздействие человека сильнее, чем в районных центрах области.

Что касается проб воды в пос. Апраксино, то наблюдается превышение содержания ПДК по меди. Недалеко от поселка находится свалка. Она не оборудована противофильтрационным экраном, препятствующим проникновению загрязняющих веществ в грунтовые воды. Если сравни-

Таблица 4

Содержание Cu и Pb в воде

№ пробы	Источники проб воды	Определяемый элемент			
		Cu		Pb	
		Оптическая плотность	Концентрация, мкг/мл	Оптическая плотность	Концентрация, мкг/мл
1	р. Черная	0,0075	0,0914	0,0008	0,0318
2	Водоканал	0,0020	0,0241	0,0007	0,0260
3	р. Костромка	0,0017	0,0211	0,0006	0,0232
4	р. Волга	0,0018	0,0223	0,0006	0,0245
5	Водопроводная	0,0011	0,0133	0,0004	0,0176
6	р. Солоница	0,0023	0,0291	0,0008	0,0315
7	Галичское озеро	0,0072	0,0922	0,0007	0,0273

вать содержание свинца на территории города Костромы и Костромской области, то в городе концентрация больше, чем в пригороде. Это связано с более развитой промышленностью и, самое главное, с большой сетью транспортных магистралей.

Результаты анализов образцов воды по содержанию цинка и марганца представлены в таблице 3, анализы образцов воды по содержанию меди и свинца – в таблице 4.

По данным исследований, в настоящее время Костромская область характеризуется как экологически чистый регион. Этому способствует как географическое положение области, так и низкий уровень воздействия на окружающую среду промышленных предприятий, транспорта, сельского хозяйства. В основу нормирования выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду положены действующие в настоящее время санитарно-гигиенические нормативы, то есть предельно допустимые концентрации загрязняющих веществ в соответствующей среде.

Качество воды в поверхностных водоемах, таких, как р. Волга, р. Костромка, р. Солоница, можно оценить как «умеренно чистое» по содержанию в них свинца и меди. Самое плохое состояние воды оказалось в р. Черной, находящейся на территории г. Костромы (содержание свинца равно 0,0318 мкг/мл, а меди 0,0914 мкг/мл). Это может быть связано с тем, что в аварийном состоянии находится коллектор Коркинских очистных сооружений, или с тем, что на берегу находится химический завод. Он производит моющие и чистящие средства, замазки и другую продукцию.

Также большое содержание металлов обнаружено в Галичском озере. Это можно объяснить тем, что сюда стекают сточные воды, приносимые водами притоков с галичских предприятий. Одним из самых крупных заводов, которые производят сбросы сточных вод в озеро, является «Автокран» и кожевенный завод.

В образце воды, взятой в р. Солоница (Нерехтский район), содержание свинца и цинка также высоки по показателям.

Водопроводная вода оказалась самая чистая по исследованию содержания тяжелых металлов, так как она подвергается высокой очистке на предприятии «Костромагорводоканал».

Библиографический список

1. *Алексеев Ю. В.* Тяжелые металлы в почвах и растениях. – Л. : Агропромиздат, 1987.

2. *Бритская М. Э.* Атомно-адсорбционный спектрохимический анализ. – М. : Химия, 1982.

3. Доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Костромской области в 2002 г». – Кострома : Министерство природных ресурсов РФ, 2003.

4. *Николаев А. А.* Металлы в живых организмах. – М. : Просвещение, 1986.

В. П. Лебедев, Л. Е. Целикова

ОСОБЕННОСТИ МОЗАИК НЕКОТОРЫХ ЛУГОВЫХ ЗЛАКОВ

Проблемам структуры и динамики луговой растительности посвящена многочисленная литература. Горизонтальная же структура луговых растительных сообществ, а также пространственная структура ценопопуляций луговых растений остаются недостаточно изученной

В последние годы эта проблема наиболее интенсивно развивается применительно к лесной растительности (Восточноевропейские широколиственные леса, 1994). На наш взгляд основные подходы, предложенные авторами этой работы, могут быть использованы и в оценке луговых ценозов. Однако, как справедливо отмечают В.С. Ипатов и Л.А. Кирикова (1997), не надо забывать о масштабе явления: в травяных сообществах все элементы миниатюрнее, чем в древесных.

Растительное сообщество с этих позиций представляется как совокупность вложенных разноразмерных мозаик, объединенных наиболее крупными мозаиками основных средообразователей. Или ключевых видов (Смирнова и др., 1996).

Задача данной рабаты – популяционный анализ мозаик, образованных молинией голубой (Molinia coerulea (L) Moench) и луговиком дернистым (Deschampsia caespitosa (L) Beauv) в пределах одного ценоза.

В средней полосе Европейской России молиния, в отличии от луговика дернистого, встречается довольно редко. На некоторых же участках пойменных лугов она является одним из доминантов.

© В. П. Лебедев, Л. Е. Целикова, 2006

Исследования проводились 2002–2005 г. около д. Молышково Костромского района в центральной пойме р. Волги. Луговой участок имел площадь около 3 га. Со стороны Волги к нему примыкало заболоченное озеро и пойменный лес, вплоть до русла реки. Расстояние от лугового участка до р. Волги составляло 250–300 м, а угол склона – 3–5.

С противоположной стороны на исследуемый участок надвигалось интенсивное коттеджное строительство. С двух других сторон к участку примыкало редколесье (береза повислая – Betula pendula Roth).

И заболачиваемый ольшаник, за которым возвышалась 10-метровая железнодорожная насыпь. За насыпью располагался так же участок молиниевого луга. Когда-то эти участки соединялись.

В исследуемом сообществе молиния формировала довольно крупные «пятна» (популяционные локусы) по сравнению слуговиком дернистым и другими содоминантами. Следует отметить, что на исследуемом участке произрастал редкий в средней полосе России вид папоротника – гроздовник полулунный (Botrichum iuhnaria (L) Sw.).

На пониженном участке луга возле заболачиваемого озера отмечена ценопопуляция любки двулистной (Platanthera bifolia (L) Rich), а в ольшанике при основании насыпи – ценопопуляция тайника яйцевидного (Listera ovata (L) R. BR.). Ежегодно на лугу проводится сенокошение.

В исследуемом сообществе мозаики молинии, щучки и других луговых растений хорошо различались на глаз. В пределах каждого «пятна» учитывались численность, онтогенетический состав и биомасса всех видов растений. С этой целью закладывались от 5 до 10 площадок 0,25 м^2 в зависимости от размера «пятна». Для учета проростков в пределах этих площадок закладывались более мелкие площадки (0,1 м^2).

Молиниа голубая многолетнее поликарпическое рыхлокустовое растение с вневлагалищным и внутривлагалищным типами возобновления побегов. Вегетативные побеги розеточные и полурозеточные, генеративные – розеточные ди-полициклические.

Ход онтогенеза особей молинии сходен с таковым других представителей рыхлокустовых злаков. Изучение онтогенетической структуры ценопопуляций молинии показало, что для нее, как и ряда других дерновинных злаков, а так же длинно- и короткокорневищных трав, характерен центрированный спектр.

В этом типе спектра преобладают зрелые генеративные растения. Он свойственен видам, у которых слабо выражен период старения. Размножение семенное или смешанное, причем вегетативное размножение не сопровождается глубоким омоложением. Подобная онтогенетическая структура была характерна для всех «пятен» в мозаиках молинии и щучки.

При широком понимании мозаичности в качестве элемента («пятина») следует признать и одиночные особи, достигшие генеративного периода онтогенеза. Они формируют достаточно плотную дерновину. Высота генеративных побегов достигает у молинии и щучки 100–120 см.

Дерновинные злаки проявляют все признаки конкурентных видов. Это проявляется не только в перехвате света, поглощении воды и элементов минерального питания, в воздействии продуктов разложения минеральных остатков, но ив прямом пространственном вытеснении соседних особей при разрастании дерновины. Дерновина достигает в среднем 10 см в диаметре. В старом генеративном состоянии она распадается на несколько партикул, не обладающих способностью к дальнейшему разрастанию. Площадь «пятен» увеличивается за счет ослабления окружающих особей других видов вследствие конкуренции и наличия свободного пространства для прорастания семян.

Молодые локусы разных размеров и онтогенетического состава – наиболее распространенные элементы мозаики молинии голубой.

На 1 м^2 исследуемого сообщества встречается от 1 до 3 молодых локусов. По мере смыкания их между собой образуются более крупные «пятна». На первых этапах эти пятна имеют несколько центров из взрослых особей, а в пространстве между ними произрастают особи в догенеративном состоянии. При этом особи других видов оказываются включенными в «пятно» молиниевой мозаики. В исследуемом ценозе площадь самого крупного «пятна» составляла 17 м^2 (№1 в табл. 1), двух других – 3 и 5 м^2 (соответственно, №2 и №3 в табл. 1). Из 40 видов растений, насчитываемых в ценозе, в состав «пятен» входило от 19 до 25. По сравнению с лесными ценозами, степень мозаики ключевого вида (молинии) на разноразмерные мозаики большинства луговых видов менее выражена. Так, биомасса молинии в крупных «пятнах» составляет 50–60% от общей биомассы.

Таблица 1

Биомасса разных видов в популяционных локусах молинии голубой

Виды	Биомасса, г/ 0,25 см^2 в локусах		
	1	2	3
Молиния голубая	19,3	20,53	15,09
Ястребинка дернистая	3,46	0,495	0,87
Осока заячья	3,46	4,555	2,297
Полевица тонкая	1,74	0,855	1,183
Душистый колосок	1,68	5,12	4,16
Тысячелистник обыкновенный	0,88	1,63	2,307
Звездчатка злаковидная	0,68	0,28	0,197
Горошек мышиный	0,58	–	0,047
Хвощ полевой	0,515	0,349	–
Вероника дубравная	0,485	2,3	0,186
Бедренец камнеломка	–	–	0,48
Корставник луговой	–	1,4	–
Нивяник обыкновенный	0,31	–	–
Лютик едкий	0,235	0,27	0,16
Подмаренник настоящий	0,125	0,385	–
Клевер ползучий	0,065	0,018	0,103
Клевер луговой	–	0,0335	–
Клевер горный	0,02	–	–
Подорожник ланцетолистный	–	0,78	0,67
Василек луговой	–	0,045	0,527
Манжетка обыкновенная	0,02	0,04	0,02
Чина луговая	–	0,093	–
Щавель кислый	0,015	0,015	–
Фиалка собачья	0,06	–	0,073
Мятлик луговой	0,046	–	–
Тимофеевка луговая	–	0,225	0,157
Одуванчик лекарственный	–	0,015	–
Лядвенец рогатый	–	–	1,047
Овсяница луговая	–	1,03	–
Ежа сборная	–	0,035	–
Земляника лесная	–	0,125	–
Всего:	32,216	40,925	28,971

Более сильным средопреобразователем является луговик дернистый. Онтогенз, структура и динамика ценопопуляций щучки подробно описаны в литературе (Персикова, 1959; Жукова, 1961, 1980, 1995).

Мозаика щучки на исследуемом лугу была представлена одним «пятном» площадью около 10 м^2 и единичными особями. Локус щучки занимал несколько пониженный участок рельефа по сравнению с молинией. Его онтогенетический спектр, как и у молинии, имел максимум на g2-особях. В отличии от «пятен» молинии, биомасса щучки составляла около 90% (табл. 2). Участие других видов было незначительно как по числу, так и по биомассе.

В генеративном периоде особи щучки образуют крупные дерновины, несколько возвышающиеся над поверхностью почвы. Между кочками повышается влажность почвы вследствие затруднения стока воды. Вокруг дерновины щучки образуется зона диаметром несколько сантиметров, практически лишенная растительности. Точная причина этого явления не установлена. Возможно, имеют значение продукты разложения надземных органов. В связи с изменением экотопа популяцией щучки жизнь других видов на данном участке становится затруднительной, и они постепенно вытесняются. По видимому формирование исследуемого локуса щучки происходило путем постепенного центробежного его разрастания. Проростки щучки значительно чаще встречались вокруг «пятна».

Таким образом, исследованные фитогенные мозаики молинии и щучки связаны со специфи-

Таблица 2

Биомасса особей разных видов в популяционном локусе луговика дернистого

Виды	Биомасса, г/0,25 м^2
1. Луговик дернистый	27,25
2. Полевица тонкая	2,25
3. Одуванчик лекарственный	0,51
4. Манжетка обыкновенная	0,27
5. Фиалка собачья	0,06
6. Василек луговой	0,053
7. Ястребинка дернистая	0,015
Всего:	30,858

кой жизненной формы: рыхло- и плотнокустовой. Щучка характеризуется более выраженными признаками К-стратега, чем молиния. Она оказывает значительное влияние на экотоп, формируя его микронеоднородность. Вследствие этого мозаики щучки бедны по флористическому и количественному составу. Формирование фитогенных мозаик обоих типов осуществляется исключительно с помощью семенного размножения. Мозаичность сообщества – важнейший фактор его стабильности. Она способствует наиболее эффективному использованию ресурсов среды и поддержанию биоразнообразия.

Библиографический список

1. Восточноевропейские широколиственные леса / Под ред. О.В. Смирновой. – М.: Наука, 1994.

2. Диагнозы и ключи возрастных состояний злаков. Методические разработки для студентов биологических специальностей / Под ред. А.Г. Еленевского. – М.: Прометей, 1997.

3 *Жукова Л.А.* Влияние географических и антропогенных факторов на возрастной состав ценопопуляций луговика дернистого // Бюлл. МОИП. Отд. биологии. – 1990. – №1. – С. 87–100.

4. *Жукова Л.А., Ведерникава О.П., Лебедев В.П.* Ценотическая роль и структура ценопопуляций луговика дернистого и щавеля малого // Влияние мелиорации на состав и свойства торфянистых почв. – Петрозаводск, 1985. – С. 157–170.

5. *Ипатов В.С., Кирикова Л.А.* Фитоценология. – СПб., 1997.

6. *Лебедев В.П.* Динамика ценопопуляций сорных растений в искусственном молодняке ели // Лесоведение. – 1995. – №1. – С. 66–72.

7. *Персикова З.И.* Большой жизненный цикл щучки // Вопросы биологии растений. Уч. зап. МГПИ им. В.П. Потемкина. – М., 1959. – С. 111–149.

8. *Смирнова О.В., Заугольнова Л.Б., Попадюк Р.В.* Популяционная концепция в биогеографии // Общая биология. – 1993. – №3. – С. 438–448.

А. В. Чередникова, А. В. Ерастова

О РАДИКАЛАХ ДЖЕКОБСОНА КОЛЕЦ КВАЗИЭНДОМОРФИЗМОВ СИЛЬНО НЕРАЗЛОЖИМЫХ АБЕЛЕВЫХ ГРУПП БЕЗ КРУЧЕНИЯ РАНГА 4

Преамбула. *Получено описание минимальных рациональных алгебр, подалгебрами которых с точностью до изоморфизма являются радикалы Джекобсона колец квазиэндоморфизмов сильно неразложимых абелевых групп без кручения ранга 4, отличных от своих псевдоцоколей.*

Все рассматриваемые в статье группы – абелевы без кручения конечного ранга. Через $\boldsymbol{Q}$ обозначим поле рациональных чисел.

Если в тексте отсутствуют какие-либо определения или не объясняются обозначения, то, значит, они общеприняты, и их также можно найти в [4; 5; 6].

На пути решения задачи классификации колец квазиэндоморфизмов абелевых групп без кручения конечного ранга наиболее интересным и сложным с научной точки зрения является случай сильно неразложимых групп.

Группа называется *сильно неразложимой*, если она не обладает нетривиальными квазиразложениями.

Методика исследования колец квазиэндоморфизмов сильно неразложимых групп ранга 3, представленная в работе [7], носит общий харак-

 © А. В. Чередникова, А. В. Ерастова, 2006

тер и может быть использована в случае сильно неразложимых групп ранга 4.

Первоначальным этапом решения задачи является описание минимальных рациональных алгебр, подалгебрами которых с точностью до изоморфизма являются радикалы Джекобсона колец квазиэндоморфизмов сильно неразложимых групп ранга 4, отличных от своих псевдоцоколей, которое дается в данной статье.

Напомним, что *радикалом Джекобсона* $\boldsymbol{J}(\boldsymbol{R})$ кольца $\boldsymbol{R}$ называется пересечение всех максимальных правых (левых) идеалов кольца $\boldsymbol{R}$.

Псевдоцоколем группы G называется сервантная оболочка суммы всех минимальных сервантных вполне характеристических подгрупп группы G (обозначается через $Soc\ G$). Если $G \neq Soc\ G$, то $\boldsymbol{J}(\widetilde{\boldsymbol{E}}(G)) \neq 0$, где $\widetilde{\boldsymbol{E}}(G)$ – кольцо квазиэндоморфизмов группы G [2].

Лемма. Пусть G – сильно неразложимая абелевая группа без кручения ранга 4, тогда кольцо квазиэндоморфизмов $\widetilde{\boldsymbol{E}}(G)$ изоморфно подалгебре полной матричной алгебры $\boldsymbol{M}_4(\boldsymbol{Q})$ порядка 4.

Доказательство. Зафиксируем линейно независимые элементы $x_1, x_2, x_3, x_4 \in G$. Положим $R_1 = \langle x_1 \rangle_*$, $R_2 = \langle x_2 \rangle_*$, $R_3 = \langle x_3 \rangle_*$, $R_4 = \langle x_4 \rangle_*$, где $\langle x_i \rangle_*$ – наименьшая сервантная подгруппа группы G, содержащая элемент x_i. Обозначим через $i_k: R_k \to G$ и $\pi_k: G \to \boldsymbol{Q} \otimes R_k$ возникающие здесь гомоморфизмы вложения и квазиэндоморфизмы проекции. Тогда $i_1(x_1)$, $i_2(x_2)$, $i_3(x_3)$, $i_4(x_4)$, образуют максимальную линейно независимую систему группы G.

Всякий квазиэндоморфизм $\varphi: G \to G$ вполне определяется элементами $\varphi i_1(x_1)$, $\varphi i_2(x_2)$, $\varphi i_3(x_3)$, $\varphi i_4(x_4)$, которые могут быть записаны в следующем виде:

$$\begin{aligned}
\varphi i_1(x_1) &= \pi_1\varphi i_1(x_1)+\pi_2\varphi i_1(x_1)+\pi_3\varphi i_1(x_1)+\pi_4\varphi i_1(x_1),\\
\varphi i_2(x_2) &= \pi_1\varphi i_2(x_2)+\pi_2\varphi i_2(x_2)+\pi_3\varphi i_2(x_2)+\pi_4\varphi i_2(x_2), \quad (1)\\
\varphi i_3(x_3) &= \pi_1\varphi i_3(x_3)+\pi_2\varphi i_3(x_3)+\pi_3\varphi i_3(x_3)+\pi_4\varphi i_3(x_3),\\
\varphi i_4(x_4) &= \pi_1\varphi i_4(x_4)+\pi_2\varphi i_4(x_4)+\pi_3\varphi i_4(x_4)+\pi_4\varphi i_4(x_4).
\end{aligned}$$

Таким образом, с каждым элементом $\varphi \in \widetilde{\boldsymbol{E}}(G)$ ассоциируется (4×4) –матрица:

$$f:\varphi \mapsto \begin{pmatrix} \pi_1\varphi i_1 & \pi_1\varphi i_2 & \pi_1\varphi i_3 & \pi_1\varphi i_4 \\ \pi_2\varphi i_1 & \pi_2\varphi i_2 & \pi_2\varphi i_3 & \pi_2\varphi i_4 \\ \pi_3\varphi i_1 & \pi_3\varphi i_2 & \pi_3\varphi i_3 & \pi_3\varphi i_4 \\ \pi_4\varphi i_1 & \pi_4\varphi i_2 & \pi_4\varphi i_3 & \pi_4\varphi i_4 \end{pmatrix}.$$

С другой стороны, $\varphi i_1(x_1)$, $\varphi i_2(x_2)$, $\varphi i_3(x_3)$, $\varphi i_4(x_4)$ могут быть записаны в следующем виде:

$$\begin{aligned}
\varphi i_1(x_1) &= \alpha_{11}x_1+\alpha_{21}x_2+\alpha_{31}x_3+\alpha_{41}x_4,\\
\varphi i_2(x_2) &= \alpha_{12}x_1+\alpha_{22}x_2+\alpha_{32}x_3+\alpha_{42}x_4,\\
&\quad (2)\\
\varphi i_3(x_3) &= \alpha_{13}x_1+\alpha_{23}x_2+\alpha_{33}x_3+\alpha_{43}x_4,\\
\varphi i_4(x_4) &= \alpha_{14}x_1+\alpha_{24}x_2+\alpha_{34}x_3+\alpha_{44}x_4,
\end{aligned}$$

где $\alpha_{ij} \in \boldsymbol{Q}$. Пусть задано отображение

$$g:\begin{pmatrix} \pi_1\varphi i_1 & \pi_1\varphi i_2 & \pi_1\varphi i_3 & \pi_1\varphi i_4 \\ \pi_2\varphi i_1 & \pi_2\varphi i_2 & \pi_2\varphi i_3 & \pi_2\varphi i_4 \\ \pi_3\varphi i_1 & \pi_3\varphi i_2 & \pi_3\varphi i_3 & \pi_3\varphi i_4 \\ \pi_4\varphi i_1 & \pi_4\varphi i_2 & \pi_4\varphi i_3 & \pi_4\varphi i_4 \end{pmatrix} \mapsto$$

$$\mapsto \begin{pmatrix} \alpha_{11} & \alpha_{12} & \alpha_{13} & \alpha_{14} \\ \alpha_{21} & \alpha_{22} & \alpha_{23} & \alpha_{24} \\ \alpha_{31} & \alpha_{32} & \alpha_{33} & \alpha_{34} \\ \alpha_{41} & \alpha_{42} & \alpha_{43} & \alpha_{44} \end{pmatrix}.$$

Тогда отображение gf будет изоморфизмом $\widetilde{\boldsymbol{E}}(G)$ и подалгебры полной матричной алгебры $\boldsymbol{M}_4(\boldsymbol{Q})$ порядка 4 [5]. Лемма доказана.

Пусть G – сильно неразложимая абелева группа без кручения ранга 4 и $Soc\ G \neq G$.

Рассмотрим сначала случай, когда $Soc\ G$ имеет ранг 3. Пусть линейно независимые элементы x_1, x_2, x_3, группы G принадлежат $Soc\ G$. Возьмем элемент $x_4 \in Soc\ G \setminus G$. Так как подгруппа $Soc\ G$ сервантна в G, элементы x_1, x_2, x_3, x_4 линейно независимы и, следовательно, образуют максимальную линейно независимую систему группы G.

Так как из определения псевдоцоколя следует, что $Soc\ G$ является сервантной вполне характеристической подгруппой группы G, равенства (1) леммы примут вид:

$$\begin{aligned}
\varphi i_1(x_1) &= \pi_1\varphi i_1(x_1)+\pi_2\varphi i_1(x_1)+\pi_3\varphi i_1(x)_1,\\
\varphi i_2(x_2) &= \pi_1\varphi i_2(x_2)+\pi_2\varphi i_2(x_2)+\pi_3\varphi i_2(x_2),\\
\varphi i_3(x_3) &= \pi_1\varphi i_3(x_3)+\pi_2\varphi i_3(x_3)+\pi_3\varphi i_3(x_3),\\
\varphi i_4(x_4) &= \pi_1\varphi i_4(x_4)+\pi_2\varphi i_4(x_4)+\pi_3\varphi i_4(x_4)+\pi_4\varphi i_4(x_4).
\end{aligned}$$

Тогда равенства (2) леммы примут следующий вид:

$$\begin{aligned}
\varphi i_1(x_1) &= \alpha_{11}x_1+\alpha_{21}x_2+\alpha_{31}x_3,\\
\varphi i_2(x_2) &= \alpha_{12}x_1+\alpha_{22}x_2+\alpha_{32}x_3,\\
\varphi i_3(x_3) &= \alpha_{13}x_1+\alpha_{23}x_2+\alpha_{33}x_3,\\
\varphi i_4(x_4) &= \alpha_{14}x_1+\alpha_{24}x_2+\alpha_{34}x_3+\alpha_{44}x_4.
\end{aligned}$$

Отсюда по лемме

$$\widetilde{\boldsymbol{E}}(G) \subseteq \left\{ \begin{pmatrix} \alpha_{11} & \alpha_{12} & \alpha_{13} & \alpha_{14} \\ \alpha_{21} & \alpha_{22} & \alpha_{23} & \alpha_{24} \\ \alpha_{31} & \alpha_{32} & \alpha_{33} & \alpha_{34} \\ 0 & 0 & 0 & \alpha_{44} \end{pmatrix} \middle| \alpha_{ij} \in \boldsymbol{Q} \right\} = \boldsymbol{K}.$$

Так как $\widetilde{\boldsymbol{E}}(G)$ является артиновым, радикал Джекобсона $\boldsymbol{J}(\widetilde{\boldsymbol{E}}(G))$ кольца $\widetilde{\boldsymbol{E}}(G)$ нильпотентен [1].

Найдём максимальный нильпотентный идеал $\boldsymbol{I}$ кольца $\boldsymbol{K}$. Напомним, идеал $\boldsymbol{I}$ называется *нильпотентным*, если $\boldsymbol{I}^n=0$ для некоторого натурального n.

Замечание. Легко видеть, что если $\boldsymbol{A}=\|a_{ij}\|$ – квадратная матрица порядка n с рациональными элементами, и $a_{ij}\neq 0$, $a_{ji}\neq 0$, то матрица $\boldsymbol{A}$ не является нильпотентной.

Из замечания следует, что если для некоторого натурального n

$$\begin{pmatrix} \alpha_{11} & \alpha_{12} & \alpha_{13} & \alpha_{14} \\ \alpha_{21} & \alpha_{22} & \alpha_{23} & \alpha_{24} \\ \alpha_{31} & \alpha_{32} & \alpha_{33} & \alpha_{34} \\ 0 & 0 & 0 & \alpha_{44} \end{pmatrix}^n = 0,$$

то $\alpha_{11}=\alpha_{22}=\alpha_{33}=\alpha_{44}=0$.

Из замечания также следует, что элементы матриц кольца $\boldsymbol{I}$, симметричные относительно главной диагонали не должны быть одновременно отличны от нуля. Вычисления показывают, что среди матриц кольца $\boldsymbol{K}$, удовлетворяющих указанным выше условиям, нильпотентными являются следующие матрицы с рациональными элементами:

$$K_1=\begin{pmatrix} 0 & \alpha_{12} & \alpha_{13} & \alpha_{14} \\ 0 & 0 & \alpha_{23} & \alpha_{24} \\ 0 & 0 & 0 & \alpha_{34} \\ 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix};\ K_2=\begin{pmatrix} 0 & \alpha_{12} & \alpha_{13} & \alpha_{14} \\ 0 & 0 & 0 & \alpha_{24} \\ 0 & \alpha_{32} & 0 & \alpha_{34} \\ 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix};$$

$$K_3=\begin{pmatrix} 0 & \alpha_{12} & 0 & \alpha_{14} \\ 0 & 0 & 0 & \alpha_{24} \\ \alpha_{31} & \alpha_{32} & 0 & \alpha_{34} \\ 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix};\ K_4=\begin{pmatrix} 0 & 0 & \alpha_{13} & \alpha_{14} \\ \alpha_{21} & 0 & \alpha_{23} & \alpha_{24} \\ 0 & 0 & 0 & \alpha_{34} \\ 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix};$$

$$K_5=\begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & \alpha_{14} \\ \alpha_{21} & 0 & \alpha_{23} & \alpha_{24} \\ \alpha_{31} & 0 & 0 & \alpha_{34} \\ 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix};\ K_6=\begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & \alpha_{14} \\ \alpha_{21} & 0 & 0 & \alpha_{24} \\ \alpha_{31} & \alpha_{32} & 0 & \alpha_{34} \\ 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix}.$$

Легко показать, что кольца матриц вида K_2, K_3, K_4, K_5, K_6 изоморфны кольцу матриц вида K_1.

Следовательно, $\boldsymbol{J}(\widetilde{\boldsymbol{E}}(G))$ является с точностью до изоморфизма подкольцом кольца, имеющего вид

$$\boldsymbol{K}_1=\left\{\begin{pmatrix} 0 & \alpha_{12} & \alpha_{13} & \alpha_{14} \\ 0 & 0 & \alpha_{23} & \alpha_{24} \\ 0 & 0 & 0 & \alpha_{34} \\ 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix} \middle| \alpha_{ij}\in \boldsymbol{Q}\right\}.$$

Известно [3], что если группа G сильно неразложима, кольцо $\widetilde{\boldsymbol{E}}(G)$ артиново справа и $rank(G/SocG)<\infty$, то $\boldsymbol{N}(\widetilde{\boldsymbol{E}}(G))=Ann(SocG)$, где $\boldsymbol{N}(\widetilde{\boldsymbol{E}}(G))$ – ниль-радикал кольца $\widetilde{\boldsymbol{E}}(G)$ (состоит из нильпотентных элементов), а $Ann(SocG)=\{\varphi\in\widetilde{\boldsymbol{E}}(G)\mid \varphi(x)=0,\ x\in SocG\}$. Так как $\boldsymbol{J}(\widetilde{\boldsymbol{E}}(G))$ нильпотентен, он является ниль-идеалом [3]. Следовательно, $\boldsymbol{J}(\widetilde{\boldsymbol{E}}(G))(SocG)=0$.

Возьмём произвольный элемент $g\in SocG$ и произвольный элемент $\varphi\in\boldsymbol{J}(\widetilde{\boldsymbol{E}}(G))\subseteq\boldsymbol{K}_1$. Элемент g представим в виде $g=n_1x_1+n_2x_2+n_3x_3$, где $n_i\in Z$. Тогда $\varphi(g)=\varphi(n_1x_1+n_2x_2+n_3x_3)=n_1\varphi(x_1)+n_2\varphi(x_2)+n_3\varphi(x_3)$. Находим, что $\varphi(x_1)=0$, $\varphi(x_2)=\alpha_{12}x_1$, $\varphi(x_3)=\alpha_{13}x_1+\alpha_{23}x_2$. Так как x_1, x_2, $x_3\in SocG$, $\varphi(x_1)=\varphi(x_2)=\varphi(x_3)=0$. Получили, что $\alpha_{12}x_1=0$, $\alpha_{13}x_1+\alpha_{23}x_2=0$. Из первого равенства следует, что $\alpha_{12}=0$. Так как элементы x_1, x_2 линейно независимы, из второго равенства следует, что $\alpha_{13}=\alpha_{23}=0$. Если $\varphi(x_1)=\varphi(x_2)=\varphi(x_3)=0$, то $\varphi(g)=0$ для любого $g\in SocG$.

Таким образом,

$$\boldsymbol{J}(\widetilde{\boldsymbol{E}}(G))\subseteq\left\{\begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & \alpha_{14} \\ 0 & 0 & 0 & \alpha_{24} \\ 0 & 0 & 0 & \alpha_{34} \\ 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix} \middle| \alpha_{ij}\in \boldsymbol{Q}\right\}=\boldsymbol{A}_1.$$

Аналогично исследуются случаи, когда $SocG$ имеет ранг 2 и 1. Результаты проведенного исследования можно сформулировать в виде следующих трех теорем и следствий из них.

Теорема 1. Радикал Джекобсона кольца квазиэндоморфизмов сильно неразложимой абелевой группы без кручения ранга 4, псевдоцоколь которой имеет ранг 3, является с точностью до изоморфизма подалгеброй алгебры $\boldsymbol{A}_1$, где

$$\boldsymbol{A}_1=\left\{\begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & \alpha_{14} \\ 0 & 0 & 0 & \alpha_{24} \\ 0 & 0 & 0 & \alpha_{34} \\ 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix} \middle| \alpha_{ij}\in \boldsymbol{Q}\right\}.$$

Следствие. Если G – сильно неразложимая абелева группа без кручения ранга 4, псевдоцоколь которой имеет ранг 3, то $1 \le \dim_{\boldsymbol{Q}} \boldsymbol{J}(\widetilde{\boldsymbol{E}}(G)) \le 3$.

Теорема 2. Радикал Джекобсона кольца квазиэндоморфизмов сильно неразложимой абелевой группы без кручения ранга 4, псевдоцоколь которой имеет ранг 2, является с точностью до изоморфизма подалгеброй алгебры $\boldsymbol{A}_2$, где

$$\boldsymbol{A}_2 = \left\{ \begin{pmatrix} 0 & 0 & \alpha_{13} & \alpha_{14} \\ 0 & 0 & \alpha_{23} & \alpha_{24} \\ 0 & 0 & 0 & \alpha_{34} \\ 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix} \middle| \alpha_{ij} \in \boldsymbol{Q} \right\}.$$

Следствие. Если G – сильно неразложимая абелева группа без кручения ранга 4, псевдоцоколь которой имеет ранг 2, то $1 \le \dim_{\boldsymbol{Q}} \boldsymbol{J}(\widetilde{\boldsymbol{E}}(G)) \le 5$.

Теорема 3. Радикал Джекобсона кольца квазиэндоморфизмов сильно неразложимой абелевой группы без кручения ранга 4, псевдоцоколь которой имеет ранг 1, является с точностью до изоморфизма подалгеброй алгебры $\boldsymbol{A}_3$, где

$$\boldsymbol{A}_3 = \left\{ \begin{pmatrix} 0 & \alpha_{12} & \alpha_{13} & \alpha_{14} \\ 0 & 0 & \alpha_{23} & \alpha_{24} \\ 0 & 0 & 0 & \alpha_{34} \\ 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix} \middle| \alpha_{ij} \in \boldsymbol{Q} \right\}.$$

Следствие. Если G – сильно неразложимая абелева группа без кручения ранга 4, псевдоцоколь которой имеет ранг 1, то $1 \le \dim_{\boldsymbol{Q}} \boldsymbol{J}(\widetilde{\boldsymbol{E}}(G)) \le 6$.

Библиографический список

1. *Каш Ф.* Модули и кольца. – М.: Мир, 1981.
2. *Крылов П.А.* Абелевы группы без кручения и их кольца эндоморфизмов // Извещения вузов. Математика. – 1979. – №11. – С. 26–33.
3. *Крылов П.А.* Радикалы колец эндоморфизмов абелевых групп без кручения // Матем. сб. – 1974. – Т. 95. – № 10. – С. 214–228.
4. *Мельников О.В.* Общая алгебра. Т. 1. / О.В. Мельников, В.Н. Ремесленников, В.А. Романьков и др. / Под ред. Л.А. Скорнякова. – М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1990.
5. *Пирс Р.* Ассоциативные алгебры. – М.: Мир, 1986.
6. *Фукс Л.* Бесконечные абелевы группы. В 2 т. – М.: Мир, 1974, 1977.
7. *Чередникова А.В.* Кольца квазиэндоморфизмов сильно неразложимых абелевых групп без кручения ранга 3 // Математические заметки. – 1998. – Т. 63. – Вып. 5. – С. 763–773.

Н. М. Пухов, В. Н. Марков, П. П. Исаев

ЗАКОН ДВИЖЕНИЯ РЕЛЯТИВИСТСКИХ ЧАСТИЦ КАК СЛЕДСТВИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ И ДЕЙСТВИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ФИЗИЧЕСКИХ СИММЕТРИЙ ВАКУУМА

Современная квантово-релятивистская физика пришла к выводу, что в основаниях всех явлений и процессов объективной физической реальности лежит такой ее компонент как физический вакуум. Развернутое изложение современной концепции физического вакуума с ее новейшими достижениями квалифицированно представлено в [1]. Поэтому, не затрагивая далеко идущие проблемы физики и онтологии вакуума, далее просто будем полагать, что физический вакуум как особая «универсальная квантово-релятивистская среда, обладающая определенными физическими свойствами» [2], существует. Это утверждение будем понимать как некий экзистенциалистский постулат, утверждающий существование физического вакуума. В этой статье, опираясь на данный факт (и не обсуждая содержательные аспекты физики вакуума), мы хотели высказать свои соображения и показать, как можно по-новому развернуть методику постижения и изучения основ релятивистской физики.

Определяющими «началами» современной релятивистской физики являются фундаментальные физические симметрии вакуума. Ограниченные объемом статьи, мы не даем здесь развернутого онтологического определения этих симметрий. Итак, полагаем, что физический вакуум пространственно однороден (A_1), пространственно изотропен (A_2), временнó однороден (A_3), а также обладает кинематической симметрией, которая выражается в том, что все состояния

© Н. М. Пухов, В. Н. Марков, П. П. Исаев, 2006

прямолинейного и равномерного движения материальных объектов в вакууме физически эквивалентны (симметричны) (A_4).

Симметрийный постулат A_4 определяет и уточняет содержание физического принципа относительности механического движения в рамках концепции физического вакуума. Объединим все вышеназванные фундаментальные физические симметрии вакуума в единую систему, обозначив ее символом

$$A = \langle A_1, A_2, A_3, A_4 \rangle. \qquad (1)$$

Нас далее будет интересовать задача получения (вывода) основного закона релятивистской кинематики – релятивистского закона преобразования скоростей из первых принципов релятивистской физики, т.е. из системы постулатов A. Решение поставленной задачи можно существенно упростить, если воспользоваться физической симметрией вакуума A_2. В силу действия этой симметрии нетривиальные релятивистские эффекты наблюдаются при сопоставлении параллельных (коллинеарных) движений. Переход к общему случаю, когда появляются так называемые поперечные составляющие движений, не привносит ничего принципиально нового по сравнению с первым случаем.

Рассмотрим множество материальных объектов $K \equiv \{K_\alpha\}_{\alpha \in A}$, которые совершают коллинеарные движения вдоль пространственного направления $\vec{n}$ физическом вакууме. Все материальные объекты из множества K движутся *друг относительно друга* вдоль пространственного направления $\vec{n}$ с реляционными скоростями $V_{\alpha\beta}$. Символ $V_{\alpha\beta}$ означает, что это скорость относительного движения частицы с номером α относительно частицы с номером β. Объединим все такие скорости в пространство $V_{\vec{n}}$ и назовем его пространством реляционных скоростей.

Выделим из множества K три произвольных материальных объекта K_1, K_2, K_3. Предположим, что нам известны реляционные скорости V_{12} и V_{23}. Естественно, что 1-й объект как-то движется и относительно 3-го объекта с некоторой скоростью V_{13} и эта скорость каким-то образом должна зависеть от скоростей V_{12} и V_{23}. В классической физике в этом случае произвольно полагалось

$$V_{13} = V_{12} + V_{23}. \qquad (2)$$

Последнее соотношение принято называть классическим законом *сложения* скоростей. Однако «по факту» этот закон выполняется только асимптотически при условии, когда $|V_{12}|$ или $|V_{23}|$ много меньше «скорости света» c. Существование и действие физического вакуума в общем случае приводит к тому, что правильный релятивистский закон преобразования скоростей при переходе от инерциальной системы отсчета (ИСО) K_2 к ИСО K_3 существенно отличается от классического закона сложения скоростей (2). Итак, будем полагать, что в релятивистском случае

$$V_{13} = f(V_{12}, V_{23}), \text{ где } f(V_{12}, V_{23}) \neq (V_{12} + V_{23}). \qquad (2a)$$

С формально-математической точки зрения поставленная нами выше задача заключается в нахождении (определении) явного вида функции $f(\bullet, \bullet)$, представляющей действие искомого релятивистского закона преобразования скоростей.

Имеет место следующий интересный *теоретический факт*. Оказывается, системы первых принципов релятивистской физики, то есть системы A (1), *вполне достаточно* для нахождения (вывода) явного вида функции $f(\bullet, \bullet)$, определяющей релятивистский закон преобразования скоростей во множестве коллинеарных движений $V_{\vec{n}}$.

По техническим соображениям удобно для реляционных скоростей $V_{\alpha\beta}$ из (2*a*) использовать следующие обозначения:

$$V_{13} \equiv z, \; V_{12} \equiv x, \; V_{23} \equiv y. \qquad (3)$$

В этой системе обозначений формула, определяющая действие релятивистского закона преобразования скоростей при переходе $K_2 \mapsto K_3$, будет представляться соотношением

$$z = f(x, y). \qquad (3a)$$

Исходя из общих физических соображений можно полагать, что функция $f(x, y)$ является непрерывной и дифференцируемой функцией своих независимых аргументов x и y. Соотношение (3*a*) мы будем понимать и интерпретировать в дальнейшем как *закон преобразования* скорости x в скорость z при переходах от ИСО K_2 к ИСО K_3. Для того чтобы соотношение (3*a*) представляло реально действующий релятивистский закон преобразования скоростей необходимо, чтобы функция $f(x, y)$ удовлетворяла всем требованиям, вытекающим из системы фундаментальных физических симметрий A.

Несложно показать, что это возможно только тогда, когда искомая функция $f(x, y)$ будет

удовлетворять следующей системе определяющих тождеств:

$$(A):\begin{cases} f\left(x, f\left(y, z\right)\right) = f\left(f\left(x, y\right), z\right), \\ f\left(0, x\right) = f\left(x, 0\right) = x, \\ f\left(-x, x\right) = f\left(x, -x\right) = 0, \end{cases} \qquad (4)–(6)$$

$$(B):\begin{cases} f\left(-x, -y\right) = -f\left(x, y\right), \\ f\left(x, y\right) = f\left(y, x\right), \\ f\left(x, y\right) \cong \left(x + y\right), \\ \left|x\right| \to 0, \left|y\right| \to 0, \end{cases} \qquad (7) – (9)$$

где все скорости, обозначенные символами x, y, z, принадлежат пространству $V_{\vec{n}}$.

Совокупность (A) определяющих тождеств (4), (5), (6) фиксирует то обстоятельство, что рассматриваемые преобразования

$$f\left(\bullet, v\right): \quad x \mapsto z \qquad (3б)$$

образуют однопараметрическую топологическую группу преобразований $f_v: \ V_{\vec{n}} \to V_{\vec{n}}$. Далее эту группу мы будем называть группой коллинеарных *бустов* и обозначать символом B.

Совокупность (B) определяет специальные (особые) свойства группы B. Асимптотическое равенство (9), вообще говоря, не является следствием системы фундаментальных физических симметрий A, а представляет собой *эмпирический факт*, который наблюдается в реальной физической действительности.

Однако этот *факт* является существенным, поскольку он показывает, что группа B вблизи «единицы» этой группы имеет евклидову структуру. Отсюда, в силу известной теоремы Глисона – Монтгомери – Зиппина [3], получается, что она является группой Ли.

Группа Ли обладает особой аналитической структурой. В группах подобного типа функция $f(x, y)$, определяющая (задающая) групповой закон композиции, представляется сходящимся степенным рядом по совокупности независимых переменных x и y. В этом случае из системы (A) + (B) определяющих тождеств следует, что соответствующий ряд, аппроксимирующий функцию $f(x, y)$, имеет вид

$$f\left(x, y\right) = \left(x + y\right) \cdot \left(1 + r\left(x, y\right)\right), \qquad (10)$$

где релятивистский фактор $r(x, y)$ представляется в виде

$$r\left(x, y\right) = \sum_{i,j} r_{ij} x^i y^j, \qquad (10a)$$

а коэффициенты r_{ij} в (10a) должны удовлетворять условиям $r_{ij} = r_{ji}$; $r_{ij} \neq 0$, если $(i + j)$ четно; $r_{ij} = 0$, если $(i + j)$ нечетно.

Условие (8) фиксирует то, что B является абелевой группой. В совокупности с теоремой Глисона – Монтгомери – Зиппина это приводит к факту существования локального изоморфизма между группой B и аддитивной группой действительных чисел R

$$\varphi: \quad B \to R. \qquad (11)$$

Наличие изоморфизма (11) означает, что *существует* взаимно однозначное отображение $\varphi: V \to R$, обладающее следующими свойствами:

$$\varphi\left(f\left(x, y\right)\right) = \varphi\left(x\right) + \varphi\left(y\right),$$
$$\varphi\left(-V\right) = -\varphi\left(V\right), \ \varphi\left(0\right) = 0. \qquad (11a)$$

Если подобное отображение нами построено, то по нему искомая функция $f(x, y)$ восстанавливается по правилу

$$f\left(x, y\right) = \varphi^{-1}\left(\varphi\left(x\right) + \varphi\left(y\right)\right), \qquad (12)$$

где $\varphi^{-1}(\bullet)$ – функция обратная к φ.

Покажем, что в нашем случае отображение $\varphi: V \to R$ существует, и построим его в явном виде. Для этого потребуются две так называемые структурные функции группы B. Они определяются по правилу

$$b\left(x, y\right) \equiv \frac{\partial f\left(x, y\right)}{\partial y}, \ b\left(x\right) \equiv b\left(x, y = 0\right). \qquad (13)$$

Далее возьмем тождество (4) и продифференцируем его по параметру z, а затем в полученном равенстве положим $z = 0$. С учетом структурных свойств функции $f(x, y)$ после этого получим следующее уравнение:

$$b\left(f\left(x, y\right)\right) = b\left(x, y\right) \cdot b\left(y\right). \qquad (14)$$

Зафиксируем в (14) значение параметра x (т.е. положим $x = const$) и введем обозначение $f\left(x = const, y\right) \equiv f'\left(y\right)$, тогда уравнение (14) трансформируется к виду

$$\frac{df'(y)}{b\left(f'\left(y\right)\right)} = \frac{dy}{b\left(y\right)}, \ x = const. \qquad (14a)$$

Учитывая, что $f(x, y) = f(y, x)$, аналогично получаем

$$\frac{df'(x)}{b\left(f'\left(x\right)\right)} = \frac{dx}{b\left(x\right)}, \ y = const. \qquad (14б)$$

Введем «новую» функцию

$$\varphi\left(x\right) \equiv \int \frac{dx}{b\left(x\right)}. \qquad (15)$$

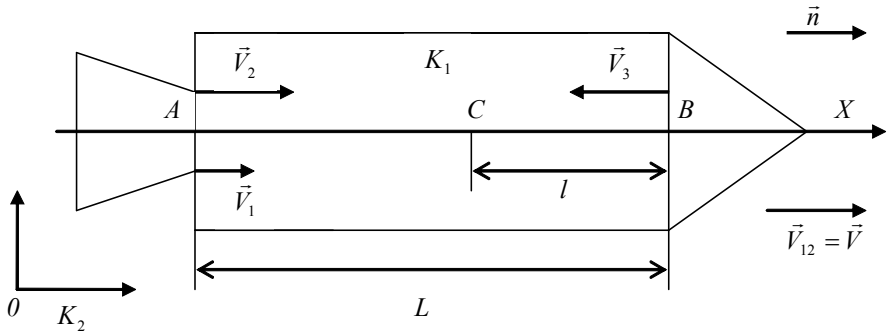

Рис. Схема мысленного эксперимента с релятивистскими частицами в космическом корабле

Произведя интегрирование уравнений (14*а*) и (14*б*), для нее получим следующую систему определяющих уравнений:

$$\begin{cases} \varphi\left(f\,(x,y)\right)=\varphi\left(y\right)+C\left(x\right), & x=const \\ \varphi\left(f\,(y,x)\right)=\varphi\left(x\right)+C\left(y\right), & y=const \end{cases} \qquad (15a)$$

Откуда с учетом того, что $f\,(x, y) = f\,(y, x)$, следует:

$$\varphi\left(f\,(x,y)\right)=\varphi\left(x\right)+\varphi\left(y\right). \qquad (15б)$$

Поскольку функция $\varphi(x)$ определяется соотношением (15), то для ее вычисления надо знать структурную функцию $b(x)$. С учетом определения $b(x)$ и соотношений (10) и (10*а*) функция $b(x)$ легко вычисляется. Она оказывается равной

$$b\left(x\right)=1+k_1\cdot x^2+k_2\cdot x^4+k_3\cdot x^6+\cdots \qquad (16)$$

и, в частности, является четной функцией параметра x.

Ниже мы покажем, что в разложении (16) отличным от нуля может быть только единственный коэффициент $k_1 \equiv k \neq 0$, т.е.

$$b\left(x\right)=1+k\cdot x^2. \qquad (16a)$$

Для доказательства последнего равенства воспользуемся *физическими* аргументами. Для этого рассмотрим следующий *физический эксперимент*. Хотя его изложение здесь представляет некий умозрительный вариант, тем не менее этот верификационный эксперимент со всеми необходимыми измерительными нюансами можно поставить в любой земной лаборатории. Физическая сущность рассматриваемых явлений состоит в следующем. Пусть имеется космический корабль (Земля тоже является, в известном смысле, космическим кораблем), с которым свяжем ИСО K_1. Допустим, корабль движется в направлении $\vec{n}$ относительно другой ИСО K_2. На рисунке изображены и обозначены геометрические факторы и параметры корабля, а также кинематика соответствующих процессов движения.

Суть эксперимента заключается в том, что от «задней стенки» A корабля в направлении $\vec{n}$ в один и тот же момент времени $t_{st} = 0$ (и из одного и того же «места» $x_{st} = 0$) «стартуют» две частицы со скоростями $\vec{V}_1$ и $\vec{V}_2$ (относительно ИСО K_1). Пусть $\left|\vec{V}_1\right| < \left|\vec{V}_2\right|$. Более быстрая (вторая) частица долетает до стенки B, упруго отражается от нее и начинает двигаться (относительно K_1) в противоположном направлении со скоростью $\vec{V}_3$. При этом $\left|\vec{V}_3\right| = \left|\vec{V}_2\right|$. Спрашивается, в каком «месте» C внутри корабля (по курсу движения корабля) надо установить детектор частиц, чтобы он зарегистрировал *факт встречи* (инвариантное событие) в точке C первой и второй частиц. Если, например, первая частица – позитрон, а вторая – электрон, то, встретившись в точке C, они проаннигилируют; вследствие аннигиляции частиц возникнет «вспышка света». Сам *факт* реализации такого события не зависит от выбора какой-либо системы отсчета. Кроме того, из физического содержания рассмотренного события относительное расположение «места» C, где находится детектор, фиксирующий это событие, по отношению к точкам A и B, например, величина

$$\Gamma\,(A, C, B) \equiv \frac{l\,(C, B)}{L\,(A, B)} \qquad (17)$$

также будет не зависеть от выбора системы отсчета. Коэффициент «места встречи» Г из (17), выраженный через величины относительных скоростей (относительно ИСО K_1) будет иметь следующее представление:

$$\Gamma_{(1)} \equiv \frac{l}{L} = \frac{(x_1 - x_3)\cdot(x_2 - x_4)}{(x_2 - x_3)\cdot(x_1 - x_4)}, \qquad (17a)$$

где $x_1 \equiv V_1,\ x_2 \equiv V_{\|} = 0,\ x_3 \equiv V_2,\ x_4 \equiv V_3$.

Тот же коэффициент можно определить, перейдя к ИСО K_2 (т.е. совершив переход $K_1 \mapsto K_2$). Вычисления показывают, что

$$\Gamma_{(2)} \equiv \frac{l'}{L'} = \frac{(X_1 - X_3)\cdot(X_2 - X_4)}{(X_2 - X_3)\cdot(X_1 - X_4)}, \qquad (17б)$$

где $X_i \equiv f(x_i; V)$, i = 1, 2, 3, 4 – суть скорости всех «участников» этого эксперимента, отнесенные к ИСО K_2.

Так как факт встречи первой и второй частиц в точке C не зависит от выбора ИСО K_1 и K_2 (по отношению к которым мы описывали все эти процессы), то очевидно *должно* иметь место равенство $\Gamma_{(1)} = \Gamma_{(2)}$. Из последнего факта следует, что величина $\Gamma(x_1, x_2, x_3, x_4)$, построенная по правилу

$$\Gamma(x_1, x_2, x_3, x_4) \equiv \\ \equiv \frac{(f(x_1, V) - f(x_3, V))\cdot(f(x_2, V) - f(x_4, V))}{(f(x_2, V) - f(x_3, V))\cdot(f(x_1, V) - f(x_4, V))} \qquad (18)$$

должна быть релятивистским инвариантом. Это весьма не тривиальный кинематический инвариант.

Если вспомнить, что $x_1 \equiv V_1$, $x_2 \equiv 0$, $x_3 \equiv V_2$, $x_4 \equiv -V_2$, и $f(0, V) = V$, то получается, что величина

$$\frac{(f(V_1, V) - f(V_2, V))\cdot(V - f(-V_2, V))}{(V - f(V_2, V))\cdot(f(V_1, V) - f(-V_2, V))} \equiv \\ \equiv \Gamma(V_1, V_2) \qquad (18a)$$

является релятивистским инвариантом, а следовательно, не зависит от реляционной скорости $V_{21} \equiv V$.

Далее возьмем натуральный логарифм от величины $\Gamma(V_1, V_2)$, а затем вычислим от него производную по параметру V. В силу сформулированных выше физических условий, очевидно, получим

$$\frac{d}{dV}\left[\ln \Gamma(V_1, V_2)\right]\Big|_{V=0} = 0. \qquad (19)$$

Последнее уравнение интересно тем, что в него естественно входит структурная функция $b(V)$. Разрешая уравнение (19) относительно $b(V)$ получаем

$$b(V) = 1 + k\cdot V^2, \qquad (19a)$$

где константный коэффициент k в общем случае должен быть отличным от нуля. Тем самым мы действительно физически обосновали соотношение (16*а*).

Проанализируем теперь структурное условие

$$b(x) = 1 + k\cdot x^2, \qquad (20)$$

определяющее структуру группы B. Если в (20) *a priori* сразу положить $k \equiv 0$, то автоматически в этом случае получим лишь классический закон «сложения» скоростей, который, как известно, оказывается неадекватным реальному положению в релятивистской физике. Формально остаются два варианта $k > 0$ и $k < 0$. Случай $k > 0$, как показывает анализ, не согласуется с некоторыми факторами нашей макроскопической физической интуиции и поэтому его отбрасывают как «не физический». Таким образом, остается единственный вариант $k < 0$. Не трудно понять, что константа $|k| = const$ является некоторой универсальной мировой константой, влияющей на характер движения релятивистских частиц в физическом вакууме. Удобно переопределить релятивистскую константу $|k|$ и вместо нее начать рассматривать физический фактор

$$c \equiv \frac{1}{\sqrt{|k|}}. \qquad (21)$$

В этом случае структурная функция $b(x)$ определится как

$$b(x) = 1 - \frac{x^2}{c^2}. \qquad (21a)$$

Поскольку $b(x)$ должна быть безразмерной величиной, а величина x иметь размерность скорости, то и универсальная (мировая) релятивистская постоянная c в (21*а*) *должна* иметь размерность скорости. При сопоставлении физической ситуации, полученной теоретически, с различными явлениями и «эффектами» релятивистской физики необходимо «по факту» признать, что численное значение (в системе СИ) релятивистской постоянной c из (21*а*) совпадает с величиной «скорости света» в физическом вакууме $c = 299792458\ м/с$ [1].

Подставив представление функции $b(x)$ из (21*а*) в (15) и произведя интегрирование (при выполнении граничного условия $\varphi(x=0) = 0$), получим, что интересующая нас «фазовая функция» (быстрота) как функция релятивистской скорости движения x, имеет следующий вид:

$$\varphi(x) = c\cdot\ln\left[\frac{1 + \frac{x}{c}}{1 - \frac{x}{c}}\right]^{\frac{1}{2}}. \qquad (22)$$

Построенная таким образом функция $\varphi(x)$ из (22) удовлетворяет всем необходимым условиям (11*а*), которые определяют изоморфизм (11).

Поэтому

$$f(x, y) = \varphi^{-1}(\varphi(x) + \varphi(y)),$$

и окончательно получаем

$$f(x, y) = \frac{x + y}{1 + \frac{1}{c^2} x \cdot y}. \qquad (23)$$

Формула (23) и определяет искомый релятивистский закон преобразования скоростей для коллинеарных бустов.

Релятивистский закон преобразования скоростей элементарно обобщается на случай, когда векторы $\vec{V}_{12}$ и $\vec{V}_{23}$ не коллинеарны. В этом случае вектор скорости $\vec{V}_{12}$ можно разложить на «продольную» и «поперечную» составляющие

$$\vec{V}_{12} = \vec{V}_{12}^{\parallel} + \vec{V}_{12}^{\perp}, \qquad (24)$$

где $\vec{V}_{12}^{\parallel}$ – составляющая коллинеарная вектору $\vec{V}_{23}$, а $\vec{V}_{12}^{\perp}$ – ортогональная к нему. Из физической симметрии A_2 следует, что «поперечное» перемещение $\Delta\vec{l}_{12}^{\perp}$ не изменяется при переходе $K_2 \mapsto K_3$. Учитывая это обстоятельство, несложно показать, что в общем случае релятивистский закон преобразования скоростей будет представляться следующим правилом:

$$\vec{V}_{13} = \frac{\vec{V}_{12} + \vec{V}_{23} + \Delta\vec{V}}{1 + \frac{1}{c^2}\vec{V}_{12} \cdot \vec{V}_{23}}, \qquad (25)$$

где c – универсальная (мировая) релятивистская постоянная, $\vec{V}_{12} \cdot \vec{V}_{23}$ – скалярное произведение двух трехмерных пространственных векторов, а $\Delta\vec{V}$ – релятивистская поправка, равная

$$\Delta\vec{V} \equiv \vec{V}_{12}^{\perp}\left(\sqrt{1 - \frac{1}{c^2}V_{23}^2} - 1\right). \qquad (25a)$$

Методический и методологический смысл проделанной нами работы заключается в том, что релятивистский закон преобразования скоростей (25), определяющий свойства движения релятивистских частиц в реальном физическом вакууме, однозначно определяется фундаментальными симметриями A вакуума, а также тем *эмпирическим фактом*, что

$$\vec{V}_{13} \neq \vec{V}_{12} + \vec{V}_{23}.$$

Обратим также внимание на то, что для получения (вывода) релятивистского закона преобразования скоростей (25) мы не использовали никаких произвольных теоретических или каких иных априорных аргументов. В нашем случае этот закон был получен без использования априорного постулата о «постоянстве скорости света». Релятивистский закон преобразования скоростей, полученный в рамках той методологии, которой мы руководствовались в данной статье, обладает рядом и других достоинств. Можно показать, что релятивистский закон преобразования скоростей (25) является теоретическим ядром всей релятивистской кинематики и динамики, а следовательно, и всей релятивистской физики.

Примечание

[1] Обратим внимание на следующее онтологически значимое обстоятельство. Релятивистская постоянная c при выбранном нами способе получения релятивистского закона преобразования скоростей появляется как естественное следствие некоторых структурных свойств физического вакуума, и *a priori* отнюдь не является «скоростью света».

Библиографический список

1. *Латыпов Н.Н., Бейлин В.А., Верешков Г.М.* Вакуум, элементарные частицы, Вселенная. – М.: Изд-во МГУ, 2001.

2. *Эйнштейн А.* Собрание научных трудов. – Т. 1. – М.: Наука, 1965.

3. *Капланский И.* Алгебры Ли и локально компактные группы. – М.: Мир, 1974.

Ю. Е. Карсакова, Н. Н. Тятенкова, О. В. Хлякина

ВЛИЯНИЕ УСЛОВИЙ ТРУДА НА ЗДОРОВЬЕ ЛЮДЕЙ

Преамбула. *Здоровье людей в значительной степени зависит от условий труда. Полученные результаты свидетельствуют о том, что физическое здоровье определяется уровнем и характером загрязнения воздуха рабочей зоны, влиянием физических факторов (температура, шум, вибрация).*

Сохранение жизни и здоровья человека в современной глобальной ситуации одна из острейших задач стоящих перед мировой цивилизацией. Зависимость здоровья от окружающей природной среды в настоящее время ни кем не оспаривается. Среди факторов, формирующих здоровье населения, выделяют наследственные, эндемические, природно-климатические, эпидемиологические, социальные, психо-эмоциональные, профессиональные и экологические. Последние, по данным ВОЗ формируют до 25% патологии человека. Существенная роль отводится также профессиональным факторам. Трудовая деятельность человека протекает в условиях определенной производственной среды, которая при несоблюдении гигиенических требований может оказывать неблагоприятное влияние на работоспособность и здоровье человека. Производственная среда складывается из природно-климатических факторов и факторов, связанных с профессиональной деятельностью, которые принято называть вредными. Длительное воздействие этих факторов может привести к функциональному напряжению и поломке компенсаторных механизмов, а, следовательно, возникновению профессиональных заболеваний, снижению уровня соматического здоровья, преждевременному старению организма работающих. В связи с вышесказанным, актуальность проблемы изучения состояния здоровья работников разных профессиональных групп, представляется своевременным и необходимым.

Цель данной работы заключалась в оценке физического здоровья работников машиностроительного производства в зависимости от уровня и характера техногенного загрязнения.

Для реализации поставленной цели и задач нами было обследовано 4 профессиональные группы, 3 из них – работники литейного, агрегатного цехов и вычислительного центра ОАО «Автодизель». Согласно данным медицинской статистики общая заболеваемость в исследуемых подразделениях увеличивается в ряду: вычислительный центр → агрегатный цех → литейный цех. В группу сравнения вошли люди, не работающие на вредном производстве. При подборе групп и соблюдения их однородности учитывался пол, календарный возраст, профессиональный стаж, место проживания. Всего обследовано 632 человека.

Для оценки физического здоровья человека, нами предлагается программа, которая включает в себя следующие этапы: 1) эколого-гигиеническая характеристика рабочей зоны с вычислением суммарного показателя загрязнения воздуха рабочего помещениях; 2) анкетирование, в процессе которого выяснялись общие сведения, особенности образа жизни и самооценка здоровья испытуемого; 3) физиометрическое обследование по стандартным общепринятым методикам, расчет должных величин и оценка физиологических показателей; 4) вычисление коэффициента здоровья по модифицированной методике Р.М. Баевского. Была проведена статистическая обработка полученных результатов при помощи программ Microsoft Excel и STATISTICA. Рассчитывались средние величины, ошибка среднего, был проведен Т-тест, т. е. расчет коэффициентов Стьюдента, а также корреляционный и множественный регрессионный анализ при уровне значимости $p<0,05$.

В ходе исследования были получены следующие результаты. По данным центральной заводской лаборатории, работники литейного и агрегатного цехов подвергаются воздействию ряда неблагоприятных факторов, таких, как фенол, кварцевая пыль, шум, вибрация и ряд других, содержание некоторых из них превышает предельно допустимые значения. В литейном цехе суммарный показатель загрязнения $P_{сум}$ составил 3,42, в агрегатном – 3,17. Исходя из полученных результатов, воздух рабочей зоны в данных цехах соответствует III степени загрязнения – «умеренно загрязненный». Безопасным для здоровья человека является загрязнение I степени, при загряз-

© Ю. Е. Карсакова, Н. Н. Тятенкова, О. В. Хлякина, 2006

Таблица 1

Значения физиологических показателей

Показатель	Пол	Исследуемые группы			
		Группа сравнения	Вычислительный центр	Агрегатный цех	Литейный цех
АДС, мм рт.ст.	женщины	116±1,7	123±2,0	126±2,3	131±2,3
	мужчины	121±1,7	125±1,6	130±1,8	129±1,2
АДД, мм рт. ст.	женщины	75±1,7	79±1,2	80±1,6	85±1,5
	мужчины	80±1,5	78±1,0	78±1,1	86±0,7
ЖЕЛ, л	женщины	3,1±0,1	2,3±0,1	2,4±0,1	2,2±0,1
	мужчины	4,0±0,1	3,8±0,1	3,1±0,1	3,4±0,1
ИР, балл	женщины	87,2±1,9	89,0±2,2	88,7±2,6	90,9±2,7
	мужчины	95,6±2,5	89,6±2,7	98,9±2,4	92,9±2,1
МСР, кг	женщины	47,2±1,3	46,0±1,5	46,2±1,7	36,6±1,4
	мужчины	71,6±1,4	74,5±1,8	70,7±2,0	70,2±1,3

нении II–Vстепени возникают негативные эффекты. Температура и шум в рассматриваемых подразделениях примерно одинаковы и превышают ПДУ в 1,05–1,1 раза. Такое превышение нормативных показателей соответствует «относительно напряженной» медико-экологической ситуации в исследуемых цехах [2]. Трудовая деятельность в этих условиях предъявляет повышенные требования к организму человека.

В литейном цехе в воздухе рабочей зоны определяются вещества 2, 3 и 4 классов опасности. Существенный вклад в ухудшение микроклимата цеха вносит кварцевая пыль. Несмотря на то, что данный поллютант относится к третьему классу опасности, он может оказывать достаточно сильный негативный эффект, поскольку кратность превышения ПДК его относительно велика (3,38). Производственная пыль представляет собой мелкораздробленные твердые частицы, находящиеся в воздухе рабочих помещений во взвешенном состоянии. Пыль оказывает на организм фиброгенное, воспалительное, раздражающее, токсическое и аллергизирующее действие [5]. Следует отметить, что в воздухе рабочей зоны литейного цеха имеет место превышение содержания фенола в 1,7 раза по отношению к ПДК. Как загрязнитель 2 класса опасности, фенол может вызывать хронические отравления, так как при контакте с влагой образуются соединения, обладающие прожигающим действием. При этом воспаляется слизистая дыхательных путей. Помимо этого, токсическое действие на нервную систему проявляется общей и мышечной слабостью, потливостью, кожным зудом, раздражительностью и бессонницей [5]. Концентрации остальных веществ, присутствующих в литейном цехе находятся в пределах ПДК.

В агрегатном цехе в воздухе рабочей зоны определяются вещества 1, 2, 3 и 4 классов опасности. Наибольший вклад вносит хромовый ангидрид. Это вещество относится к первому классу опасности и его содержание в цехе превышает ПДК в 4 раза. Остальные полютанты определяются в пределах ПДК. Хромовый ангидрид занимает ведущее место при определении суммарного показателя загрязнения воздуха в агрегатном цехе.

Работники вычислительного центра подвергаются температурному и шумовому воздействиям в пределах ПДУ, химическое загрязнение в воздухе рабочей зоны данного подразделения отсутствует.

В рамках проведенного исследования здоровья работников вредного производства были определены антропометрические (масса тела, рост) и физиометрические показатели: систолическое артериальное давление (АДС), диастолическое артериальное давление (АДД), частота сердечных сокращений (ЧСС), жизненная емкость легких (ЖЕЛ), мышечная сила руки (МСР); вычислены должные величины. Также были определены индекс Робинсона (ИР), индекс жизненной емкости легких (ЖИ), индекс массы тела (ИТ). В результате их оценки, обнаружены достоверные различия между группой сравнения и работниками завода по таким показателям, как систолическое и диастолическое артериальное давление, индекс Робинсона, жизненная емкость легких, сила руки, индекс жизненной емкости легких (табл. 1).

Сердечно-сосудистая система в настоящее время рассматривается как индикатор адаптационных возможностей организма и один из показателей здоровья человека [6]. В результате оценки показателей сердечно-сосудистой системы

была выявлена зависимость значений данного показателя от стажа работы (r=0,34). В результате множественного регрессионного анализа было выявлено влияние вредных условий труда на значение систолического артериального давления, которое описывается следующими уравнениями:

АДС (мужчины) = 113,9 + 0,368 возраст + + 0,191 шум – 0,11 алюминий – 0,11 формальдегид, при r=0,42;

АДС (женщины) = 90,23 + 0,541 возраст + + 0,219 фенол + 0,111 CO – 0,12 пыль SiO_2 (2–10%) + 0,067 корунд, при r=0,61.

Для оценки физического развития организма, как одной из составляющих соматического здоровья, нами измерялась ЖЕЛ с последующим вычислением должных величин и степени соответствия фактической и должной емкости легких. Во всех возрастных группах выявлено снижение жизненной емкости легких по сравнению с должными величинами. Наибольшие отклонения характерны для представителей литейного и агрегатного цехов у мужчин (32%, 27% соответственно) и для работниц завода (от 24 до 31%). В результате множественного регрессионного анализа выявлено влияние неблагоприятных вредных воздействий на изучаемый показатель:

ЖЕЛ (мужчины) = 7163,86 – 0,44 В – 0,28 высокие температуры – 0,16 вибрация – 0,07 корунд, при r=0,59,

ЖЕЛ (женщины) = 3737,77 – 0,47 В – 0,17 пыль SiO_2 (10–70%) – 0,11 шум – 0,08 вибрация – – 0,09 стаж работы, при r=0,57.

Перечисленные факторы могут вызывать нарушение баланса между газообменом в легких и тканях, следовательно, приводить к снижению показателей функционального состояния дыхательной системы. Снижение значений жизненной емкости легких в группе сравнения по отношению к должным величинам, может быть связано с неблагоприятной экологической обстановкой, вызванной наличием большого числа промышленных производств, находящихся на территории города Ярославля и загрязняющих окружающую среду. Как известно, показатель ЖЕЛ отражает физическое развитие человека, поэтому другой причиной рассматриваемой тенденции может служить влияние урбанизации с ее механизацией и автоматизацией различных процессов, которые привели к снижению общей двигательной активности населения.

Для оценки резервных возможностей человека были проведены функциональные пробы Штанге (ЗДВ), Генче (ЗДВыд), восстановление ЧСС после дозированной физической нагрузки (ЧССпр), статическая балансировка (СБ). Обнаружены достоверные различия между группой сравнения и работниками завода по таким показателям, как статическая балансировка, задержка дыхания на вдохе, время восстановления ЧСС после нагрузки (табл. 2). Пробы Штанге и Генча заключаются в произвольной остановке внешнего дыхания на вдохе и выдохе и позволяют оценить устойчивость организма к гипоксии и гиперкапнии. При оценке задержки дыхания на вдохе было отмечено, что процент испытуемых, имеющих неудовлетворительное значение ЗДВ значительно больше для работников литейного и агрегатного цехов (от 35 до 88%). Согласно данным литературы, произвольная задержка дыхания зависит от возраста, положения тела, степени тренированности и величины легочных объемов [1; 3; 4; 7]. Результаты множественного регрессионного анализа показали, что результаты пробы также зависят от уровня воздействия ряда физических факторов (высокие температуры, шум, вибрация), наличия вредных веществ

Таблица 2

Результаты функциональных проб

Показатель	Пол	Исследуемые группы			
		Группа сравнения	Вычислительный центр	Агрегатный цех	Литейный цех
ЗДВ, с	женщины	45,3±2,3	34,4±2,4	29,9±1,5	26,5±1,6
	мужчины	64,0±3,2	48,7±2,6	40,9±2,5	47,7±1,8
ЗДВыд, с	женщины	24,5±1,0	19,1±1,1	17,8±0,8	16,3±0,8
	мужчины	30,4±1,8	27,6±2,8	21,9±1,0	20,5±0,8
СБ, с	женщины	41,4±7,0	20,1±3,5	7,5±0,9	12,4±2,3
	мужчины	68,2±1,0	30,0±4,4	16,1±2,7	18,4±2,2
ЧССпр, с	женщины	31,0±1,9	33,3±2,1	48,9±3,4	51,0±2,9
	мужчины	29,0±2,2	28,7±1,6	42,9±2,6	58,0±2,6

в воздухе рабочей зоны и стажи работы во вредных условиях. Влияние неблагоприятных внешних воздействий описывается следующими уравнениями:

ЗДВ (мужчины) = 117,2 – 0,25 В – 0,29 высокие температуры – 0,12 корунд – 0,13 стаж работы + 0,089 вибрация, при r=0,47;

ЗДВ (женщины) = 56,54 – 0,25 В – 0,2 шум – – 0,09 формальдегид – 0,09 вибрация – 0,09 стаж работы, при r=0,42.

В результате анализа пробы Генча была обнаружена та же тенденция.

В качестве критерия адаптационных возможностей сердечно-сосудистой системы человека используется коэффициент здоровья. В результате оценки его была выявлена тенденция ухудшения адаптации сердечно-сосудистой системы к внешним воздействиям в ряду: группа сравнения → вычислительный центр → агрегатный цех → литейный цех. Недостаточная и оптимальная адаптация не обнаружена ни в одной из исследуемых групп. Наиболее значимыми показателями для определения коэффициента здоровья (в порядке уменьшения значимости) являются: АДС → масса тела → возраст → ЧСС → АДД → рост у женщин (r=0,92), а также возраст АДС → ЧСС → масса тела → АДД → рост у мужчин (r=0,99). В результате корреляционного анализа выявлено влияние условий труда на степень адаптации сердечно-сосудистой системы рабочих к внешним воздействиям. Наибольшее влияние оказывают: шум, формальдегид, высокие температуры, стаж, алюминий, вибрация у мужчин (r=0,74) и фенол и угарный газ у женщин (r=0,73).

В результате сопоставления значений суммарного показателя загрязнения воздуха рабочей зоны, уровня физического воздействия, общей заболеваемости и коэффициента здоровья, испытуемых из разных исследуемых групп, было выявлено негативное влияние вредных условий труда на здоровье человека. С увеличением значения показателя загрязнения воздуха и уровня физического воздействия отмечается повышение общей заболеваемости рабочих и увеличение коэффициента здоровья, что свидетельствует об ухудшении адаптации сердечно-сосудистой системы к неблагоприятным внешним воздействиям. Достоверное отличие значений коэффициента здоровья между работниками вычислительного центра и группой сравнения говорит о негативном влиянии неблагоприятной экологической обстановки на территории предприятия и промышленной зоны.

Библиографический список

1. *Иржак Л.И., Поляков П.В., Осколкова Е.М.* Функциональные пробы для оценки легочного дыхания // Физиология человека. – 2001. – Т. 27. – № 3. – С. 76–80.

2. Комплексная гигиеническая оценка степени напряженности медикоэкологической ситуации различных территорий, обусловленной загрязнением токсикантами среды обитания населения. – 1997. – № 2510.5716-97-32.

3. *Малкин В.Б., Гора Е.П.* Физиологические эффекты произвольной задержки дыхания у детей и подростков // Физиология человека. – 1998. – Т. 24. – № 1. – С. 46.

4. *Модин А.Ю.* Результаты функциональных проб с задержкой дыхания у здоровых мужчин в положении лежа и стоя // Физиология человека. – 1998. – Т. 24. – № 5. – С. 132.

5. *Овчаренко С.А.* Физическое развитие рабочих различных категорий труда машиностроительного производства // Гигиена и санитария. – 1988. – № 6. – С. 80–81.

6. *Соколов А.Я., Гречкина Л.И.* Функционирование кардиореспираторной системы у лиц с различной гипоксической устойчивостью // Экология человека. – 2002. – № 3. – С. 20–21.

7. *Солонин Ю.Г.* Гемодинамика у жителей «ближнего» севера // Физиология человека. – 1997. – Т. 23. – № 5. – С. 97.

Д. И. Радченко, А. А. Стекольников

ВЛИЯНИЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКОГО ПРЕПАРАТА НА ЛЕЙКОЦИТАРНУЮ ФОРМУЛУ КРОВИ СОБАК ПРИ ПЕРЕЛОМАХ КОСТЕЙ

При тяжелой травме значительные изменения в иммунной системе могут быть вызваны рядом факторов, например болевыми воздействиями. При этом неспецифическая реакция крови, развивающаяся при воздействии на организм любого внешнего фактора, в том числе связанного с повреждением кости, путём изменения уровня пролиферации клеток костномозгового кроветворения, может существенно влиять на выраженность развивающихся специфических изменений гемопоэза, а также приводить, как показало изучение иммунного статуса собак при переломах костей, к серьезному его нарушению, изменениям функций иммунной системы, степень которых зависит от тяжести травмы (П.М. Мажуга, И.Ф. Батюк, 1967, Е.В. Емченко и соавт., 2003), что весьма осложняет выздоровление, поскольку регенераторный потенциал организма во многом зависит от состояния иммунной системы (А.Г. Бабаева, 1985, И.И. Долгушин, А.Я. Эберт, 1985.)

По данным исследований (В.Д. Пьянов, М.С. Галицкая, Е.С. Шутенков, 2004.) травма влияет на организм животного, изменяя не только гематологические показатели крови, но и оказывает влияние на лейкограмму. При этом происходит уменьшение количества базофилов, эозинофилов, палочкоядерных нейтрофилов и лимфоцитов.

С целью выяснения влияния на эти процессы гомеопатического препарата «Травматин» был проведен опыт на собаках. Результаты которого представлены в таблице.

Из данных таблицы видно, что до травмы (операции) первоначальная картина лейкограммы не отклоняется от нормальных физиологических показателей для собак (Б.В. Уша, И.М. Беляков, Р.П. Пушкарев, 2003).

Полученные нами в ходе опыта результаты (табл.) демонстрируют, что в крови контрольной группы животных количество эозинофилов на 1-й день после операции уменьшается до 95,8% от первоначального уровня, а на 3-й день достигает минимальных значений – 87,5%, после чего начинает возрастать, возвращаясь к исходному количеству на 14-й день и в дальнейшем не изменяясь. Число палочкоядерных нейтрофилов возрастает, на 1-й день – 121,7% от первоначаль-

Таблица

Лейкограмма крови собак при экспериментальных переломах конечностей в контрольной и подподопытной группах (M±m)

Дни исследования		Базофилы %	Эозинофилы %	Нейтрофилы %			Лимфоциты %	Моноциты %
				Юные	Палочкоядерные	Сегментоядерные		
До эксперимента	контроль	–	4,8±0,2	–	4,6±0,1	55,6±0,3	30,0±0,4	5,0±0,1
	опыт	–	4,6±0,1	–	4,0±0,2	54,4±0,2	32,0±0,3	5,0±0,1
Через сутки	контроль	–	4,6±0,1	–	5,6±0,1	63,2±0,4	22,0±0,2	4,6±0,2
	опыт	–	5,0±0,2	–	5,6±0,3	60,8±0,2	24,0±0,2	4,6±0,3
3 дня	контроль	0,2±1,6	4,2±0,3	0,4±0,1	5,8±0,2	59,4±0,3	24,8±0,4	5,2±0,2
	опыт	0,2±1,2	5,4±0,2	–	6,8±0,2	58,8±0,2	24,2±0,1	4,6±0,4
7 дней	контроль	0,2±1,3	4,6±0,2	0,2±0,1	5,6±0,2	57,8±0,2	26,2±0,3	5,4±0,2
	опыт	0,2±1,2	5,8±0,1	0,4±0,2	6,8±0,1	55,4±0,4	26,6±0,2	4,8±0,2
14 дней	контроль	–	4,8±0,2	–	5,4±0,2	56,4±0,2	28,4±0,2	5,0±0,1
	опыт	0,2±1,2	5,0±0,4	0,2±0,1	5,8±0,1	52,0±0,2	31,8±0,2	5,0±0,1
30 дней	контроль	–	4,8±0,3	–	4,4±0,1	55,4±0,3	30,2±0,3	5,2±0,2
	опыт	–	5,0±0,4	–	5,4±0,2	52,2±0,2	32,6±0,4	4,8±0,2
Границы физиологических колебаний		0–2	2,5–9,5	–	1–6	43–71	21–40	1–5

© Д. И. Радченко, А. А. Стекольников, 2006

ного, на 3-й достигает максимума – 126,1%, после чего постепенно снижаясь, достигает практически исходного уровня на 30-й день. Количество сегментоядерных нейтрофилов возрастая сразу после операции, на 1-й день – 113,7%, в дальнейшем постепенно снижается и достигает исходного уровня на 30-й день. Число лимфоцитов резко снижается после операции, составив в 1-й день 73,3%, затем постепенно увеличивается. Динамика моноцитов характеризуется снижением их количества после операции, на 1-й день – 92,0%, а затем увеличением до максимума на 7-й день – 108,0% и восстановлением исходного уровня на 14 день. Кроме того, с 3-го по 7-й день в лейкоцитарной формуле присутствуют базофилы и юные нейтрофилы.

Данная картина динамики лейкоцитарной формулы демонстрирует развитие после травмы интоксикации и воспалительной реакции, основная активность которых приходится на первые семь дней посттравматического периода.

Однако, в подопытной группе получавшей гомеопатический препарат «Травматин» уже на 1-й день после операции отмечаются определенные отличия. Так, несколько возрастает (108,7%) количество эозинофилов, палочкоядерных (140,0%) и сегментоядерных (111,8%) нейтрофилов; снижается количество лимфоцитов (75,0%) и моноцитов (92,0%). В дальнейшем количество эозинофилов продолжает увеличиваться, доходя до максимума на 7-й день (126,1% от первоначального), количество палочкоядерных нейтрофилов также возрастает, доходя до максимума уже на 3-й день (170,0% от первоначального) и сохраняясь на этом уровне до 7-го дня. В это же время в крови появляются юные нейтрофилы. Количество сегментоядерных нейтрофилов после максимума начиная с 3-го дня (96,7% от предшествующего) снижается, достигая минимальных значений на 14-й день (95,6% от первоначального уровня), но уже на 7-й день оно практически совпадает (101,8%) с исходным. Количество лимфоцитов с 3-го дня после операции постепенно растет, возвращаясь к исходному уровню на 14-й день (99,4%) и незначительно превышая его к концу опыта (101,9%). Количество моноцитов после снижения становится практически стабильным, достигая первоначального уровня на 14-й день. Кроме того, с 3-го по 14-й день в лейкоцитарной формуле присутствуют базофилы, а с 7-го по 14-й – юные нейтрофилы.

Полученные данные обуславливаются влиянием стресса – происходит мобилизация защитных сил организма, выброс гормонов в кровь, что провоцирует лимфопению, эозинопению, нейтрофильный лейкоцитоз со сдвигом ядра влево до третьих суток, а в подопытной группе и до седьмого дня опыта, затем со сдвигом ядра вправо. При применении гомеопатического препарата «Травматин» реакция организма протекает более выражено, что говорит о влиянии препарата на резистентность организма в посттравматический период. Эта картина, по нашему мнению, хорошо демонстрирует процесс развивающейся адаптационной реакции, и в первую очередь, картину развития воспалительного процесса, максимальная активность которого при воздействии препарата приходится на первые 3–7 дней после операции.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

З. И. Лаврентьева

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Становление человека как существа общественного является традиционной и в то же время постоянно актуальной междисциплинарной научной проблемой. Сегодня к ней вновь обращаются в связи с мощным давлением социальных процессов на жизнедеятельность человека, в том числе и ребенка. Личность даже в раннем детском возрасте подвергается не только, а, вернее, не столько целенаправленному воспитательному воздействию, сколько стремительно меняющемуся миру. Становится ясным, что педагогике необходимо не просто учитывать социальные аспекты образования личности, но сделать их предметом особого научного исследования, воплощая на практике идеи единства личностного и социального становления индивида.

Истоки теоретического обоснования социального смысла личности уходят в древнейшую философию, теологию, историю, медицину, но продолжают значительно обогащаться современными знаниями и открытиями социологии, антропологии, культурологии. Социальность признается одним из сущностных образований личности и объясняется такими устоявшимися общенаучными категориями, как бытие, сознание, деятельность, среда, культура, цивилизация. Вместе с тем, не останавливается процесс появления и оформления новых теоретических представлений о человеке, обществе, индивиде, порядках и законах социальной истории. Глобальность темы и накопление разнообразных методологических идей ее толкования приводит к тому, что она начинает активно распространяться на все большие диапазоны специальных знаний, обретая в них свой особый вид, диктуя специфические способы сбора и анализа информации. Все очевиднее становится противоречивости и неоднозначности сущности самого понятия «социальное развитие», рассматриваемого в ракурсе отдельных научных дисциплин.

Не остается в стороне от общей тенденции инновационного осознания проблемы социального развития личности и педагогика. Являясь отраслью общественного знания, она с первых дней своего существования априори распространяет пристальное внимание на социальную сторону ведущих объектов своего научного исследования – обучения и воспитания. Собственно первые философско-педагогические изыскания посвящаются решению глобального противоречия: среда или воспитание. Методологический аппарат педагогики изначально прочно утверждает в своем активе термин «социальный фактор развития». Как теории противопоставления «среды» и «воспитания», так и теории их взаимопроникновения открывают ключевые для педагогической науки законы и закономерности: о движущих силах развития ребенка, о возрастных этапах освоения окружающего мира, индивидуальных особенностях социального познания, формах и методах развития общественных отношений.

В этом же контексте осуществляется разработка отечественных педагогических теорий народности (К. Д. Ушинский), педагогики среды (С. Т. Шацкий), социокультурной ситуации развития (Л. С. Выготский), коллективного воспитания (А. С. Макаренко), общественного детского движения (Н. К. Крупская), социального воспитания (П. П. Блонский).

Открытия социальной и возрастной психологии о значении мотивационных, эмоциональных, волевых аспектов бытия людей позволяют педагогике углубиться в проблемы социальных интересов, общественных ценностей, межличностных отношений. Изучаются педагогические условия регулирования формальной и эмоциональной структур коллектива, особенностей индивидуального восприятия социальных норм и требований, самоактуализации общественной активности.

Мощным стимулом обострения внимания к социальной проблематике педагогических исследований становится введение в научный оборот понятия «социализация». В 1887 году американский социолог Ф. Г. Гиддингс определяет сущность этого термина как развитие социальной природы и характера индивида, как подго-

© З. И. Лаврентьева, 2006

товку человеческого материала к социальной жизни. Педагогика ответила на этот вызов выделением социализации как особого предмета частной педагогической отрасли – социальной педагогики. Начинается изучение социализации с точки зрения педагогических категорий: ее места в целостном процессе образования личности, путей, способов, организационных форм включения индивида в социальные отношения, педагогических условий, помогающих личности познавать социальную действительность и осваивать позицию субъекта социальной жизни (П. Наторп). Социальная педагогика определяется как наука и практика гармонизации взаимодействия человека и социальной среды (А. И. Арнольдов). Предметом изучения социальных педагогов становится человек в социуме, в единстве его индивидуальных и общественных характеристик.

С конца 50-х годов XX века теория социализации буквально захватывает общественные науки и порождает интерес к ней фундаментальных теорий. Общемировое признание получают психосоциальная концепция развития Э. Эриксона, социально-мотивационная А. Маслоу, самоактуализации В. Франкла, социально-ролевая Т. Шибутани. Определив личность как уникальную целостную систему, представляющую открытую возможность социально самоактуализоваться, гуманистическая психология назвала это явление присущим только человеку, подчеркнув, таким образом, неограниченный потенциал конструктивного начала социального развития.

Отечественные ученые, активно развивая научные знания в области социализации личности, заострили внимание на субъектности позиции индивида в процессе жизнедеятельности (К. А. Абульханова-Славская); особенностях социального развития детства (И. С. Кон, Д. И. Фельдшейн); на изучении факторов социализации (А. В. Мудрик); механизмов социального познания (Г. М. Андреева); особенностях социального воспитания (М. А. Галагузова, В. И. Загвязинский, С. А. Расчетина, В. А. Сластенин).

Вместе с тем, исследование процессов социализации проходит в русле, характерном для обществознания еще первой половины XX века и заключенном в дилемме «социализация – индивидуализация». Позиция личности в данном системном взаимодействии строго детерминирована социально-средовыми условиями. Социальный мир выступает как внешне заданная и обязательная система; индивидуальность – как подсистема, вступающая не только во взаимодействие, но и в противодействие. Несмотря на то, что акцент делается на двусторонности процесса социализации и активности субъекта социальной жизни, в центре противоборства остаются социализация и индивидуализация. Эти два понятия теоретически дифференцируются, оставляя индивидуальность в чистом виде, без социальной составляющей. Предметом исследования становятся *общие*, а не *социальные* индивидуальные проявления личности. Социальные свойства лишь добавляются к индивидуальным, а не становятся особой характеристикой индивидуальности. В устоявшейся диаде «социальность-индивидуальность» создаются и в настоящее время остро ощущаются трудности объяснения *социальной индивидуальности*, вычленения в качестве предмета исследования социальных свойств отдельной личности, определения способов становления и развития особых социальных качеств индивида.

Сошлемся в качестве доказательства актуальности данного противоречия на исследование И. А. Липского, занимающегося вопросами методологии современной социальной педагогики. В частности, представляя социально-педагогическую парадигму личностно-социально-деятельностного подхода, он выделяет следующее триединство организованных социальных процессов: «процессы социального развития личности, процессы включения человека в социум, процессы педагогического преобразования социума» [1, с. 117]. Далее обсуждаются только две составляющие: человек в социуме и педагогизация социальной среды. Социальное развитие как самостоятельный компонент теряется (или превращается только в критерий процесса социализации). Скорее всего, это происходит именно потому, что традиционный подход противопоставления социальности и индивидуальности не допускает наличия в индивидуальности специфических социальных проявлений, напрямую не связанных с опытом освоения окружающего мира. Остается без внимания социальность индивидуальности в задатках, в антропологической памяти отдельного индивида.

Одним из побочных последствий ограничения изучения педагогической сущности социальной характеристики человека рамками линейного взаимодействия – воздействия – противодей-

ствия личности и социума является то, что остается в тени проблема *качества* социальных свойств личности, достаточного и необходимого их *содержательного* наполнения. Таким образом, остаются неразработанными вопросы, которые ближе всех к теории и практике педагогики.

Отметим, что похожая противоречивая ситуация наблюдается в педагогических исследованиях одаренности. Как только явление одаренности рассматривается в плоскости «особое – общее», собственно одаренность, защищаясь, сопротивляясь, адаптируясь, постепенно перерождается в другие виды и формы. Вычленение феномена одаренности в сравнении с самим собой в процессе саморазвития позволяет более определенно выявлять логику ее становления, педагогические средства сопровождения, условия актуализации.

Итак, изучение социализации как процесса отношений индивида и общества решало педагогическую задачу создания условий для каждой личности «быть как все и не быть как все», то есть противодействия или гармонии индивидуальности и социальности. Педагогика искала и осуществляла механизмы и средства педагогизации социальных процессов и их воздействия на личность ребенка.

В настоящее время появляются педагогические работы, авторы которых пытаются ответить на другие вопросы : как развивать социальность как самостоятельный компонент индивидуальности личности; как помочь ребенку осознать свои социальные качества и развить, укрепить те из них, которые отражают сущностные личностные проявления. Данный ракурс изучения сущности социального развития ребенка позволяет выделить более узкую область абстрактного теоретического исследования: социальность как специфическое явление, как результат *самостоятельного вида развития индивидуальности* личности.

Основания для постановки проблемы в предложенном ракурсе имеются вполне солидные. Прежде всего, они базируются на теоретических постулатах активности личности в двустороннем процессе социализации. Как только было признано, что социализация является процессом усвоения общественной культуры, и влияния на нее субъекта социализации, были определены многие интересные закономерности развития социальных индивидов. Среди них самоценность социальных свойств человека. Если развитие понимать как изменения, происходящие не только в предмете, но и в самом субъекте, то в этом случае результатом деятельности будет не только трансформация предмета в продукт, но и тренировка человеческих сил, их самоценное проявление. Смыслом развития выступает именно сущностное социальное состояние, а не его соотносимость с конкретными социальными обстоятельствами.

Кроме того, признавая процесс социализации субъективным, мы должны согласиться с тем, что он зависит не только от индивидуально-психических, но и от индивидуально-социальных свойств. В данном контексте наиболее продуктивна идея, согласно которой индивид социален изначально (А. В. Брушлинский). Если рассматривать социальность как врожденное свойство индивида, то тогда становится понятным разница между социализацией и социальной зрелостью. Социализация – это степень усвоения и активного воспроизводства культуры, норм и правил; социальная зрелость – степень осуществления социальных задатков. Отсюда – активное исследование социального интеллекта (Г. П. Геранюшкина, Н. А. Лужбина, Г. А. Сатаров); интернальности как свойства, определяющего тип ответственности (К. Муздыбаев, А. А. Реан); виктимности (А. В. Мудрик).

В этом случае возникает необходимость определения самостоятельной категории «социальное развитие» в системе общепедагогических дефиниций. Предполагаем, что его следует рассматривать в педагогике точно так же, как любой другой элемент содержания образования личности: эстетическое развитие, трудовое, нравственное и т. п. Такой подход, определенным образом, просматривается в работах А. В. Мудрика, который перечисляет следующие виды целенаправленного развития ребенка: физическое, сексуальное, интеллектуальное, эксперсивное, социальное [2, с. 258]. Социальное развитие, по Мудрику, – это «овладение способами взаимодействия с людьми, формирование и коррекция установок в этой сфере» [там же, с. 259].

Социальное развитие, с данной точки зрения, как и другие виды, играет дополнительную роль к развитию в целом, оно тоже осуществляется под влиянием внутренних источников и внешних факторов социализации. Но оно представляет собой самодостаточный педагогический факт, имеющий особые сущностные характеристики и специфику процесса развертывания и становления.

Именно как самостоятельный педагогический феномен начинает изучаться социальное развитие в исследованиях последних лет. Конечно, это еще пока достаточно разрозненные работы. Во многих из них определяются лишь контуры подходов к изучению этого явления или высвечиваются его частные фрагменты. Вместе с тем, в последнее время появились монографические исследования, в которых термин «социальное развитие» не только используется как самостоятельный предмет исследования, но и выносится в название монографий (Ш. Зауш-Годрон, З. И. Колычева, Д. И. Фельдшейн) или становится критерием качества жизни людей с ограниченными возможностями (В. И. Гордеев, Ю. С. Александрович).

З. И. Колычева совершенно определенно заявляет, что термин «социальное развитие» она будет рассматривать, вынося его за рамки социализации. Она пишет: «Уровень социального развития, проявляющийся не только в освоении социальных норм, ценностей, правил существования, но и в реализации их в поведении, уровне самопонимания, самосознания, самоактуализации, характеризует “осуществление” человека в его человеческой “самости”. Это и позволяет человеку выходить за пределы сегодняшнего социального опыта, обеспечивая прогрессивное развитие общества» [3, с. 3]. В связи с этим З. И. Колычева определяет специфическое тезаурусное поле проблемы социального развития личности. По мнению исследователя, социальное развитие необходимо рассматривать в широком и узком смысле этого слова. «В широком смысле, – пишет исследователь – социальное развитие есть специфическая форма социального движения, субстратом которого является интегрированная социальная сущность человека, поуровневое накопление социального содержания в индивидуальном развитии человека. В узком плане социальное развитие личности представляет собой процесс, включающий усвоение индивидом форм социальной жизни, приобретение социального опыта, индивидуальных качеств и свойств, выработку ценностных ориентаций, позволяющих ориентироваться в разнообразных жизненных ситуациях и добиваться позитивной самореализации» [там же, с. 18].

Продолжая ее идею, можно расширить упомянутую нами ранее триаду И. А. Липского. Последний выделяет три раздела (стратегии), которые обуславливают сущностные характеристики современной отечественной социальной педагогики: 1) педагогика социальной среды, которая осуществляет «педагогизацию» социума; 2) педагогика социальной работы, занимающаяся управлением взаимодействия личности и социума; 3) педагогика социального развития, содержанием которой, как становится ясным, является собственно социальное развитие личности. Целью первых двух структурных стратегий выступает гармонизация взаимодействия человека и социума, а третьей, с нашей точки зрения, – гармонизация социального и личностного внутри индивида.

Частные педагогические проблемы исследования феномена «социальное развитие» заключаются в поиске социальных свойств, которые составляют резерв личности, в поиске механизмов, которые запускают этот резерв в действие. В связи с этим индивидуализация социального развития, так или иначе, становится предметом многих современных педагогических исследований, связанных с поиском способов противодействия деструктивным влияниям социума. Это, прежде всего, работы по профилактике девиантного поведения, по исследованию способов воздействия на группы риска, по социальной адаптации и предупреждению аддикций. Все это приводит к пониманию многоликости педагогического содержания социального развития.

Так, в палитру содержательных компонентов феномена социального развития М. И. Рожков вводит понятие «социальное закаливание», что означает включение воспитанников в ситуации, которые требуют волевого усилия для преодоления негативного воздействия социума; овладение определенными способами этого преодоления, адекватными индивидуальным особенностям человека; формирование социального иммунитета, стрессоустойчивости, рефлексивной позиции.

Н. Ф. Голованова обращается к теме социального опыта и предлагает строить воспитательную работу как «систему ситуаций организованного социального опыта» [4, с. 7]. Она утверждает, что такие педагогически организованные ситуации позволяют сделать предметом переживания, осознания и присвоения ребенком широкой системы его социальных взаимодействий и впечатлений. Следовательно, социальный опыт можно использовать в качестве сущностной характеристики социального развития личности.

А. П. Тряпицына, Т. И. Шульга, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых обсуждают идею социальных компетенций, под которыми понимают умелость в наиболее значимых сферах социального взаимодействия. М. П. Горчакова-Сибирская, И. А. Колесникова, В. И. Курбатов, О. В. Курбатова, С. В. Тетерский – теорию и практику включения человека в социальное проектирование, тог есть обучение социальному творчеству. Компетенции и проекты, в отличие от опыта, составляют не только актуальную, но и возможную социальную характеристику личности. В самом широком смысле, компетентность определяется, как способность делать что-то хорошо или эффективно; проектирование как взгляд, брошенный вперед, – промысливание того, что может быть. Следовательно, социальные компетенции являются, в определенном смысле, потенциями личности. Социальное проектирование позволяет эти потенции осознать и включить их в социальный опыт. Социальные компетенции, развиваясь, превращаются в компетентность, как свойство социальности в индивидуальном проявлении личности. Теоретическая разработка проблем компетенций и компетентности частично разрешает дилемму социализации и индивидуализации, выделяя социальную компетентность как свойство индивидуальности.

В качестве новой педагогической реальности рассматриваются такие явления, как социальное воспитание и социальное образование (И. Н. Андреева, Ю. В. Василькова, Т. А. Василькова, Л. Е. Никитина, А. В. Мудрик, Т. А. Ромм. М. В. Шакурова, В. Р. Ясницкая). Цель данных исследований видится, в том числе, и в изучении специфических социальных качеств личности. Вновь ученые возвращаются к проблемам социальной ответственности (Н. В. Бородовская, А. А. Реан); социальной одаренности (Н. С. Лейтес); социальным инициативам (Э. А. Мальцева, Н. П. Царева), которые изучают как индивидуальные социальные качества личности.

Таким образом, социальное развитие индивидуальности как самостоятельный педагогический феномен представляет собой сложное образование, обладающее полифункциональностью и многообразием содержания. В научной литературе оно изучается в социально-личностной парадигме и отражает человеческую самобытность индивидуальности.

Используя теоретические выводы ученых о сущности и отдельных проявлениях социального развития личности, проанализируем данное явление с точки зрения процесса и с точки зрения качественной характеристики личности.

Процессуальность будем определять через традиционно признанные в педагогике показатели: движущие силы, механизмы, логику и способы организации. Поиск движущих сил социального развития индивидуальности начнем с нескольких риторических вопросов. Почему в любящих семьях появляются социально одинокие дети? Почему в экономически развитых и стабильных обществах не исчезает преступность? Почему выпускники престижных вузов пополняют ряды безработных? Всегда ли причина в генетике или среде? Не существует ли некая сущностная причина в человечности самого человека?

Э. Эриксон видит такое противоречие в смешанной идентичности, то есть переживании несоответствия внутреннего и внешнего взаимодействия с обществом. Если, по Э. Эриксону, внешнее обусловлено средой и органической индивидуальностью, то внутреннее – отношением индивида к себе как к человеку, то есть собственно индивидуально-социальным состоянием. Продолжая развивать эту идею, Д. И. Фельдштейн (хотя и в контексте «индивидуализация – социализация) также разделяет две позиции ребенка: 1) «Я в обществе», 2) «Я и общество». «Первая позиция…отражает его стремление понять свое Я в связи с обществом, что Я могу делать в обществе? Вторая – связывается с осознанием ребенком себя субъектом общественных отношений, в которых осмысливается собственное Я – что такое мое Я, что Я есмь». Данное положение вполне правомерно дополнить вопросом: что Я есмь не как член данного общества, а как человек по отношению к самому себе; сколько во мне человеческого? Тогда появляется основание для признания в качестве еще одной движущей силы социального развития: *столкновение задатков быть человеком и стремления человеком быть.* Это не просто желание или нежелание осваивать и реализовывать опыт конкретного общежития (данная позиция больше характерна для соотношения внешнего и внутреннего отношения к социуму), а именно противоборство с самим собой, со своей человечностью. Это движущая сила, зарождающаяся и проявляющаяся во внутреннем социальном самоопределении.

Одобрение или неодобрение обществом уровня проявления индивидуальной человечно-

сти, естественно, выступает ведущим механизмом позитивного разрешения данного противоречия. Но не менее важным механизмом является решение самого индивида: стремиться к успешному освоению человеческого в себе или уйти от неуспеха самоактуализации человеческих сил. Последнее решение остается только за индивидуальностью с ярко выраженной социальной особостью. Эта движущая сила и механизм ее запуска поднимаются над линией «социализация – индивидуализация», делают из диады триаду. Она может выглядеть следующим образом: «социализация – индивидуальное социальное развитие – индивидуализация». Соотношение социализации и индивидуализации составляет настоящее конкретного индивида, а индивидуальное социальное развитие определяет вектор будущего, в том числе и будущего всего человечества в соответствии с качеством индивидуальных социальных развитий.

Возрастные изменения социального развития, которые также являются предметом пристального изучения современных психологов, педагогов, антропологов, в предложенной нами триаде обогащаются индивидуальными решениями культивирования в себе человеческого или отказа от оного. Общество и особенно целенаправленный педагогический процесс нравственного развития ставят своей целью стимулировать и поддерживать позитивное решение этой проблемы. Однако дать однозначный ответ, что возникнет адекватная реакция весьма проблематично без знания того, какое индивидуально-социальное решение принял сам человек, причем не по отношению к обществу, а по отношению к своим человеческим способностям. Признаками такого индивидуально-социального решения могут быть инфантильность (совсем не приветствуемая обществом в конкретной ситуации социального развития, например, инфантильность в годы войны), успокоенность, довольствие и даже бравирование низким качеством жизни (хиппи), блокирование жажды жизни, самосохранения (суицидальные поступки) и т. п. Как показывают классические социологические исследования Э.Дюркгейма, сумма общественных обстоятельств настолько велика, что просчитать индивидуальный выбор только за их счет не всегда представляется возможным. Не всегда индивидуальный выбор происходит в системе координат общественно выработанных ценностей личности. Особую опасность составляет наложение неразрешимых противоречий между общественным и индивидуальным, с одной стороны, и социально возможным и социально актуализированном внутри самой личности, с другой. Отсюда на первый план выдвигается проблема социально-индивидуальной устойчивости личности к ситуациям и обстоятельствам. Устойчивость, с нашей точки зрения, напрямую связана с уровнем человечности индивида. Именно человеческое в индивидуальности может стать тем звеном, которое позволит педагогически разрешить часть противоречий «индивидуализации – социализации».

Таким образом, движущая сила индивидуального социального развития, заключающаяся в разрешении противоречия проявления/непроявления человечности, представляется основой педагогически организованного процесса социального развития личности. Ведущий механизм движения к индивидуально-социальному развитию видится в накоплении емкости и устойчивости человеческих способностей и возможностей, как сугубо внутренней характеристики личности.

При яркой актуализации индивидуально-социальной сущности личности логика социального развития предполагает переход от *удивления* чувством индивидуальности общественного бытия, через *успешность* поступков (признаваемых даже в антисоциальной среде) до *потребности* осуществления максимально возможного проявления человеческого в индивидуальности. В совокупности данная логика выводит личность, на «человеческую самость» (Д. И. Фельдштейн), причем, не только на ее настоящее, но и на грядущее. Можно предположить, что названные этапы социального развития присуще человеку в любом возрасте и могут быть введены в общий процесс развития: как при нормальной, так и деформированной последовательности продвижения человека по жизни.

Педагогическая составляющая этого процесса заключается в выборе стратегии и тактики целенаправленного влияния на механизмы, запускающие или стимулирующие внутренние противоречия индивидуально-социального становления личности. Такой стратегией, скорее всего, необходимо признать актуализацию резервных возможностей личности. Базисом актуали-

зации вполне реально могут выступать: во-первых, социальные задатки личности, в частности социальный интеллект; во-вторых, социальные возможности, в частности социальная компетентность; в-третьих, социальная направленность личности, выражающаяся в социальном отклике и социальном интересе. Тактика актуализации социально-индивидуальной составляющей личности видится нами в стимулировании восприятия новых идей через социальное проектирование, педагогическое сопровождение и реабилитационное супервизорство.

В целом, включение в понятие социального развития внутренних противоречий человеческой самости позволяет теоретически обосновывать и доказывать инновационные подходы к педагогическому процессу индивидуально-социального становления личности.

Библиографический список

1. *Липский И. А.* Социальная педагогика. Методологический анализ : учебное пособие. – М. : ТЦ Сфера, 2004.

2. *Мудрик А. В.* Введение в социальную педагогику: учебное пособие для студентов. – М. : Институт практической психологии, 1997.

3. *Колычева З. И.* Социальное развитие личности будущего учителя в свете ноосферных идей : Автореферат дис. … д-ра пед. наук. – СПб., 2005.

4. *Голованова Н. Ф.* Социализация и воспитание ребенка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – СПб. : Речь, 2004.

С. В. Бобрышов

СИСТЕМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Преамбула. *Рассматриваются сущность, содержание и функции методологического подхода в научном исследовании. Выявляются основания и этапы формирования системы методологических подходов к изучению историко-педагогического процесса.*

Одной из серьёзнейших научных проблем любого историко-педагогического исследования является выбор основополагающих методологических подходов, с опорой на которые и в рамках которых организуется и выполняется исследование.

Актуальность этой проблемы давно осознается историко-педагогической наукой, можно сказать, с момента её возникновения. Достаточно вспомнить в этом плане выход в свет четырехтомной «Истории педагогики» К. Шмидта (1860–1862) и последовавшие сразу за ним многочисленные отклики и рецензии, в которых практически в обязательном порядке ставился вопрос о целесообразности, необходимости, допустимости столь широкой и всеобъемлющей, как это реализовал автор, контекстной взаимосвязи истории педагогики и истории культуры человечества, истории самого человечества. И после этого фактически ни один труд по всемирной и отечественной истории педагогики не обходился без обсуждения проблемы выбора оснований взаимодействия и сорассмотрения знания историко-педагогического и просвещенческого, культурологического, социально-политического, социально-экономического, этического, антропологического и др.

В современной отечественной историко-педагогической науке вопрос о применении формационного, цивилизационного, культурологического, парадигмального и других методологических подходов в исследовании, о достоинствах и преимуществах каждого из них наиболее остро встал после того, как была утрачена монополия классового подхода. За последние годы данный вопрос не раз становился предметом специального рассмотрения, ареной острых дискуссий и критики. В частности, отмечается, что в практике выполнения историко-педагогических работ отбор и использование подходов зачастую носит не системный, а случайно-избирательный характер, определяемый либо какой-то традицией, либо же степенью осведомленности ученого о существовании того или иного из них. Но в чем же проявляется роль методологического подхода, каковы его функции? Каков должен (может) быть состав подходов и как от этого зависит качество исследования, каков порядок формирования подходов? Рассмотрению данных вопросов и посвящена настоящая статья.

© С. В. Бобрышов, 2006

Анализ методологической практики показывает, что методологический подход не просто задает модель авторского видения, понимания и интерпретации явлений, фактов и событий в истории педагогики, а выступает научно обоснованным аксиоматическим каноном целостного анализа и представления её объекта – историко-педагогического процесса в тех или иных аспектах его взаимосвязи с общечеловеческой историей, историей общества и государства, культуры, науки, с судьбами людей, определяет угол взгляда на логику и этапы его развития, регламентирует отбор и интерпретацию фактологического материала, закладывает аксиологические параметры оценки изучаемых историко-педагогических явлений и т.д.

Для сущностного и содержательного осмысления используемых в современной истории педагогики методологических подходов к изучению историко-педагогического процесса, построения и обоснования соответствующей их системы, способной обеспечить продуктивность исследования, обратимся к генетически исходному, общенаучному понятию «подход к познанию». Хотя данное понятие и имеет достаточно широкое употребление, тем не менее, его содержание отличается известной неопределенностью и неоднозначностью. Так, порой «подход» напрямую отождествляется с терминами «метод» (применительно к познанию) и «принцип». И, несмотря на то, что за ними можно признать определенную взаимосвязанность, они все же не синонимы. В отличие от подхода, метод характеризует непосредственно процесс познания с точки зрения определения способа его осуществления, способа деятельности субъекта познания, а принцип отражает ведущие идеи, образующие совокупность норм и правил, с опорой на которые формируется и направленно реализуется культура мышления, позволяющая в принципе «правильно видеть» объект на всех этапах его познания, от предвидения до поствидения. Подход в полном своем значении не может быть сведен по отдельности ни к методу, ни к принципу, он выступает некой платформой, на основе которой и метод, и принцип, объединяясь, образуют определенную гносеологическую целостность.

Наиболее часто и продуктивно понятие подхода связывается с фиксацией некоторой направленности научного исследования, с его целевой ориентацией, которые в совокупности определяют общую его стратегию. Именно данный момент поставил во главу угла Э. Г. Юдин, отметив, что методологический подход можно определить как принципиальную методологическую ориентацию исследования, как руководящую общей стратегией исследования точку зрения, с которой рассматривается объект изучения [*Юдин Э. Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. – М., 1997]. Подход в данной интерпретации – это, по сути, определенная *исследовательская установка по отношению к объекту исследования*, подчиняющая себе логику понимания и оценки изучаемых фактов, явлений и событий, соотнесения их между собой и с окружающей действительностью в пространственных и временных координатах. В целом же это дает нам основание определить методологический подход как гносеологическую целостность, включающую исследовательские установки по отношению к объектам историко-педагогической действительности, а также принципы и методы изучения этих объектов.

Методологами отмечается, что понятие подхода применимо к самым различным уровням и задачам методологического анализа и, следовательно, заключает в себе весьма широкую амплитуду методологического содержания и акцентов, указывающих на принадлежность исследователя к той или иной философской школе, к конкретной гносеологической традиции. В одних случаях подход практически полностью исчерпывается указанием на стратегический исходный принцип или их совокупность (таковы, например, комплексный, элементаристский и целостный, синхронический и диахронический, содержательный и формальный подходы), в других – понятие подхода отражает систему общих науковедческих или социально детерминированных убеждений субъекта познания, которым он стремится следовать, т.е. оно фактически тождественно целенаправленному проведению в исследовании определенной мировоззренческой позиции (такова известная дихотомия диалектического и метафизического подходов, сюда относится и классовый подход), а в третьих – реализация определенного подхода предполагает еще и одновременное применение согласованного набора правил, процедур и приемов, служащих формой, способом и условием реализации соответствующих принципов (это относится, в частности, к информационному и модельному подходам).

Таким образом, мы можем выделить ряд базовых общенаучных функций методологического подхода как регулятора и индикатора научного исследования: *научно-мировоззренческую, парадигмальную и инструментальную*. Данные функции проявляют себя в том, что подход позволяет достигать научно корректных параметров и характеристик процесса познания; способствует системному оформлению исследовательской установки ученого на целостное видение объекта познания, на выбор направлений и логики соотнесения его с внешней действительностью; акцентирует внимание на научно-мировоззренческих аспектах исследования; обеспечивает выбор соответствующих принципов и средств изучения объектов, обеспечивает формирование и удержание общей стратегии исследования в соответствии с принятыми парадигматическими принципами; позволяет постулировать значимые характеристики сторон процесса познания с точки зрения сосредоточения внимания на его содержании и форме, достигнутом соотношении качества и количества и т.д.; активизирует различные уровни методологического анализа, акцентируя внимание на науковедческих и мировоззренческих убеждениях субъекта познания, на соответствующих принципах, средствах, способах и приемах ведения исследования.

Важно при этом отметить, что ни один отдельно взятый подход не исчерпывает методологической характеристики исследования: в каждом из исследований обычно реализуется некоторая их совокупность. При этом не существует конечного определения того, какие именно и сколько их должно быть. Главное, чтобы применяемые подходы, с одной стороны, были адекватны исследовательским задачам, а с другой – принятой научным сообществом методологической культуре и выбранной исследовательской парадигме. Такая адекватность вообще является главным критерием в методологии научного познания (Э. Г. Юдин).

Методологическая практика показывает, что центральным моментом в формировании системы методологических подходов выступает определение круга и содержания исследовательских установок, *исходя из которых ученый будет изучать объект*. Анализ смысло-содержательных параметров бытия науки, требований к научному историческому исследованию позволил установить, что применительно к объекту истории педагогики данные установки дифференцируются по следующим направлениям.

1. Понимание самого историко-педагогического процесса как системного мультисмыслового феномена, предстающего, в частности, как двуединый процесс развития практики образования (воспитания и обучения) и педагогической мысли, как неотъемлемая сторона историко-культурного процесса (Г. Б. Корнетов); как трансвременное отражение всемирного целостного воспитательного процесса, проявляющегося в единстве и взаимосвязи локальных воспитательных процессов, центрированных на уровне государства, региона, народа, нации и др.; как ключевой элемент системы социальной репродукции и важнейшая сфера жизни общества; как «человеческое пространство», в котором формируется и получает огранку человеческая субъектность, осуществляется целенаправленное развитие физических, душевных и духовных качеств и свойств личности человека; как свод и отражение традиций и достижений профессионально-педагогической культуры человечества; как система межвозрастных, межполовых, межкультурных и других взаимодействий, направленных на культурное преобразование человеческой природы; как система, которая востребует и в которой сходятся в снятом (идеализированном) виде нравственные, политические, эстетические, экономические и др. линии развития культуры общества.

2. Понимание языка педагогики (при помощи которого описывается объект исследования) как развивающегося гуманитарного знания, т. е. знание, яркими характеристиками которого является отсутствие строго фиксированной локализации в рамках какой-то одной науки, благодаря чему строй данного знания проектируется, надстраивается, опосредуется, усложняется усилиями разных наук – психологии, психофизиологии, философии, логики (важно поэтому в ходе исследования учитывать развитие этого междисциплинарного знания, постоянно осуществлять не только внутринаучную, но и широкую межнаучную, в рамках пограничных дисциплин, рефлексию); внутренний динамизм, идущий от нескончаемости возникающих проблем как у самого человека – постоянно развивающегося и усложняющегося биосоциального феномена, так и у общества, которое должно одновременно обеспечить и «благость» человека

и свою собственную репродукцию, что не всегда совпадает по целям и средствам; ярко выраженная аксиологическая составляющая, идущая, во-первых, от изначально заданной необходимости, но невозможности как-то однозначно и устраивающе абсолютно всех разрешить множественные противоречия (единичного и всеобщего, свободы и зависимости, желаемого и необходимого, главного и второстепенного и др.), свойственные каждому человеку и обществу в их взаимодействии, а во-вторых, от имманентно присущей человеку и обществу постоянной потребности оценивать, сравнивать, выявлять предпочтения и др.; ярко выраженный субъективный характер, что определяется многовариантностью индивидуально-личностных проявлений человека, фиксируемых в жизни и поведении, а также мотивационно-смысловыми, целевыми факторами и зависимостями, индивидуально характеризующими каждого человека и др.

3. Понимание результата исследования объекта, т.е. то, с какой целью будет изучаться историко-педагогический процесс и что это может и должно дать нам как исследователям; какой вклад будет внесен в науку, какие проблемы и трудности удастся решить; какой от этого будет толк социальной практике, какие противоречия будут по-новому осмыслены и появится возможность их преодолеть и т. д.

4. Понимание того, как надо изучать историю педагогики, в частности историю науки педагогики. Это вопрос выбора форм, методов, приемов исследования, базирующихся на осознании важности ведения исследования с опорой на принципы объективности, системности, историзма; с учетом важности достижения взаимосвязи исторического и логического, эмпирического и теоретического; с опорой на положения, свойственные именно для истории науки; с учетом того, что те или иные артефакты истории могут интерпретироваться разными исследователями совершенно по-разному, а следовательно, могут вновь и вновь вводиться в канву исследования и подвергаться новому анализу.

5. Понимание того, как обеспечить достижение тех или иных заданных параметров исследования: его качества с позиций достоверности, новизны, прогностичности; точности в плане реализации поставленных задач; соответствия канонам научности, в частности, достижения диалектики объективного и субъективного, всеобщего и частного; соответствия установившимся в науке традициям, взглядам, убеждениям, либо же в плане целенаправленного преодоления сложившихся канонов, отрицания не устраивающих в силу тех или иных причин традиций, взглядов и убеждений и др.

Нетрудно заметить, что указанные направления исследовательских установок центрируются вокруг двух основных обобщенных позиций: выявление и максимальный учет сути и специфики системно-смысловых сторон объекта исследования (историко-педагогического процесса) и обеспечение организации и проведения исследования в соответствии с определенными методологическими канонами. На это и должны быть направлены выбираемые подходы. Именно необходимостью и возможностью решения вышеобозначенных задач и определяется их конкретный перечень.

Логика и принципы теоретико-познавательной деятельности позволяют определить, что процедура формирования системы методологических подходов в своей основе предполагает три этапа.

Первый – это этап *методологического самоопределения* исследователя. На этом этапе происходит оформление субъект-объектной взаимосвязи ученого и предполагаемого объекта изучения, т. е. осознание ученым, с одной стороны, себя как исследователя (понимание значимости, необходимости и возможности осуществлять исследование; оценка личностного соответствия требованиям индивидуальной или коллективной научной работы, способности и готовности вести изучение поставленной проблемы и др.), а с другой – сути исследования как специфической формы освоения историко-педагогической действительности. Важными результатами должно стать формирование общей стартовой методологической культуры ученого; овладение им алгоритмом рефлексии объекта изучения, позволяющим осуществить его системное (хотя может быть пока еще и довольно абстрактное, без конкретных прояснений) видение в совокупности упомянутых нами точек зрения на него. Итогом же работы в рассматриваемом нами контексте является оформление фундамента системы методологических подходов, к которому мы относим подходы первого уровня – *базовые*, названные нами так исходя из их исключительной методологической важности для научно-корректной постановки любого исторического иссле-

дования. Это системный, структурный, функциональный (структурно-функциональный), исторический, логический (историко-логический), комплексный, модельный, конкретно-исторический, синергетический и другие общенаучные подходы. То или иное их сочетание отражает как степень первичной научной состоятельности, грамотности, основательности самого ученого, так и научную обоснованность, продуманность, обстоятельность планируемого исследования.

Второй этап – это этап конкретного *смыслосодержательного определения объекта* исследования. Здесь осуществляется прояснение и формирование точки зрения исследователя на историко-педагогический процесс с позиций понимания его как многогранного и многозначного феномена. На этом этапе историко-педагогический процесс наполняется индивидуально-значимыми для исследователя смыслами и взаимосвязями, исходящими из личностного понимания сути, многослойности и многовекторности истории образования, истории страны и всемирной истории в целом; осознания многообразия фактов и противоречий объективного и субъективного характера, которыми отмечен путь развития образования и педагогики, их аксиологического определения; ориентации на ту или иную гносеологическую и, в целом, науковедческую школу и т.д. Здесь же, параллельно и во взаимосвязи, происходит сопряжение и согласование данных личностных смыслов со смыслами, уже наработанными историко-педагогической наукой, а также согласование языка педагогики, которым владеет исследователь и на котором говорит современная наука.

В ходе вышеуказанного процесса и выкристаллизовывается приверженность ученого тем или иным подходам собственно историко-педагогического исследования, которые мы определяем как *парадигмальные*, или подходы второго уровня (аксиологический, цивилизационный, антропологический, классовый, культурологический, стадиально-формационный и др.), в основе которых лежат признанные большинством ученых концепции и теории, определяющие детерминации общественного развития человечества. Либо же в рамках обозначенного процесса осуществляется разработка нового методологического подхода, если уже имеющиеся не в состоянии в полной мере обеспечить реализацию концепции и задач исследования, по той или иной причине неадекватны современной гносеологии, не соответствуют последним достижениям общественной и историко-педагогической науки и т. п. (Так, в частности, было с аксиологическим, цивилизационным и антропологическим подходами, становление которых происходило, да по большому счету и продолжается на протяжении последних пятнадцати лет). Именно подходы из данного ряда определяют парадигмальный портрет и смыслонесущий каркас исследования, формируют его специфический язык, логику доказательств, обусловливают линии взаимосвязей с фактами и событиями гражданской истории, историей развития культуры и науки и т. д.

На третьем этапе – *технологического обусловливания исследования* объекта – система методологических подходов дополняется рядом подходов, обладающих четким алгоритмом решения стандартизированных исследовательских задач. Они не только позволяют эффективно справляться с поставленными задачами историко-педагогического исследования (анализ, понимание и объяснение историко-педагогического материала, выявление трансвременных закономерностей педагогического характера, построение периодизаций изучаемых процессов и явлений и т. д.), но и призваны обеспечить должный уровень организации и проведения исследования в соответствии с требованиями историко-педагогической науки. В зависимости от особенностей плана работы, от конкретных направлений и содержания поисковой и теоретической деятельности, от особенностей источников, с которыми имеет дело ученый и параметров объяснительно-интерпретационной работы с ними, от нюансов поставленных задач отбираются к применению соответствующие *инструментальные* подходы: сравнительно-сопоставительный (компаративистский), служащий для сравнительного анализа педагогических фактов, явлений и событий; герменевтический и различные интерпретационные подходы, применяемые при работе с различными текстами; формальный (абстрактный) и проблемно-генетический (диалектический) – к построению периодизаций; онтологический и феноменологический – к анализу научного знания; диверсификационный – для выявления и упорядочивания системы факторов и обстоятельств, определяющих развитие научного знания и др.

В процессе построения общей системы подходов в исследовании важно не просто определить их перечень, но и установить между ними связи, уточнить их общее и специфическое функциональ-

ное предназначение, «нагрузить» средствами решения задач, что реализуется через согласование следующих за каждым подходом принципов, методов, приемов и процедур исследования.

В том или ином сочетании обозначенные выше исследовательские установки, подходы и алгоритмы методологического знания способны формировать как общие, так и высоко специализированные целевые концептуальные исследовательские схемы под исследование историко-педагогических проблем различной направленности и степени сложности.

Ф. Н. Козырев

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ШКОЛЬНОМ РЕЛИГИОЗНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Высшим показателем профессиональной готовности педагога является наличие у него *методологической культуры*[1]. В части преподавания религии в общеобразовательной школе такой культуры нашим педагогам недостает, что становится все более очевидным фактором сдерживания развития религиозно-педагогической практики в нашей стране. Указанным недостатком обосновывается актуальность обращения к накопленному за последние десятилетия зарубежному опыту решения методологических проблем, возникающих при организации и осуществлении религиозного образования в современной светской школе. В свете этого опыта некоторые трудности, встающие перед отечественной педагогической наукой в ходе освоения религиозной тематики, могут найти решения, наиболее отвечающие современному уровню научного знания и требованиям, предъявляемым к образованию.

В области школьного религиозного образования можно выделить следующие пять блоков методологических проблем:

I. Проблемы категориального аппарата.

II. Проблемы целеполагания.

III. Проблемы содержания образования.

IV. Эпистемологические проблемы.

V. Аксиологические и этические проблемы.

Соответственно этим блоком структурирована настоящая статья.

I. Первый блок проблем обусловлен недостаточной разработанностью категориального аппарата, необходимого для осуществления педагогических исследований, развития теории обучения и управления процессами преподавания и изучения религии в общеобразовательных школах. К нему следует отнести прежде всего отсутствие надлежащего *основного понятия* для обозначения данной области педагогической деятельности. В современной международной практике таким наиболее широким понятием является *религиозное образование*. В отечественной педагогике складывается тенденция неправомерно сужать область применения данного понятия, чему в немалой степени способствуют, на наш взгляд, атеистические традиции советского периода. Определение Большой Советской Энциклопедии, согласно которому религиозное обучение и образование – это «система профессиональной подготовки служителей религиозных культов, специалистов-теологов, преподавателей богословия в духовных учебных заведениях и религиозное обучение населения», пользуется до сих пор немалой популярностью.

В последнее время начинают предприниматься шаги в направлении разграничения понятий «*профессиональное религиозное образование*», которое в первую очередь имеет в виду БСЭ, и «*школьное религиозное образование*». Так, И.В. Метлик считает, что «религиозное образование в целом шире собственно профессионального религиозного (духовного) образования»[2]. Вместе с тем, с точки зрения Метлика, «ведущим критерием принадлежности образовательной деятельности по изучению религии к области религиозного образования является взаимодействие с соответствующей религиозной организацией. Если такое взаимодействие установлено и зафиксировано в нормативно-правовых документах, то изучение религии в любом образовательном учреждении, в том числе в государственном и муниципальном, можно считать формой религиозного образования»[3]. Кроме того, религиозное образование, по мнению Метлика, всегда развивается «на мировоззренческой, духовно-нравственной основе той или иной религии, опирает-

© Ф. Н. Козырев, 2006

ся на сложившееся в данной религиозной традиции мировоззрение и уклад жизни»[4].

С таким подходом к определению религиозного образования нельзя согласиться по следующим причинам:

1. Для использования в качестве показателей «религиозности» образования наличия конфессиональной мировоззренческой платформы и формального взаимодействия с религиозными общинами *нет достаточных рациональных оснований*. Верность отечественным педагогическим традициям не может быть таким основанием, поскольку: а) в отечественной традиции религиозного образования произошел почти вековой разрыв, нарушивший естественный ход ее эволюции и не позволяющий некритически переносить в современную педагогическую теорию и практику дореволюционные образцы; б) если все же пытаться ориентироваться на эту традицию, то мы обнаружим у ведущих российских педагогов дореволюционного периода единодушное стремление выводить религиозное образование за рамки конфессиональных ограничений, рассматривать его как часть общеобразовательной деятельности, административно не подчиненной церкви[5]. Зарубежная академическая традиция не поддерживает в своем большинстве такое понимание. Таким образом, российское общество, вступившее в совершенно новый этап государственно-церковных отношений, имеет все основания отказаться от формально-юридических и идеологических подходов к религиозному образованию, доставшихся ему в наследство от эпохи существования государственной религии.

2. Предложенное определение устанавливает невозможность осуществления религиозного образования на неконфессиональной основе, т.е. без непосредственного административного участия религиозных объединений и без опоры на единую мировоззренческую платформу. Вместе с тем такое *неконфессиональное религиозное образование* давно существует и является одним из наиболее перспективных путей реализации религиозного образования в современной светской школе. Попытка скрывать или игнорировать этот факт подталкивает отечественное религиозное образование на тупиковый путь развития.

3. Утверждая необходимость обеспечения мировоззренческого единства между учителями и учащимися, опоры на «сложившееся в данной религиозной традиции мировоззрение», в качестве условия осуществления религиозного образования, данный подход исходит из иллюзорного и опасного представления о внутренней идеологической монолитности религиозных традиций. На самом деле единство взглядов по важнейшим этическим, мировоззренческим, философским, политическим и многим другим вопросам существует разве что в очень маленьких и очень тоталитарных сектах. Богатые религиозные традиции включают широчайшее разнообразие мировоззрений, и попытка выстроить их вокруг одной «генеральной линии» неминуемо продуцирует у учащихся превратное представление о религиозной жизни.

4. Предлагаемое понимание противоречит мировой практике.

Для повышения методологической культуры преподавания религии в российских общеобразовательных школах мы считаем принципиально важным отказаться от складывающейся у нас тенденции сужать область применения понятия «религиозное образование», привести его толкование в соответствие с международной практикой. Отсутствие такого соответствия ставит отечественную школу в особое положение, затрудняет обмен опытом и идеями в чрезвычайно важной области общего образования, создавая тем самым предпосылки для ее международной изоляции, тормозит развитие педагогической науки в целом. Особенно серьезным препятствием оно становится для бурно развивающегося последние полвека межрелигиозного профессионально-педагогического сотрудничества.

Вторая настоятельная необходимость заключается в возможно более четком разграничении *неконфессиональных* (светских) и *конфессиональных* форм религиозно-педагогической практики. Развиваемые последнее время подходы к определению светскости также вызывают недоумения. Так, в одном из наиболее обстоятельных исследований, посвященных проблеме светскости образования[6], находим следующие высказывания: «Не относятся к светскому образованию только катехизация, а также внутрицерковное (внутриконфессиональное) духовное образование, имеющее целью воспроизводство служителей культа (православных священнослужителей и др.), то есть узкопрофессиональное религиозное (духовное) образование – такое образование, которое не является общегражданс-

ким, значимым для всего общества». И далее: «Противоположностью несветскому… является образование в государственных, муниципальных и негосударственных образовательных учреждениях в соответствии с государственными стандартами. Именно такое образование – реализуемое в государственных, муниципальных или негосударственных образовательных учреждениях в соответствии с государственными стандартами, не преследующее целей подготовки служителей культа и не управляемое исключительно религиозными объединениями – и является светским»[7]. Такое толкование позволяет назвать светской *любую общеобразовательную школу*, каким бы жестким ни был в ней идеологический прессинг и каких бы пределов ни достигала дискриминация на религиозной и идеологической почве.

II. Целеполагание в школьном религиозном образовании сопряжено с решением следующих основных вопросов:

– вправе ли школьное религиозное образование ставить свои *специальные цели* или оно может рассматриваться только как вспомогательный компонент общеобразовательного процесса;

– что должно *развивать* у учащегося религиозное образование и воспитание: ум, эмоциональную сферу или особое «религиозное чувство»;

– что есть успешный *результат* религиозного образования: правильная религиозная жизнь или правильное понимание религии;

– как цели религиозного образования должны быть связаны с *конфессиональной идентичностью* учащихся?

Перед другими предметами учебного плана первый вопрос, как правило, не стоит, с религией же он связан потому, что этот предмет всегда претендовал на особый статус. Когда школа принадлежала церкви, преподавание церковного вероучения, естественно, занимало ведущее положение в школьной программе. Когда школа обрела самостоятельную жизнь и стала строиться на светских педагогических основаниях, в некоторых странах (Франция, Россия) религию ожидало изгнание из учебного плана, в других (Германия) она оказалась в положении официального церковного представительства на чужой территории, в третьих (Англия) начались попытки интегрировать ее в светский образовательный процесс. Песталоцци и ряд других реформаторов пытались сохранить доминирующее положение религии в новой школе, тесно связав религиозное воспитание с другим «беспредметным» компонентом школьной программы – нравственным воспитанием. «Песталоцци, подобно Коменскому, – пишет Модзалевский, – смотрел на религию как на основу нравственного воспитания»[8]. Сходных взглядов придерживался в России К.Д. Ушинский: «Если мы не ставим религию средоточием гуманного образования, – писал Ушинский, – то только потому, что она должна стоять во главе его, и потому, что вообще не ставим религиозного воспитания в число наук»[9].

Сегодня вопрос о правомочности и целесообразности выделения религии в качестве отдельного предмета учебного плана не поднимается в большинстве европейских стран. «Почему все общедоступные школы должны включать в свою программу урок религиозного воспитания? Потому что религия образует область самостоятельного и самобытного человеческого опыта», – так, по словам Карла Нипкова, отвечают на вопрос педагоги Германии[10]. Сходная позиция выражена в докладе Комитета по образованию Великобритании 1938 года (Spens Report): «Ни один мальчик и ни одна девочка не могут считаться образованными, если до них не доведено осознание факта существования религиозной интерпретации жизни»[11]. Однако вопрос о роли и месте религии в общеобразовательном процессе остается актуальным. Основная линия развития религиозной педагогики в XX веке может быть определена как усиление развивающей функции религиозного образования, повышение его роли в достижении общеобразовательной цели.

Второй из поставленных выше вопросов тесно связан с пониманием сущности религии. Цели религиозного образования будут самыми разными в зависимости от того, *что* будет признано наиболее важным элементом религиозной жизни: личные переживания, мировоззрение как рационально обоснованная система взглядов, культовая и культурная традиция или что-то другое. Главный дидактический вопрос в связи с этим заключается в том, на развитие какой из психических сил души должно быть направлено религиозное воспитание: ума или чувства. Надо ли ставить религию в один ряд с такими апеллирующими к логике предметами, как математика и философия, или с предметами, занимающимися этическим и эстетическим воспитанием? Если религиозность всецело относится к сфере эмоций, место религии – в ряду искусств,

если она опирается на разум – в ряду наук. Представление о религии как о своде правил ставит ее в один ряд с юриспруденцией (Закон Божий), а убеждение в иррациональности религии, доведенное до известного предела, вообще вычеркивает ее из числа предметов изучения. Как верно замечает английский теоретик Джон Уилсон, если религия обнаруживается в состояниях, которые «просто находят на человека» без всякого участия с его стороны и не подлежат ни разумному объяснению, ни контролю, то применение к религиозной жизни таких понятий, как верное и неверное, разумное и неразумное, полезное и вредное, полностью теряет свой смысл[12].

Исторический переход от схоластики к гуманизму характеризовался переводом религии из разряда наук, ведающих достоверным знанием, в сферу эмоциональных переживаний человека. В то время как катехизическое обучение религии было сосредоточено на передаче рационально формализованного знания, Песталоцци и его последователи предпочитают уже говорить о развитии *религиозного чувства*. В новейшей же педагогике XX века можно наблюдать в определенной мере возвратное движение, обусловленное, конечно, не стремлением возродить схоластические подходы, но общим уклоном школы в сторону точного знания. Значительный вклад в этот процесс внесло решение Пола Хёрста придать религии в своей концепции образования статус одной из «форм знания». Он предлагает отличать религиозное образование (допустимое в школе) от катехизации (недопустимой в школе) по цели: первое направлено на умственное развитие, вторая – на развитие веры[13].

Многие педагоги в Англии и за ее пределами подвергли критике идею Хёрста ограничить задачи религиозного образования когнитивным планом. С точки зрения одного из основоположников неконфессиональной религиозной педагогики, Ниниана Смарта, для достижения учащимися истинного *понимания* религии образовательный процесс должен «превосходить информативность» и включать не только *эксплицитное* изучение внешних фактов, но и опытное постижение или осознание таких *имплицитных* элементов религии, как чувство благоговения, удивления и любви. Если основная задача религиозного образования, по Смарту – «способствовать развитию понимания природы религии как особого пути интерпретации опыта», экзистенциальное сопереживание опыту веры является желательным компонентом обучения[14]. В соответствии с этим в новейшей дидактике развитие религиозной восприимчивости (чувства) и способности размышлять на религиозные темы (развитие ума) начинают рассматриваться как стороны единого процесса, направленного на *понимание религии*.

Непосредственно в связи со вторым вопросом возникает и третий – о возможности и правомерности постановки религиозному образованию *экзистенциальных задач*, о допустимой *глубине воздействия* религиозного образования на личность, или, как проще сформулировал его еще один английский теоретик образования Джон Сили, – вопрос о том, должно ли религиозное образование учить детей быть религиозными[15]. Для Сили был очевиден отрицательный ответ, при логическом обосновании которого он опирался на понимание образования как *вторичной формы опыта*: «Образование существует главным образом для того, чтобы предоставлять знание и понимание опыта в терминах его концептуальной природы. Говоря иначе, цель образования – фиксация опыта в символических формах, позволяющая учащимся лучше сосредоточиться на нем и понять его»[16]. Этим образование отличается от всех первичных форм опыта: от спорта, научного исследования, художественного творчества, церковного служения и т.д. Оно есть деятельность, по существу представляющая собой рефлексию над другими видами деятельности. Тем самым оно как бы «отстоит на один шаг от других форм опыта»[17], и в этой-то дистанцированности образования от опыта Сили и видел возможность учить религии, не уча при этом, как надо жить. Задача религиозного образования, как и всякого другого, по Сили, – это прояснение понятий и принципов, с помощью которых формулируется опыт.

В английской педагогике уже к началу 1970-х годов, сложилось представление о том, что некофессиональное религиозное образование по существу связано именно с такой постановкой цели: если религия преподается для понимания – это «религия для всех», если она преподается для того, чтобы следовать ей в жизни – это «религия для верующих». Эдвин Кокс, провозгласивший в 1966 году смену целей в школьном религиозном образовании Англии[18], определил четырьмя годами позже новые цели следующим обра-

зом: «Задача в том, чтобы помочь учащимся понять природу нашего современного секулярного плюралистического общества, помочь им осознать место религии в государстве, научить их объективно и обоснованно делать свой выбор между множеством конфликтующих религиозных утверждений, свойственным плюралистическому обществу, и выработать самостоятельно и уметь защищать свою собственную религиозную точку зрения или свой отказ от таковой»[19].

Понимание образования как «двуединого процесса социализации и индивидуации»[20] ставит перед религиозным образованием непростую задачу совмещения этих функций. С одной стороны, религиозное образование призвано содействовать развитию самостоятельно мыслящей личности и в этом отношении должно избегать различных форм индоктринации, включая насаждение веры; с другой – участие религиозного компонента в выполнении школой социализирующей функции естественно воспринимать как целенаправленное формирование конфессиональной идентичности учащихся, а это противоречит характеру светскости образования. Есть ли выход из противоречия? В какой форме может осуществляться функция социализации в религиозном образовании? Что может стать в поликонфессиональной учебной группе таким же прочным *основанием для единства*, каким служит в гражданском воспитании подданство одному государству, а в гуманитарном образовании – принадлежность учащихся и учителей общему культурному наследию? Современная религиозная педагогика предлагает два направления поиска *надконфессионального основания для единства* образовательных принципов и норм. Один из возможных путей установления единства заключается в развороте религиозного образования в антропологическую плоскость. Если при изучении религии в центре рассмотрения окажутся не характеристические элементы традиции, а *религиозность человека*, тогда задача социализации может быть связана с общими законами развития религиозного сознания, независимыми от конфессиональной принадлежности. Изучив религиозность человека как психический и антропологический феномен, можно нацелить религиозное образование на повышение качества религиозности, адаптируя его к конкретному конфессиональному контексту. Социализирующая функция религиозного образования будет заключаться в этом случае не в формировании конфессиональной идентичности, а в целенаправленном совершенствовании общественно значимых аспектов индивидуальной религиозности. Значительный импульс движению в этом направлении придала теория возрастного развития веры Джеймса Фаулера[21].

Другой путь – поиск надконфессиональной основы для единства в самой школьной практике. Он предполагает концептуальное переосмысление сущности и роли *микросоциума*, в котором протекает педагогический процесс. Если участники процесса образуют не *общину верующих*, как это подразумевается при катехизическом обучении, а *общину учащихся*, тогда социализирующая функция религиозного образования может заключаться в построении и отработке моделей межконфессионального взаимодействия и взаимоотношений, которые учащиеся способны будут реализовать в «большом» плюралистическом мире. Современная школа, с этой точки зрения, может и должна стать местом *приятия* разных религиозных убеждений членов ученического коллектива, местом, где возможен доброжелательный межкультурный диалог по вопросам веры, позволяющий глубже понять себя и сделать решительный шаг в сторону понимания и приятия другого. Многообразие религиозных убеждений участников диалога в их конкретном, опытно постигаемом, *наглядном* проявлении должно становиться при таком понимании религиозно-образовательного процесса ключевым дидактическим и воспитательным ресурсом.

В виду перечисленных вопросов и ответов повышение методологической культуры преподавателя религии в общеобразовательной школе требует с точки зрения целеполагания развития у него умения постановки перед религиозным образованием задач не только информативного, но и развивающего характера, адекватных общеобразовательной цели. Первый и важнейший шаг на этом пути заключается в способности разграничивать педагогические и миссионерские цели и мотивации и возможно более четкое определение ограничений, которые налагает на целеполагание светский характер школьного образования.

III. Проблемы содержания религиозного образования обусловлены многосторонностью затрагиваемого им феномена и наличием самого широкого спектра научных и ненаучных интерпретаций его различных аспектов. В отношении

понимания школьными учителями того, *что* следует изучать на уроках религии, ситуация до недавнего времени была неблагополучна не только в нашей стране. В 1976 году английский педагог-теоретик Джона Уилсон писал: «Не будет преувеличением сказать, что даже не предпринимаются попытки серьезно обсудить: а) что следует считать религией (а отсюда и религиозным образованием); б) что следует считать прогрессом, успехом, высоким уровнем образованности и т.д. в этой области»[22]. Одну из причин этого Уилсон видел в том, что, мы часто думаем, будто все и так понятно. Вместе с тем существование самых различных мнений по вопросу о том, что такое религия, явно свидетельствует о том, что это не совсем так. В быту мы используем слово «религия» для обозначения очень разных явлений. Иногда мы говорим о религии как о вере, глубоком внутреннем убеждении человека, а иногда мы обозначаем этим словом формализованную систему вероучения и обрядов. От смешения этих двух значений возникает возможность парадоксальных утверждений вроде «этот человек не принадлежит ни к какой отдельной религии, но он очень религиозен». Можно выделить следующие основные значения слова «религия»:

– религия как личная набожность (благочестие);

– религия как система убеждений, этических ценностей и культовых действий (верование, или вероисповедание);

– религия вообще как особая форма духовной жизнедеятельности человечества, отличная от таких форм, как наука, искусство и проч.

Значительную проблему при этом представляет определение границ применимости термина. До сих пор в научном религиоведении, среди философов и богословов нет соглашения по поводу целого ряда дидактически важных вопросов, например: стоит ли относить конфуцианство к области религиозных или философских учений; возможно ли считать религией шаманизм, трактовать восточные лечебные гимнастики и боевые упражнения как религиозную практику, коммунизм и фашизм – как религиозные мировоззрения и др. П. Тиллих, к примеру, считал, что все классические определения религии как «культа богов» (cultus deorum) неоправданно суживают ее значения, выбрасывая из рассмотрения как *домифологические*, так и *постмифологические* формы религиозности – те, в которых «богов еще нет (шаманизм) или уже нет (дзен-буддизм)»[23].

Более глубокий уровень проблематики связан с тем, насколько вообще оправдано употребление понятия «религия». В англоязычной литературе эта проблема принимает форму вопроса о правомочности использования слова *religion* без артикля: «Религия одна или их много?»[24] Существует ли «религия» помимо конкретно-исторических форм ее воплощения? Является ли правомочным и эпистемологически перспективным столь широкое обобщение самых разных форм проявления религиозной потребности человека? Не правильнее ли говорить о единстве только применительно к этой всечеловеческой потребности в вере, т.е. о *религиозности*, и не применять вообще никаких обобщений к области исторически сложившихся верований и практик? Вторая половина XX века отмечена весьма радикальными движениями мысли в этом направлении. Так, выдающийся религиовед Уилфред К. Смит предложил совсем вычеркнуть слово «религия» из научного языка: «То, что люди обозначают обычно и преимущественно словом *религия*, может рассматриваться с бо́льшим основанием и продуктивностью как два качественно различных, но одинаково динамичных фактора: как историческая *кумулятивная традиция* и *личная вера* конкретного человека. В вербальном плане я серьезно полагаю, что такие термины, как христианство, буддизм и проч., должны быть забыты, как не выдерживающие критики. Термин *религия* слишком многозначен, его тоже лучше оставить… Единственное эффективное значение, которое может быть ему усвоено – это *религиозность*... В любом случае использование этого термина в множественном числе и с артиклем не правомочно»[25].

Идея У. Смита, перекликавшаяся с идеями П. Тиллиха, Р. Нибура и М. Элиаде, дала толчок попыткам систематического научного подхода к феномену веры и разработки теории развития религиозного сознания, аналогичным той, что была предпринята в отношении морального сознания Л. Кольбергом. Перед педагогикой возникла перспектива построения теории религиозного обучения на антропологической основе. Предполагаемый этим антропологическим подходом перенос смыслового центра религиозной жизни на религиозный субъект, или индивидуум, способствовал развороту учебного процесса от рассмотрения эволюции вероисповедных традиций к изучению динамики религиозной жизни в контексте индивидуального развития.

Параллельно этому в науке о религии все больший авторитет завоевывал особый методологический подход к изучению и интерпретации религиозных явлений, называемый *феноменологией* религии. Он позволял рассматривать феномен религии в его целостности, не разрывая на части, которыми «ведали» разные науки. Благодаря этому подходу открылась казавшаяся нереальной во времена Просвещения перспектива широкого взаимодействия ученых и богословов. С дидактической точки зрения появление феноменологии ознаменовало прекращение жесткого противостояния научного и апологетического подходов к описанию и объяснению религии, продолжавшегося почти два века. Феноменология религии, противостоящая как субъективизму психологического, так и объективизму философского подходов, открыла новый путь интегративного и диалектического рассмотрения феномена религии, оказавшегося приемлемым с точки зрения не только науки, но и веры. Она также стала одним из методологических оснований современной религиозной педагогики.

Имея в виду указанные движения, критерием уровня методологической культуры в отношении к содержанию религиозного образования можно считать умение устанавливать соотношение и последовательность представления содержательных линий, объем, границы и преференции содержания образования по предметам религиозного цикла при антропологическом (экзистенциальном), феноменологическом и культурологическом подходах. Сюда относится также наличие представления о многомерности религиозного феномена, о взаимоотношении таких категорий, как религиозный опыт и откровение, вера и религиозность, вероисповедная традиция и религиозная культура, сакральное и профанное и др. Педагог должен уметь различать личностный и социально-исторический план в религиозной жизни и обеспечивать такое содержательное присутствие этих планов в учебном процессе, которое давало бы возможность наиболее полно реализовать общеобразовательный и воспитательный потенциал религии как ресурса развития учащегося.

VI. «Возможно ли для учителя быть объективным, имея дело с такой эмоционально нагруженной сферой, как религия, или религия является непреодолимо субъективной формой опыта и потому несовместима с принципами, лежащими в основе школьной общеобразовательной политики?» – этот вопрос, поставленный британским методическим руководством «Документ 36», разработанным в 1971 году группой педагогов под руководством Ниниана Смарта[26], затрагивает одну из главных методологических проблем преподавания религии равно актуальных применительно к российской системе образования. В.И. Гараджа в связи с этим писал: «Вопрос *о том, можно ли преподавать религию в школе, сегодня* является вопросом не только правовым, но и эпистемологическим: каким образом религия в качестве одного из учебных предметов наряду с другими может быть включена в системные отношения, определяющие целостность содержания учебного предмета современной школы, объединяющим смысловым центром которого давно перестала быть религия»[27].

Логические трудности, возникающие перед учителем на подступах к реализации идеи *нейтрального* изучения религии, не исчерпываются задачей примирения науки с религией. В самой этой идее содержится внутреннее противоречие. С одной стороны, такое изучение предполагает веру, поскольку для понимания религии необходимо внутреннее знакомство с религиозным опытом. «Богословствуя, мы должны делать это как люди, причастные вере, разделяющие опыт веры, даже в том случае, когда критикуем ее… Без участия в жизни веры нельзя отличить высокое от низкого, истинный опыт и выражение веры от поддельного, символ от воплощаемой им реальности », – писал Ричард Нибур[28]. С другой, для верующего человека отстраненное изучение своей религии, необходимое для объективного сравнения, оказывается невозможным. По мнению английского философа образования Найджела Блэйка, верить – значит бояться потерять свою веру: «По-настоящему верующий человек весь свой жизненный путь сверяет в свете веры… Но серьезное сравнительное изучение религий подразумевает признание необходимости рационального и критического отношения к основаниям веры, не предполагающего их неуязвимости со стороны критики – отношения, совершенно несовместимого с тем, какое имеет верующий к своей вере»[29].

Религиозное образование, следуя такому взгляду, оказывается всегда предприятием, обреченным на неудачу. Оно либо сводится к поверхностному изучению, не затрагивающему

сущность религиозного феномена, – но тогда оно теряет свою самобытность и должно называться не религиозным, а культурологическим, антропологическим и т.п., – либо теряет возможность объективного сравнения, если религиозное сознание учащихся затрагивается серьезно.

Значительную роль в философском осмыслении и снятии этого противоречия сыграли достижения новейшей эпистемологии. Благодаря открытиям неопозитивистов и релятивистов (Л. Витгенштейна, К. Поппера, М. Поланьи, У. Куайна, Т. Куна и др.) была доказана заведомая несостоятельность попыток очистить научное знание от метафизических посылок, придать этому знанию вполне объективный характер. Крах философской программы позитивизма означал для педагогики «постпозитивистской» эры переход от концепции *объективности* знания к концепции *интерсубъективности*, что в свою очередь наделяло религиозную форму интерпретации опыта более высоким гносеологическим статусом, чем это было в эпоху господства механистического научного воззрения. В философии образования последних десятилетий было предпринято немало успешных попыток рационально обосновать когнитивную продуктивность религиозной интерпретации опыта и, как следствие, педагогическую важность изучения этой формы интерпретации в общеобразовательном курсе. Так, Рональду Лаура и Майклу Лехи, опиравшимся на учение Витгенштейна о языковой игре, удалось вскрыть основную логическую ошибку в рассуждениях тех, кто пытался дискриминировать религиозное мировоззрение как противоречащее «научным взглядам». Поскольку каждая отдельная «научная парадигма» задает свои собственные принципы верификации и фальсификации знания, попытка найти вполне объективную позицию для оценки разумности и адекватности религиозного взгляда на мир терпит неудачу. Что мы в действительности проверяем – это соответствие отдельных положений парадигмы тем конституирующим элементам логической системы, которые Витгенштейн называл грамматическими правилами языка. Вполне очевидно, что сами эти предположения, организующие систему взглядов и регулирующие процессы верификации и фальсификации, не могут быть подвергнуты ни тому, ни другому процессу эмпирической проверки. Поскольку концепция божества относится к числу таких конституирующих элементов, из этого следует, что религиозное воспитание вовсе не обязательно нарушает требования разума, «оказывая сопротивление фальсификации»[30].

С точки зрения Р. Лаура и М. Лехи совершенно неверно также представление о том, что религиозные взгляды несовместимы с самокритикой или совместимы с ней в меньшей степени, чем научные. Дело обстоит ровным счетом наоборот, поскольку верующие, всегда воспринимающие свои взгляды как продукт веры, готовы в большей степени, чем поклонники «научного взгляда», признать невозможность их предельного рационального обоснования… «Что они не готовы признать – так это то, что их верования по этой причине можно считать нерациональными»[31].

Большое значение для развития религиозной педагогики имели идеи Майкла Поланьи. Благодаря его учению о субъективном характере всякого (в том числе и научного) знания, как пишет Ричард Аллен, «мы теперь можем твердо противостать культу точности и измеряемости, отвергающему реальность и значимость всего, что не может быть выражено математически»[32]. Главная заслуга Поланьи перед современной школой, по мнению Аллена, заключалась в *реабилитации субъективности* как легитимной точки отсчета при построении мировоззренческой системы. После Поланьи, Поппера, Куайна и Куна стало формально и фактически невозможно провести демаркационную линию, отделяющую религиозные доктрины от научных парадигм, и с религиозных вероучений, в связи с этим, могли быть сняты обвинения в том, что они действуют в ущерб личности, прививая ей заведомо неверифицируемые представления.

«Если религия не может быть адекватно понята вне субъективности, тогда любая приемлемая концепция ее объективного изучения должна включать в себя эту субъективность. Иначе говоря, объективность должна осуществляться применительно к субъективности, должна выбирать пути ответственного суждения о вещах, имеющих глубоко личное значение и интерес. Такая объективность действительно возможна вследствие присущей человеку способности к трансцендированию, выходу за пределы себя…», – так обозначает новый подход к проблеме объективности знания «Документ 36»[33]. Этот подход, предполагающий активное использование диалоговых и поисковых методов обу-

чения, реализуется сегодня в множестве религиозно-образовательных моделей по всему миру.

Методологическая культура современного педагога должна включать в себя в эпистемологическом плане знание существенных сходств и различий религиозного и научного пути познания и интерпретации опыта. Педагог должен также, следуя принципу научности обучения, учитывать новейшие достижения эпистемологии и избегать некорректного противопоставления «религиозной истины» как недостоверного знания «научной истине» как достоверному знанию.

Каждый школьный предмет (математика, биология, история, эстетика, религия и др.) знакомит учащихся с особой и своеобразной «формой понимания», свойственной данной области знания, и общеобразовательная программа, как пишет М. Гриммит, «должна быть спланирована таким образом, чтобы одним из ее результатов стала способность учащегося распознавать специфические черты каждой из форм понимания и соответствующие специфические ограничения… Образование должно помочь детям осознать, что существуют *разные категории истины*, каждая на своем основании (объективном, субъективном или их сочетании), со своим способом выражения и верификации. Задача верификации истины сложна для детей, особенно в религиозных вопросах, но образование должно, по крайней мере, добиться того, чтобы учащиеся, встречаясь с этой задачей, понимали важность определения *формы* верифицируемой истины и далее ставили вопросы, *соответствующие этой форме*. Возможно, одним из самых очевидных признаков неудачи религиозного обучения в школах является частота, с которой учащиеся старших классов задают о религии *неправильные* вопросы»[34].

V. Проблема сочетаемости религиозных ценностей с идеалами, на которые нацелена светская школа, не имеет однозначного решения. Эта проблема, уходящая корнями вглубь веков, чрезвычайно обострилась в наше время ввиду усилившихся процессов секуляризации и распространения феномена мультикультурности. Может ли школа в плюралистическом обществе основывать духовно-нравственное воспитание учащихся на религиозных ценностях, не разделяемых всеми? Помимо правовых у этого вопроса есть и собственно педагогические аспекты.

Один из этих аспектов связан с развитием нравственной и рациональной автономии личности, способности человека реализовать полноту данной ему свободы в следовании собственным убеждениям. Некоторые современные философы образования высказывают сомнения по поводу совместимости идеала рациональной автономии и критической открытости ума с воспитанием религиозных убеждений. Один из наиболее глубоких анализов проблемы предлагает английский философ Питер Гарднер. Согласно Гарднеру, в любой форме религиозного сознания присутствует элемент гетерономности, зависимости от Высшего Начала или от людей, служащих посредником между мною и «Им». Культивирование религиозных убеждений и религиозных форм сознания, насколько самостоятельным ни был бы акт их принятия и как бы много места в вероучении ни отводилось для автономии субъекта в дальнейшем, по определению ведет к минимизации автономии и тем самым входит в прямое противоречие с главной целью либерального образования. «Я не хочу сказать, – поясняет Гарднер, – что люди, решившиеся принять, скажем, какой-либо текст как Божественное откровение или какую-либо личность как посланника Бога, лишаются автономии… Однако не можем ли мы утверждать, что автономия таких людей будет редуцирована в результате подобного решения, ровно по той причине, что оно приведет к сокращению использования ими практики частного суждения? Не принимают ли они вместе с этим решением, по меньшей мере, негласно, набор готовых ответов на круг вопросов, могущий быть слишком широким? …Если в основании либерального идеала лежит принцип, согласно которому, при прочих равных условиях, чем больше автономии, тем лучше, тогда, похоже, из него следует, что решения, понижающие степень автономии, заведомо порочны»[35]. На основании такого рода соображений религиозное образование было заподозрено в том, что оно неразрывно связано с *индоктринацией* учащихся, т.е. с понуждением учащихся к принятию определенных взглядов и убеждений без опоры на доказательства и подтверждения.

Среди статей, написанных в защиту религиозного образования от представленных против него обвинений, особый резонанс имела статья Т. Маклафлина «Родительские права и религиозное воспитание детей»[36], в которой автор соглашался с тем, что религиозное образование заключает в себе опасность индоктринации, но

считал, что опасность эта не столь неотвратима. Индоктринации можно избежать, если воспитатель не будет требовать от воспитанника некритического принятия веры и не будет препятствовать получению им знаний об альтернативных религиях и мировоззрениях. Говоря о религиозном догматизме, необходимо различать воспитание слепой фанатичной приверженности вероучению и воспитание религиозных убеждений. Последнее, хотя и снабжает ребенка определенными и твердыми жизненными ориентирами (что не позволяет говорить о фиктивности такого религиозного воспитания), тем не менее, оставляет эти ориентиры открытыми к пересмотру и развитию, и потому не ущемляет его автономии.

В защиту точки зрения Т. Маклафлина было высказано немало аргументов. Со временем П. Гарднер вынужден был смягчить свою позицию и согласиться со своими оппонентами в том, что воспитание убеждений, в том числе и религиозных, не находится в прямом противоречии с идеалом «открытого ума». Он согласился с тем, что «существует множество вещей, которым учителя должны учить и по отношению к которым они не должны стараться оставить своих учеников при открытом мнении». Таковы представления о нравственной недопустимости растления детей, расизма и т.д. Он также согласился с тем, что существует различие между открытостью к пересмотру отдельного вопроса и открытостью как общему расположению ума[37].

Усилению позиций апологетов религиозного образования немало способствовал кризис либеральной идеи образования, сопряженный с развитием постмодернистских релятивистских и плюралистических тенденций в философии образования, с одной стороны, и подъемом религиозного фундаментализма – с другой. Западные педагоги стали обращать внимание на то, что большинство родителей, на самом деле, вовсе не разделяет либерального идеала автономии. Стефан Кайперс выразил эту мысль так: «Мы хотим, чтобы наши дети стали увлеченными и полезными обществу людьми, а не отстраненными наблюдателями или расчетливыми манипуляторами»[38]. В условиях растущего отчуждения личности идеал рациональной автономии начинает рассматриваться не как безусловное благо, а скорее как один из факторов отчуждения. Либеральному кредо, согласно которому, по выражению Эндрю Райта, «иметь ложное убеждение, обретенное надлежащим путем, лучше, чем иметь правильное, но обретенное не так как надо»[39], все чаще стало противопоставляться религиозное отношение к истине как к объективной данности, первичной по отношению к сознанию человека.

В то же время попытка узаконить практику воспитания религиозных убеждений в светской школе наталкивается на проблему, связанную с абсолютизмом религиозных притязаний и требований. Эта проблема приобретает чрезвычайно острые формы в условиях мультикультурности, поскольку демократический принцип равенства граждан перед законом и запрет на дискриминацию по вероисповедному признаку требуют тщательного обоснования приоритетного положения той или иной вероисповедной системы ценностей в поликонфессиональной школе. Терпимость и уважение к чужим убеждениям входят в труднопреодолимый конфликт с верой в богооткровенность собственной религии. Понимание этого направляет часть современных теоретиков образования на путь конструирования универсальных и синкретических религиозно-этических систем (Ганс Кюнг, Джон Хик), других – на трудный поиск узкого пути между *культурным абсолютизмом*, согласно которому доминирующая культура должна определять ценности, сообщаемые образованием, и *релятивизмом*, исповедующим равную ценность всех религий и культур в демократическом обществе.

В этическом отношении повышение методологической культуры преподавателя религии означает прежде всего отказ с его стороны от принятия простых и однозначных ответов на сложные духовные и нравственные вопросы, обусловленные диалектикой единства и многообразия религиозного опыта. Духовная независимость личности и твердость жизненных убеждений, открытость ума и сердечная преданность, терпимость к чужой религиозной идентичности и серьезное отношение к своей, уважение свободы и неприятие зла – все эти этические качества не следует воспринимать как прописные добродетели, способные бесконфликтно уживаться друг с другом в индивидуальной ценностной системе. В то же время видение действительного масштаба проблем и противоречий не должно приводить к априорным заключениям о невозможности разрешения этических антиномий в экзистенциальном плане. Образование

всегда вынуждено идти путем нахождения тонкого и неустойчивого баланса между личными и сверхличными целями, интересами, нормами, *нарративами* (Ж.-Ф. Лиотар). В области религиозного образования гармонизация личного и социального планов религиозной жизни особенно важна ввиду того, что опора на авторитет, присущая религиозной форме познания, определяла в течение долгих веков монополию авторитарных педагогических подходов к изучению религии в школе. Эмансипация школы от церкви создала объективные предпосылки для *гуманизации* этой области образования. Сегодня в разных странах Европы и мира применяется немало педоцентрических диалоговых моделей религиозного обучения, в которых учащиеся выступают в качестве активных интерпретаторов религиозного опыта. Знакомство с этими педагогическими инновациями должно стать необходимым элементом профессиональной подготовки учителей и в нашей стране.

Примечания

[1] *Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н.* Общая педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В.А. Сластенина: в 2 ч. – М.: Владос, 2003. – С. 37.

[2] *Метлик И.В.* Изучение религии в системе образования // Педагогика. – 2003. – № 7. – С. 74.

[3] Там же. – С. 76.

[4] Там же. – С. 74.

[5] См.: *Ушинский К.Д.* Педагогические соч. в 6 т. – М.: Педагогика, 1989. – Т. 2. – С. 390; *Стоюнин В.Я.* Избранные педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1991. – С. 189; *Водовозов В.И.* Новый план устройства народной школы. По поводу книги «Записки о сельских школах» С.А. Рачинского // Водовозов В.И. Избранные педагогические сочинения. – М., 1986. – С. 249; *Каптерев П.Ф.* Избранные педагогические сочинения / Под ред. А.М. Арсеньева. – М.: Педагогика, 1982. – С. 267; *Зеньковский В.В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М.: Школа-пресс, 1996. – С. 25.

[6] *Понкин И.В.* Правовые основы светскости государства и образования. – М.: Про-Пресс, 2003.

[7] Там же. – С. 251–252.

[8] *Модзалевский Л.Н.* Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. Соч. в 2 т. – СПб.: Алетейя, 2000. – Т. 2. – С. 50.

[9] *Ушинский К.Д.* Указ. соч. – Т. 2. – С. 432.

[10] *Ников К.* Ян Коменский сегодня. Религиозно-педагогический аспект кризиса христианства и культуры эпохи модерна. – СПб.: Глагол, 1995. – С. 53.

[11] *Alves C.* Why Religious Education? // New Movements in Religious Education / ed. by Ninian Smart & Donald Horder. – London: Maurice Temple Smith Ltd, 1975. – P. 26.

[12] *Wilson J.* Taking Religious Education Seriously // Critical Perspectives on Christian Education: A Reader on the Aims, Principles and Philosophy of Christian Education / ed. by Jeff Astley & Leslie J. Francis. – Herefordshire: Gracewing – Fowler Wright Books, 1994. – P. 32.

[13] *Thiessen Elmer J.* Two Concepts or Two Phases of Liberal Education? // Journal of Philosophy of Education. – 1987. – V.21 (2). – P. 223.

[14] *Grimmitt M.* What Can I Do in RE? A consideration of the place of Religion in the twentieth-century curriculum with suggestions for practical work in schools. – Great Wakering: Mayhew – McCrimmons, 1973. – P. 26.

[15] *Sealey J.* Education as a Second-Order Form of Experience and its Relation to Religion Seriously // Critical Perspectives on Christian Education: A Reader on the Aims, Principles and Philosophy of Christian Education / ed. by Jeff Astley & Leslie J. Francis. – Herefordshire: Gracewing – Fowler Wright Books, 1994. – P. 91.

[16] Там же. – С. 85.

[17] Там же. – С. 89.

[18] *Cox E.* Changing Aims in Religious Education. – London: Routledge & Kegan Paul, 1966.

[19] Religious Education in Secondary Schools (School Council Working Paper 36). – Evans/ Methuen Educational, 1971. – P. 38.

[20] *Wardekker Willem L. & Miedema Siebren.* Identity, Cultural Change, and Religious Education // British Journal of Religious Education. – 2001. – V. 23 (2). – P. 82.

[21] *Fowler James W.* Stages of Faith: The Psychology of Human Development and the Quest for Meaning. – San Francisco: Harper & Row, 1981.

[22] *Wilson.* Op. cit. – P. 30.

[23] *Tillich P.* Christianity and the Encounter of the World Religions. – New York – London: Columbia University Press, 1963.

[24] *Melchert Charles.* What is Religious Education? // Critical Perspectives on Christian Education: A Reader on the Aims, Principles and Philosophy of Christian Education / ed. by Jeff

Astley & Leslie J. Francis. – Herefordshire: Gracewing, Fowler Wright Books, 1994. – P. 54.

[25] *Smith Wilfred Cantwell.* The Meaning and End of Religion. – New York: Macmillan Co., 1963. – P. 194.

[26] Religious Education in Secondary Schools (School Council Working Paper 36). – Evans/ Methuen Educational, 1971. – P. 21.

[27] *Гараджа В.И.* О преподавании религии // Вопросы философии.– 1999. – №3. – С. 30.

[28] *Niebuhr Richard.* Radical Monotheism and Western Culture. – New York: Harper & Bros, 1960. – P. 13–15.

[29] *Blake Nigel.* Church Schools, Religious Education and the Multi-ethnic Community: a reply to David Aspin // Journal of Philosophy of Education. – 1983. – V.17 (2). – P. 242.

[30] *Laura Ronald S. & Leahy Michael.* Religious Upbringing and Rational Autonomy // Journal of Philosophy of Education. – 1989. – V.23 (2). – P. 257.

[31] *Leahy Michael & Laura Ronald S.* Religious 'Doctrines' and the Closure of Minds // Journal of Philosophy of Education. – 1997. – V.31 (2). – P. 336.

[32] *Allen Richard T.* The Philosophy of Michael Polanyi and its Significance for Education // Journal of Philosophy of Education. – 1978. – V.12. – P. 176.

[33] Religious Education in Secondary Schools (School Council Working Paper 36). – Evans/ Methuen Educational, 1971. – P. 22.

[34] *Grimmitt.* Op. cit. – P. 60.

[35] *Gardner Peter.* Personal Autonomy and Religious Upbringing: the "problem" // Journal of Philosophy of Education. – 1991. – V.25 (1). – P. 75.

[36] *McLaughlin Terrence.* Parental Rights and the Religious Upbringing of Children // Journal of Philosophy of Education. – 1984. – V.18 (1). – P. 75–83.

[37] *Gardner Peter.* Should We Teach Children to be Open-Minded? Or, is the Pope Open-Minded about the Existence of God? // Journal of Philosophy of Education. – 1993. – V.27 (1). – P. 42.

[38] *Cuypers S.* Is Personal Autonomy the First Principle of Education? // Journal of Philosophy of Education. – 1992. – V.26 (1). – P. 5.

[39] *Write Andrew.* The Spiritual Education Project: Cultivating Spiritual and Religious Literacy through a Critical Pedagogy of Religious Education // Pedagogies of Religious Education. Case Studies in the Research and Development of Good Pedagogic Practise in RE / ed. by Michael Grimmitt. – McCrimmons, 2000. – P. 174.

И. С. Шемет

ИНТЕГРАТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПСИХИКИ

Из понимания психики как открытой, самоорганизующейся системы следует, что она имеет механизмы поддержания собственной целостности, которые мы назвали интегративными механизмами психики. По аналогии с биологическими механизмами поддержания целостности живых организмов, З. Фрейд указывал на наличие в психике механизмов гомеостаза, А. Адлер склонялся к принципу гетеростаза, Г. Оллпорт указывал на активное начало во взаимоотношениях с окружающим, которое может обеспечить сохранение и развитие системы [2, с. 212]. В. Д. Шадриков пишет, что системообразующими факторами в процессах жизнедеятельности выступают мотивации и переживания [34].

В. Е. Клочко считает, что различные уровни системности человека функционируют по разным законам. Организм функционирует по законам гомеостаза, индивид – по законам гомеореза, то есть, способен к самоорганизации для удовлетворения своих актуальных потребностей. Основным способом существования личности является гетеростаз, что означает возможность психологической системы к самотрансформации, самоорганизации [16; 17; 18].

Мы полагаем, что с помощью интегративных механизмов происходит генерализация опыта индивида, защита от негативных воздействий и перегрузок, освобождение психики от информационных и энергетических загрязнений, а также оптимальное ресурсное обеспечение.

Некоторые интегративные механизмы имеют естественную природу (сон), некоторые сформировались в ходе культурно-исторического развития человека (мышление, осознавание и другое.). Если все механизмы интеграции работают слаженно и эффективно, то психика сохраняет здоровье, способность к развитию, выполнению жизненных задач, проживанию и интеграции любого опыта.

В том случае, если интегративные механизмы нарушены или неразвиты, а эффективное управление жизнью и поведением затруднено,

© И. С. Шемет, 2006

неизбежны психические и соматические заболевания, девиации в поведении. Можно предположить, что вся психотерапевтическая практика в той или иной мере «латает дыры» в собственных интегративных процессах психики, искусственно делает то, с чем здоровая психика должна справляться сама.

В этой связи восстановление, развитие и оптимизация интегративных процессов психики человека представляется более важной, чем локальная психотерапевтическая помощь, поскольку имеет результатом не только снятие проблемы, но и общее повышение жизнедеятельности, резистентности и пластичности психики, а также способность справляться с широким спектром проблем в будущем.

Анализ теорий психики и методов интеграции психики, позволяет выделить несколько психических процессов, на которые в основном оказывается воздействие, при этом способы воздействия могут быть весьма различны. Это дало нам основания выделить ряд основных механизмов интеграции психики. Ниже приводится краткая характеристика основных интегративных механизмов психики и перспективы их технологизации.

Интегративные механизмы психики тождественны механизмам оздоровления и развития и включают: сон и сноподобные состояния, связное дыхание, спонтанное движение, положительные эмоции, эмоциональную память, экстериоризацию опыта, переживание, осознавание, мышление, взаимосвязь с природой, любовь, творчество, созидательную деятельность, социальную интеграцию, духовную интеграцию.

Сон. Большинство теорий сна подчеркивает важное значение сна и сновидений в поддержании физического и психического здоровья [7; 9; 14; 31; 39]. А. А. Гостев [9] выделяет следующие функции сна: 1) сон может быть рассмотрен как отдых от бодрствования; 2) сон – это физиологическая и психологическая преднастройка к предстоящей после пробуждения деятельности. Во сне происходит не только восстановление для этого энергии организма, но и реорганизация, утилизация и упорядочивание опыта, приобретенного в бодрствовании, то есть закрепление нужных субъекту установок, знаний, умений, навыков. *Сновидения реорганизуют значимую для личности информацию:* нужное выходит на первый план и попадает в сознание, а неактуальное уходит в глубины неосознаваемого («утро вечера мудренее»). Формирование готовности человека к реагированию в будущих ситуациях обеспечивается самой природой образа-сновидения, который часто феноменологически является новым набором известных элементов.

Следует особо подчеркнуть переработку эмоционально негативной информации: сны предотвращают наслоение невротических переживаний и стрессовых состояний.

В. Л. Райков считал, что сновидения – это особый резервный механизм психики, эволюционно сформировавшийся для решения разнообразных задач на различных уровнях функционирования, в частности, для решения творческих задач, нивелирования внутренних конфликтов, осознавания некоторых глубоких состояний [31, с. 78].

Мы полагаем, что сон – это базовый режим функционирования психики, главная функция которого – интеграция психики человека на всех уровнях. В первую очередь интегрируется опыт – события, случившиеся в течение периода бодрствования. В норме физиологический режим сна и бодрствования таков, что времени сна должно хватать на обработку и переработку, усвоение (то есть интеграцию) событий прожитого дня.

Естественные ритмы сна и бодрствования обеспечивают баланс между расходованием и восстановлением ресурсов, приобретением и интеграцией опыта. Процесс сна реализует доинтеллектуальные, бессознательные способы интеграции. Чем более целостна психика, тем меньше требуется для нее сна.

Накопление опыта, превышающее интеграционные механизмы сна (психотравмы, душевные потрясения), дезинтегрирует психику вплоть до возникновения устойчивых психических расстройств. Нарушение механизмов сна имеет аналогичные последствия, поскольку психика в бодрствующем состоянии вынуждена не приобретать новый опыт, а переживать (интегрировать) старый. Можно представить бодрствование как процесс накопления опыта (усложнения психики), а сон как интеграцию опыта (организацию, упорядочивание психики).

В настоящее время известны некоторые механизмы интеграции во сне и разработаны системы ясного сновидения, управляемого сновидения, которые представляют собой проникновение сознания в процесс сна.

Изучение процессов сна и практика управления интегративными процессами во сне пред-

ставляется нам отдельной и наиболее перспективной психологической проблемой. Развитие психотехнологий в этой области представляется следующим: 1) техники восстановления сна; 2) техники интенсификации сна; 3) сон в заданном контексте; 4) сон с осознаванием; 5) управляемые сновидения.

Связное дыхание. Дыхание – показатель функционального состояния организма, базовая витальная функция. Дыхание – это мост между базовыми элементами физического и духовного начал человека.

Любое состояние человека имеет определенный рисунок дыхания: направление, быстроту, глубину, плавность, соотношение между выдохом и вдохом, вдохом и выдохом, характеристики перехода от вдоха к выдоху, от выдоха к вдоху, темп, ритм, объем, разрывы, перехваты и так далее. П. П. Блонский считал, что дыхание лучше характеризует человека, чем любые другие системы: «Мы чувствуем себя так, как мы дышим» [4]. Он писал о «мимике легких»: сопении, вздохах, стонах, кашле, зевании, смехе, плаче – словом, того богатого арсенала, который вместе с речью «делает легкие безусловно выразительнейшим органом эмоциональной жизни» [там же].

Большинство современных психотехнологий используют дыхательные техники для достижения расширенного и измененного состояния сознания, эксперименты убедительно показывают, что при помощи дыхания можно управлять субъективной реальностью, изменяя скорость протекания психотехнических процессов, их глубину и содержание [20; 26].

Каждое состояние психики – это также и состояние дыхания, а каждое состояние дыхания – это определенное состояние психики. Мы считаем, что такая тесная связь между дыханием и психической деятельностью, возможность через дыхание непосредственно управлять психикой указывает на то, что само дыхание является интегративным механизмом, обеспечивающим необходимую активизацию психики, а также оптимальный режим обработки информации. Один и тот же событийный материал будет по-разному интегрироваться при различных режимах дыхания. При этом дыхательная система, будучи телесной функцией, и система управления дыханием, будучи наиболее древней подсистемой психики, осуществляют наиболее глубинные механизмы досознательной интеграции как в бодрствующем состоянии, так и во сне. Сам переход от сна к бодрствованию и наоборот неразрывно связан с особыми паттернами дыхания. Качество сна напрямую зависит от качества дыхания спящего человека.

Искусственные психотехники, использующие сон, также основаны на дыхании. Следовательно, интеграция психики выглядит прежде всего как интеграция дыхания – восстановление его целостности, связности, полноты, глубины и саморегуляции.

Мы полагаем, что для оптимизации дыхания как интегративного механизма психики необходимы следующие технологические разработки:

1. Снятие блокировок на дыхании.
2. Восстановление естественного дыхания.
3. Управление дыханием.
4. Тренировка дыхания.
5. Использование дыхания как инструмента управления психическим состоянием.

Спонтанное движение. Тело – инструмент жизни на Земле, все высшие духовные функции имеют телесное носительство. Чем лучше целостное состояние, в котором находится тело, тем легче им управлять как инструментом, тем выше качество жизни. Физическая активность поднимает тело и психику в тонусе, обеспечивает интенсивность всех процессов, а главное – готовность получать и выполнять управляющие команды, то есть проживать жизнь, получать опыт, а значит, развиваться, поскольку в самоорганизующихся системах процессы функционирования и развития тождественны. Отсутствие активности, лень тормозит развитие.

В настоящее время сложились целые направления в психотерапии и психокоррекции, которые в качестве инструмента используют движения тела: это телесно-ориентированные психотехнологии [28], танцевально-двигательная терапия [8], биоэнергетическая стимуляция тела [24], холистический и синтетический массаж [12], кинезиология и другие [33]. Двигательные психотехнологии можно сгруппировать по основным целям:

1. Снятие мышечного напряжения и устранение его причин.
2. Улучшение взаимодействия частей тела.
3. Развитие произвольных и непроизвольных движений.
4. Гармонизация тела и психики.

Эмоции. Эмоциональные состояния – это энергетические состояния психики, задающие

общую направленность поведения. Положительные эмоции направлены на приближение, удержание ситуации, отрицательные – на избегание, уничтожение ее. Как справедливо заметил В. Д. Шадриков, «эмоции… пронизывают все подсистемы деятельности. В силу этого они выступают одним из мощных факторов формирования самой психологической функциональной системы деятельности в качестве фактора интеграции системы» [35, с. 58].

Полярность эмоций действует следующим образом: положительная эмоциональная окраска ситуации дает как бы разрешение на принятие этой ситуации в опыт, в структуру психики и открывает доступ к этой ситуации интеллектуальным процессам и деятельности сознания – «хорошее» интегрируется; отрицательная эмоциональная заряженность ситуации опыта задает психике команду на избегание, уничтожение этой ситуации, в результате чего происходят механизмы вытеснения. Отрицательные эмоции в опыте приводят к изоляции этих ситуаций, перекрывают им доступ к интеграционным механизмам сознания и мышления, то есть дезинтегрируют психику. Единственные интеграционные механизмы, которые в данном случае работают, – это доинтеллектуальные, бессознательные механизмы.

Можно предположить, что чем ниже эмоциональный тон ситуации, тем в большей степени он дезинтегрирует психику, и наоборот, чем выше эмоциональный тон, тем больше он интегрирует психику. Если учесть, что отрицательные эмоции – это злоба, ненависть, боль, страх, то становится очевидным, что здесь находится основной источник психических отклонений и социальных девиаций. В этом смысле первоочередная технологическая задача – разработка методов интеграции негативного опыта, как в момент его получения, так и по прошествии времени.

В медицинских методах интеграции психики (психотерапии) значительное место уделяется методам выведения из бессознательной сферы в сознание и осмысления ситуаций, содержащих отрицательный эмоциональный фон [15]. Психоанализ целиком посвящен методам поиска этих ситуаций, трансперсональная психология работает методами голотропного дыхания над отреагированием и осознаванием этих так называемых структур конденсированного опыта [10].

Интегративное влияние положительных эмоций выражается в том, что они, во-первых, открывают доступ сознания и рефлексивного мышления к этому опыту. Во-вторых, их действие на психику аналогично действию тепла на тело: происходит разогрев, размягчение, интенсифицируются процессы функционирования, повышается пластичность, что улучшает действие интеграционных механизмов; не случайно говорят: «душевное тепло», «любовь греет» и так далее. Положительные эмоции, энергетические потоки высокой чистоты буквально оживляют психику, и душа «расцветает», как земля, согретая лучами солнца.

Во всех культурах большое значение придавалось праздникам, усилению и фиксации радостных событий, массовому в них участию [11; 37; 38]. Но эти мощнейшие психотехнологии утратили свое влияние сейчас, в эпоху отдельных квартир и видео. Тем более актуальными становятся новые специальные технологии эмоциональной интеграции:

1. Фиксация (удержание) положительных эмоций.
2. Трансформация отрицательных эмоций.
3. Контроль эмоционального состояния.
4. Произвольна активация нужной эмоции.
5. Эмоциональное сопровождение и коррекция другого человека.
6. Психосоциальная эмоциональная гигиена.

Эмоциональная память (впечатления). Так мы называем дорефлексивные бессознательные механизмы запечатления и организации ситуаций опыта. Данные в эмоциональной памяти хранятся в неанализированном виде. При рестимуляции одного элемента ситуации активизируется и актуализируется в бессознательной сфере вся ситуация, присоединяя новое событие к цепи через этот общий рестимулированный элемент. Так происходит формирование привычек, склонностей, пристрастий, предпочтений, симпатий и антипатий. Будучи полезным и интегрирующим на уровне животных, для психики современного человека этот способ интеграции опыта является неадекватным, дезинтегрирующим. Конгломераты эмоциональной памяти приобретают в психике человека черты субъектности, автономности, приводя к противоречивости, полисубъектности бессознательного. Бессознательные механизмы интеграции у человека приводят к странностям и девиациям в его поведении, нерациональным реакциям, а в случае отрицательного опыта – к болезням и нарушениям психики.

В исследованиях В. В. Козлова [19] дана семикомпонентная модель подавленных структур опыта, трансформация которых возможна при помощи технологий связного осознанного дыхания.

Для социального оздоровления важнейшей задачей является разработка методик интеграции содержания эмоциональной памяти на более высоких уровнях: в сознании, мышлении, самосознании – для достижения большей целостности и рациональности поведения, повышения самоконтроля и самоуправления.

Экстериоризация опыта. Проговор – спонтанно возникающая потребность излить душу, рассказать о случившемся, имеет глубокий интеграционный смысл. При переводе нерасчлененных структур опыта во внешний план происходит его частичная интеграция в сознании – более высоком уровне психики.

Кроме того, при выведении в сознательный план опыт освобождается от эмоциональной нагрузки (происходит эмоциональный катарсис) и становится доступным для контроля и управления.

Человеку для осуществления подобных процедур необходим заинтересованный, понимающий собеседник – близкий друг, супруг. Наличие такого собеседника всегда было ценностью и косвенным показателем социального здоровья человека, так как закрытый для других человек закрыт и для самого себя тоже – его бессознательное недоступно сознанию.

Современные методы групповой и индивидуальной психотерапии [13; 21; 22], консультирования и тренингов [1; 5; 27] в значительной степени используют проговор в качестве способа самораскрытия, отреагирования и осознавания проблематики.

Во многих психотерапевтических школах проговор является главным терапевтическим средством [15; 21; 22]. Разработанные приемы рефлексивного и нерефлексивного слушания, клинической беседы постепенно становятся частью современной коммуникативной культуры [29; 30]. Очевидно, что привитие навыков дружбы как взаимного терапевтирования должно стать важнейшей задачей социального воспитания.

Мы видим здесь следующие психотехнологические возможности:

1. Установление и прерывание афилиативного контакта.
2. Приемы активного слушания.
3. Безоценочное и переоценочное консультирование.
4. Техники оказания поддержки.
5. Психогигиена диалога.

Переживание. В случае, если интеграционных возможностей бессознательного не хватает, например ситуация слишком «крупная» либо чрезвычайно негативная, и при этом возможности проговора ограничены, человек «переживает», то есть его «Я» возвращается в ту ситуацию вновь и вновь для повторного переживания, дающего возможности нового осмысления и интеграции.

Переживание – длительный и достаточно эффективный процесс, если его не нарушать. Многие культуры имеют приемы оптимизации переживаний: длительное уединение, в том числе в монастырях, специальные поминальные ритуалы, траур; молитвы, делегирующие ответственность за случившееся Богу.

Современная культура переживаний практически отсутствует, ее надо создавать заново. Наиболее часто люди используют алкоголь и наркотики для облегчения этих процессов. Во взаимоотношениях между людьми переживания обычно пресекаются («не переживай», «забудь», «все пройдет») в основном из-за того, что нет понимания этого явления и владения средствами эффективной помощи.

Мы считаем, что для оптимизации процессов переживания необходима разработка простых технологий трансформации негативного опыта, и прерывания негативных эмоциональных связей.

Творчество. Экстереоризация, то есть выведение вовне субъективного опыта, возможна не только через проговор и осознавание, но и через творческие процессы.

Творчество – внешнее проявление организующей способности психики, то есть ее способности интегрировать. Творчество – это и есть интеграция, продукция целостностей, в этом смысле любое творчество интегративно. В творческом акте человек самодетерминирован в максимальной степени, он занят специфической деятельностью: произведением, то есть выводом изнутри некоторого содержания. При этом происходит, с одной стороны, новая внутренняя организация этого материала, с другой – создание некоторой внешней целостности, и, наконец, осознание и новое восприятие этой возникшей структуры, новая интеграция ее в опыт.

В результате творческого акта:

1) повышается сама творческая, организующая способность психики;

2) создается творческий продукт, имеющий собственную ценность;

3) повышается организованность содержания психики, его осмысленность;

4) расширяется сознание;

5) возрастает самосознание (духовный рост);

6) возникает эмоциональный подъем, обладающий собственными интегративными ресурсами.

Механизмы творческой интеграции давно используются в психотерапии: арттерапия [8; 25], терапия творческим самовыражением [6] и так далее. Элементы арттерапии широко включаются в психологические тренинги для детей и взрослых. Благотворное влияние творческой деятельности на психику используется в обучении, развитии, социальной педагогике. Мы считаем, что творчество является очень мощным механизмом интеграции психики. Психотехнологии на основе творческого акта могут приобрести наиболее широкий контекст применения.

Осознавание. Сознание – область внешней репрезентации психики. Оно структурирует опыт в осязаемые, доступные внутреннему и внешнему оперированию структуры.

Сознание эффективно в организации этого опыта и поведения, поскольку только оно может пользоваться знаниями – накопленным опытом человечества. Это определяет принципиально новые возможности для интеграции индивидуального опыта, а именно организацию его в знания – зафиксированные и закодированные структуры.

Интеграционная мощь сознания заключается в следующем:

1) прояснение и четкое представление содержания психики в виде знаний (осознание);

2) возможность оперирования этими структурами для выработки и обоснования решений;

3) возможность социального научения и взаимодействия, то есть социальной интеграции;

4) возможность целеполагания и волевой регуляции поведения в соответствии с целями.

Для дальнейшего развития человека чрезвычайно важно усиливать мощь сознания – посредника, интегратора человека и общества. Быстро развивающееся общество, увеличивающиеся объемы информации, с одной стороны, и хаотично усложняющаяся психика человека, с другой – в несколько раз повышают нагрузки на канал связи между ними – сознание.

Мы полагаем, что технологические разработки необходимы в следующем:

1. Расширение сознания – обеспечение доступа сознания к областям бессознательного.

2. Очистка сознания – освобождение сознания от деструктивных поведенческих программ.

3. Развитие языков сознания – повышение его репрезентативных и операциональных возможностей.

4. Интеграция сознания – систематизация и иерархизация его содержания.

5. Трансформация сознания – переструктурирование содержания в соответствии с целями.

6. Развитие самосознания – проникновение его в сферу духа, в «Я», то есть в сверхсознательное.

Мышление. Осмысленность поведения как видоспецифическая особенность человека зашифрована в самом названии Homo sapiens – «человек разумный». В психологии к мышлению относят многие феномены, выделяя свыше двадцати его разновидностей.

Если рассмотреть все описанные в психологии и в других областях знания феномены, относящиеся к понятию мышления, то можно выделить единственный общий признак, присущий им всем. Этот общий признак – организующее начало. Человек является для окружающего мира сильным организатором. Его поведение организующее.

В связи с этим феноменологическое поведение человека в гуманитарных системах выглядит как осмысленное, то есть содержащее компонент мысли, мыслительное в своей основе.

Аналитико-синтетическая деятельность мозга позволяет разлагать структуры опыта на элементы и переструктурировать их на основе произведенного анализа, создавать принципиально новые гибкие конструкты, свободные от энергетического заряда эмоций. Необходимо отметить, что при всей кажущейся рациональности и высокоинтеллектуальности современного человека механизмы его мышления еще слабы и неразвиты. Человеческая психика не использует свой интеллектуальный потенциал в полной мере.

Для насущных задач социального оздоровления необходима разработка технологий интеллектуального развития, а также снижение дезинтегрирующего прессинга массового обучения.

Взаимосвязь с природой. Человек – часть системы природы, человеческих сообществ, социально-экономической системы, часть культуры, часть космоса. Следовательно, понятие индивидуальной жизни человека расширяется до очень

широких масштабов и понятие его опыта многомерно: это и интеллектуальный, и творческий, и трансцендентальный опыт. Уровень, качество жизни человека определяется тем, насколько гармонично он включен в эти крупные системы, то есть интегрирован в них. Это другой тип интеграции – внешней по отношению к человеку. Его целостность выражается в способности функционировать в суперсистемах. Это тип интеграции через «приобщение» – установление единства, целостности с чем-то более крупным.

В медицине, валеологии широко применяются методы естественного оздоровления психики: ароматерапия, музыкотерапия и другие. В настоящее время активно развиваются виды психотерапии, основанные на общении с животными: дельфинотерапия и иппотерапия. Наши исследования в данном направлении подтверждают, что дельфинотерапию и иппотерапию можно считать интегративными психотехнологиями [3; 23; 32; 36].

Любовь – состояние единения с другим человеком, с миром, с Богом. Любовь – самостоятельный механизм, не сводимый к эмоциям, хотя и сопровождающийся сильными эмоциональными процессами. Любовь – особый режим функционирования психики, состояние радостного принятия, предельной открытости. Целостность в любви – это не внутренняя целостность психики, а ее включение в целостность более высокого уровня – целостность пары, семьи, космоса. Эта интеграция происходит не в сознании, а в «Я» – переживается тождество и взаимное растворение целей, ценностей, смыслов.

Как на уровне инфузорий в половом процессе происходит обмен участками хромосом, то есть генетическими кодами, так у людей в любви происходит обмен информационными кодами – единение и взаимообогащение духа. В силу этого любовь – путь проникновения непосредственно в «Я», в духовную сферу, по существу, уникальный способ самопознания, развития самосознания.

И любовь к ближнему, и любовь к себе, и любовь к миру, и любовь к Богу – все это гигантские технологические идеи, воплощение которых даст огромный духовный рост человечеству. Это поистине великая цель для психотехнолога, требующая решения некоторых методических задач:

1) как из данного состояния перейти в искомое состояние любви;

2) как жить в этом искомом состоянии;

3) как помочь ближнему перейти в это состояние.

Социальная интеграция. Социальная сущность человека смещает значительную часть управления его жизнью на общественные системы и сообщества, в которые он включен и в которых функционирует. Над индивидуальным сознанием надстраивается общественное сознание.

Интегративные механизмы психики в данном случае направлены не внутрь, а вовне – на органичное включение собственной жизни и собственного развития в жизнь и развитие сообщества. Социальная интеграция – взаимно-направленный процесс: как человек стремится быть востребованным и оптимальным в социуме, так и социум стремится включить, использовать человека. Задача индивидуума – это корреляция, а по возможности, резонансное взаимодействие с социальными системами, поиск наиболее соответствующих ему систем и функционирование в них.

Помимо задачи органичного включения, индивидуум обладает стремлением повышать свое место в социальной иерархии и свою социальную значимость, то есть статус, который выражается в количестве связей с другими элементами системы. Стремление к повышению социального статуса обусловлено тем, что при более высоком статусе больше возможностей влиять на функционирование всей социальной системы, на ее цели и структурные процессы, следовательно, контролировать влияние системы на самого себя, автономизироваться внутри системы.

В методическом и технологическом плане можно назвать следующие необходимые направления разработок различных аспектов социальной жизни: экономическое поведение, ориентация на рынке труда, планирование карьеры, стратегия достижения успеха, техники коммуникации, сексуальное поведение, брачное планирование, репродуктивное поведение, планирование семьи, осознанное родительство, техника безопасности, созидательная ориентация жизни, планирование биографии, осознание целей и ценностей, взаимодействие с социальными учреждениями, представление и защита интересов, переговоры, конструктивный досуг, правовое и политическое самосознание, защита от манипулирования, социальная самопомощь и взаимопомощь, техники выхода из кризиса, информационная гигиена.

Духовная интеграция. Понимание основополагающих, высших законов бытия, соизмерение

своей жизни непосредственно с ними, минуя социальные, культурные и индивидуальные промежуточные ступени, дает максимальную осмысленность и наполненность жизни и является как бы интеграцией по вертикали. Поскольку человек – часть мироздания, он носитель космических законов, живет по ним и, следовательно, имеет к ним доступ. Религиозные системы претендовали на роль посредников между человеком и Богом, однако, сами по себе, являясь, прежде всего социальными системами, они в большей степени выполняли функции организации социальной жизни, а зачастую просто паразитировали на ней, эксплуатируя духовные и трансцендентальные потребности человека. По-видимому, самые впечатляющие открытия психотехнологов будут в этой области психики – области сокрытого, изначального, первообразного, то есть божественного. В данном толковании Бог присутствует в каждом человеке, и призыв «познай самого себя» означает: познай свой дух, Бога в себе самом. Развитие техник самопознания, самосознания – необходимая ступень в психическом прогрессе, ибо лишь за ней будет следовать подлинное осознанное самоуправление как предельная из всех видимых цель психического прогресса человечества.

Библиографический список

1. *Абрамова Г. С.* Введение в практическую психологию. – М., 1994.

2. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. – М. : Прама, 1993.

3. *Бикнел Джоан, Хенн Хелен, Вебб Джун.* Руководство по верховой езде : пер. с англ. / Под ред. А. М. Щербаковой; А. И. Крапивиной. – М. : Детский экологический центр «Живая нить», 1999.

4. *Блонский П. П.* Избранные психологические произведения. – М., 1964.

5. *Большаков В. Ю.* Психологический тренинг. – СПб., 1996.

6. *Бурно М. Е.* Терапия творческим самовыражением. – М. : Медицина, 1989.

7. *Васильева О. С.* Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки / Ю. С. Васильева, Ф. Р. Филатов. – М. : Академия, 2001.

8. *Гиршон А. Е.* Танцевально-двигательная терапия. – Кострома : Инкад, 1995.

9. *Гостев А. А.* Психология вторичного образа: Дисс. … докт. психол. наук. – СПб., 2002.

10. *Гроф С.* За пределами мозга. – М. : Изд-во Моск. трансперсонального центра, 1993.

11. *Гумилев Л. Н.* В поисках вымышленного царства. – М. : Т-во Клышников, Комаров и Ко, 1992.

12. *Джордж М.* Искусство релаксации: снятие напряжения, преодоление стресса, самопомощь. – М. : Консорциум «Социальное здоровье России», 2001.

13. *Калмыкова Е. С.* Исследования психотерапии за рубежом: некоторые методологические проблемы // Психол. журн. – 1992. – № 6. – С. 54–62.

14. *Каплан-Уильямс С.* Работа со сновидениями. – М., 1997.

15. *Карвасарский Б. Д.* Психотерапия. – М. : Медицина, 1985.

16. *Клочко В. Е.* Культурно-историческая психология и психосинергетика. Образование в информационном обществе : пособие для студентов гуманитарных вузов. – Бийск : НИЦ БиГПИ, 2000. – С. 112–118.

17. *Клочко В. Е.* Саморегуляция мышления и ее формирование : учеб. пособие. – Караганда : Изд-во КарГУ, 1987.

18. *Клочко В. Е.* Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. – Вып. 8–9. – Томск, 1998. – С. 7–15.

19. *Козлов В. В.* Социальная работа с кризисной личностью : методическое пособие. – Ярославль : Диа-пресс, 1999.

20. *Козлов В. В., Майков В. В.* Основы трансперсональной психологии. Истоки, история, современное состояние. – М. : Изд-во Института трансперсональной психологии, 2000.

21. *Ледер С.* Теоретическая концепция клиники неврозов Института психиатрии и неврологии в Варшаве // Групповая психотерапия / Под ред. Б. Д. Карвасарского, С. Ледер. – М. : Медицина, 1990. – С. 57–64.

22. *Ледер С.* Исторический очерк развития групповой психотерапии и основные теоретические направления / С. Ледер, Т. Высокиньска-Гонсер // Групповая психотерапия / Под ред. Б. Д. Карвасарского, С. Ледер. – М. : Медицина, 1990. – С. 12–45.

23. Лексикон социальной работы / под ред. С. М. Кибардина, С. И. Михайлова, И. М. Чернышева: изд. 2-е, испр. и доп. – Вологда : Русь, 2001.

24. *Лоуэн А.* Психология тела: биоэнергетический анализ тела. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2000.

25. *Лэндрет Г. Л.* Игровая терапия: искусство отношений. – М. : Междунар. пед. академия, 1994.

26. *Майков В. В.* Пневмосинтез: путь к интеграции : метод. руководство / В. В. Майков, А. В. Петрова. – М., 1989.

27. *Мэй Р.* Искусство психологического консультирования / пер. с англ. Т. К. Кругловой. – М. : Независимая фирма «Класс», 1999.

28. *Никитин В. Н.* Энциклопедия тела: Психология. Психотерапия. Педагогика. Театр. Танец. Спорт. Менеджмент. – М. : Алетейя, 2000.

29. *Перлз Ф. С.* Опыты психологии самопознания. – М., 1992.

30. *Перлз Ф. С.* Практика гештальттерапии. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2001.

31. *Райков В. Л.* Формирование сновидений естественного сна в гипнозе // Психол. журн. – 1984. – Т. 5. – № 6. – С. 69–78.

32. Сборник информационно-методических материалов по организационно-реабилитационной работе с детьми в специализированном учреждении : Ч. 1, 2. – Кострома : Авантитул, 2002.

33. Хрестоматия по телесно-ориентированной психотерапии и психотехнике / Ред.-сост. В. Ю. Баскаков. – 2-е изд. – М. : Смысл, 1997.

34. *Шадриков В. Д.* Введение в психологию. Мир внутренней жизни человека. – М. : МОСУ, 2002.

35. *Шадриков В.Д.* Введение в психологию: эмоции и чувства. – М. : Логос, 2002.

36. *Штраус И.* Иппотерапия. Нейрофизиологическое лечение с применением верховой езды : пер. с нем. – М. : Московский конноспортивный клуб инвалидов, 2000.

37. *Эриксон Э.* Детство и общество / пер. с англ. А. А. Алексеева. – СПб. : Летний сад, 2000.

38. *Eliade M.* Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy. – N.Y. : Pantheon Books, 1964.

39. *French T., Fromm E.* Dream interpretation: a new approach. – N.Y., 1989.

А. И. Тимонин

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТА

Институт педагогики и психологии создан 1 июня 2001 года на базе факультета педагогики и психологии и социально-педагогического факультета Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.

Основной целью Института педагогики и психологии является концентрация интеллектуального потенциала ученых и специалистов для развития фундаментальных и прикладных научных исследований, повышения эффективности образовательного процесса по направлениям высшего профессионального образования, подготовка профессионалов по ряду специальностей, включенных во взаимодействие в системе «человек-человек».

Профессионал, в отличие от узкого специалиста, является субъектом профессиональной деятельности, а не просто носителем совокупности знаний и умений. Он владеет профессиональной деятельностью в целом, способен к ее проектированию и развитию в зависимости от конкретной ситуации через осуществление рефлексии собственного опыта. На наш взгляд, профессионал в области образования (учитель, педагог-дефектолог, социальный педагог) призван оптимизировать социальную жизнь путем трансляции определенной системы знаний и набора ценностных отношений подрастающему поколению. Психолог и специалист по социальной работе являются носителями социальных изменений, управляют индивидуальными и социальными ресурсами в интересах человека, социальной группы и общества. Таким образом, кроме требований к уровню профессиональной подготовленности важнейшим требованием к специалистам, которых готовит ИПП, является принятие системы гуманистических ценностей как регулятора поведения профессионала.

В этом контексте образовательный процесс в ИПП предполагает следующие принципы организации:

– субъектной ориентированности процесса профессиональной подготовки;

– наполнения субкультуры общности профессиональным содержанием;

– коммуникативной доминанты профессиональной подготовки и профессиональной деятельности;

– интеграции совокупного субъекта образования;

© А. И. Тимонин, 2006

– конструктивности, приоритета продуктивной, преобразовательной деятельности;

– открытости для взаимодействия с обществом в целом и с отдельными организациями, учреждениями, объединениями, физическими лицами как его представителями.

Реализация этих целей и принципов осуществляется во взаимодополняющих видах деятельности:

– образовательная деятельность, которая сочетает в себе учебную деятельность и преподавание как основу теоретической и практической подготовки будущего специалиста;

– научно-исследовательская деятельность студентов, аспирантов, преподавателей, направленная на формирование научного стиля общения, межличностных связей в научной сфере и ликвидации разорванности теоретических исследований и практического внедрения результатов;

– социально-педагогическая деятельность в сфере организации досуга и волонтерства, предназначенная для развития личностных творческих потенциалов, активизации способности субъекта к созиданию в различных областях социальной действительности;

– методическая деятельность, предполагающая совершенствование организации всех видов совместной деятельности.

За пятилетний период своего существования и развития Институт педагогики и психологии признан одним из ведущих подразделений университета. Студенты ИПП успешно учатся (каждый пятый по итогам сессии – отличник), являются неоднократными победителями международных и всероссийских олимпиад, призерами различных конкурсов. В ИПП проводятся исследования по тематике пяти научных грантов РГНФ, в которые вовлечены студенты. На базе Института действуют несколько научно-педагогических отрядов, таких как областной лагерь старшеклассников им. А. Н. Лутошкина «Комсорг», областной лагерь старшеклассников «Кентавр», лагерь актива СПО ФДО «Соколенок» и другие. Студенты работают педагогами-организаторами в загородных детских центрах Череповца, Ярославской, Московской областях, в Краснодарском крае и Крыму. Студенты ИПП стали инициаторами проведения в регионе Фестиваля социальных акций.

На основе концепции развития КГУ им. Н. А. Некрасова, анализа опыта деятельности ИПП нами была разработана концепция личностного развития специалиста профессионала в процессе его обучения в вузе. Данная концепция определяет основную стратегию деятельности ИПП по обеспечению становления специалиста-профессионала в образовательной, научно-исследовательской и социально-педагогической деятельности.

Образовательная деятельность имеет своей целью продвижение студента от объекта обучения к субъекту образования и профессиональной деятельности и становление ИПП интегративным субъектом образования в регионе. Реализация данной цели возможна через:

– повышение качества образования, которое предполагает реализацию разного уровня образовательных программ (дополнительные специальности, специализации, программы переподготовки); повышение мобильности диплома выпускников; внедрение инновационных технологий; организацию и методическое обеспечение самостоятельной работы студентов; методическое обеспечение образовательного процесса (создание учебно-методического центра); включение студентов в научные исследования; усиление профессионального компонента во внеаудиторной деятельности; соединение учебной деятельности с социально-педагогической деятельностью в регионе;

– совместную деятельность с организациями, образовательными и социальными учреждениями по профессиональной подготовке специалистов, которая включает в себя такие компоненты как: заключение договоров с муниципальными образованиями, социальными организациями по подготовке и об индивидуализации подготовки специалистов; практико-ориентированное содержательное наполнение регионального компонента стандарта; привлечение руководителей и специалистов учреждений к реализации образовательных программ в институте; организация совместных научно-исследовательских проектов (создание учебно-научных лабораторий); обобщение опыта деятельности организаций и учреждений; поствузовское сопровождение молодых специалистов (методологические семинары, тренинги, образовательные семинары); создание банка рабочих мест;

– повышение квалификации преподавателей, которое является одним из приоритетных направлений работы. Оно предполагает стажировку преподавателей в различных вузах, как в России, так и за рубежом. Это даст возможность освоения

преподавателями инновационных образовательных технологий, повышения своего профессионального уровня. Главный вопрос, связанный с данным направлением – вопрос финансирования. Видится три основных источника: во-первых, это средства университета; во-вторых, возможно по согласованию с руководителями привлечение средств научных грантов; в-третьих, привлечение внебюджетных средств, средств учреждений (образовательных, социальных и других), с которыми мы имеем договоры о сотрудничестве.

Целью научно-исследовательской деятельности является переход от исследования актуальных проблем к интеграции научных направлений на основе междисциплинарности и внедрению результатов исследований в социально-педагогическую деятельность региона. Реализация данной цели предполагает:

– организацию научных исследований. Это грантовая политика, региональные научные гранты и исследования (организация опытно-экспериментальных площадок на базе учреждений), включение в научные исследования студентов;

– организацию научных направлений: анализ проведенных исследований, выявление междисциплинарных связей, обобщение полученных результатов (создание учебно-научного центра, научных лабораторий, временных научных коллективов), издание коллективных монографий, проведение научных собраний;

– внедрение результатов исследований в практику, которое предполагает организацию Ресурсного центра подготовку методических рекомендаций, технологических модулей, продвижение методической продукции Института педагогики и психологии в регионе.

Социально-педагогическая деятельность Института педагогики и психологии строится на основе продвижения студента от субъекта внеаудиторной деятельности к интегративному субъекту социально-педагогической деятельности в регионе, и предполагает:

– организацию опыта самостоятельной деятельности студентов во внеучебное время. Это возможно через организацию комплексных ключевых дел (фестивали, учебно-методические сборы); организацию студийных объединений студентов (методические объединения, танцевальная студия, вокальная студия, социальное проектное бюро, группа файндрайзинга, школа профессионального вожатого);

– организацию социально-педагогических проектов в регионе: создание и обеспечение деятельности научно-педагогических объединений (авторские лагеря, клубы старшеклассников); организация анимационных групп; проведение социальных акций; реализация социальных проектов в молодежной сфере (проектные семинары с Комитетом по делам молодежи, профессиональные мастерские);

– научно-методическое обеспечение социально-педагогической деятельности, которое состоит в подготовке методических материалов и их издании; создании Информационно-методического центра; проведении образовательных семинаров; создании научно-методического экспертного совета.

Таким образом, оптимизация процесса личностного развития специалиста-профессионала в процессе становления в вузе, по нашему мнению предполагает социально-педагогическое обеспечение. При этом, обеспечение можно рассматривать как управление функционированием и развитием системной совокупности ресурсов, привлекаемых для осуществления данного процесса. Под ресурсом здесь мы понимаем средства, которые могут быть задействованы для достижения цели. Рассмотрение социально-педагогического обеспечения, как специфической управленческой деятельности требует определения ее содержания. В контексте предложенного понимания оно предполагает выявление функционального назначения ресурсов и установление взаимосвязей их функций в определенных организационных формах. Содержание обеспечивающей деятельности предполагает разрешение противоречия между наличием ресурса как такового и актуализацией его потенциальных и реальных возможностей в определенных организационных формах.

Целесообразно выделить группы основных ресурсов, задействованных в процессе личностного развития специалиста-профессионала в процессе становления в вузе: личностные, институциональные, субкультурные и ресурсы среды.

Понимая под личностью, человеческий индивид как субъект отношений и сознательной деятельности, к личностным ресурсам мы отнесли социальный статус, социальные роли, личностную позицию, жизненный опыт, мотивационно-потребностную сферу, индивидуальные свойства и уровень их развития.

Рассматривая личностные ресурсы студента необходимо выделять:

– наличие знаний и умений, полученных в общеобразовательной школе и других образовательных учреждениях;

– соответствие студента новой социальной роли, социальным ожиданиям;

– мотивы обучения в вузе, сформированность педагогической направленности личности, мотивы на профессиональное развитие, достижение успеха;

– жизненный опыт, наличие до обучения в вузе профессиональных проб;

– наличие сформированной субъектности по отношению к обучению и будущей педагогической деятельности.

К *институциональным ресурсам* можно отнести особенности и структуру образовательного учреждения, содержание образования, используемые в обучении и воспитании технологи, организацию учебно-воспитательного процесса в нем, особенности управления образовательным учреждением, особенности педагогического коллектива, наличие в нем преподавателей, стремящихся к профессиональному развитию.

Структура образовательного учреждения и организация учебно-воспитательного процесса в нем призвана максимально эффективно реализовывать содержание образования и обеспечивать функционирование технологий. Она отражает распределение обязанностей между педагогическими работниками на разных уровнях, определяет место каждого субъекта в системе. В то же время, эта структура, являясь макроформой организации деятельности, оказывает непосредственное влияние на выбор образовательных технологий, регламентирует временные характеристики процесса, влияет на функционирование всех ресурсов социально-педагогического обеспечения.

Особое значение среди институциональных ресурсов является наличие преподавателей, тех людей, в чьи функциональные обязанности входит осуществление образовательного процесса. Педагоги являются частью общей структуры учебно-воспитательного учреждения, но мы выделили их в качестве особого ресурса. Каждый из них обладает собственным личностным и профессиональным потенциалом, имеет определенные смыслы в педагогической деятельности, то есть отличается от других. Однако, их объединяет выполнение общей деятельности, которая носит коллективный характер, требует согласования в целях, принципах, оценках, отношениях. От функционирования этого ресурса зависит реализация функций содержания и технологий образования, личностных ресурсов воспитанника и их развитие, профессионального развития педагогов.

Социально-педагогическое обеспечение предполагает использование в образовательном процессе не только личностных и институциональных ресурсов, но и ресурсов среды. Мы пришли к пониманию необходимости выделения специфических субкультурных ресурсов общности и ресурсов социальной среды, окружающей образовательное учреждение.

К группе субкультурных ресурсов общности мы отнесли специфический набор ценностных ориентаций, норм поведения, взаимодействия и взаимоотношений ее носителей, а также статусную структуру; набор предпочитаемых источников информации; определенные увлечения, вкусы и способы свободного времяпрепровождения; фольклор, специфические знаки и символы, присущие общности.

Необходимо отметить, что субкультура общности образовательного учреждения, чаще всего, складывается спонтанно и имеет внутри себя множество течений. Особое значение субкультурные ресурсы имеют в студенческой среде. Каждый вуз, каждый факультет имеет неповторимую субкультуру, которая является частью студенческой жизни.

Последнюю группу ресурсов мы условно обозначили как *ресурсы социальной среды*, отнеся к ним не столько наличие материальных объектов, других образовательных, социальных учреждений, промышленных предприятий, учреждений культуры, общественных организаций и политических движений, административных органов, сколько взаимодействие с ними участников образовательного процесса.

Взаимодействие субъектов образовательного процесса с объектами социальной среды включает организацию, согласование их взаимообусловленных действий, направленных на достижение общих целей, эффективную реализацию специфических воспитательных возможностей каждого. Управление функционированием и развитием этих ресурсов предполагает

– организацию связей, контактов, ведущих к обогащению педагогической деятельности;

– организацию отношений, общения людей разного положения, возраста, опыта, в основе которых – добровольность, общность интересов, равенство, полезность;

– организацию вхождения институциональных структур в окружающий социум и освоения его общими усилиями.

Описание четырех групп ресурсов позволяет представить наше видение социально-педагогического обеспечения профессионального становления студента. Управление данными ресурсами предполагает сбор информации, анализ имеющихся ресурсов, определение ресурсов наиболее соответствующих целям деятельности, их актуализацию и активизацию.

Л. И. Тимонина

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТА КАК ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В условиях современного общества к учителю предъявляются достаточно высокие требования, связанные, в том числе и с его профессиональной позицией. Особенно остро стоит вопрос о позиции учителя начальных классов, так как происходит переориентация начального образования на реализацию качественно новой личностно-ориентированной развивающей модели массовой начальной школы, призванной развивать личность школьника, его творческие способности, интерес к учению, формировать желание и умение учиться, сохранять и поддерживать индивидуальность ребенка. Можно говорить о том, что профессиональная позиция, как комплекс представлений учителя о себе как профессионале, его система отношений к себе, к ученикам, к коллегам должна быть личностно-ориентированной. Учитель должен принимать себя, иметь положительную «я-концепцию», осознавать себя как профессионала, осознавать нормы, правила, модели своей деятельности.

Профессиональная позиция складывается в профессиональной деятельности. Но уже на этапе получения профессии, и особенно профессиональной практики, когда происходит процесс самопознания, самопринятия, присвоение норм и выработка определенных поведенческих профессиональных стереотипов закладываются основы профессиональной позиции. Будет ли эта позиция личностно-ориентированной, зависит от множества факторов.

В процессе изучения различных дисциплин, в первую очередь педагогических и психологических студенты приобретают знания о требованиях к личности учителя, его профессиональной компетентности. Одновременно происходит самопознание, например, в процессе изучения психологии или на психолого-педагогическом практикуме. Вместе с тем происходит соотношение требований с индивидуальными особенностями и способностями. Однако процесс оценивания себя и соотношения с требованиями вызывает у студентов затруднения. Студентам было предложено написать собственный психологический портрет или портрет любого литературного героя. Подавляющее большинство студентов написало портреты литературных персонажей, те же, кто отважился писать о себе, особое внимание уделили не положительным, а отрицательным качествам личности. В некоторых работах были только описания психологических проблем. Иная картина была у студентов заочного отделения. Большая часть работ была личного характера, где студенты в основном положительно оценивают себя. Чувствовалось, что они уверенны в себе, в своих возможностях и способностях, при этом видят проблемы и знают, как с ними справляться. Именно этого не хватает студентам дневного отделения: принятия себя, положительной оценки своих личностных качеств, уверенности в себе. Это сказывается на работе с детьми во время профессиональных практик.

Включаясь в профессиональную деятельность через систему практик, студенты не сразу осознают себя как педагога, как учителя. Например, анализируя работу на первой педагогической практике в загородных детских центрах, многие говорят о том что «у меня все получилось», «я смогла проявить себя» и только потом о результате педагогическом. Руководителям практики необходимо особое внимание уделять

© Л. И. Тимонина, 2006

формированию позиции учителя, а не просто студента-практиканта. Особенно актуально это для практики будущих учителей начальных классов, когда студенты 5 курса в течение полутора месяцев фактически работают с классом.

Несмотря на определенное знание профессии учителя перед профессиональной практикой у студентов возникают опасения, тревожность и даже страх. Страх – это эмоция, возникающая в ситуации угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленная на источник действительной или воображаемой опасности [Психология. Словарь // Сост. Л. А. Карпенко. – М., 1990]. Страх – это страдание, возникающее в ситуации предвосхищения опасности. Страх варьируется в достаточно широком диапазоне от опасения до ужаса. Если источник опасности является неопределенным или неосознанным, то возникает чувство тревоги.

Конечно в ситуации ожидания первой встречи с детьми, первых попыток организовать их деятельность, ожидание новой позиции, как правило, не возникает сильного страха – ужаса. Хотя проведенное исследование (опрос студентов 2 курса, не имеющих достаточного практического опыта взаимодействия со школьниками) показывает, что более 30% студентов испытывают страх, тревогу, опасение по поводу организации деятельности детей, управления детским коллективом, общения с родителями. Только от 5 до 15% студентов чувствуют себя очень уверенно в различных ситуациях взаимодействия с детьми, родителями, коллегами – учителями. Эти студенты не испытывают отрицательных эмоций по поводу предстоящей педагогической деятельности.

Наличие эмоций связанных со страхом может привести студента, который сталкивается с ситуацией педагогической деятельности к определенным стереотипам поведения: бегству, оцепенению, агрессии.

Реакции страха формируются быстро и являются достаточно устойчивыми. То есть они могут проявиться не только ситуативно (например, в условиях практики), но и в дальнейшей самостоятельной деятельности молодого учителя.

Функционально страх служит предупреждением субъекта о предстоящей опасности, позволяет сосредоточить внимание на ее источнике, побуждает искать пути ее избегания.

Получается, что, с одной стороны, наличие сильного страха приводит к негативному поведению с точки зрения целесообразности педагогической деятельности, с другой стороны, страх стимулирует студентов к поиску вариантов педагогической деятельности в разных условиях и ситуациях. То есть полное отсутствие тревоги, опасений, чрезмерная уверенность в своих силах тормозит самосовершенствование будущего учителя. Поэтому важно в ситуациях учебно-воспитательной работы со студентами вырабатывать у них умения адекватно оценивать свои способности, возможности и в ситуации возникновения страха умения владеть собой.

Для этого необходимо соблюдение ряда условий:

1. Наличие профессионально важных знаний, умений и навыков. Студенты должны иметь достаточно знаний о педагогических ситуациях и собственных возможных действиях в педагогических ситуациях разного типа (эти знания студенты могут получить в процессе обучения, то есть на лекционных, практических, факультативных занятиях).

2. Наличие знаний и умений, связанных с умением владеть собой в стрессовых ситуациях, ситуациях страха. Важными умениями, необходимыми студентам, являются умения мобилизоваться, снять напряжение. То есть необходимо, чтобы студенты владели психотехниками, способствующими преодолению негативного эмоционального состояния. Этому способствуют занятия по психологии.

3. Наличие условий для осуществления профессиональных проб. Студенты должны иметь возможность оценить собственные возможности, приобрести умения педагогического взаимодействия в ситуациях профессиональных проб. Профессиональные пробы – это профиспытания, моделирующие элементы педагогической деятельности и способствующие сознательному, обоснованному выбору поведения в педагогических ситуациях. В процессе проб у студентов актуализируются полученные знания и представления о профессии, формируются профессиональные умения и представления о себе как субъекте педагогической деятельности. В условиях ИПП Костромского государственного университета профессиональные пробы студентов специальности «Педагогика и методика начального образования» осуществляются в рамках практических занятий по педагогике, методикам обучения. На этих занятиях студенты отрабатывают образцы поведения в педагогических ситуациях. Кроме того, большую роль играют воспитательные дела, проводимые в институте – Фес-

тиваль специальностей, Фестиваль лета, Фестиваль социальных акций. В рамках этих дел студенты уже на 1–2 курсе становятся сценаристами, организаторами, оформителями, коллективными участниками дел. Таким образом, они приобретают опыт взаимодействия, осуществляют первые самостоятельные профессиональные пробы. Большую роль с точки зрения профессиональных проб имеют социальные акции, осуществляемые студентами в образовательных учреждениях области. Для многих студентов младших курсов – это первый опыт педагогической деятельности. Каждая профессиональная проба, будь то работа на практическом занятии или участие во внеаудиторной деятельности института, завершается серьезным анализом деятельности. Это позволяет развивать рефлексивные способности студентов – будущих учителей. Важное значение для формирования положительного эмоционального фона в условиях профессиональных проб является то, что пробы чаще всего осуществляются вместе со своими товарищами, которые укажут на ошибки и помогут в ситуации затруднения. Кроме того, во внеаудиторной деятельности студенты чувствуют себя самостоятельно, свободно, так как эта деятельность, хотя и оценивается преподавателями (например, как членами жюри) не носит характер обязательной. За эту деятельность не ставится отметка. Преподаватели часто выступают здесь в роли участников совместной деятельности.

4. Включение студентов в реальную педагогическую деятельность. На наш взгляд, самую важную роль в преодолении страхов играет практика студентов. В отличие от самостоятельной педагогической деятельности студент на практике чувствует себя достаточно защищенным, для него стараются создать ситуацию успеха. Практика носит учебный характер, то есть студент находится под постоянным вниманием преподавателей университета и в случае затруднений может обращаться за помощью к методисту и групповому руководителю. Студенты, как правило, получают эмоциональную, педагогическую поддержку и помощь со стороны профессионалов, учителей, воспитателей, администрации образовательных учреждений. При помогающих, благоприятных отношениях человек изменяется и на сознательном и на более глубинном уровне своей личности. У него изменяется восприятие себя, он более рационально оценивает себя. Такой человек становится более похож на того, каким он хочет быть. Он более уверен в себе и лучше владеет собой. Он лучше понимает себя, становится более открытым опыту, меньше отрицает и подавляет свой собственный опыт. Такой человек лучше понимает других и видит их более похожими на себя. Подобные изменения происходят у него и в поведении. На него меньше действует стресс, после которого быстрее приходят в себя. Поведение становится более зрелым, у него меньше защитных реакций, он более адаптирован, более способен творчески подойти к ситуации.

5. Особое значение имеет анализ педагогической практики студентов и собственная рефлексия по поводу педагогической деятельности. Именно это дает возможность осознать себя как профессионала, как учителя, увидеть свои положительные личностные качества, проявившиеся в профессиональной деятельности, что способствует принятию себя и формированию определенной модели профессионального поведения.

Выполнение этих условий способствует на наш взгляд снижению уровня профессиональных страхов связанных с ожиданиями профессиональной деятельности. Так студенты 3 курса после прохождения практики в загородных детских лагерях чувствуют себя более уверенно в ситуациях взаимодействия с детьми (только 15% переживают опасения, тревогу в ситуациях организации деятельности детей). На 5 курсе только у 8% студентов вызывают опасения ситуации управления деятельностью детей. В тоже время практически все выпускники чувствуют себя достаточно уверенно в ситуациях профессиональной деятельности. Наблюдается повышение интереса к профессиональной деятельности у большинства студентов, которые прошли практику. Пятикурсники могут четко назвать требования к личности учителя. Отвечая на вопрос о том, какими учителями они были, большинство студентов написали: добрыми, доброжелательными, строгими, требовательными, справедливыми, достаточно уверенными в себе, активным. Среди ответов студентов были и такие определения: понимающим, помогающим, отзывчивым, внимательным, терпеливым. Студенты отмечали, что могли успешно применять полученные в ходе обучения знания на практике, что практика принесла удовлетворение. Однако как проблему некоторые называли неумение до конца выдержать позицию учителя. Как цель своей дальнейшей деятельности они называли самоутверждение, самореализацию и воспитание человека.

Е. Н. Приступа

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ РЕБЕНКА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Сложившаяся социальная ситуация в нашей стране указывает на значимость личностного и общественного здоровья, жизненного самоопределения, социальной мобильности, адаптивности, самоорганизации, независимости суждений, личностного роста и деловой карьеры, готовности и умения преодолевать жизненные трудности. В этой связи для педагогики представляет интерес изучение социального здоровья ребенка, взаимозависимость всех аспектов здоровья: социального и физического, социального и психического, физического и психического.

Социальное здоровье – это интегрированная категория, объединяющая педагогические, психологические, социологические, медицинские и другие научные знания, характеризует социальное развитие личности на настоящий период времени.

Отметим, что наряду с наличием характеристики термина «общественное социальное здоровье», отсутствует четкая дефиниция «личного социального здоровье». В медицинской литературе понятие «социальное здоровье» рассматривается социальной гигиеной в аспекте влияния социальных факторов на физическое здоровье граждан. Изучив научную литературу по проблеме здоровья детского населения, нами сформулировано следующее определение. ***Социальное здоровье личности ребенка*** *– такое состояние человека, при котором его биопсихические возможности способствуют установлению равновесия с социальной средой путем адаптации и конструктивной активизации в ней, следуя нравственным социальным нормам.*

Антиподом социального здоровья является, по нашему мнению – социокультурные деформации личности. ***Социокультурные деформации*** личности, проявляются во временных или постоянных, целенаправленных или стихийных действиях человека, направленных на разрушение ценностно-нормативных устоев общества, девиантном поведении, деструктивной активности. «Социокультурная деформация» объективно раскрывает сущность патогенного процесса социального развития личности ребенка. Пограничным состоянием между социальным здоровьем ребенка и социокультурными личностными деформациями являются «предсказуемые ожидания» (психиатрический термин, использующийся в аспекте личностного развития человека).

В основе формирования социального здоровья ребенка лежат процессы *социально-психологической адаптации и социализации, социального воспитания и социального развития*.

Адаптация. Социальная адаптация и конструктивная активность самого человека являются условием формирования социального здоровья личности. Социальное здоровье человека во многом зависит от его состояния, активности в самопроявлении.

Педагогика изучает проблему социальной адаптации, как активного приспособления человека к условиям социальной среды, благодаря которым создаются наиболее благоприятные условия для самопроявления и естественного усвоения, принятия целей, ценностей, норм и стилей поведения, принятых в обществе.

Социальная адаптация является необходимым условием для обеспечения оптимальной социализации человека. Она позволяет человеку не просто проявлять себя, свое отношение к людям, деятельности, быть активным участником социальных процессов и явлений, но и благодаря этому обеспечивать свое естественное социальное самосовершенствование. Природа сформировала предрасположенность человека к социальной адаптации и адаптационным процессам в различной среде его жизнедеятельности. Такие возможности у каждого человека свои, и они значительны. Благодаря им люди успешно приспосабливаются к сложным и неблагоприятным условиям обстановки. Показателями успешной социальной адаптации человека являются его удовлетворенность этой средой, активность самопроявления и приобретение соответствующего опыта[1]. Так, В.И. Лебедев считает, что «понятие «адаптированность» (устойчивая адаптация) является синонимом «нормы», «здоровья»[2].

Выделяют следующие критерии успешной социальной адаптации воспитанников:

– осознанное принятие и выполнение социально-нравственных норм;

© Е. Н. Приступа, 2006

– баланс индивидуального и социального;

– адекватное отношение к педагогическим воздействиям;

– гармонизация взаимоотношений взрослых и сверстников;

– активное участие в жизни детского коллектива;

– удовлетворенность своим социальным статусом и отношениями;

– социальная активность;

– наличие позитивно-ориентированных жизненных планов[3].

Характер адаптационных процессов зависит от стадии онтогенеза. На его ранних этапах личностные особенности и качества возникают путем приспособления ребенка к требованиям окружающей среды. Но затем приобретают самостоятельное значение. По мнению С.А. Ларионовой[4] общая адаптация является результатом последовательного ряда ситуативных адаптаций к повторяющимся ситуациям. Считается, что понятие *адаптации* выражает приспособление человека к конкретным условиям деятельности, а *социализация* отражает процесс становления личности.

Социализация и адаптация – основные критерии разграничения норм и патологии в деятельности человека. Представление об уровне адаптации лежит в основе концепций здоровья человека.

Социализация. Социализация – это двусторонний процесс, включающий в себя усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей и процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивидом за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду.

Определена следующая *педагогическая классификация процесса социализации*[5]:

1. Социализация рассматривается как трансляция культуры от поколения к поколению, как общий механизм социального наследования, охватывающий и стихийные воздействия среды, и организационные – воспитание, образование.

2. Социализация определяется как совокупность действия факторов, институтов и агентов социализации (семьи, образовательных учреждений).

3. Социализация представляет собой освоение личностью норм, ценностей, установок, стереотипов, у нее складывается система внутренних регуляторов, привычных форм поведения.

4. Социализация не исчерпывается адаптацией к социальной среде, а является творческой самореализацией личности, преобразованием себя, строится как деятельностная модель самовоспитания.

Содержание процесса социализации определяется психологией и культурой общества, социальным опытом индивида. Средства социализации – это элементы окружающей общественной среды, которые проявляют себя на разных уровнях. Это социально-политическая жизнь страны; этнокультурные условия; демографическая ситуация; институты социализации (семья, детские образовательные учреждения, общество сверстников, религия, средства массовой коммуникации).

Социализация здоровой личности может считаться эффективной по следующим критериям, выделенным Е.В. Руденским:

1) социальная интегративность личности;
2) социальная активность;
3) социальная адаптированность;
4) психологическая адаптированность;
5) социальная пластичность;
6) социальная автономность;
7) социальная эффективность;
8) социальная удовлетворенность.

Данные критерии определяют результативность социализации личности.

Выбор личностью активной жизненной позиции обусловлен причинами как объективного, так и субъективного характера. Иногда она вынуждена вести себя активно, чтобы сохранить равновесие с окружающей средой. Социальной активности противостоят социальная пассивность и апатия, порождаемые кризисными явлениями в обществе, ростом отчуждения.

Социальное развитие. Социальное здоровье ребенка определяется характеристикой определенного этапа социального развития. Иначе говоря, социальное здоровье личности – это состояние, которое напрямую связано с особенностями личностного, психического развития. Развитие личности – это стадиальный процесс становления типологических социально значимых качеств человека и его индивидуальности[6]. Социальное развитие личности – это количественное и качественное изменение личностных структур в процессе формирования человека, его социализации и воспитания. Оно, по мнению Л.В. Мардахаева, представляет собой естественное и закономерное природное явление, характерное для человека, находящегося с рождения в социальной среде. Социальное развитие человека имеет непрерывный, но неравномерный

характер. Непрерывность его заключается в постоянной потребности социального изменения, сохранения, утраты социального опыта как естественного социального роста человека. неравномерность социального развития выражается в том, что оно не имеет линейного и постоянного характера. Социальное развитие человека предполагает активную адаптацию (приспособление) к постоянно меняющимся социальным факторам. О поэтапности психосоциального развития в сочетании с биологическим говорил Альфред Бине еще в начале XX века.

Педагогические основы изучения норм социального здоровья ребенка зависят от характера, особенностей, содержания, закономерностей социального развития ребенка с момента рождения, его воспитанности, адаптивности, адаптабельности, активности в социальной среде. Социальное развитие личности ребенка не является автономным процессом, происходящим изолированно от психического и физического развития человека. Формирование социального «Я» ребенка начинается с момента попадания в социальную среду, т.е. сразу после рождения; напрямую зависит от особенностей психического развития. Еще раз отметим, что мы рассматриваем феномен «социального здоровья ребенка» при наличии психического здоровья личности и отсутствии грубых физических дефектов.

Социальное развитие личности предполагает изучение степени, характера, механизмов, особенностей включения личности в социальную среду и установление с ней равновесия, что является залогом социального здоровья ребенка.

Социальное воспитание. Формирование личности, ее социализация связаны с социальным воспитанием. В педагогике разрабатывается теория социального воспитания, которая описывает, объясняет и прогнозирует его функционирование как социального института, а также исследует индивидуальные, групповые, социальные объекты социального воспитания, их взаимодействие. Воспитание должно обеспечивать такое поведение человека, которое будет соответствовать нормам и правилам поведения, принятым в данном обществе. Для физического, психического и социального развития личности создаются общественные, государственные и частные учебно-воспитательные учреждения. Эти структуры направлены, в том числе на помощь социально незащищенным семьям и детям в их развитии; на воспитание у детей умения общаться с людьми и природой, просвещение, привитие культуры общения в труде и общественной жизни; на помощь семье и детям выстоять в кризисной ситуации[7].

Социальное воспитание связано с образованием, просвещением, обучением и самообразованием ребенка. Задачами социального воспитания являются: 1) индивидуальная помощь личности в ее кризисной ситуации в семье, школе, когда необходимо восстановить здоровье, физическое, психическое и социальное состояние ребенка; 2) организация защиты прав на достойную жизнь в обществе; 3) помощь в принятии самостоятельных решений в организации своей жизни; 4) организация охраны здоровья ребенка, а также его социальную, физическую, познавательную и творческую деятельность.

Основными принципами социального воспитания, сформулированными Ю.В. Васильковой, являются: 1) принцип природосообразности (изучение задатков и способностей ребенка и содействие в их развитии); 2) принцип народности (учет национальной культуры, традиций и одного языка); 3) принцип гуманности (признание индивидуальности каждого ребенка, его физического, эмоционального, социального и нравственного развития, милосердия и поддержки в кризисной ситуации); 4) принцип социальной ответственности общества за реализацию человека в творчестве, приобретение знаний, удовлетворении в общении.

Феномен социального здоровья ребенка связан с использование нравственных социальных норм, поскольку они выступают регулирующим механизмом, помогающим выстроить гармоничные отношения между формирующейся личностью ребенка и его изменяющимся социальным окружением на разных возрастных этапах. Данное равновесие личности и социальной среды помогает снизить риск как психических, так и соматических нарушений, болезней в периоде детства, и во взрослой жизни.

На социальное здоровье человека оказывают влияние разные процессы, которые в свою очередь имеют определенную уровневую характеристику. Феномен социального здоровья включает многообразие данных классификаций. Поэтому, для того чтобы дать объективную оценку социального здоровья личности ребенка мы остановимся состояниях: социальном здоровье,

Таблица

Показатели и критерии социального здоровья ребенка на разных возрастных этапах

Показатели социального здоровья	Критерии	
	от 7 до 12 лет (младший школьный возраст)	от 12 до 18 лет (подростковый, старший школьный возраст)
1. Оптимальный уровень социальной адаптации, адаптивность	– осознанное принятие и выполнение норм коллективной жизни; – баланс индивидуального и социального; – гармония отношений со взрослыми и сверстниками; – адекватное отношение к педагогическим воздействиям; – самоконтроль поведения; – активное участие в жизни детского коллектива; – удовлетворенность своим статусом и отношениями.	
2. Нормативность социального развития	– принятие и использование нравственных социальных норм.	– принятие и использование нравственных социальных норм; – полоролевое поведение; – социометрический статус; – самооценка; – ориентация на изучение и выполнение будущих профессиональных действий
3. Социализированность	– социальная интегративность личности; – социальная активность; – социальная адаптированность; – психологическая адаптированность; – социальная пластичность; – социальная эффективность; – социальная удовлетворенность.	– социальная интегративность личности; – социальная активность; – социальная адаптированность; – психологическая адаптированность; – социальная пластичность; – социальная автономность; – социальная эффективность; – социальная удовлетворенность.
4. Воспитанность	– общественная направленность детей, которая выражается во взглядах, убеждениях, ценностных ориентациях личности; – положительная характеристика направленности личности; – наличие социально значимых качеств; – ведущие мотивы поведения детей, нравственные ценности и ориентации, поступки учащихся.	
5. Социальность поведения	– включенность ребенка в общественно полезную деятельность, его активность, инициативность; – соблюдение режима дня; – привычные способы поведения; – формирование и развитие социальных связей; – воспитуемость; – отсутствие вредных привычек; – наличие хобби; – посещение школы; – низкая конфликтность; – следование моральным нормам поведения; – доброе отношение к животным; – ведение ЗОЖ.	
6. Нормативность личностного развития	– чувство собственной ценности; – самоопределение.	– сформированная идентичность.
7. Психическое здоровье	– осознание и чувство непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического «Я»; – чувство постоянства и идентичности переживаний в идентичных ситуациях; – критичность к себе, своей деятельности, ее результатам; – адекватность психических реакций силе и частоте средовых воздействий, социальным обстоятельствам и ситуациям; – способность к самоуправлению поведением в соответствии с социальными нормами, правилами, законами; – способность изменить способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций и обстоятельств; – созревание эмоциональной сферы.	– осознание и чувство непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического «Я»; – чувство постоянства и идентичности переживаний в идентичных ситуациях; – критичность к себе, своей деятельности, ее результатам; – адекватность психических реакций силе и частоте средовых воздействий, социальным обстоятельствам и ситуациям; – способность к самоуправлению поведением в соответствии с социальными нормами, правилами, законами; – способность планировать свою собственную жизнь и реализовывать это; – способность изменить способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций и обстоятельств; – созревание мыслительной деятельности.

предсказуемом ожидании и социокультурных деформациях, как его антиподе. Определим единые показатели изучаемого явления для всех периодов детства, но имеющие разные критерии, в зависимости от возраста. По нашему мнению, показателями социального здоровья ребенка выступают:

1) оптимальный уровень социальной адаптации, адаптивность;
2) нормативность социального развития;
3) социализированность;
4) воспитанность;
5) социальность поведения;
6) нормативность личностного развития;
7) психическое здоровье.

В зависимости от возраста можно выделить критерии социального здоровья ребенка. В таблице определены показатели и критерии социального здоровья ребенка в зависимости от возраста.

Таким образом, педагогическими особенностями содержания понятия «социальное здоровье ребенка» являются:

1. Социальное здоровье личности – такое состояние человека, при котором его биопсихические возможности способствуют установлению равновесия с социальной средой путем адаптации и конструктивной активизации в ней, следуя морально-нравственным нормам.

2. Социальное здоровье личности является одной из сторон здоровья человека, напрямую зависит от психического здоровья человека и имеет относительную независимость от физического.

3. Социальное здоровье – социально-педагогическая категория, поскольку на нее оказывают влияние особенности процессов социальной адаптации, социализации, социального развития, социального воспитания.

4. Социальная сторона здоровья личности начинает формироваться с момента рождения человека, совершенствуется всю жизнь, но наиболее устойчивое состояние приобретает лишь в подростковом возрасте.

5. Социальное здоровье зависит: 1) от качества процессов социальной и социально-психологической адаптации личности, имеющие свои возрастные и индивидуальные особенности на разных этапах социального развития человека в период детства; 2) от характера социализации в средовых микрофакторах (семье, детских образовательных учреждениях); 3) от усилий и активности самого человека в достижении личных целей, осознания своего смысла жизни, формирования собственной жизненной позиции, преодолении трудных жизненных ситуаций, помогающей позиции, конструктивном преобразовании и совершенствовании окружающей среды (социальной, биогенной, абиогенной).

6. Системообразующим элементом категории «социальное здоровье личности ребенка» является социальная адаптация человека.

7. Социальное здоровье личности ребенка обеспечивается правильным выбором методов воспитания, а также созданием благоприятных психолого-педагогических, социально-психологических, социально-гигиенических, медицинских, социально-экономических условий гармоничного и всестороннего формирования личности ребенка в семье и детских образовательных учреждениях, школе.

8. Социальное здоровье личности является залогом общественного социального здоровья и не является его синонимом. Общественное социальное здоровье является предметом изучения социальной гигиены.

9. На социальное здоровье личности оказывают влияние особенности физического и психического развития ребенка на разных возрастных этапах, а также характер адаптационной деятельности организма, психики.

10. Социальное здоровье личности зависит от особенностей антропогенеза (онтогенеза и филогенеза), культурогенеза, исторического этапа развития человечества, от правильного соблюдения педагогических принципов природосообразности, культуросообразности, самодеятельности.

11. Социальное здоровье ребенка школьного возраста будет сформировано, если обеспечивается педагогически правильный и плавный переход от организации субъект-объектного взаимодействия взрослого и ребенка к субъект-субъектному, обеспечивающий реализацию принципа самодеятельности.

Примечания

[1] *Мардахаев Л.В.* Социальная педагогика: Учебник. – М., 2003. – С. 82–86.

[2] *Лебедев В.И.* Личность в экстремальных условиях. – М., 1989. – С. 50–51.

[3] *Овчарова Р.В.* Справочная книга социального педагога. – М., 2001. – С. 174.

[4] *Ларионова С.А.* Социально-психологическая адаптация личности: теоретическая модель

и диагностика. – Белгород, 2002.

[5] *Тесленко А.Н.* Социализация молодежи: педагогика отношений в социуме. – Алматы – Астана, 2002. – С. 13.

[6] Психолого-педагогический словарь для учителей и руководителей общеобразовательных учреждений. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 372.

[7] *Василькова Ю.В., Василькова Т.А.* Социальная педагогика: Курс лекций: Учебное пособие для студентов высших пед. учебных заведений. – М., 2000. – С. 54–55.

А. Г. Самохвалова, С. В. Котова

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Напряженная, неустойчивая социальная, экономическая, экологическая, идеологическая обстановка, сложившаяся в настоящее время в нашем обществе, обуславливает рост различных отклонений в личностном развитии и поведении людей. Среди них особую тревогу вызывает рост агрессивных тенденций в женской среде, так как за последние годы «женская» преступность не только возросла, но отмечаются резкие изменения в ее структуре и формах проявления. При этом тревожит факт увеличения числа тяжких и особо тяжких правонарушений, за совершение которых отбывают наказание более 60% осужденных женщин. Поэтому проблема женщин-правонарушителей стоит достаточно остро в современном обществе.

Основной целью нашего исследования стало выявление специфики взаимоотношений женщин в криминальном и конструктивном взаимодействии, а также рассмотрение личностных детерминант, обуславливающих индивидуальные стратегии и тактики социального поведения. Исследование особенностей межличностного взаимодействия женщин в условиях исправительно-трудовых учреждений, на наш взгляд, является весьма актуальным, поскольку оно поможет создать эффективную систему профилактических и реабилитационных мероприятий для женщин с девиантным поведением.

Человеческое поведение не бывает прямым следствием непосредственно воздействующих факторов – социально-экономических условий, ситуативных обстоятельств, факторов наследственности и т.д. В поведении (и преступлении) проявляется единство объективных и субъективных факторов; система внешних обстоятельств преломляется через систему сформированных у человека внутренних условий (ценностных ориентаций, поведенческих установок, обобщенных способов поведения, психодинамических особенностей саморегуляции).

Говоря о личностных детерминантах межличностного взаимодействия женщин, мы выявили основные принципы анализа проблемы:

1. *Индивидуально-типологические особенности личности* формируют индивидуальный стиль межличностного поведения. Гармоничный стиль поведения характеризуется разнообразным арсеналом используемых стилей и тактик межличностного взаимодействия, а также вербальных и невербальных средств. Акцентуированный стиль (авторитарный, зависимо-конформный, агрессивный) межличностного поведения может выступать в качестве условия, затрудняющего социальную адаптацию в социуме. Женщины превосходят мужчин по тревожности, экстраверсии, доверчивости, экспрессивности, они более экстернальны.

2. Межличностное взаимодействие обусловлено *уровнем социализированности и адаптивности личности.* Результат социализации в значительной мере определяется сложившимся дисциплинарным стилем и методами воспитания в детстве. Дисциплина, основанная на авторитете и доверии взрослого, побуждает ребенка к самоконтролю, повышает его уверенность в себе и способствует просоциальному развитию. Авторитарный и игнорирующий стили оказывают отрицательное воздействие на ребенка, выражающееся в более низком уровне морального развития, повышенной агрессивности и пониженной самооценке. Крайние формы этих стилей воспитания не только распространяются на взаимодействие между членами делинквентных семей, но и переносятся на ситуации за ее пре-

© А. Г. Самохвалова, С. В. Котова, 2006

делами и сохраняются у человека в зрелости. В семьях женщина-мать чаще ставит себя в позицию подчиненности и придерживается игнорирующего и уступчивого стиля воспитания.

3. Характерологические особенности личности в виде *акцентуаций* лежат в основе многих дефектов общения и становятся поведенческой привычкой, зачастую выступая в роли «спасительной ширмы», за которой скрываются неуверенность, напряжение, тревога. У женщин чаще встречаются акцентуации по сензитивному, тревожному и эмотивному типу.

4. *Личностная направленность* реализуется через систему психологических установок и ориентаций, определяющих потребности, стратегические и тактические цели. В кооперативных ситуациях межличностного взаимодействия возникает тенденция к принятию равенства и взаимного уважения. В конкурентной ситуации – борьба за выигрыш. Установка на партнера как «самоценность» реализуется через «сотрудничество» и «партнерство», понимание и диалог. Установка на партнера «как средство достижения цели» реализуется через «доминирование», «манипуляцию», непонимание и монологическое поведение. Во всех возрастах у лиц женского пола более сильная ориентация на моральные нормы. Женщины демонстрируют более высокую мотивацию достижения в нейтральных условиях. Для повышения мотивации необходимы социальные стимулы, связанные с принятием группой.

5. *Субъективный образ «Я»* определяет индивидуальное самочувствие в социальных ситуациях. Каждая ситуация диктует свой стиль поведения и действия: в каждой из них человек по-разному «подает» себя. Люди с высокой самооценкой проявляют доброту, честность, самообладание и строят свое взаимодействие на сотрудничестве и ответственности. Чрезмерно высокий уровень самооценки порождает высокомерие, излишнюю самоуверенность, враждебность, а также люди демонстрируют агрессивный и упорствующий стиль взаимодействия. Женщины выше оценивают свою социальную ориентацию, межличностные отношения и социальный опыт.

6. Суть взаимодействия во многом определяется *поведением человека в конфликтной ситуации.* Основными сферами межличностного взаимодействия, в которых чаще всего происходят конфликты, являются семейная и служебная. Члены семьей, строящие свое взаимодействие на таких стратегиях, как «соперничество», «псевдосотрудничество» и «изоляция», усваивают негативный опыт разрешения конфликтов. Доминирующими личностными чертами при этом выступают агрессивность, аутичность, застенчивость, эгоистичность, цинизм, амбициозность. Женщины чаще, чем мужчины реагируют на возникающие проблемы «уходом» от необходимости ее решения, причем уходом бессознательным.

В нашем исследовании мы ориентировались именно на данные принципы, хотя понимаем, что спектр личностных детерминант межличностного взаимодействия гораздо шире. Объектом исследования стали женщины, отбывающие наказание в условиях исправительно-трудового учреждения. Предметом исследования мы определили особенности коммуникативной деятельности женщин в условиях исправительно-трудового учреждения.

В ходе исследования мы проверяли гипотезу о существовании различий в межличностном взаимодействии женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, и женщин, не совершавших преступление.

В нашем исследовании приняли участие 120 женщин в возрасте от 25 до 50 лет, из которых 60 женщин, отбывающих наказание в исправительно-трудовом учреждении в пос. Прибрежное Костромского района (экспериментальная группа), и 60 женщин, работающих на промышленном предприятии ООО «Молпром» г. Костромы (контрольная группа).

Опираясь на изложенные выше принципы исследования, нами был подобран комплекс диагностических методик, позволяющих выявить специфику межличностного взаимодействия женщин в экспериментальной и контрольной группах: индивидуально-типологический опросник Л. Собчик; характерологический опросник К. Леонгарда – Н. Шмишека; метод диагностики межличностных отношений, модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири; тест описания поведения в конфликтной ситуации К. Томаса; метод цветовых выборов Л. Собчик, модифицированный вариант цветового теста Люшера; методика измерения гендерной идентичности С. А. Беем.

Исследование показало, что среди женщин-колонисток преобладают индивидуалисты и педантичные личности с чертами тревожного типа. В контрольной группе преимущественно сензитивно-экстравертные личности.

Андрогинный тип гендерной идентичности преобладает у женщин как экспериментальной (78,4%), так и контрольной (83,3%) групп. Андрогинность обеспечивает социальную адаптивность личности. В условиях исправительно-трудового учреждения это особенно актуально, поскольку андрогинность позволяет женщинам приспосабливаться к стрессогенной окружающей обстановке, новым людям и новому социальному статусу.

В ходе исследования обнаружились статистически достоверные различия индивидуальных профилей по отдельным шкалам личностных акцентуаций характера в экспериментальной и контрольной группах. Ведущими чертами, отличающими женщин-колонисток, выступают возбудимость (недостаточность самоконтроля, импульсивность); дистимность (сосредоточенность на мрачных сторонах жизни); педантичность (повышенная социальная ригидность); циклотимность (склонность к колебаниям настроения); экзальтированность (с бурными реакциями на внешние стимулы, альтруизм); патологическая стойкость аффекта, злопамятность («застревающий тип»). Высокие баллы личностных акцентуаций коррелируют с такими индивидуально-типологическими характеристиками, в которых наиболее отчетливо проявляются признаки индивидуалистичности, агрессивности, обособленности, конфликтности. Так, положительные корреляционные связи обнаружены по интроверсии и дистимности, ригидности и «застревающим» типом, агрессивности с возбудимостью, тревожности с циклотимичностью, экзальтированностью и возбудимостью.

Актуальное состояние женщин-колонисток соответствует общей эмоциональной напряженности, затрудненной адаптации, связанной с их индивидуалистичностью, стремлением к независимости, иррациональностью суждений и интересов, переживанием чувства обиды и приниженности, тенденцией к самоуничижению, потребности в помощи и признании окружающих, стремлению улучшить впечатление о себе. Женщины контрольной группы более реалистичны в своих желаниях и суждениях, стремятся к ярким новым впечатлениям, с позитивной самооценкой и склонностью к сотрудничеству, отличаются умением сглаживать конфликты и сдерживать собственные непосредственные реакции.

Анализ стилей межличностных отношений в двух группах женщин показал статистически достоверные различия индивидуальных профилей по отдельным шкалам. Так, ведущими тенденциями в межличностном взаимодействии женщин-колонисток выступают независимо-соперничающий (эгоистический) стиль, недоверчиво-скептический (подозрительный) и ответственно-великодушный (альтруистический) стили. Высокие баллы по этим октантам позитивно коррелируют с ригидностью, спонтанностью, агрессивностью, сензитивностью.

Ведущими способами урегулирования конфликтов женщин-колонисток выступают соперничество (стремление добиться удовлетворения своих эгоистических интересов) и приспособление (уступчивость). Высокие баллы по этим формам поведения позитивно коррелируют с такими стилями межличностных отношений как независимо-доминирующий и ответственно-великодушный. В контрольной группе ведущими стилями поведения в конфликтной ситуации выступают компромисс и избегание.

На основе анализа всех полученных эмпирических данных, нами была дана целостная оценка специфики межличностного взаимодействия женщин в двух группах.

Целостная оценка особенностей межличностного взаимодействия женщин, отбывающих наказание

Индивидуально-типологические свойства. Интровертные индивидуалисты и педанты с чертами тревожности представляют достаточно сложный противоречивый личностный паттерн, который проявляется по типу недоверчивой и замкнутой, рационально-ирреалистичной, эксплозивной, возбудимой, паранойяльной личности, конфликтующей на ниве субъективизма в оценке людей и явлений окружающей жизни. Повышенная импульсивность, раздражительность, ослабление контроля за своими эмоциями, побуждениями и действиями часто приводят к конфликтам, но возможна и льстивость с услужливостью, склонностью к альтруистическим проявлениям (как варианты маскировки). Этот вариант личности осложнен присущими ей чертами тревожности, ориентацией на мнение значимых других (конформность), тенденцией реагировать повышенным чувством вины, самобичеванием, самоуничижением на малейшие неудачи и ошибки.

Позиция – нонконформизм и противопоставление окружению своих субъективных устано-

вок, стремление к независимости, обращенность интересов в мир внутренних переживаний.

Тип восприятия – рациональный, формально-абстрактно-логический. Недостаточно сформирована реалистическая платформа, базирующаяся на житейском опыте. Личность объединяет в себе и рационализм (опора на свои суждения), и иррационализм (оторванность от окружающего мира).

Мотивационная направленность – соперничество и приспособленчество.

Ведущие потребности – потребность в свободе субъективного выбора и потребность в актуализации своей индивидуалистичности, а также душевном консонансе (созвучности) с другими.

Стиль взаимодействия. Независимый-доминирующий стиль межличностного поведения сочетается с такими особенностями как демонстративность, дистантность, эгоцентричность. Характерен завышенный уровень притязаний, индивидуалистичности, выраженное чувство соперничества, мнение окружающих воспринимается критически, собственное мнение возводится в ранг догмы. Эмоциям не достает тепла, поступкам конформности. Низкая подчиняемость.

Недоверчиво-скептический стиль межличностного поведения сочетается с такими характеристиками, как обособленность, замкнутость, ригидность установок, критический настрой к чужим мнениям, кроме собственного, склонность к построению ригидных и сверхценных умозаключений, связанных с убежденностью в людской недоброжелательности, опережающая враждебность в высказываниях и поведении.

Ответственно-великодушный стиль межличностного поведения сочетается с такими особенностями как выраженная потребность соответствовать социальным нормам поведения, склонностью к идеализации гармонии межличностных отношений, экзальтацией в проявлении своих убеждений. Свойственна выраженная эмоциональная вовлеченность, потребность производить приятное впечатление.

Эмоциональная напряженность и затрудненная адаптация вызваны общим ослаблением интегративной роли самосознания, что является результатом недосформированности личности (выраженных личностных акцентуаций), эмоциональной незрелости. Затрудненная адаптация связана с индивидуалистичностью личности, иррациональностью суждений, интересов и поступков, потребностью в «особых» переживаниях и отношениях, которым отдается предпочтение перед конкретными и реальными целями. Колониальные условия способствуют неустойчивости самооценки, так как, с одной стороны, они требуют самоутверждающегося поведения, с другой – стремления повысить свою значимость и улучшить впечатление в глазах значимых других. Лицам этого круга свойственны два типа *защитных механизмов*, снимающих внутреннее напряжение: 1) ограничительное поведение и ритуальные действия, трансформирующиеся в повседневной жизни в суеверие, приверженность интересам значимого лица (группы) или 2) отреагирование вовне по внешнеобвиняющему типу: лица приписывают окружающим ту недоверчивость и враждебность, которая присуща им самим, и за это карают.

Целостная оценка особенностей межличностного взаимодействия женщин, не совершавших преступление

Индивидуально-типологические особенности. Среди женщин контрольной группы преобладают сензитивно-спонтанные экстраверты. Этот личностный паттерн отражает активность позиции, высокий уровень жизнелюбия, доброжелательность, общительность; самооценка зависит от средовых воздействий и от ситуаций успеха-неуспеха. Экстраверсия позитивно коррелирует с личностной акцентуаций по гипертимному типу, демонстративному типу; спонтанность с «застревающим» и демонстративным типом; сензитивность с эмотивным типом.

Позиция – обращение к социуму, активность позиции, высокий уровень жизнелюбия, общение, поиски признания и стремление к сопричастности в межличностном взаимодействии.

Тип восприятия – социально активные коммуникабельные экстраверты больше ориентированы на абстактно-аналитический (вербальный) стиль освоения информации, склонность к опоре на цельно-чувственные образы.

Мотивационная направленность – соперничество, приспособление, сотрудничество.

Эмоциональный фон. Спонтанные личности активно стремятся к самоутверждению, их эмоции жизнеутверждающи и оптимистичны, базируются на завышенной самооценке и стремлении к лидированию.

Межличностный стиль поведения. У сензитивно-спонтанных экстравертов преобладает

властно-лидирующий стиль и характеризуется оптимистичностью, экстравертированностью, быстротой реакций, высокой активностью, выраженной мотивацией достижения, тенденцией к доминированию. Доминирование здесь в большей степени обращено на общие с группой интересы и проявляется в стремлении вести людей за собой, заражая их своими идеями. Ориентация в основном направлена на собственное мнение, поступки и высказывания могут быть скорыми и недостаточно обдуманными. Гипертимность, демонстративность позитивно коррелируют с властно-лидирующим стилем и индексом доминантности. Индекс доминантности позитивно коррелирует с личностной акцентуацией по «застревающему» типу. Властно-лидирующий стиль позитивно коррелирует с поведенческой позицией «соперничества» в конфликтной ситуации, сотрудничающий-конвенциальный стиль позитивно коррелирует с «сотрудничеством», покорно-зависимый стиль – с «приспособлением».

Подводя итоги, можно отметить, что в процессе нашего исследования мы выявили специфику межличностного взаимодействия женщин-колонисток и подтвердили нашу основную гипотезу о существовании различий в межличностных отношениях женщин, отбывающих наказание, и женщин, не совершавших преступлений. Увидели не только личностные особенности женщин-правонарушителей, их потребность в реабилитации и желание «исправиться», «начать новую жизнь», но и попытались понять мотивы их преступлений, их внутренний мир. Действительно, все осужденные женщины очень индивидуальны, у каждой своя судьба, свое мировосприятие, стиль общения. Женщины, отбывающие наказание, отличаются от социально-адаптированных, законопослушных женщин не только по «преступным чертам», как считают многие обыватели, но и по тем отрицательным чертам характера и конфликтному стилю взаимодействия, которые сформировались в различных негативных условиях их социального развития. Одна из характерных особенностей женщин-преступниц – это построение целостных структур мотивов и доводов, способных оправдывать их преступные действия и «забывать» о тех моральных ценностях и установках, которые могут воспрепятствовать достижению преступных целей.

Результаты исследования, на наш взгляд, помогут создать программы эффективной реабилитации женщин-преступниц, оптимизировать их межличностное взаимодействие в период отбывания наказания в условиях исправительно-трудового учреждения.

Ю. П. Вавилов

ИССЛЕДОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Одной из важных задач более полного и глубокого изучения личности профессионала вообще и учителя в частности служит разрешение проблемы, которая формулируется как соотношение общепрофессионального и специального. Общее и особенное возникают и существуют в личности профессионала в единстве. Общих свойств меньше, но они отражают главное; особые свойства представлены в большем количестве, они ценны сами по себе, и к тому же через них проявляются общие свойства.

Общепедагогические и общеучительские свойства исследуются давно и весьма подробно описаны в имеющейся психолого-педагогической литературе, в работах профориентационного и профессиографического характера. В то же время педагогические специальности, особенности профессионально важных качеств (ПВК) специалистов остаются менее изученными. Сказанное относится и к личности учителя начальных классов.

В авторской концепции, взятой за основу исследований специфических ПВК учителей начальных классов, имеется три главных положения: 1) учителям младших школьников присущи особые ПВК, не требующиеся другим учителям (например, предметникам); 2) специфика ПВК разных учителей может проявляться в необходимости разного уровня развития одних и тех же качеств; 3) специфика ПВК выражается в их разной иерархии, разном ранге внутри общей структуры.

© Ю. П. Вавилов, 2006

Таблица 1

Мнение учителей об особых ПВК

№ п/п	Показатели	Согласны с утверждением, %
1	Считаю, что учителю начальных классов нужны особые ПВК	96,2
2	Полагаю, что особые ПВК не нужны	2,0
3	Не знаю	1,8

Таблица 2

Склонность к работе с младшими школьниками

№ п/п	Показатели	Согласны с утверждением, %
1	Такая особая склонность необходима	82,7
2	Наличие данной склонности не обязательно	15,4
3	Затруднялось ответить	1,9

Для проверки данной концепции автором проведено специальное конкретное исследование на базе Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского и входящих в его структуру высших педагогических колледжей (специальность «Педагогика и методика начального образования»). Общая выборка составила более 500 человек. Испытуемыми являлись студенты стационара и заочники с педагогическим стажем от 1 года до 20 и более лет, последние выступали в качестве экспертов при оценке ПВК учителей начальных классов. Эмпирические данные получены с помощью комплекса взаимодополняющих методов: наблюдений, бесед, анкетирования, тестирования, анализа школьных сочинений о первом учителе. Проведена количественная обработка материалов.

Рассмотрение результатов исследования начнем с вопроса о том, нужны ли, по мнению экспертов, учителю начальных классов особые ПВК (табл. 1).

Как видно из приведенных данных, абсолютное большинство экспертов считает, что учителю младших школьников требуются специальные ПВК, обусловленные своеобразием объекта педагогических воздействий первого учителя, то есть особенностями учащихся; спецификой задач и методов педагогического труда учителя начальной школы. Высказанное мнение вполне соответствует общей закономерности появления специфики там, где особые субъекты и объекты взаимодействуют в достижении особых целей, применяя специфические средства и методы, и где общее необходимо дополняется особенным.

Далее изучалась конкретная специфика ПВК учителей начальных классов. В этом аспекте экспертам было предложено, прежде всего, оценить значение особой склонности первого учителя к работе именно с младшими школьниками. Результаты ответов представлены в таблице 2.

Преобладающее большинство обследованных полагает, что у учителя начальных классов должна быть и в действительности имеется склонность к обучению и воспитанию детей младшего школьного возраста. Около 15% опрошенных считают, что наличие такой склонности не требуется и можно с успехом работать в начальных классах без нее. Однако важен не только положительный результат труда (если он имеется), но и то, с каким отношением к делу и учащимся работает учитель. Поэтому склонность к труду в младших классах, несомненно,

Таблица 3

Любовь к детям как особое ПВК

№ п/п	Показатели	Согласны с утверждением, %
1	Любовь учителя к младшим школьникам необходима	94,2
2	Любить детей не обязательно	3,8
3	Не знаю	2,0

Таблица 4

Специальная подготовленность

№ п/п	Показатели	Согласны с утверждением, %
1	Без специальных знаний и умений не возможен успех в работе с младшими школьниками	86,6
2	Можно работать учителем начальных классов на базе общепедагогической подготовки	9,6
3	Не знаю	3,8

следует относить к числу особо важных качеств первого школьного учителя.

С рассмотренной склонностью тесно связана любовь к детям младшего школьного возраста как особая сердечная привязанность, обусловленная не профессиональным долгом учителя, а естественной потребностью любить детей, в частности младших школьников, в силу их особых привлекательных качеств. Эксперты высоко оценили чувство любви учителя к детям (табл. 3).

Согласно имеющимся показателям, большая часть опрошенных учителей испытывает любовь к ученикам и считает, что это чувство является одним из самых важных профессиональных качеств. Только 3,8% респондентов заявили, что любить учащихся не обязательно и что любовь к детям как ПВК не занимает высокого рангового места (ниже мы продолжим анализ роли этого качества в общей структуре ПВК).

В число особых ПВК учителя начальных классов включена специальная подготовленность – значительный объем знаний и умений, которыми овладевает первый учитель детей и которые не требуются другим учителям (табл. 4).

Среди обследованных 86,6% убеждены, что для успешной работы с младшими школьниками обязательно нужны специальные знания и умения, относящиеся к школьным учебным предметам и методике их преподавания, к характеристике особенностей учащихся младших классов. Однако около 10% опрошенных придерживаются точки зрения, согласно которой можно работать учителем начальных классов, не оканчивая соответствующего отделения или факультета, но получив другую профессионально-педагогическую подготовку. Такие факты имеются, когда учителя-предметники переходят на работу в младшие классы и хорошо справляются с новыми обязанностями, приобретая необходимые знания и умения непосредстенно в процессе обучения и воспитания учеников начальных классов. Происходит серьезная перестройка их педагогической деятельности, и это лишний раз доказывает необходимость специальной подготовленности в структуре особых ПВК первого учителя.

Экспертам был задан вопрос о том, какие специальные знания и умения они считают наиболее важными для работы с учащимися младших классов. Результаты опроса представлены в таблице 5.

Из показателей таблицы 5 видно, что в категорию важнейших для первого учителя экспер-

Таблица 5

Важнейшие знания и умения

№ п/п	Показатели	Ответы, %	№ ранга
1	Знание возрастных и индивидуальных особенностей учащихся	61,5	2
2	Методические знания и умения	86,5	1
3	Знание учебных предметов начальной школы	36,5	3
4	Знание социальных условий жизни и воспитания детей	5,8	8,5
5	Умение общаться с детьми	26,9	4
6	Умение организовывать детей	17,3	5
7	Умение применять индивидуальный и дифференцированный подход к ученикам	9,7	6
8	Конструктивные педагогические умения	7,7	7
9	Общая широкая эрудиция	3,8	10
10	Другие знания и умения	5,8	8,5

Таблица 6

Владение игровыми методами

№ п/п	Показатели	Согласны с утверждением, %
1	Это необходимое профессиональное умение	82,7
2	Владение игровой методикой не обязательно	13,5
3	Затруднялось ответить	3,8

ты включили такие знания и умения, которые вполне можно характеризовать как специальные по существу или способу их применения на практике. Вместе с тем названы и некоторые общепедагогические знания (общая эрудиция) и умения (конструктивные умения). Они получили невысокие ранговые номера и заняли незначительное место в общей структуре важнейших знаний и умений, то есть специальная подготовленность учителя оценивается выше, чем общепедагогическая.

Особо оценивалось умение применять игровые методики обучения и воспитания как важное ПВК учителя начальных классов (см. табл. 6).

Как считает большинство экспертов, учитель начальной школы должен в совершенстве освоить игровые методы обучения и воспитания. Это большинство в своей работе постоянно применяет дидактические, воспитательные и развивающие игры, а следовательно, владеет игровыми методами. Меньшая часть опрошенных недооценивает роль игровых методик и реже применяет их на практике.

О рассматриваемом умении, по-видимому, нужно говорить не как об особом ПВК, необходимом для учителя начальных классов. Это ПВК требуется и другим учителям. Но уровень его развития у первого учителя должен быть выше, а частота применения больше, чем у других учителей, – в этом и состоит специфика данного ПВК применительно к учителю начальных классов.

Исходя из предположения о том, что у учителей младших школьников возможна определенная специфика в сфере познавательных процессов и свойств, опрашиваемым было предложено назвать такие особенности внимания, восприятия, памяти, мышления и воображения учителей начальных классов, которые отличают их от других педагогов, а главное, действительно требуются в работе. Результаты изучения этих особенностей отражены в таблице 7.

На основании данных таблицы 7 можно заключить, что в познавательной сфере учителей младших классов имеется некоторая специфика, обусловленная особенностями обучаемых и индивидуальными свойствами самих учителей, влиянием на них предшествующей профессиональной подготовки и педагогической работы с детьми. Речь здесь идет, скорее всего, не об особых ПВК учителя начальных классов, а об особом уровне или особом сочетании общеучительских ПВК. Специфична направленность познавательной сферы первого учителя на младших школьников, адаптированность его познавательных способностей к уровню развития и особенностям интеллектуально-познавательной деятельности учащихся младших классов.

Таблица 7

Особенности познавательной сферы учителей начальных классов

№ п/п	Показатели
1	*Внимание* – направленное на детей; улавливающее мелочи, детали; распределяемое на всех учеников; быстро переключаемое
2	*Восприятие* – яркое, образное, заинтересованное; характеризующееся точной наблюдательностью
3	*Память* – образная, эйдетическая, точная, логическая, эмоциональная
4	*Мышление* – сочетание образного и абстрактного мышления, творческая направленность мышления, единство теоретического и практического мышления, способность мыслить по-детски
5	*Воображение* – яркое, богатое; отличающееся творческой фантазией и точной репродукцией; родственное детскому воображению

Таблица 8

Развитие мелкодвигательной моторики

№ п/п	Показатели	Согласны с утверждением, %
1	Считаю, что необходима развитая точная моторика	92,3
2	Полагаю, что это не так важно	5,8
3	Не знаю	1,9

Как известно, учитель начальных классов должен научить детей точным эталонным движениям и действиям. Это, в свою очередь, зависит от развития психомоторных способностей учителя, мелкодвигательной моторики его рук, важной для образцового написания букв, цифр и т.п. Обследуемым был задан вопрос о роли психомоторики как ПВК учителя начальных классов, и полученные ответы отражены в таблице 8.

Большинство учителей по личному опыту знает, насколько важны для них развитые психомоторные навыки и умения. Поэтому многие учителя тренируют у себя нужную моторику и владеют ею. Вместе с тем, незначительная часть опрошенных еще не поняла значимости рассматриваемого ПВК и не выработала у себя культуры письма, рисунка и чертежа; возможно, что не у всех имеются способности к этому или же они не были развиты своевременно. Между тем, требования к уровню развития психомоторных умений первого школьного учителя достаточно специфичны и высоки, так как от этих умений в огромной степени зависит психомоторная культура учащихся (у современных младших школьников она нередко бывает низкой).

Поскольку учитель в младших классах преподает гуманитарные и естественные дисциплины, для него важно наличие и приблизительно равное развитие способностей к обеим группам наук. Сочетание тех и других способностей можно рассматривать как особое ПВК учителя начальных классов, хотя при этом не обязателен такой же высокий уровень развития способностей, как, например, у учителей-предметников узкого профиля, где желательна высокая одаренность в области соответствующей науки. Мнение опрошенных по этому вопросу также выяснялось, и полученные результаты представлены в таблице 9.

Значительное большинство респондентов оценивает сочетание способностей к гуманитарным и точным наукам как ПВК первого учителя детей, и лишь немногие отрицают это. Однако понимание важности такого сочетания не означает, что в действительности оно имеется у большинства учителей начальной школы. Выявлены данные, подтверждающие разделение студентов и учителей на четыре группы в зависимости от наличия и разного сочетания у них способностей к гуманитарным и точным наукам: 1) те, у кого способности к обеим группам наук развиты в достаточной степени; 2) студенты и учителя, у которых гуманитарные способности хорошо развиты, а способностей к точным наукам недостает; 3) педагоги с хорошо развитыми способностями к точным наукам и недостаточными гуманитарными способностями; 4) педагоги со слабыми способностями к обеим группам наук (таких мало, и они, как правило, отчисляются). С учетом сказанного необходимо подчеркнуть важность более строгого отбора и подбора кандидатов в учителя начальных классов и целенаправленного развития недостающих способностей в период профессионального обучения и труда.

В структуру ПВК учителя входят не только собственно профессиональные качества, но и некоторые общечеловеческие качества, в частности, черты характера, приобретающие в педагогической деятельности профессионально важное значение. В этом плане интересно было узнать мне-

Таблица 9

Сочетание способностей к гуманитарным и точным наукам

№ п/п	Показатели	Согласны с утверждением, %
1	Считаю, что такое сочетание способностей необходимо	88,5
2	Думаю, что это не важно	9,6
3	Не знаю	1,9

Таблица 10

Профессионально важные черты характера учителя начальных классов

№ п/п	Показатели	№ ранга
1	Доброжелательность	1
2	Внимательность	3
3	Терпеливость	2
4	Самообладание	6
5	Человечность	8
6	Правдивость	5
7	Чуткость	4
8	Справедливость	9,5
9	Общительность	15,5
10	Требовательность	7
11	Уравновешенность	14
12	Аккуратность	18
13	Пунктуальность	17
14	Настойчивость	9,5
15	Искренность	12
16	Эмоциональность	15,5
17	Простота	24
18	Ласковость	19
19	Интеллектуальность	12
20	Эрудированность	21
21	Заботливость	20
22	Проницательность	23
23	Трудолюбие	12
24	Уважительность	25
25	Другие	22

ние экспертов о главных чертах характера, требующихся учителю начальных классов (табл. 10).

Согласно ранговой последовательности, к главным отнесены такие черты характера учителя начальных классов, как доброта, терпение, внимательность, чуткость, правдивость, самообладание, требовательность, человечность и некоторые другие. В целом перечень качеств оказался весьма длинным (более 25), и все названные качества являются действительно важными для успеха профессиональной деятельности любого учителя. Специфичность здесь можно заметить лишь в структуре ранговой последовательности, в разном уровне развития одних и тех же качеств у разных учителей. По мнению опрошенных, большинство из них обладает нужными чертами характера, хотя и в разной степени; многие учителя стремятся усовершенствовать свой характер.

В заключительной части исследования экспертам было предложено выделить пять главных ПВК, необходимых учителю начальных классов. Полученные при этом данные вошли в таблицу 11.

Из показателей таблицы 11 видно, что введенное ограничение на перечень главных ПВК позволило выявить наиболее важные с точки зрения экспертов качества учителя младших школьников. По общему числу полученных выборов на 1-м месте находится любовь к детям, на 2-м – профессиональная подготовленность, на 3-м – терпение, 4-й ранг – у доброты и 5-й отдан педагогическому мастерству. Другие качества получили более низкие ранги, но и они фактически выделены как самые существенные и значимые для первого школьного учителя.

В перечень неслучайно вошли и общепедагогические, и специфические ПВК, поскольку профессионал и специалист объединяются в личности учителя. Компетентный по-современному учитель и есть «специализированный профессионал» или «профессиональный специалист». Общепедагогические ПВК образуют базу профессиональной компетентности учителя, а специфические ПВК представляют собой не что иное, как конкретизацию общепедагогических качеств в отношении их функциональной, содержательной и исполнительской направленности.

Таблица 11

Общее ранжирование главных ПВК учителя начальных классов

№ п/п	Показатели	№ ранга
1	Любовь к детям	1
2	Профессиональная подготовленность	3
3	Педагогическое мастерство	5
4	Терпение	3
5	Доброта	4
6	Образованность, общая эрудиция	6
7	Любовь к профессии	7
8	Общительность	8,5
9	Требовательность	10,5
10	Объективность	10,5
11	Строгость	15
12	Чуткость, отзывчивость	8,5
13	Справедливость	13
14	Честность, правдивость	17
15	Искренность	15
16	Организаторские способности	12
17	Творческие способности	15
18	Тактичность	19,5
19	Выдержка	18
20	Гуманность	19,5

Исследование подтвердило, что специфика ПВК учителя начальных классов действительно проявляется в трех аспектах: 1) наличие у первого учителя ряда особых ПВК; 2) разный уровень развития некоторых ПВК, общих для всех учителей; 3) разная ранговая структура одних и тех же ПВК у разных учителей.

Учителя осознают общепедагогическое и специфическое в своей профессии и стремятся приобрести и развить все необходимые качества. Это обстоятельство необходимо учитывать в организации профессионального образования и повышения квалификации учителей, с тем чтобы обеспечить на должном уровне и общепрофессиональную, и специальную подготовку учителя, не допуская преувеличения или недооценки роли той и другой стороны в профессионализации личности.

Т. А. Хайновская

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ВЕНГЕРСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Преамбула. *В представляемой статье дана краткая характеристика особенностей функционирования системы венгерского музыкального воспитания и образования, возникшей на основе педагогических и просветительских принципов выдающихся музыкантов XX века – Б. Бартока и З. Кодая. В работе раскрывается специфика содержания современных программ музыкального обучения в Венгрии – стране, известной четкой, целостной музыкально-педагогической системой и ее эффективными результатами.*

Венгрия – страна признанных во всем мире традиций в области детского музыкального воспитания и образования. Фундамент этих традиций был заложен замечательными музыкантами – Белой Бартоком и Золтаном Кодаем в первые десятилетия XX века, когда своей композиторской, педагогической и просветительской деятельностью они открыли новую страницу в истории венгерской музыкальной культуры. Сущность реформы Б. Бартока и З. Кодая – в прочной опоре профессионального искусства и музыкального воспитания на фольклорные истоки. При этом незыблемость такой связи далеко выходит за пределы локального национального искусства.

Влияние творческого наследия и педагогических воззрений Б. Бартока в современной Венгрии велико и в наши дни. Гуманистическая направленность искусства великого венгра, широкий круг его интересов непосредственным образом отразились в его педагогических взглядах. Этим обусловлена «...важнейшая особенность педагогической концепции Б. Бартока – демократический подход к проблемам музыкального воспитания, в котором Барток, как и Кодай, видел необходимое условие подъема культуры…» [2, с. 3]

Связь музыкально-воспитательных идей и творческого поиска, присущая в той или иной степени всем сочинениям педагогической серии Б. Бартока – немаловажная особенность искусства композитора, поскольку «Барток по природе своего художественного мышления был ярким представителем типа художника-исследователя» [2, с. 3–4]. Важнейшая черта педагогики Бартока – последовательное расширение и углубление национальных фольклорных связей – осуществлялось венгерским мастером как в композиторской, так и в исследовательской деятельности. Эта черта обусловила не только стиль его фортепианных педагогических опусов, многонациональную фольклорную основу сочинений для детей и юношества, но и многое в самой методике воспитания музыкального мышления. Одна из основных идей Б. Бартока выражается также в стремлении подготовить слух и интеллект юного поколения к восприятию особенностей строя современного музыкального язык.

В основу принятой в Венгрии системы музыкального воспитания и обучения легли педагогические принципы и другого выдающегося венгерского музыканта – З. Кодая. Кодай считал, что музыкальная неграмотность тормозит музыкальное образование, чем, например, обусловлен незначительный интерес публики к классической музыке. Он был убежден в том, что создание системы музыкального обучения – задача государственного уровня. Музыка, по мнению Кодая, должна приобрести в Венгрии такое же

© Т. А. Хайновская, 2006

значение, какое она имела в Древней Греции, где, пожалуй, выполняла воспитательную функцию. Обучать же музыке следует лишь на образцах самого качественного материала, прошедшего апробацию временем, совершенного по форме и содержанию. Наряду с ежедневной гимнастикой, ежедневное пение развивает тело и душу ребенка. При помощи того музыкального инструмента, который наиболее доступен, то есть посредством человеческого голоса, следует, опираясь на фольклор, постепенно осваивать великие музыкальные творения. Родным музыкальным языком ребенка должна стать народная музыка; лишь тогда, когда он овладеет им, можно обратиться к другому материалу. Для хорового пения следует использовать и лучшие произведения зарубежной музыки. Национальная же хоровая литература должна создаваться венгерскими композиторами преимущественно на основе народного музыкального материала.

Главнейшие особенности педагогической деятельности самого З. Кодая – деятельная инициатива, увлеченность, демократичность основной идеи – определили его педагогическое кредо: *элементарное музыкальное образование должны получать все дети, независимо от музыкальных способностей.* Так называемый «метод Кодая» могли бы охарактеризовать собственные слова выдающегося венгерского музыканта: «Натренированный слух, натренированный интеллект, натренированное сердце, натренированная рука» [5, с. 6]. Все эти четыре элемента, по словам выдающегося педагога, должны находиться в равновесии, ни один из них не должен доминировать.

В этой связи следует сказать, что словосочетание «метод Кодая» не отечественного происхождения; оно принадлежит приезжавшим в Венгрию педагогам-иностранцам, которые руководствовались тем, что многие сочинения композитора включены в программы венгерского музыкального образования – от начальной ступени до высшей. В целом же венгерская музыкальная педагогика не сводится, собственно говоря, к *методу* З. Кодая; это, в полном смысле слова, *учение* о роли музыки в жизни детей, юношества и взрослых, в развитии образования и культуры.

Масштабная личность З. Кодая продолжает жить в его музыкальных произведениях и в тех людях, которые когда-либо с ним работали или встречались. Все без исключения преподаватели музыки в Венгрии имеют полное право считать себя его учениками.

В соответствии с основными заветами великих венгерских музыкантов – Б. Бартока и З. Кодая осуществлялась впоследствии в этой стране реформа системы музыкального воспитания и образования.

В настоящее время венгерская образовательная система построена следующим образом: как правило, в детском саду дети с 3-х до 6-ти лет регулярно занимаются музыкой. В некоторых детских садах, кроме музыкальных игр и разучивания песен, предусмотрены специальные (два раза в неделю по 30 минут) музыкальные занятия. На этих уроках у детей развивают ритмическое чувство и слух; они учатся осознанно петь чисто и овладевают простейшими ритмическими и мелодическими формулами. С 6 до 14 лет дети посещают восьмиклассную народную школу. Здесь в I классе они также получают два раза в неделю получасовые уроки музыки, а в последующих семи классах занятия проводятся два раза в неделю по часу. Кроме того, дважды в неделю ученики V–VIII классов, отобранные учителем музыки, участвуют в хоровом пении. Таким образом, во всех школах Венгрии учащиеся с 6 до 14 лет систематически занимаются музыкой. Первые четыре года преподавание проводится педагогом общеобразовательных предметов; последние четыре года – специально подготовленным учителем музыки.

Такое обучение служит и способствует решению задач общего образования. Музыкальное обучение 14–18-летних не столь однотипно и выходит за рамки общего образования. Для молодых людей 14–16 лет, обучающихся в первых двух классах гимназии, предусмотрено обязательное обучение пению. Исходя из различных интеллектуальных запросов учащихся, программа обучения допускает различное соотношение уроков пения или музыки с занятиями по истории музыки, анализу произведений и т.п. Тем не менее, на всем протяжении четырех лет занятий в гимназии ученики, обладающие соответствующими данными, один раз в неделю посещают хоровой класс. Как правило, в подобных образовательных учреждениях имеется также свой школьный оркестр, репетирующий, как и хор, еженедельно. Ученики, желающие наряду с этим освоить какой-либо инструмент, могут посещать также и музыкальную школу. Для начинающих

семи- и восьмилетних детей в таких специализированных школах существует подготовительный класс, в котором с маленькими учениками занимаются до начала обучения игре на каком-либо инструменте. Задачи первоначального обучения – помочь малышу приобрести элементарные музыкально-теоретические знания, и, конечно же, развить слух и чувство ритма ребенка. В подготовительном классе также проводятся и групповые занятия (два–три часа в неделю). Со второго класса каждый ученик музыкальной школы два раза в неделю получает индивидуальные уроки игры на инструменте. Кроме этого, он посещает уроки сольфеджио. В основном же музыкальные школы предназначены для учащихся в возрасте от 7 до 14 лет, но, кроме семи обязательных классов, здесь есть и так называемые «классы усовершенствования» для старших учеников и даже для взрослых. Такие школы существуют в различных, даже самых удаленных уголках страны.

Еще в 1951 году, наряду с упомянутыми музыкальными учебными заведениями, в Венгрии были учреждены так называемые музыкальные общеобразовательные народные школы (8 классов) с расширенным музыкальным обучением. В четырех младших классах дети занимаются музыкой еженедельно на шести уроках; в четырех старших классах – на четырех уроках (продолжительность каждого урока – 45 минут). К этому добавляются еще 2 часа в неделю, отводимые для хорового пения. Эти учебные заведения возникли по инициативе З. Кодая, и в них должны были реализовываться его педагогические идеи. Согласно взглядам З. Кодая, все общеобразовательные восьмилетние школы должны быть в будущем преобразованы в музыкальные общеобразовательные школы. Он всегда подчеркивал, что активные музыкальные занятия способствуют также формированию других способностей ребенка и одновременно благоприятно сказываются на физическом и духовном развитии. Жизнь ребенка, обучающегося в такой школе, будет богаче, какую бы профессию он в дальнейшем ни выбрал.

Несколько таких школ являются самостоятельными учебными заведениями, а остальные представляют собой отделения при общеобразовательных школах. Есть также несколько гимназий с расширенным музыкальным обучением, предназначенных для подготовки к будущей музыкально-профессиональной деятельности. Здесь большинство учащихся комплектуются из числа окончивших общеобразовательные школы с расширенным обучением музыке. Эти гимназии для 14–18-летних ставят перед собой иные задачи, чем народные школы с расширенным музыкальным обучением. Основная цель таких гимназий – подготовка будущих учителей музыки.

Молодые люди, желающие избрать путь профессиональных музыкантов, посещают с 14 до 18 лет музыкальную гимназию, где преимущественное внимание уделяется музыке; здесь же происходит обучение игре на том или ином музыкальном инструменте. Общеобразовательный учебный материал учащиеся проходят в первой половине дня. Вслед за этим, в послеобеденное время, они занимаются исключительно музыкой: игрой на инструменте, сольфеджио, теорией музыки, камерным ансамблем, пением в хоре и музицированием в оркестре. Для того чтобы учащиеся могли уделить достаточно времени занятиям на инструменте, общеобразовательный материал изучается концентрированно как в отношении затрачиваемого на него времени, так и касательно его содержания. Выдержав выпускной экзамен после прохождения курса в такой школе, учащийся имеет право продолжить дальнейшее специальное музыкальное образование, но этот факт не означает, что окончивший обязан выбрать путь музыканта-профессионала. После сдачи соответствующего дополнительного экзамена выпускники музыкальной гимназии получают право обучаться по любой специальности в университете.

Если выпускник специальной музыкальной школы намерен в будущем приобрести профессию педагога, он может продолжить свое образование в Будапеште, в Высшей музыкальной школе имени Ференца Листа. Такое обучение продолжается в течение трех лет, после чего выпускник может работать в качестве преподавателя в общеобразовательной и музыкальной школах. Пятигодичный курс в Высшей школе приравнивается к окончанию курса в университете и дает право преподавать в учебных заведениях более высоких ступеней, а также – при наличии соответствующих данных – избрать для себя артистическую стезю.

Подготовка педагогов для V–VIII классов народной школы проводится также и в высших педагогических учебных заведениях. В этих институтах на протяжении трех лет будущие учителя

музыки должны совершенствоваться одновременно по нескольким специальностям – например, по музыке и венгерскому языку или по музыке и истории и т.д., тем самым фактически приобретая еще одну профессию. Получившие здесь образование учителя преподают музыку в младших классах начальной общеобразовательной школы.

Следует, несомненно, упомянуть и музыкальное обучение в учреждениях, подготавливающих воспитателей детского сада – оно продолжается два года.

Во всех типах школ и педагогических институтах музыкальное образование строится по строго установленным правилам и соответствующим учебным планам и программам.

Из краткого знакомства с системой и постановкой занятий в начальных музыкальных школах или в средних школах и гимназиях с расширенной музыкальной программой становится очевидным, что эстетическое восприятие обучающегося формируется на основе целого комплекса разнообразных музыкальных впечатлений. Но, несмотря на то обстоятельство, что педагоги-музыканты Венгрии рассматривают проблему музыкального воспитания очень широко, различные музыкальные дисциплины образуют в целом стройный художественный цикл. Очевидно, что цель обучения в школах – не подготовка музыкантов-профессионалов, а воспитание в молодых людях умения по-настоящему глубоко разбираться в музыке. Пробудить любовь к музицированию, к постоянному, живому и многостороннему общению с музыкой – такую цель ставят перед собой педагоги школ Венгрии.

Несомненно, воспитание умения музицировать, особенно в таких творческих формах как импровизация, игра и аккомпанемент по слуху и т.п. требуют от педагогики умелой и высокой по уровню организации занятий. Музыкальное воспитание подобного рода предполагает максимальное развитие природных музыкально-творческих задатков у детей, оно должно также раскрывать и совершенствовать их эмоциональные, интеллектуальные и нравственные качества. Венгерские педагоги огромное значение придают формированию слуха и навыков совместной музыкальной деятельности – основам основ творческой активизации учащихся. Стоит отметить, что в настоящее время в Венгрии – стране давних традиций коллективного музицирования – как никогда ранее широко развивается музыкальная самодеятельность. Повсеместно распространены народные оркестры, ансамбли, хоры, исполнение которых отличается весьма высоким художественным уровнем. В разных городах страны ежегодно проводятся молодежные фестивали камерной музыки, участниками которых являются как профессионалы, так и любители.

Такое музыкальное воспитание, охватывающее всех без исключения детей и подростков, стало во второй половине XX века основополагающим звеном всей культурной жизни Венгрии. (Как уже упоминалось выше, речь, разумеется, идет о непрофессиональном обучении). И, каков бы ни был будущий профессиональный путь молодых людей, их связь с музыкальным искусством никогда не прервется.

Изучение и сохранение традиций музыкального фольклора со времен Бартока и Кодая остается для современной венгерской музыкальной педагогики актуальным принципом, претворяемым в жизнь во всех звеньях и на каждой ступени системы музыкального образования – от школы до вуза. Народную музыку, так же как и родную речь, дети постигают с самых первых шагов их сознательной жизни. «Детей надо обучить своеобразному музыкальному «родному языку», их надо привести в царство венгерской народной музыки, к неисчерпаемому источнику венгерской народной песни», – говорил композитор М. Хайду в статье «Наша музыкальная педагогика и венгерская народная музыка» [5, с. 237]. Освоение богатств народной музыки в этой стране происходит почти так же естественно, как и постижение ребенком родного языка. В детских музыкальных школах Венгрии, как уже говорилось, народная музыка не преподается в качестве специальной дисциплины, народная песня впитывается слухом и памятью детей *практически*, ибо она входит в материал уроков сольфеджио, занятий хоров, ансамблей, оркестров и. т. д.

Существенную часть всего детского репертуара (в том числе и фортепианного) также составляют обработки народных песен или музыка, написанная в духе или традициях национального фольклора. Это означает, что музыкальные способности детей развиваются и формируются в основном на материале венгерской народной музыки.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну особенность венгерской системы музыкального образования. Заключается она в том, что творческий процесс композиторов, пишущих музы-

ку для обучения, проходит в постоянном контакте с работой педагогов-практиков и методистов. В важности и эффективности такого подхода не приходится сомневаться. «…Композитор, пишущий для детей, как бы участвует в педагогическом процессе, делит ответственность с педагогом за обучение будущих музыкантов» [1, с. 65]. Прибавим к этому, что участие композитора в работе педагога осуществляется посредством самого главного «звена» педагогического процесса – пополнения репертуара. Инструктивные проблемы, возникающие в процессе творчества, композиторы часто разрешают при активном содействии педагогов и методистов. Результат педагогически направленной деятельности многих современных композиторов Венгрии – целый пласт новой музыкально-педагогической литературы, изданной за несколько последних десятилетий и непрерывно обогащающейся в наши дни.

В настоящее время детская музыкальная педагогика Венгрии располагает обширной литературой – многогранной и разнообразной в силу различия творческих индивидуальностей ее создателей. Нетрудно заметить и общие тенденции, характерные для венгерской детской музыки в целом. Одна из них – сближение профессиональных академических жанров с фольклорным искусством. Традиции народного музицирования определяют многие задачи и навыки, которыми должны овладевать юные музыканты при изучении репертуара. В этом состоит огромное воспитательное значение современной венгерской детской музыки, базирующейся на фольклоре, поскольку она рождает у молодых музыкантов стремление к более внимательному и углубленному изучению национальной народной музыки.

Другая важная и актуальная музыкально-воспитательная задача – помочь начинающему музыканту адаптироваться в огромном и разнообразном мире музыки XX века. Эта задача представляет для многих венгерских композиторов наших дней специальную заботу и интерес. А. Бозаи, П. Кадоша, Д. Куртаг, И. Мезе, Ф. Сабо, И. Селени, Б. Тардош, Р. Шугар, П. Ярдани и другие используют в детской фортепианной литературе, наряду с фольклором, элементы современного музыкального языка, стараются максимально приблизить детское восприятие к непростым явлениям музыки XX столетия.

Невозможно, как уже отмечалось, рассматривать детскую музыку современных венгерских композиторов вне связи ее с насущными вопросами детского музыкального воспитания. Именно потребности практической педагогики зачастую наталкивают композиторов на наиболее продуктивные и рациональные решения многих музыкально-воспитательных проблем.

Музыкальная педагогика в последние годы приобретает в Венгрии все большее значение. Непрерывный процесс, централизованная организация работы, подбор инструктивного материала, учебных планов и пособий – все это позволяет считать музыкальное обучение в Венгрии основанным на единой теоретической и практической концепции, продолжающей благотворные традиции, заложенные Б. Бартоком и З. Кодаем. На сегодняшний день Венгрия – единственная страна, где сформировалась столь четкая целостная музыкально-педагогическая система, и в этой связи становится понятным то колоссальное внимание, какое уделяется в мире богатому и плодотворному опыту венгерского музыкального воспитания.

Библиографический список

1. *Благой Д.Д.* Композитор и педагог // Вопросы фортепианной педагогики. Вып. 1 / Общ. ред. В.А. Натансон. – М.: Музыка, 1963.

2. *Бройер Я.* Современные венгерские композиторы и их творчество // Музыка Венгрии / Ред.-сост. С.В. Аксюк. – М.: Музыка, 1968.

3. *Малинковская А.В.* Бела Барток – педагог. – М.: Музыка, 1985.

4. *Малинковская А.В.* Педагогическая концепция Бартока и ее значение для современной музыкальной педагогики (на основе «Микрокосмоса»): Автореф. … канд. ис-я. – М., 1975.

5. Музыкальное воспитание в Венгрии / Ред.-сост. Л.А. Баренбойм. – М.: Советский композитор, 1983.

6. Музыкальное воспитание в современном мире. Материалы IV конференции Международного общества по музыкальному воспитанию (ИСМЕ) / Ред. коллегия: Д.Д. Кабалевский и др. – М.: Советский композитор, 1973.

7. Музыкальное воспитание в странах социализма / Сост. А.Л. Островский – Л.: Музыка, 1975.

8. Ребенок за роялем: Педагоги-пианисты социалистических стран о фортепианной методике: пер. с нем. / Ред.-сост. Я. Достал. – М.: Музыка, 1981.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

М. М. Мусарский

КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА ОПОРНЫХ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ ВУЗОВ

Многозначность понятий управляемых величин, многовариантность отображающих их моделей, основанных на косвенных экономических измерениях, обусловливают необходимость нормативного подхода к формированию диагностических моделей экономической диагностики вуза. Нормативность в данном случае означает соответствие определенным критериям.

Исследователи, занимающиеся проблемами социально-экономических измерений и экономико-математического моделирования, называют большое число самых разнообразных требований, предъявляемых к количественному отображению исследуемых явлений. Эти требования можно рассматривать в роли критериев качества моделирования. Выдвигаются общие и конкретные, формальные и содержательные требования, относящиеся к разным элементам процесса моделирования, к отдельным показателям и к их системам (моделям). Отсутствие единого подхода к конструированию отдельных показателей и более сложных экономико-математических моделей выражается в том, что каждый исследователь формирует свой набор требований, обоснованность которого определяется здравым смыслом и ссылками на научную литературу. В литературе по данной проблеме мы насчитали более семидесяти разных требований. Понятно, что непосредственный учет всех этих требований в процессе конструирования диагностической модели весьма проблематичен, хотя многие требования имеют достаточно схожее содержание. Кроме этого, несмотря на достаточно обширный список требований, из-за его теоретической непроработанности возникает вопрос о его полноте.

Средством анализа, упорядочения и сокращения списка требований с обеспечением их полноты служит системная классификация последних. Основанием классификации требований может быть строение диагностической модели. Любая экономико-математическая модель представляет собой некоторую конструкцию из показателей, часть которых – константы, часть – переменные. При построении модели возникают вопросы об определении состава переменных; о выборе подходящих индикаторов для их отображения; о структуре модели в целом. В соответствии с этим все требования к экономико-математическим моделям можно разделить:

а) на требования к составу переменных модели;

б) требования к отображению экономической величины в показателе (индикаторе);

в) требования к структуре диагностической модели вуза в целом.

Диагностическая модель вуза дает информацию для управления. Выделяют три направления изучения проблем информационного обеспечения управления: синтактику, семантику и прагматику.

Синтактика изучает информацию с точки зрения способов и техники ее передачи. Она изучает отношения между знаками (показателями), взятыми безотносительно к их содержанию и ценности для получателя информации (лица, принимающего решения).

Семантика изучает отношения между знаками и объектами (показателями и измеряемыми свойствами), между знаками и их значениями (показателями и их числовыми выражениями), т.е. семантика изучает информацию с точки зрения ее содержания и истолкования (интерпретации).

Прагматика изучает ценность сообщений для получателя, т. е. влияние информации на решение задач (использование показателей в процессе принятия хозяйственных решений).

Все три типа проблем взаимосвязаны. С одной стороны, чтобы быть использованной, информация должна быть принята и понята. С другой стороны, собирать информацию имеет смысл только в том случае, если она полезна.

В соответствии с выделением синтактического, семантического и прагматического аспекта в рассмотрении информации и соответственно в информационно-аналитическом обеспечении управления вузом можно разделить все тре-

© М. М. Мусарский, 2006

Таблица 1

Классификатор требований к диагностической модели вуза

Требования	Формальные	Содержательные	Целевые
К составу переменных модели	1.1	1.2	1.3
К отображению экономической величины в показателе	2.1	2.2	2.3
К структуре диагностической модели в целом	3.1	3.2	3.3

бования к диагностическим моделям на формальные, содержательные и целевые.

Таким образом, все требования к диагностической модели можно разбить на 9 классов (табл. 1).

Рассмотрим эти требования так, как они описаны в научной литературе. Прежде всего, рассмотрим требования, предъявляемые к составу переменных, т.е. к признаковому пространству, в котором формируется диагностическая модель.

Класс 1.1 – формальные требования к составу переменных модели: минимальное число признаков, независимость признаков, исключение сильно коррелированных признаков, агрегирование (группировка) признаков, выбор «представителя» из группы признаков, замена исходных признаков их линейными комбинациями.

Очевидно, что основное – требование минимизации количества переменных, а остальные требования – средства достижения первого.

Класс 1.2 – содержательные требования к составу переменных модели: системность, взаимосвязанность с другими показателями, знание природы взаимосвязи признаков, многосторонность отражения свойств, полнота отражения явления, комплексность, охват всех значимых свойств, четкая структурированность, т. е. разделение на отдельные блоки, отражающие разные свойства.

Все эти требования выражают по сути одно и то же, что в противовес требованию минимизации количества переменных в модели разумно назвать полнотой отображения анализируемого явления.

Класс 1.3 – целевые требования к составу переменных модели: полнота и сбалансированность системы показателей, пропорциональность числа признаков значимости отображаемого явления, наглядность и обусловленная ею необходимая неполнота системы показателей.

Очевидно, здесь наиболее общим требованием является наглядность.

Следующая группа требований касается отображения экономической величины в показателе (индикаторе). Исследование перечня требований к отображению экономической величины в показателе позволяет выделить три аспекта количественного анализа, по отношению к которым эти требования сформулированы:

1) выбор измеряемого и анализируемого свойства – экономической величины;

2) соотношение экономической величины и показателя (индикатора) – свойства отображения;

3) свойства показателя (индикатора).

В каждом из трех классов требований (формальных, содержательных, целевых) к отображению экономической величины в показателе требования сгруппированы и соответствующим образом обозначены.

Класс 2.1 – формальные требования к отображению экономической величины в индикаторе (показателе):

а) однородность измеряемых явлений, устойчивость структуры измеряемых явлений, количественная определенность, измеримость, возможность эффективной оценки всех параметров, учет возможностей имеющегося инструментария;

б) аналогия, соответствие поведения, совпадение форм индикаторного и латентного распределений, валидность, отсутствие ошибок измерения, точность, сходимость, воспроизводимость, объективность оценки;

в) чувствительность к относительно небольшим изменениям явления, способность разграничивать оценки различных состояний исследуемого явления, выполнение условия абсолютного значения относительных количеств, репрезентативность, достаточный объем выборки, единство измерений, использование самых длинных временных рядов и «сквозных» данных, формализация (стандартизация) показателя.

Обобщением требований класса 2.1 могут служить требования: а) измеримость, б) аналогичность поведения, в) чувствительность.

Класс 2.2 – содержательные требования к отображению экономической величины в индикаторе (показателе):

а) существенность, отражение особенностей объекта, отражение причинно-следственных связей, способность объяснять и предсказывать факты;

б) адекватность отображения, необходимость планирования социально-экономических экспериментов, в ходе которых осуществляется исследование, теоретическая обоснованность выбора и применимости, эмпирическая интерпретируемость получаемых численных значений;

в) экспериментальная проверка эффективности индикатора, предпочтительность количественных оценок перед качественными, натуральных перед стоимостными, аналитичность, пригодность для измерения всех однотипных явлений.

Обобщением требований класса 2.2 могут служить требования: а) существенность, б) адекватность, в) аналитичность.

Класс 2.3 – «целевые» требования к отображению экономической величины в индикаторе (показателе):

а) соответствие целям и задачам исследования, значимость, важность, информативность, содействие в целенаправленном регулировании исследуемого явления, ценность, полезность, сопоставимость свойств исследуемого явления в пространстве, времени и по уровню объекта;

б) периодичность учета не меньше, чем интервал регулирования режима деятельности, взаимосвязь с действующей системой планирования и учета, соответствие единицы измерения потребительским свойствам предмета, быстрота получения результатов;

в) гибкость, адаптивность, заменимость, простота, достаточность информационной базы для практического использования показателя, сравнимость значений индикатора (показателя) для разных объектов и для одних и тех же объектов, но в разные промежутки времени, универсальность, т. е. пригодность для решения различных задач, экономичность (показатель должен быть максимально эффективным при минимальной затрате времени, сил, средств на измерительные операции с его помощью), релевантность (возможность использования в количественном анализе).

Обобщением требований класса 2.3 могут служить требования: а) значимость, б) обусловленность выбора единицы и периода измерения, в) универсальность.

Следующая группа требований характеризует конструкцию диагностической модели.

Класс 3.1 – формальные требования к диагностической модели: размерная однородность левых и правых частей используемых уравнений, единообразие выражения переменных, инвариантность относительно допустимых преобразований использовавшейся шкалы, линейная или приводимая к линейной форма связи.

Все, кроме последнего, требования можно заменить одним общим требованием соразмерности, которая подразумевает и относительную независимость от выбора единиц измерения, и единообразие, и размерную однородность. Требование линейности формы связи представляется излишним, так как тип связи индикаторов должен соответствовать (быть адекватным) реально существующим зависимостям.

Класс 3.2 – содержательные требования к конструкции диагностической модели: обоснованность, рациональное соотношение между эндогенными и экзогенными переменными, соответствие методики расчета характеру исходных параметров, интерпретируемость модели в целом, понятность, ясность, использование уравнений поведения (или уравнений преобразования) в дополнение к уравнениям состава и уравнениям-определениям.

Непосредственное (эмпирическое) обобщение данных требований весьма затруднительно. Однако можно сформулировать требование на основе классификационных признаков. Обобщенное содержательное требование к конструкции модели можно сформулировать как понятность, предусматривающую экономическую (эмпирическую и теоретическую) интерпретацию всех математических и других формальных операций, предусмотренных в конструкции модели. Очевидно, что данное требование перекрывает все содержательные требования, сформулированные выше.

Класс 3.3 – целевые требования к конструкции диагностической модели: способность сохранять свою структуру во времени и при увеличении числа выделяемых факторов, агрегируемость, сохранение собственного смысла каждого индикатора в модели, возможность использования ПК.

Более общее требование данного класса можно сформулировать следующим образом: минимизация потери информативности при формальных преобразованиях, в том числе агрегировании и дезагрегировании индикаторов и показателей в модели.

Таблица 2

Система требований к диагностической модели

Требования		Формальные	Содержательные	Целевые
К составу переменных модели		Минимальное число переменных (1.1)	Полнота отображения (1.2)	Наглядность (1.3)
К отображению экономической величины в показателе	а) к экономической величине;	Измеримость	Существенность	Значимость
	б) к отображению;	Аналогичность поведения	Адекватность	Обусловленность выбора единицы и периода изменения
	в) к показателю;	Чувствительность (2.1)	Аналитичность (2.2)	Универсальность (2.3)
К структуре диагностической модели в целом		Соразмерность (3.1)	Понятность (3.2)	Минимизация потерь информации (3.3)

Таким образом, выделенные классификационные признаки (тип требований и аспект исследования), с одной стороны, а также эмпирическое и теоретическое исследование требований, предъявляемых к конструированию диагностической модели, – с другой, позволили сформировать минимально необходимую и одновременно достаточно полную систему критериев качества диагностической модели (табл. 2). Причем все критерии (требования) имеют свой «адрес» в процессе моделирования, что позволяет реально ориентироваться на них, несмотря на довольно значительное их число – пятнадцать.

Вышеотмеченное предполагает оценку точности диагностических моделей. В самом общем смысле понятие «точность» выражает некоторое отношение между сравниваемыми элементами (объектами, сторонами, переменными, точками и т.д.), а именно отношение совпадения по выделенному признаку. Точность есть одна из форм адекватности положений науки действительности, наибольшего приближения этих положений к объективной истине. Любая наука точна, по крайней мере, до такой степени, чтобы не допускать ложных или не имеющих смысла высказываний. Разница между «точными» и остальными науками лишь в том, что в первых бессмысленные выражения можно узнать уже по их внешнему виду, в то время как в последних для этого требуется обращаться к анализу содержания. Теорию принято называть точной, если в ней найден способ выражать исследуемые свойства объектов на языке чисел, задаваемых посредством измерительных процедур.

Точность измерений характеризует качество измерений, отражающее близость их результатов к истинному значению измеряемой величины. Уровень точности отражает размеры отклонения показателя от его истинного значения, «допуск», в пределах которого находится истинная величина. При измерении величины в метрической шкале точность измерения можно охарактеризовать длиной интервала, внутри которого находится, как утверждается, значение измеряемой величины, или одной из средних погрешностей: средней квадратичной, средней арифметической или предельной. Точность тем выше, чем меньше по абсолютной величине погрешность.

Если точность измерения – это прежде всего синтактическая проблема, то точность диагностических моделей необходимо рассматривать во всех трех аспектах – синтактическом, семантическом и прагматическом, что говорит о необходимости специального рассмотрения понятия «точность» применительно к проблеме диагностики.

Неоднозначность толкования точности приводит к необходимости рассмотреть понятие «точность» в сравнении с близкими ей по содержанию понятиями. В обыденном сознании понятие «точность» связывается с понятиями «адекватность», «истинность», «достоверность», «правильность».

Истинность – адекватность отражения предметов и явлений действительности познающим

субъектом, воспроизводящим их так, как они объективно существуют. В таком понимании точный есть истинный. Однако В.И. Кураев и Ф.В. Лазарев считают, что понятие «истинный» и «точный» отождествлять не следует, так как истинность является семантической (содержательной) характеристикой, а точность – синтактической (формальной). Эти исследователи отождествляют истинность и адекватность, но не истинность и точность.

Адекватность представляет собой соответствие (равенство, эквивалентность) характеристик содержанию образа, знания – характеристикам оригинала.

Под достоверностью исходных фактов понимается степень их приближения к отражаемой реальности; в таком понимании достоверность ничем не отличается от точности. Однако чаще всего достоверность связывается со степенью доверия к данным, результатам, показателям. При этом следует различать «достоверность» и «правдивость». Источник информации может быть правдив (искренен), но при этом он может сообщать недостоверные сведения.

Говоря о достоверности показателей, имеют в виду их надежность, правильность, чувствительность, точность и устойчивость.

Надежность – характеристика качества технического объекта, результата или продукта труда – состоит в их способности выполнять заданные функции, сохранять метрологическую исправность. Надежность показателя – степень уверенности в том, что истинные значения показателя не искажены.

Отклонение результата измерений от истинного значения величины – ошибка или погрешность измерения. Выделяют систематические и случайные погрешности.

Случайные ошибки носят характер случайных величин, обусловливаются действием многих причин, взаимно погашаются в массе расчетов, подчиняются вполне определенным закономерностям. Случайные погрешности в экономических измерениях обусловливаются также объективной колеблемостью самих экономических явлений. Кроме того, важная особенность погрешностей экономических измерений, на что обращал внимание Г.Е. Эдельгауз, состоит в том, что «экономические последствия случайных ошибок часто не обладают свойством взаимного погашения».

Другой вид ошибок – систематические, т. е. погрешности, постоянные или изменяющиеся по определенному закону. Они являются следствием действия в одних и тех же условиях определенной причины. Близость к нулю систематических погрешностей характеризует правильность измерений. Понятия «правильность» и «точность» не перекрывают друг друга. Так, М.Ф. Маликов разделяет их в том смысле, что правильность характеризует какое-то отклонение результата от истинного значения измеряемой величины, а точность – область неопределенности этого результата. Общую погрешность обычно оценивают путем квадратичного суммирования границ случайной и систематической погрешности.

Чувствительность – свойство реагировать на изменения или ошибки в исходных данных. Мерой чувствительности выступает наименьшее изменение измеряемой величины, способное

Рис. Соотношение понятий, характеризующих точность

вызвать изменение значения показателя (показания прибора).

Близость друг к другу результатов измерений, выполненных в одинаковых условиях, характеризует сходимость измерений. Близость друг к другу результатов измерений, выполненных в разных условиях, характеризует воспроизводимость измерений.

Если изменения в исходных данных, ограниченные по размеру, вызывают изменение результатов измерения в определенных и практически допустимых пределах, то применяемый метод (модель, показатель) можно считать устойчивым.

Сравнение наиболее употребительных толкований перечисленных выше понятий позволяет установить между ними следующие соотношения. Наиболее подходящим термином для характеристики адекватности отображения экономической величины в числе является точность. Отличие точности от достоверности состоит в том, что первая характеризует отношение «объект – результат», а вторая – «результат – субъект».

Надежность характеризует меру точности и обусловливается наличием случайных и систематических погрешностей. Случайные погрешности проявляются: а) в чувствительности и сходимости (статическая точность); б) в воспроизводимости и устойчивости (динамическая точность). Систематические погрешности характеризуют правильность измерений (см. рис.).

Особую важность имеет точность интерпретации измеренных и сравниваемых значений показателей, полученных в ходе реализации модели.

Уровень точности определяется, во-первых, наличием ошибок или погрешностей измерений и, во-вторых, типом используемых в диагностике шкал.

С точки зрения уровня точности выделяют точность достижимую (с минимально неизбежной погрешностью) и требуемую (необходимую, целесообразную), формальную, реальную и фиктивную. Г.Е. Эдельгауз добавляет минимально допустимую точность с максимально допустимой погрешностью.

Достижимая точность определяется, во-первых, природой анализируемой величины; во-вторых, теорией объекта моделирования; в-третьих, средствами измерения. При определении достижимого уровня точности следует иметь в виду следующее фундаментальное положение: общий уровень точности определяется точностью самого неточного элемента моделирования.

Минимально допустимая точность характеризуется максимально допустимым отклонением результата измерения от истинного значения величины, в пределах которого их сравнение имеет смысл.

Синтактически минимально допустимая точность может быть охарактеризована метрической точностью, не выводящей за рамки используемой шкалы. Семантически допустимая точность может быть оценена возможностью различения используемых понятий, не требующего изменения их интерпретации. Прагматически допустимую точность можно описать пригодностью полученного результата измерения к использованию в качестве критерия, в качестве исходных данных для дальнейших вычислений, в качестве индикатора выполнения поставленных условий и для других целей использования модели.

При выборе целесообразного уровня точности диагностики необходимо учитывать:

– с формальной (синтактической) точки зрения: а) минимально допустимый и максимально достижимый уровень точности; б) зависимости, в которых участвует исследуемая величина;

– с точки зрения смысловой (семантической): а) тип исследуемой величины (аддитивность, наблюдаемость); б) тип вопроса, ответ на который должна, дать экономическая величина или сравнение величин (больше?, на сколько больше? и т. п.);

– с целевой (прагматической) точки зрения: а) значимость результата измерения; б) затраты.

Библиографический список

1. *Батороев К.Б.* Аналогии и модели в познании. – Новосибирск: Наука, 1981.

2. *Берка К.* Измерения: понятия, теории, проблемы. – М.: Прогресс, 1987.

3. *Вишнев С.М.* Экономические параметры. – М.: Наука, 1968.

4. *Волович В.И.* Надежность информации в социологическом исследовании. – Киев: Наук. думка, 1974.

5. *Емельянов А.С.* Эконометрия и прогнозирование. – М.: Экономика, 1985.

6. *Жамбекова Р.Л., Шеожев Х.В.* Системное измерение результатов деятельности сельскохозяйственных предприятий. – Нальчик: Эльбрус, 1987.

7. *Иванов О.И.* Принципы комплексного подхода в социально-экономических исследованиях. – Л.: Наука, 1981.

8. Исследование построения показателей социального развития и планирования. – М.: Наука, 1979.

9. *Квейд Э.* Методы системного анализа // Теория и практика управления производством в США. – М.: Прогресс, 1971. – С. 177–190.

10. *Кобринский Н.Е., Кузьмин В.И.* Точность экономико-математических моделей. – М.: Финансы и статистика, 1981.

11. *Ковалев В.В., Патров В.В.* Как читать баланс. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 1998.

12. *Когут А.Е.* Экономическая метрология. – Л.: Наука, 1990.

13. Количественные методы в социологии. – М.: Наука, 1966.

14. *Кураев В.И., Лазарев В.Ф.* Точность, истина и рост знаний. – М.: АН СССР, 1988. – С. 153, 218.

15. Математические методы анализа и интерпритации социологических данных. – М.: Наука, 1989.

16. *Моргенштерн О.* О точности экономико-статистических наблюдений. – М.: Статистика, 1968.

17. *Панков Д.А.* Бухгалтерский учет и анализ в зарубежных странах: учеб. пособие. – Минск: ИП «Перспектива», 1998.

18. *Раяцкас Р.А., Плакунов М.К.* Экономические догмы и управленческая реальность. – М.: Экономика, 1991.

19. *Розин Б.Б.* Статистическое моделирование экономических показателей – Новосибирск: Наука, 1976.

20. *Розин Б.Б., Ягольницер М.А.* Конструирование экономико-статистических моделей с заданными свойствами. – Новосибирск: Наука, 1976.

21. *Селиванов М.Н., Фридман А.Э., Кудряшова Ж.Ф.* Качество измерений: метрологическая справочная книга. – Л.: Лениздат, 1987.

22. Стандартизация показателей в социологическом исследовании. – М.: Наука, 1981.

23. Статистическое моделирование экономических показателей. – Новосибирск: Наука, 1976.

24. *Стоун Д., Хитчинг К.* Бухгалтерский учет и финансовый анализ: подгот. курс: пер. с англ. – СПб.: АОЗТ «Литера плюс», 1993.

25. Стратегическое планирование / под ред. Э.А. Уткина. – М.: Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ»: Изд-во ЭКМОС, 1999.

26. *Суслов И.П.* Теория статистических показателей. – М.: Статистика, 1975.

27. *Сыроежкин И.М.* Совершенствование системы показателей эффективности и качества. – М.: Экономика, 1980.

28. *Терехов Л.Л.* Производственные функции. – М.: Статистика, 1974.

29. Типология несоциалистических стран. – М.: Наука, 1976.

30. Типология несоциалистических стран. – М.: Наука, 1976.

31. *Хайтун С.Д.* Проблемы количественного анализа науки. – М.: Наука, 1989.

32. *Эдельгауз Г.Е.* Достоверность статистических показателей. – М.: Статистика, 1977.

33. *Эдельгауз Г.Е.* Точность, надежность и устойчивость экономических показателей. – Л.: ЛГУ, 1971.

34. Экономико-математические методы и прикладные модели: учеб. пособие для вузов / В.В. Федосеев, А.И. Гармаш, Д.М. Дайитбегов и др.; под ред. В.В. Федосеева. – М.: ЮНИТИ, 1999.

С. Л. Милославский

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ

С формально-правовой точки зрения ситуация в сфере реформирования отношений собственности, сложившаяся в России к 2006 г., характеризуется наличием достаточно разработанной нормативной базы. В основных направлениях социально-экономической политики Правительства РФ на долгосрочную перспективу определены следующие стратегические ориентиры политики государства в области управления процессами трансформации отношений собственности: повышение эффективности управления государственным имуществом, остающимся в собственности государства; приватизация значительной части государственного имущества. При этом выделяется три основных типа объектов такой политики: государственные предприятия; хозяйственные общества с участием государства; недвижимость. В соответствии с таким набором объектов предложена и программа конкретных мероприятий. Так, в отношении государственных предприятий предусмотрено преобразование в акционерные общества со 100% акций, находящихся в федеральной собственности или внесение в уставный капитал другого акционерного общества, более 75% акций которого, в свою очередь, также находятся в федеральной собственности с отказом от использования права хозяйственного ведения. В отношении хозяйственных обществ с участием государства – оптимизация участия государства в хозяйственных обществах на основе принятия решений о дальнейшем закреплении акций хозяйственного общества в государственной собственности, передача акций в собственность на субфедеральный или муниципальный уровень, продажа таких акций или ликвидация общества, как такового, а в случае продолжения закрепления акций хозяйственного общества в государственной собственности предусматривается четкая формулировка целей такого участия государства в капитале и способов их достижения в договоре с управляющим. Более развернутой является программа мер по управлению принадлежащим государству недвижимым имуществом, включающая в себя формирование полного реестра федеральной недвижимости; четкое разграничение и координацию полномочий всех государственных органов, задействованных в этом процессе с установлением для всех субъектов Российской Федерации единого порядка принятия решений об использовании федеральной недвижимости; применение механизма рыночной оценки при использовании недвижимости с выравниванием ставок арендной платы, взимаемой за использование государственной недвижимости, со ставками, сложившимися на рынке; ревизия и введение жесткого контроля над использованием недвижимости государственными предприятиями и учреждениями (целевой характер, ориентация на рыночные ставки аренды, характер льгот, возможности изъятия); создание правовой базы по механизму распоряжения федеральным имуществом, включая отработку вопроса по возмещению расходов на осуществление управления им; кадровое обеспечение [1; 2].

На наш взгляд, предложенная Правительством РФ стратегия приватизации государственного имущества носит общий характер, содержит лишь общий сценарный прогноз и отдельные базовые принципы, в качестве которых заявлены необходимость принятия нового закона о приватизации, подходы к изменению прав собственности на объекты интеллектуальной собственности и земельные участки, регулирование участия в приватизации иностранного капитала. Давая общую оценку подходам правительства по управлению государственной собственностью, необходимо отметить, что в целом она опирается на закономерную для рыночных преобразований логику оптимизации структуры собственности преимущественно за счет сокращения количества объектов, находящихся в собственности государства, в интересах обеспечения устойчивых предпосылок для экономического роста. Вместе с тем она может столкнуться с объективно существующими, серьезными противоречиями, обозначившимися еще на этапе денежной приватизации, важнейшими из которых являются:

– противоречие между необходимостью обеспечить максимизацию бюджетных доходов за счет продажи государственного имущества (пакетов

© С. Л. Милославский, 2006

акций и целых предприятий) и отсутствием адекватного платежеспособного спроса, особенно по убыточным и малорентабельным предприятиям;

– противоречие между теоретической возможностью продажи наиболее привлекательных предприятий (или пакетов их акций) и практической неэффективностью продаж ввиду очевидной недооценки их активов и лоббирования со стороны крупных финансовых групп, различных ведомств и органов управления под видом структурно-правовых реорганизаций.

На наш взгляд, проблема заключается в том, что основная масса оставшейся у государства собственности представлена либо объектами недостаточно привлекательными для основной массы российских частных инвесторов по причине необходимости осуществлять крупные инвестиции, либо очень привлекательными объектами (например, контрольные или блокирующие пакеты акций в монополиях общенационального значения), продажа которых, если и возможна, то только по адекватной рыночной цене при наличии определенных предпосылок. Даже если политические условия позволят устранить второе из вышеуказанных противоречий и государство не будет стремиться к максимизации бюджетных доходов по ряду категорий имущества, то проблема отсутствия адекватного платежеспособного спроса, особенно по убыточным, малорентабельным и просто капиталоемким предприятиям с определенной специализацией, является значительным препятствием для эффективного управлении процессом трансформации отношений собственности.

Специфика сохраняющегося за государством массива собственности обусловливает корректировку инструментария приватизации в сторону как внедрения сравнительно новых для России способов (продажа по результатам прямых переговоров с инвесторами, выпуск производных ценных бумаг), так и использование методов, активно применявшихся на этапе массовой приватизации (аренда с последующим выкупом, привлечение в качестве собственника трудового коллектива предприятия, продажа в рассрочку), но с учетом нового контекста (оценка имущества по рыночной стоимости, пересмотренная схема льгот и т.п.). Количественное уменьшение размеров социального сектора возможно не только через приватизацию, но и посредством интеграции прошедших акционирование предприятий и учреждений в интегрированные структуры. Однако эта схема требует значительной корректировки, поскольку зависит от специфики отраслей и оставшихся в собственности государства активов.

Практика 2000–2004 гг. убедительно продемонстрировала значимость доходов от текущего использования государственного имущества, которые постепенно росли и в итоге стали сопоставимыми с бюджетными доходами от приватизации [2]. Стало очевидно, что имущественные доходы из возобновляемых источников являются значимым резервом для бюджетной системы, который только начал использоваться последние 2–3 года, хотя при наличии политической воли со стороны государства мог быть задействован, по меньшей мере, с середины 1990-х гг. Разумеется, роль государства как собственника нельзя сводить к решению задачи максимизации разного рода перечислений в бюджет. Однако, в современных российских условиях активность государственных управленческих структур в этом направлении должна решать помимо бюджетной, по меньшей мере, две задачи: 1) определяющую дисциплинирующее воздействие на менеджмент и содействие в реализации стандартов корпоративного управления; 2) обеспечивающую получение объективной информации в отношении оценки объектов, подлежащих приватизации в будущем. Нельзя считать однозначно закрытым вопрос о доходах от имущества, находящегося в государственной собственности, как одном из источников компенсации части налоговых доходов бюджета, выпадающих по причине снижения ставок обложения или падения собираемости. При этом в области приватизации основной задачей должно стать эффективное применение инструментария изменения прав собственности на принадлежащие государству активы, а также тщательный анализ последствий их применения. Весьма актуальной на сегодняшний день является задача реализации норм закона об унитарных предприятиях, особенно применительно к региональной и муниципальной собственности.

Необходимо подчеркнуть, что оптимизация структуры федеральной собственности является комплексным, многоплановым процессом, который связан со среднесрочной программой социально-экономического развития страны, федеральным бюджетом и инвестиционной программой. Поэтому логичным выглядит предложение разрабатывать Программу управления

федеральным имуществом (активами) на 3 года, призванную соединить воедино приобретение, выбытие и использование федерального имущества. Большим достоинством такого подхода является предложение охватывать в вышеуказанной Программе все возможные процедуры и операции с имуществом (создание новых объектов, выкуп, национализация, приватизация, передача регионам и муниципалитетам, участие в деятельности, передача в аренду, доверительное управление, концессию), которые соотнесены со стадиями управления собственностью.

Однако данный подход не учитывается правительством при реализации приватизационных планов на 2006–2009 гг. Не вызывает особых возражений лишь предполагаемая реализация пакетов акций, не достигающих величины блокирующего пакета (25% уставного капитала). Столь незначительный пакет действительно находится под постоянной угрозой размывания и создает угрозу коррупции среди представителей государства. Что касается будущего хозяйственных обществ с большей долей государства в капитале и унитарных предприятий, то здесь наблюдается явное противоречие между сохраняющимся отсутствием ясности в отношении круга государственных задач (публичных интересов), решаемых каждым предприятием социального сектора, и общими количественными оценками масштаба социального сектора, даваемыми Минимуществом (например, о сохранении в организационно-правовой форме ФГУП не более 1,5–2,5 тыс. предприятий). Сохранение в обозримом будущем унитарных предприятий и хозяйственных обществ с участием государства в капитале, как субъектов российской экономики, делает актуальным выделение в качестве самостоятельного направления регулятивной активности государства в области имущественной политики минимизацию коммерческих рисков при ведении через них государственного предпринимательства. В свою очередь, определению круга государственных задач должна предшествовать объективная оценка ситуации на уровне отдельных отраслей.

Следует также отметить, что сценарный прогноз приватизации государственной собственности связывает сокращение количества государственных предприятий и учреждений с размерами финансирования государством в виде прямого бюджетного финансирования и оплаты госзаказа, что, на наш взгляд, нельзя признать верным. В странах с развитой рыночной экономикой исполнителями государственного заказа являются предприятия всех форм собственности [3]. Более того, для организаций, представляющих частный сектор, на протяжении вот уже многих десятилетий он считается особенно выгодным, а его распределение происходит в жесткой конкурентной борьбе. Настоящая же проблема состоит в степени зрелости субъектов хозяйствования в российском социальном секторе, их способности выполнять те или иные задачи общенационального значения, в четком соотнесении таких задач с общеэкономической стратегией развития страны. Подход, связывающий количество государственных предприятий и учреждений с финансовыми возможностями государства может быть применен только в отдельных случаях. Следует отметить, что политика государства в отношении предприятий и учреждений, полностью (государственные унитарные предприятия) или частично (хозяйственные общества с государственной долей в капитале), принадлежащих государству, обладает очень существенной спецификой, поскольку имеет дело с уже существующими юридическими лицами на базе единых имущественных комплексов, ведущими текущую хозяйственную деятельность и занимающими определенные позиции на рынке продукции и услуг.

Предпосылками для разработки стратегических направлений управления процессом трансформации отношений собственности являются: необходимость государственного участия в регулировании рыночных отношений, в решении социально-экономических задач, в удовлетворении потребностей населения в продукции и услугах; возникновение и развитие хозяйствующих субъектов различных форм собственности; противоречия между участниками рыночных отношений; дефицит бюджетных средств, необходимость поиска дополнительных источников дохода и методов экономии ресурсов; потребность создания благоприятного инвестиционного климата с целью привлечения отечественного и иностранного капитала; разработка протекционистской политики по отношению к отечественному производителю для производства конкурентоспособной продукции и услуг; практическое отсутствие нормативно-правовой формы механизма согласования интересов в сфере управления соб-

ственностью; общее экономическое и финансовое положение в стране; необходимость завершения работ по разграничению собственности между Российской Федерацией и ее субъектами.

При этом собственность необходимо рассматривать в двух ракурсах: как объект (материальные и нематериальные активы – экономический аспект управления); как отношение субъекта (владельца) к объекту (юридический аспект управления), порождающее правомочия владения, пользования, распоряжения. Таким образом, управление отношениями собственности представляет собой комплекс законодательных, нормативных, административных актов и экономических действий органов власти, объединенных единой политикой и нацеленных на сбалансированное развитие жизнедеятельности общества, включает в себя управление правами владения, пользования и распоряжения (приватизация, аренда, безвозмездное пользование, найм, хозяйственное ведение, оперативное управление, концессия, доверительное управление, залог и т.д.) и осуществляется, как нормативными методами на основе отчетных (в том числе статистических) данных о состоянии объекта управления, так и сравнительными и прогностическими методами применительно к задачам управления в существующей политической, и экономической ситуации.

Отметим, что проблема управления процессом трансформации отношений собственности заключается в обеспечении и развитии гражданского оборота собственности и связанных с ним структур. В этой связи основными задачами управления процессом отношений собственности, по мнению автора, являются: создание благоприятного экономического климата для функционирования хозяйствующих субъектов; совершенствование экономических условий для развития малого и среднего предпринимательства; финансовое оздоровление хозяйствующих субъектов посредством предоставления ресурсов и различных льгот; формирование благоприятных условий для привлечения инвестиций в экономику для производственного, технологического и социального развития предприятий, создания конкурентоспособной продукции и услуг; стимулирование прозрачности капиталов; согласование мер государственного протекционизма и поддержки отечественного производителя с требованиями рынка и финансовыми возможностями; стимулирование внутренних преобразований на предприятиях и организациях и содействие их реструктуризации, необходимой для успешной работы в условиях рыночной экономики; использование долей (пакетов акций), находящихся в собственности государства, как эффективного средства управления хозяйствующими субъектами и источника доходов города; оптимизация структуры собственности.

В качестве стратегических мер управления процессом трансформации отношений собственности можно выделить: разработку концептуальных основ системы контроля за использованием государственной собственности; реструктуризацию имущественных комплексов предприятий и организаций; развитие оценочной деятельности в сфере имущественных отношений; совершенствование кадрового обеспечения процесса управления собственностью; применение современных информационных технологий в процессе управления собственностью; проведение инвентаризации и паспортизации объектов собственности.

Разработка концептуальных основ системы контроля за использованием государственной собственности. Существующая система контроля за распоряжением, использованием по назначению и сохранностью федерального имущества функционирует в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 10.02.94 г. № 96 «О делегировании полномочий правительства Российской Федерации по управлению и распоряжению объектами федеральной собственности» и в целом ряде случаев не отвечает таким основным принципам, как самостоятельность, независимость, четкое нормативно-правовое обеспечение. При этом наличие большого числа специализированных контрольных органов или органов исполнительной власти, для которых контроль за федеральной собственностью является составной частью их деятельности, не обеспечивает эффективного контроля. Более того, обилие контрольных инстанций нередко снижает эффективность деятельности проверяемых объектов, не принося ощутимого результата.

Так, например, в настоящее время сложилась такая ситуация, при которой полномочия по осуществлению контроля за использованием по назначению и сохранностью федерального имущества, находящегося в хозяйственном ведении или оперативном управлении государственных унитарных предприятий и учреждений, предоставлены всем министерствам и ведомствам, на ко-

торые возложены координация и регулирование деятельности в отраслях. Действующий порядок контроля федерального имущества не имеет единого координирующего центра. Деятельность участников системы контроля в значительной мере дублируется, проверяются зачастую одни и те же имущественные комплексы, а другие на протяжении многих лет остаются вообще вне сферы государственного контроля, отсутствуют единые подходы и методы реализации контрольных функций, что приводит к снижению эффективности контроля за качеством управления федеральной собственностью.

Следует отметить, что проблема усугубляется отсутствием теоретически обоснованной системы контроля федерального имущества, единой методологической базы и технологий проведения контроля за федеральной собственностью, что не позволяет унифицировать и оптимизировать подходы и методы реализации контрольных функций. Существенные проблемы имеются и в правовом обеспечении контроля федерального имущества. В Конституции Российской Федерации и в федеральных конституционных законах само понятие государственного контроля федерального имущества отсутствует. Отсутствует также законодательное закрепление правового статуса работников, осуществляющих контрольные функции, обеспечивающего их правовую, социальную и физическую защиту.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить цель и задачи государственного контроля федерального имущества. Целью государственного контроля федерального имущества является обеспечение проведения единой государственной политики в области контроля федерального имущества, координация деятельности субъектов контроля, предупреждение и устранение выявленных нарушений. Ее достижение будет способствовать успешному выполнению стоящих перед государством задач и повышению качества управления федеральной собственностью. К основным задачам государственного контроля федерального имущества следует отнести: контрольную деятельность с целью профилактики возможных нарушений; установление (выявление) фактов нарушений и оперативное реагирование на выявленные факты нарушений посредством принятия соответствующих мер; анализ состояния федеральной собственности, подготовка предложений по совершенствованию процедуры использования, оптимизации и реструктуризации федерального имущества; обеспечение руководства Министерства имущественных отношений России, высших органов государственной власти и общества достоверной информацией о состоянии федерального имущества.

Совершенствование системы государственного контроля федерального имущества целесообразно осуществлять в несколько этапов. На первом этапе необходимо обеспечить совершенствование правовой базы государственного контроля федерального имущества в рамках формирования системы государственного контроля в Российской Федерации. Результатом этой работы должно стать принятие Федерального закона «Об основах государственного контроля в Российской Федерации», в котором необходимо сформулировать и закрепить понятие государственного контроля, его цели и принципы построения, органы, осуществляющие государственный контроль, их правовой статус, источники финансирования, а также гарантии обеспечения правовой, и физической защиты должностных лиц, осуществляющих эту деятельность. В соответствии с этим законом должны быть приведены действующие нормативные правовые акты и разработаны соответствующие ведомственные положения и инструкции, касающиеся организации и проведения государственного контроля федерального имущества.

На втором этапе необходимо разработать и принять программу по созданию эффективной и мобильной системы государственного контроля федерального имущества. Эта программа должна включать в себя ряд подпрограмм с указанием объемов финансирования, материально-технического обеспечения, проведения научных исследований с целью разработки механизмов ее реализации, обучения и аттестации кадров. Программа должна быть направлена на создание правовых, экономических и организационных условий для формирования эффективно работающей системы государственного контроля федерального имущества, обеспечивающеих необходимое взаимодействие с осуществляющими контрольную деятельность государственными структурами, органами представительной и судебной власти.

Реструктуризация имущественных комплексов предприятий и организаций. Основой для реорганизации могут быть: выполнение задач, для решения которых создавалось предприятие

(учреждение); несоответствие уставных целей, видов выпускаемой продукции (оказываемых услуг) и/или технологических процессов изменившимся социально-экономическим условиями и/или экологическим требованиям; снижение эффективности функционирования организации; изменение приоритетов в социально-экономическом развитии. При этом реорганизация может осуществляться: за счет изменения внешних характеристик организации – преобразования организационно-правовой формы (превращение предприятия в учреждение и наоборот, приватизация, выделение дочерних предприятий, слияние, разделение и т.п.); за счет внутренней реструктуризации имущественного комплекса и/или организационной структуры предприятий (учреждения); за счет совмещения указанных способов. Одним из критериев внутренней реструктуризации имущественного комплекса должна выступать необходимость оптимизации состава имущества в отношении выполняемых предприятием (учреждением) функций.

При передаче имущества в процессе разграничения собственности необходимо предусматривать: легальную инвентаризацию передаваемого имущества; ответственность органов за сохранность и эксплуатацию имущества до и после передачи; форму и обязательное содержание актов приема-передачи имущества; условия разрешения возникающих конфликтов; механизмы передачи неиспользуемых объектов, принадлежащих другим субъектам управления.

Переход к принятию решений о приватизации предприятий по индивидуальным схемам предусматривает перевод предприятий из «режима выживания» в «режим развития». Решение о реструктуризации должно включать в себя стратегию развития конкретного предприятия с учетом анализа финансово-экономического и фактического состояния объекта. Основными средствами достижения целей приватизации при этом являются: стимулирование инвестиций, ориентированных на производство конкурентоспособных товаров и услуг; поощрение конкуренции; поддержка и защита производителей товаров и услуг, среднего и малого предпринимательства; защита и укрепление гарантий соблюдения прав собственников, инвесторов и потребителей; совершенствование правовой базы, как гарантии выполнения обязательств; создание условий для развития фондового рынка и вторичного рынка недвижимости; индивидуальный подход к приватизируемым унитарным предприятиям; реструктуризация унитарных предприятий с учетом единства технологического комплекса; закрепление ограничений, связанных с объектом приватизации, в том числе и при вторичных сделках; сохранение государственного контроля за производством отдельных видов продукции; реализация прав субъектов РФ, муниципальных образований, как участников в коммерческих организациях; обеспечение контроля за деятельностью лиц, привлекаемых в качестве управляющих унитарными предприятиями и представителей интересов государства в хозяйственных обществах; обеспечение контроля за использованием и сохранностью материальных и нематериальных активов унитарных предприятий.

Приоритетами в осуществлении приватизации предприятий и учреждений должны выступать: вовлечение в гражданский оборот низкорентабельных объектов; привлечение инвестиций, необходимых для производственного, технологического и социального развития и обновления приватизируемого унитарного предприятия; сохранение культурных ценностей при приватизации объектов народно-хозяйственного комплекса; развитие социально значимых видов деятельности (товаров, работ, услуг) и повышение их потребительских качеств; оказание поддержки малому и среднему предпринимательству.

Следует отметить, что базовым подходом правительственной программы по отношению к государственным унитарным предприятиям является их ускоренная корпоратизация. Она исходит из тезиса о полной приватизации в отраслях, имеющих потенциал выживания и роста с привлечением в них отечественных и иностранных инвестиций и оборотом акций соответствующих компаний на рынке ценных бумаг. С формальной точки зрения реализация такого подхода должна упростить приватизацию таких объектов. В то же время необходимо иметь в виду, что поспешная корпоратизация государственных унитарных предприятий неизбежно сужает поле реструктуризационной приватизации, когда предприятие продается как единый имущественный комплекс. Преобразование же его в АО с большой долей вероятности может привести к появлению проблем разбиения акционерного капитала на пакеты для продажи по их стоимостной оценке. Другим аргументом в пользу ско-

рейшего преобразования госпредприятий в АО со 100% акций, находящихся в собственности государства, является слабая реализация государством своих функций, как собственника. Однако в условиях российской экономики, где многие приватизированные предприятия не демонстрируют ожидаемой эффективности и управляемости даже новыми собственниками из частного сектора, трудно ожидать того, что простая смена организационно-правовой формы в рамках государственной формы собственности окажет быстрое положительное воздействие на состояние предприятия. Исходя из этого, более обоснованной представляется заложенная в постановлениях Правительства РФ ориентация на постепенное уменьшение количества государственных и муниципальных унитарных предприятий и параллельную реализацию комплекса мер по управлению ими.

Развитие оценочной деятельности в сфере имущественных отношений. В настоящее время на рынке оценочных услуг в РФ практика оценки на несколько лет опережает законодательное регулирование данного вида деятельности. При этом в практике оценки рыночной стоимости имущественного комплекса уже прочно утвердились определенные методики и правила. Следует отметить, что правила оценочной деятельности сформировались на основе международного опыта. Тем не менее, отечественная оценочная деятельность отличается от международной и имеет свою специфику, отражающую текущие условия функционирования российской экономики. К числу специфических факторов, оказывающих существенное влияние на технологию оценочной деятельности в российских условиях следует отнести как недостаточную законодательную урегулированность имущественных отношений, так и низкий уровень нормативно-правового и информационного обеспечения рынка товаров и услуг. При этом развитие оценочной деятельности в значительной степени зависит от факторов среды.

Совершенствование оценочной деятельности предполагает введение механизмов оценки полезности всех объектов собственности, их создания, сделок с ними посредством определения бюджетной эффективности, введения нормативов эффективности (по собственности в целом, отраслям и группам объектов). Так, бюджетная эффективность организаций, использующих государственное имущество, а также организаций, в уставном капитале которых есть доля государства, рассчитывается как отношение суммы всех поступлений в бюджет и внебюджетные фонды за анализируемый период (за вычетом льгот) к стоимости имущества, принадлежащего государству. Бюджетные и иные финансовые поступления классифицируются следующим образом: налоговые поступления (отдельно относимые на себестоимость, отдельно на финансовые результаты), арендные и прочие обязательные платежи, выплаты дивидендов, иные перечисления, включая спонсорские поступления. Отдельно должны быть учтены предоставляемые льготы. При этом возникает необходимость в разработке нормативов бюджетной эффективности для различных видов объектов собственности. Наряду с этим не менее существенный критерий «социальной эффективности» требует также своей разработки. Так, на начальном этапе возможно использование метода сравнительной оценки со средними значениями по отрасли (группе социально схожих объектов), территории. На наш взгляд, для всех видов объектов собственности должны устанавливаться нормативные параметры функционирования объекта, проводиться оценка полезности объекта и эффективности управления. Критерий эффективности должен рассчитываться исходя из социально-экономической значимости объекта и его целевого назначения. Основным критерием оценки является степень реализации поставленных целей (выполнения нормативных требований). В качестве такого универсального критерия оценки и способа ранжирования однотипных объектов можно рассматривать принцип оптимального и наиболее эффективного использования при разрешенном функциональном назначении. Следует отметить, что оценка эффективности целесообразна как для единичного объекта управления (пакет акций, предприятие, учреждение), так и для всей отраслей с учетом накладных расходов на управление.

Важнейшими задачами в области совершенствования оценочной деятельности, на наш взгляд, являются: разработка методик оценки имущества для целей инвентаризации, сделок с объектами собственности и их налогообложения; разработка системы учета имущества; разработка нормативов затрат на содержание имущества. Проведение оценки является сложным процессом, состоящим из последовательных эта-

пов: определение цели, базы, даты оценки, вида стоимости, анализа внутренней и внешней сред, сбора и обработки информации для проведения оценки, оценки общепризнанными подходами, согласование полученных результатов, написание отчета об оценке. Одним из заключительных этапов оценки является обобщение результатов, полученных в рамках каждого из подходов к оценке, и определение итоговой величины стоимости объекта. На практике чаще всего используется метод средневзвешенной величины, основанный на интуитивном взвешивании. Оценщик самостоятельно разрабатывает шкалу баллов, а затем посредством анализа преимуществ и недостатков каждого метода, придает определенный балл (вес) полученной стоимости. В этом случае точность и достоверность полученного результата оценки зависит от квалификации и опыта оценщика. Чтобы избежать высокой степени субъективизма автором рекомендуется применять результаты двух и более оценщиков, которые независимо друг от друга будут осуществлять расчеты и по окончании работы результаты проверяются, обсуждаются и согласовываются.

Следует также подчеркнуть, что на итоговую величину стоимости влияет не только субъективизм оценщика, но и ошибки, которые во многом предопределены неточностью исходной информации. Поэтому возникает задача выявить значение погрешностей у показателей, на основе которых проводится оценка стоимости. Для оценки погрешности оцениваемой стоимости необходимо выполнить ряд математических и логических операций над исходными данными. Совокупность этих операций образует расчетный алгоритм, который выстраивает оценщик в соответствии с применяемым методом оценки. Алгоритм состоит из элементарных функций, дающих промежуточные результаты для каждой элементарной функции. В дальнейшем, используя математический аппарат дисперсионного анализа, рассчитывается погрешность, исходя из погрешностей параметров-аргументов, на основе правил сложения дисперсии, далее определяется погрешность показателя, рассчитанного с помощью определенной математической формулы.

Совершенствование кадрового обеспечения процесса управления собственностью. Кадровому обеспечению оценочной деятельности принадлежит особая роль в организации оценочного консалтинга в России. В недавнем прошлом в условиях фактического отсутствия на федеральном уровне таких традиционных мер государственного регулирования, как стандартизация оценки, лицензирование оценочных фирм, аттестация экспертов – выполнение этих функций в значительной мере компенсировалось деятельностью образовательных учреждений. Обучение экспертов-оценщиков развивалось на рыночной основе в условиях реальной конкуренции среди вузов и сосредоточилось всего в нескольких лучших учебных центрах, расположенных, в основном, в Москве и в Санкт-Петербурге. В настоящее время в условиях жесткой конкуренции новым претендентам среди вузов достаточно сложно выйти и успешно закрепиться на образовательном рынке по оценке стоимости имущества.

Одним из позитивных результатов конкуренции стал существенный рост качества обучения оценщиков, по сравнению с другими экономическими учебными программами и общим образовательным уровнем в России. При этом программа профессиональной переподготовки, по нашему мнению, может иметь хорошую рыночную перспективу при условиях: соответствия современному международному научно-методическому уровню знаний; обеспечения адаптированного к российской действительности и прикладного характера образования на основе тесной связи с отечественной оценочной практикой; кардинального повышения эффективности учебного процесса за счет использования информационно-коммуникационных ресурсов сети Интернет; организации занятий слушателей по месту жительства и без отрыва от основной работы; существенного снижения удельной стоимости обучения (в расчете на учебные часы).

Современные сетевые дистанционные образовательные технологии являются не только самыми низкозатратными, но и имеют определенные конкурентные преимущества по качеству приобретенных знаний. В числе факторов высокого качества обучения с использованием сети Интернет можно выделить: высокий уровень учебно-методического обеспечения с концентрированным и математически формализованным содержанием материалов в электронных учебниках; активное использование в процессе обучения набора конкретных практических ситуаций, тестовый промежуточный и итоговый контроль знаний; получение в ходе обучения навыков работы с компьютерами и овладение слуша-

телями современными информационными технологиями; компенсация преимуществ аудиторных занятий на основе возможности организации консультаций и конференций в интерактивном режиме, а также проведение установочной сессии по очной форме обучения; высокотехнологичный современный уровень обучения за счет участия в образовательном процессе фирм, специализирующихся в сфере Интернет-технологий; прикладной характер обучения за счет подключения к учебному процессу на консорциальной основе и по договорам о совместной деятельности фирм, имеющих опыт и достижения по изучаемым практическим проблемам.

Не вызывает сомнения, что создание отвечающей вышеуказанным критериям сетевой образовательной технологии требует значительного времени и серьезных первоначальных инвестиций, наличия большого опыта работы в науке и образовании, в Интернет-технологиях и в практической деятельности, составляющей предмет изучения. Как показывает опыт, затраты времени и финансовых ресурсов при создании сетевых дистанционных образовательных систем могут быть существенно сокращены за счет использования организационных схем на базе консорциумов и договоров о совместной деятельности.

Применение современных информационных технологий в процессе управления собственностью. Эффективное управление собственностью требует использования всех преимуществ применения современных информационных технологий, что включает в себя: поэтапную интеграцию раздробленных информационных ресурсов в Единую информационную систему, основанную на применении средств вычислительной техники, информатики и связи; оперативный анализ данных о состоянии государственной собственности, эффективности ее использования, структуре действующих правоотношений, динамике поступления и использования денежных средств; перспективное планирование и прогнозирование развития и преобразования государственной собственности; анализ последствий управленческих решений. При этом для обеспечения функционирования системы необходимо: создание единого информационного пространства, обеспечивающего оперативный доступ к нормативно-справочной информации, распорядительным документам, консультационным и учебным системам, содержащим полную и достоверную информацию о структуре и функциях каждого предприятия и учреждения; единого, структурированного массива данных об имущественном комплексе, обеспечивающего оперативное получение достоверной и полной аналитической информации о его состоянии для принятия управленческих решений; единой технологии функционирования всех участников процесса управления имуществом при обеспечении разделения информации на публичную и коммерческую и, соответственно, разделения возможностей доступа; электронной системы документооборота внутри структур законодательной и исполнительной власти.

Информация о государственных и муниципальных учреждениях и предприятиях, а также о хозяйственных обществах, в которых имеется доля государства, должна включать в себя официально принятую и установленную российским законодательством систему отчетности о финансово-хозяйственной деятельности. Доступность, достоверность, полнота информации, связанной с управлением собственностью, должна обеспечиваться ежегодной публикацией в средствах массовой информации не только отчета о составе и балансовой стоимости имущественного комплекса и отчета о денежных поступлениях от использования государственной собственности, но и оценки достаточности и эффективности организационного обеспечения процесса использования собственности.

Доступность, достоверность, полнота информации, связанной с процедурами трансформации отношений собственности должна обеспечиваться, по мнению автора, публикацией в специализированных изданиях сведений о месте и времени проведения первичных продаж акций приватизированных предприятий; ежеквартальной публикацией отчетов о ходе приватизации и аналитических обзоров, содержащих перечни (реестры), краткие характеристики, оценку предприятий, по которым принято решение о приватизации; ежегодной публикацией в средствах массовой информации отчета о составе имущественно комплекса социального сектора, поступлениях от приватизации и расходовании полученных средств; размещением в электронных средствах массовой информации всех перечисленных сведений и другой информации о процессах приватизации.

Проведение инвентаризации и паспортизации объектов собственности. Задача полной

инвентаризации и паспортизации имущества государственных унитарных и дочерних предприятий, всех других объектов и ценностей государственной собственности в каждом регионе в настоящее время становится неотложной. Стратегия управления процессом трансформации отношений собственности должна базироваться на информации Единого реестра собственности народно-хозяйственного комплекса. По нашему мнению, единый реестр должен представлять собой совокупность четырех составляющих: 1) реестр государственных и муниципальных унитарных предприятий; 2) реестр государственных и муниципальных учреждений; 3) реестр хозяйственных обществ, товариществ и некоммерческих организаций с участием государства; 4) реестр объектов недвижимости, находящихся в собственности государства. Данный реестр создается с целью обеспечения полного учета вновь создаваемых, действующих и ликвидированных государственных и муниципальных предприятий и учреждений, мониторинга состояния закрепленного за ними имущества, хранения, актуализации и оперативного доступа к полной информации о субъектах реестра, использования вышеуказанной информации органами государственной власти и управления.

Таким образом последовательная, планомерная и системная реализация новых стратегических мер по управлению процессом трансформации отношений собственности является реальной предпосылкой качественного улучшения инвестиционного климата и осуществления важнейшей развивающей и стимулирующей функции государства в отношении народно-хозяйственного комплекса.

Библиографический список

1. *Зубакин В.* Приватизация и менеджмент // Проблемы теории и практики управления. – 2003. – №3. – С. 35–52.

2. *Корнев С.А.* Критический обзор некоторых теоретических вопросов приватизации // Экономика и математические методы. – 2003. – №1. – С. 24–38.

3. *Ларина Н.И.* Задачи и методы трансформации собственности в странах рыночной экономики // Регион: экономика и социология. – 2001. – №4. – С. 146.

Д. В. Пятницкий

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ И ГИПОТЕЗЫ ТЕОРИИ ФИНАНСОВ

Преамбула. *Теория финансов подразделяется на два раздела: теория стоимости фирмы и теория фондового рынка. В свою очередь, теория стоимости фирмы включает теорию формирования портфеля, а также теорию принятия инвестиционных решений и их финансирования. Теория фондового рынка содержит теорию финансовых инструментов и теорию функционирования фондового рынка. В теории финансов не решено еще много вопросов общего характера, что препятствует эффективному применению разработанных в финансовой науке методов даже для предприятий в странах со сложившейся рыночной экономикой. В советское время исследований в этих отраслях науки практически не велось. В условиях рыночной экономики России такие исследования становятся актуальными. В статье представлены результаты исследования, направленного на изучение влияния финансовой стратегии корпорации на стоимость привлечения собственного капитала и другие характеристики результатов деятельности предприятия.*

Инвестиционная политика (стратегия) предприятия – это система приоритетов в отношении инвестиций (по риску, диверсификации, окупаемости), установленная с целью предвосхищения долгосрочных тенденций изменения внешней среды предприятия и адаптации к ним. Финансовая политика предприятия – это система приоритетов управления финансами, направленная на достижение стратегических и тактических целей его деятельности. Финансовая стратегия – это система долговременных приоритетов (например, система приоритетов в привлечении капитала), а финансовая тактика (тактика финансового менеджмента) – текущих (например, система приоритетов в управлении оборотными средствами). Финансовая и инвестиционная стратегии объединяются термином – стратегия финансового менеджмента.

Финансовая политика предприятия включает:

– учетную и налоговую политику;

 © Д. В. Пятницкий, 2006

Таблица 1

Стратегия		Модель
Поддержание на постоянном уровне финансового рычага	n=1	Фирма ежегодно регулирует сумму долга таким образом, что финансовый рычаг (L_f=D/S) остается постоянным.
	1<n<∞	Фирма регулирует сумму долга с периодичностью n лет таким образом, что финансовый рычаг (L_f=D/S) остается постоянным.
	n=∞	Фирма фиксирует сумму долга. Эта модель предложена Ф.Модильяни и М.Миллером.
Поддержание на постоянном уровне финансово-операционного рычага	n=1	Фирма ежегодно регулирует сумму долга таким образом, что финансово-операционный рычаг (L_{for}=[(r_d/r)D+FC/r]/S) не изменяется.
	1<n<∞	Фирма регулирует сумму долга с периодичностью n лет таким образом, что финансово-операционный рычаг (L_{for}=[(r_d/r)D+FC/r]/S) не изменяется.
	n=∞	Предполагается, что величины долга и постоянных расходов не меняются.

Таблица 2

Предположения, лежащие в основе предлагаемых нами моделей*

№	Предположения, лежащие в основе		
	традиционных моделей, объединяющих обе теории	**моделей, где на постоянном уровне поддерживается финансовый рычаг**	**моделей, где на постоянном уровне поддерживается финансово-операционный рычаг**
1	**2**	**3**	**4**
Количество периодов			
1	Бесконечность (однопериодная модель CAPM используется для каждого из бесконечного числа периодов)	T лет (величина T должна быть кратной периоду n рефинансирования долга D)	T лет (величина T должна быть кратной периоду n рефинансирования долга D)
Предположения о действиях инвесторов			
2	Деньги инвестируются на определенный одинаковый для всех инвесторов промежуток времени	То же	То же
3	Инвестор основывает свое решение на кривых безразличия, учитывающих ожидаемую доходность и стандартное отклонение. (Это вытекает из некоторых предположений, связанных с теорией полезности.)	То же	То же

Обозначения: r – безрисковая ставка; r_d – цена долга; ρ, $ρ_{fc}$ – ставка дисконтирования прибыли и валовой маржи, соответственно; k – коэффициент дивидендных выплат; ρ, $ρ_{fc}$* – внутренняя ставка доходности инвестиций, исчисленная с учетом и без учета постоянных расходов, соответственно; g – темп роста доходов корпорации.

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
4	Инвесторы безразличны к тому, в какой форме увеличивается богатство (за счет денежных выплат или за счет роста рыночной стоимости акций)	То же	То же
5	Инвестор старается решить две проблемы: максимизировать ожидаемую доходность при заданном уровне риска и минимизировать риск при заданном уровне ожидаемой доходности	То же	То же
6	Все инвесторы обладают одинаковой информацией	То же	То же
7	Инвесторы имеют однородные ожидания, т.е. одинаково оценивают ожидаемые доходности, стандартные отклонения и ковариации доходностей ценных бумаг	То же	То же
8	Инвесторы одинаково анализируют информацию	То же	То же
9	Каждый инвестор владеет рыночным портфелем	То же	То же
Предположения о ценных бумагах			
10	Ценные бумаги бесконечно делимы и ликвидны	То же	То же
11	Доходности по двум ценным бумагам коррелируют за счет общей реакции на один или более факторов, определяемых в конкретной модели	То же	То же
12	Доходности ценных бумаг, не объясненные факторной моделью, не коррелируют между собой	То же	То же
13	–	Неопределенные денежные потоки, связанные с курсовой стоимостью акций, имеют тот же риск, что и доходы фирмы	Неопределенные денежные потоки, связанные с курсовой стоимостью акций, имеют тот же риск, что и валовая маржа фирмы
14	–	Обещанная процентная ставка r_d по облигациям является линейной функцией текущей оценки потерь стоимости фирмы, связанных с банкротством B: $r_d = r\left(1+\frac{B}{(1-\tau)D}\right)$	Обещанная процентная ставка r_d по облигациям является линейной функцией текущей оценки потерь стоимости фирмы, связанных с банкротством B: $r_d = r\left(1+\frac{B}{(1-\tau)D}\right)$
15	–	Рыночная и номинальная стоимости облигаций совпадают	Рыночная и номинальная стоимости облигаций совпадают

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
Фондовый рынок			
16	Соблюдаются все условия атомистической конкуренции (деятельность инвесторов по покупке и продаже ценных бумаг не оказывает влияния на уровень их цен)	То же	То же
17	Транзакционные издержки (брокерские комиссионные, иные издержки при продаже, покупке и выпуске ценных бумаг) отсутствуют	То же	То же
18	Ограничений на «короткие продажи» любых активов не существует	То же	То же
19	Количество финансовых активов заранее определено и фиксировано	То же	То же
Налоги			
20	Распределенная и нераспределенная прибыль не различается в плане налогообложения	То же	То же
21	Существует налог на прибыль, но для инвесторов налоги не существенны	То же	То же
Стоимость и возможность привлечения заемного капитала			
22	Доходность безрискового актива является заранее известной и одинаковой для всех инвесторов	То же	То же
23	Возможно неограниченное безрисковое заимствование и кредитование как фирмами, так и частными инвесторами	То же	То же
Доходы фирмы			
24	Не изменяются	Растут	Растут
25	Прибыль фирмы создают ее активы, независимо от источников их финансирования	Прибыль фирмы состоит из двух частей. Первая часть включает доходы от собственного капитала, вторая часть – от заемного.	Валовая маржа фирмы состоит из двух частей. Первая часть включает доходы от собственного капитала, вторая часть – от заемного.
26	Амортизационные отчисления и другие неденежные затраты отсутствуют	То же	То же
27	–	Постоянные расходы (денежные) можно дисконтировать по безрисковой ставке процента	Постоянные расходы (денежные) можно дисконтировать по безрисковой ставке процента

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
28	Имеется возможность найти для данной приведенной стоимости проекта ее эквивалент в виде бесконечно длящейся последовательности одинаковых величин, какую бы форму не имела в действительности кривая доходов	То же	То же
29	Инвестиции приносят доход на бесконечном временном промежутке	То же	То же
30	Доходы, генерируемые инвестициями, имеют тот же риск, что и доходы, создаваемые «старыми» активами фирмы	То же	То же
31	Все доходы фирма выплачивает как дивиденды	Реинвестируется k% только от прибыли, связанной с собственным капиталом. Остальная ее часть, а также прибыль, связанная с заемным капиталом, за минусом постоянных расходов полностью выплачивается в качестве дивидендов.	Реинвестируется k% только от валовой маржи, связанной с собственным капиталом. Остальная ее часть, а также валовая маржа, связанная с заемным капиталом, за минусом постоянных расходов полностью выплачивается в качестве дивидендов.
Мотивы и особенности действий менеджеров			
32	Менеджеры стремятся к максимизации рыночной стоимости фирмы	Менеджеры, стремясь к максимизации рыночной стоимости фирмы, исходят из необходимости безусловного выполнения обязательств перед кредиторами	Менеджеры, стремясь к максимизации рыночной стоимости фирмы, исходят из необходимости безусловного выполнения обязательств перед кредиторами
33	–	Все обязательства, связанные с привлечением заемного капитала, дисконтируются по безрисковой ставке	Все обязательства, связанные с привлечением заемного капитала, дисконтируются по безрисковой ставке
Инвестиционная политика фирмы			
34	–	Реальные инвестиции осуществляются с периодичностью n лет	Реальные инвестиции осуществляются с периодичностью n лет
35	–	Величина будущих инвестиций имеет тот же риск, что и доходы фирмы	Величина будущих инвестиций имеет тот же риск, что и доходы фирмы
36	Объем текущих капиталовложений задан	Ожидаемый объем текущих и будущих капиталовложений известен	Ожидаемый объем текущих и будущих капиталовложений известен
Финансовая стратегия фирмы			
37	Предполагается неизменным уровень долга	Предполагается неизменным уровень финансового рычага	Предполагается неизменным уровень финансово-операционного рычага
38	Период рефинансирования долга бесконечен	Период рефинансирования долга равен n годам	Период рефинансирования долга равен n годам

Окончание таблицы 2

1	2	3	4
Риск и потери стоимости фирмы, связанные с банкротством			
39	Отсутствуют	Существуют	Существуют
Факторы, определяющие капитализированную стоимость денежного потока			
40	Класс риска зависит от ожидаемой величины, стандартного отклонения и корреляции денежного потока с доходностью рыночного портфеля	То же	То же
*Математические предположения**			
41	-	$(1+r)^n \cong 1+rn$	$(1+r)^n \cong 1+rn$
42	-	$(1+\rho)^n \cong 1+\rho n$	$(1+\rho_{fc})^n \cong 1+\rho_{fc} n$
43	-	Курс акций растет с темпом прироста, приблизительно равным g	Курс акций растет с темпом прироста, приблизительно равным g
44	$k\,\rho^* < \rho$	$k\,\rho^* < \rho$	$k\,\rho_{fc}^* < \rho_{fc}$
45	$g = k\,\rho^*$	$g = k\,\rho^*$	$g = k\,\rho_{fc}^*$

Таблица 3

Сравнительный обзор основных выдвинутых нами гипотез*

№	Основные гипотезы, выдвинутые на основе предположений, лежащих в основе		
	традиционных моделей, объединяющих обе теории	**моделей, где на постоянном уровне поддерживается финансовый рычаг**	**моделей, где на постоянном уровне поддерживается финансово-операционный рычаг**
1	**2**	**3**	**4**
1	-	Рост доходов фирмы не влияет на риско-доходные характеристики акций	Рост доходов фирмы не влияет на риско-доходные характеристики акций
2	Связь между β_U и β определяется соотношением $\beta_U = \frac{(1-L)}{(1-\tau L)}\beta$, или $\beta_S = \beta_U + (\beta_U - \beta_D)(1-\tau)\frac{D}{S}$, или $\beta_U = \frac{(1-L)}{1-\tau r L/(1+r)}\beta$	Связь между β_U и β определяется соотношением $\beta = \beta_U\left(1+\left(1+n\cdot r_d(1-\tau)(1-\tau_S)\right)\right)\frac{L_f}{(1+n\cdot r)}$	Связь между β_{UFOR} и β определяется соотношением $\beta = \beta_{UFOR} \times \left(1+\left(1+n\cdot r_d(1-\tau)(1-\tau_S)\right)\right) \times \frac{r}{r_d}\frac{L_{for}}{(1+n\cdot r)}$

*Обозначения: r – безрисковая ставка; r_d – цена долга; β_U, β – бета-коэффициенты финансово-независимой и зависимой корпорации, соответственно; β_{UFOR} – бета-коэффициент валовой маржи; dFC – изменение постоянных расходов; β_D – бета-коэффициент облигаций; I – сумма инвестиций; V_0 – стоимость корпорации накануне внедрения проекта; τ, τ_S, τ_d – ставка налога на прибыль, на личные доходы, связанные с владением акциями и облигациями, соответственно; D, S – рыночная стоимость акций и облигаций корпорации; L– величина финансового рычага, рассчитанного как отношение D/V; L^*– целевой долгосрочный уровень финансового левериджа, рассчитанного как отношение D/V; L_f^* – целевое значение финансового рычага; L_f – финансовый рычаг, рассчитанный как отношение D/S; L_{for} – операционно-финансовый рычаг; n – период рефинансирования долга.

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4
3	–	Для всех типов финансовой политики до тех пор, пока стоимость долга r_d ниже $r/(1-\tau)$, инвестиции должны финансироваться путем эмиссии долговых обязательств. Персональные налоги нейтральны к этому уровню. После достижения стоимостью долга указанного значения инвестиции должны финансироваться путем реинвестирования доходов.	
4	–	Рисковая процентная ставка оказывает тем меньшее влияние на величину $\beta_{UF(UFOR)}$-коэффициента, чем меньший срок рефинансирования мы предполагаем. При небольшом сроке рефинансирования и ставке процента r_d ниже $r/(1-\tau)$ можно предполагать, что $r_d = r$.	
5	Для данной величины β значение β_{UF}-коэффициента, рассчитанного в предположении постоянного долга, выше значения β_U-коэффициента, рассчитанного в предположении постоянного финансового рычага.	В диапазоне рисковых процентных ставок от r до $r/(1-\tau)$ для данной величины β значение β_U-коэффициента возрастает с увеличением периода рефинансирования.	В диапазоне рисковых процентных ставок от r до $r/(1-\tau)$ для данной величины β значение β_{UFOR}-коэффициента возрастает с увеличением периода рефинансирования.
6	–	–	Экономически целесообразно внедрять проекты, имеющие нулевую и даже отрицательную доходность, в случаях, когда они так изменяют соотношение между валовой маржой и постоянными расходами, что стоимость фирмы при их внедрении тем не менее возрастает.
7	–	–	Чем выше ρ_{fc} и ниже r, тем большее влияние оказывает экономия на постоянных расходах (dFC/I) на минимальную доходность проекта (стоимость привлечения капитала).
8	–	Если $(1-\tau)(1-\tau_s)>(1-\tau_d)$, то рост заемного финансирования повышает минимальную доходность проекта (стоимость привлечения капитала). Если $(1-\tau)(1-\tau_s)=(1-\tau_d)$, то фирма индифферентна к варианту финансирования проекта. Только в случае, когда $(1-\tau)(1-\tau_s)<(1-\tau_d)$, рост заемного финансирования снижает минимальную доходность проекта.	

– политику привлечения капитала;

– политику управления оборотными средствами, кредиторской и дебиторской задолженностью;

– политику управления затратами, в частности выбор амортизационной политики;

– дивидендную политику.

Предположения о проведении той или иной финансовой политики лежат в основе многих финансовых гипотез (инвестиционная политика обычно предполагается заданной). Для инвестиционного проектирования наиболее важны предположения, касающиеся политики привлечения капитала. Их в настоящее время имеется два. Первое заключается в том, что корпорации фиксируют абсолютную сумму долга. Второе – корпорации фиксируют финансовый рычаг. Оба

Окончание таблицы 3

1	2	3	4
9	–	–	Прежнюю СПК можно использовать в практике инвестиционного проектирования для анализа проектов только в том случае, если изменение (увеличение) постоянных расходов dFC/I соответствует доле этих расходов в стоимости фирмы V_0 накануне внедрения проекта. Если удельное изменение постоянных расходов больше критериальных значений, то стоимость привлечения нового капитала выше прежней, и наоборот. Причем сначала при росте dFC/I становится выше прежней стоимость нового заемного капитала, а затем стоимость нового акционерного капитала, поскольку $FC/V_0 < (FC/V_0)/(1-\tau)$.
10	Необходимо использовать для всех проектов один и тот же «целевой» долгосрочный уровень левериджа фирмы L^*.	Теоретически не оправдано использовать для всех проектов один и тот же «целевой» долгосрочный уровень левериджа фирмы L^*. Если фирма выпускает в этом году только облигации, то и предельная доходность ее инвестиций должна быть в этом году ρ_d. Если в следующем году она выпустит только акции, то эта доходность станет равной ρ_s, несмотря на то, что в долгосрочном периоде капитальная структура фирмы содержит как заемный, так и акционерный капитал.	

предположения сделаны в рамках позитивного подхода. Эти предположения будут называться в работе финансовыми стратегиями фирмы (или финансовой политикой фирмы).

Финансовую политику в работе характеризуют два фактора:

– стремление корпорации поддерживать на целевом уровне финансовый или операционно-финансовый рычаг;

– отношение к периоду рефинансирования долга (n).

В понятие «финансовая политика» в работе вкладывается узкий смысл: отношение к целевому уровню финансового рычага и к периоду рефинансирования долга.

Для краткости стратегию, предполагающую поддержание на целевом уровне финансового рычага, назовем политикой постоянного финансового рычага, а стратегию, предусматривающую сохранение на определенном уровне финансово-операционного рычага, обозначим как политику постоянного финансово-операционного рычага.

Краткая характеристика финансовых стратегий фирмы приводится в таблице 1.

При поддержании на постоянном уровне операционно-финансового рычага корпорация проводит определенную долговременную политику в отношении величин долга и постоянных расходов. При поддержании на постоянном уровне финансового рычага корпорация проводит дол-

говременную политику в отношении величин долга без непосредственного учета изменения постоянных расходов. При изменении удельного веса постоянных расходов в валовой марже целевой уровень финансового рычага корректируется.

Модели, построенные на базе предположений, описанных в таблице 2, позволили выдвинуть, в частности, следующие гипотезы (табл. 3).

Выводы:

1. Представляет интерес изучение вопросов теории инвестиций во взаимосвязи с методами операционного анализа, предполагающего разделение расходов на переменные и постоянные, в связи с чем введено новое понятие «операционно-финансовый рычаг», а также определено содержание финансовой политики, заключающейся в поддержании его на постоянном уровне.

2. Намечены пути решения ряда проблем теории финансов общего характера. Наиболее существенным является решение вопросов, связанных с оценкой влияния риска банкротства на цену долга, стоимость акций и процесс принятия управленческих решений. Другим результатом является исследование значения финансовой стратегии корпорации для принятия инвестиционных решений на уровне предприятий.

3. Результаты проведенного исследования должны найти отражение при разработке новых теоретически обоснованных критериев оценки инвестиционных проектов, базирующихся на моделях ценообразования рисковых активов.

Д. О. Дмитриев

АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННЫМ СЕКТОРОМ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Агропромышленный комплекс Ивановской области представлен 699 предприятиями и организациями: среди них: 383 сельскохозяйственных предприятия различных организационно-правовых форм; 82 предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности; 102 предприятия производственной инфраструктуры. Так же в области насчитывается 762 крестьянских (фермерских) хозяйства. Их количество постоянно сокращается, вместе с тем, среди них появляются крупные, эффективно работающие хозяйства, мало чем отличающиеся по объемам производства от коллективных. Производством сельскохозяйственной продукции в области также занимаются также 102,3 тысяч хозяйств населения.

В целом 2005 год был благоприятным для производства растениеводческой продукции. Поэтому, несмотря на снижение посевных площадей, удалось стабилизировать ее производство. На 40% больше, чем в 2004 году произведено льно-волокна, на 3% – картофеля, на 1% – кормов, на уровне 2004 года – производство овощей и немного ниже зерна.

Продолжают расти продуктивность дойного стада и привесы животных. В минувшем году получено от каждой коровы по 3300 кг молока, но увеличение продуктивности на 193 кг не восполнило недобор молока из-за сокращения поголовья коров. Производство молока снизилось на 4,6%.

Аналогичная ситуация с реализацией скота и птицы на убой – 14,7 тыс. тонн или 94% к уровню прошлого года.

Среди областей ЦФО Ивановская область занимает 5 место по надою молока на корову (Московская, Владимирская, Белгородская, Липецкая) и 6 место – по среднесуточному надою на корову.

Стабильно работают большинство отраслей пищевой и перерабатывающей промышленности. За прошедший год темп роста производства продукции составил 101,5%.

В 2005 году в АПК произведено валовой продукции на сумму 11,7 млрд. руб., в том числе на 6,9 млрд. руб. сельхозпродукции. Доля сельского хозяйства в ВРП области составляет 8,6%, для сравнения в среднем по РФ – 4,6%.

В консолидированный бюджет предприятиями АПК уплачено: в 2005 году 1,1 млрд. руб., что составляет 15% от доходной части областного бюджета, в т.ч. сельхозпредприятиями – свыше 240 млн. руб. налогов.

Принципиально важно, что в последние годы сельскохозяйственные предприятия вышли из сферы хронически убыточной отрасли. До 1999 года отрасль была хронически убыточной. В 2005 году совокупный уровень рентабельнос-

© Д. О. Дмитриев, 2006

ти составил 9%. Количество прибыльных хозяйств – 178, что составило 2/3 от общего их количества. Однако экономическая ситуация в сельском хозяйстве остается крайне сложной. За 2004–2005 годы суммарная кредиторская задолженность сельскохозяйственных организаций по всем обязательствам выросла в 1,3 раза и достигла 374 млрд. руб., превысив дебиторскую задолженность в 4,8 раза. Просроченную кредиторскую задолженность имели 77% предприятий. Такого сложного финансового положения нет ни в одной другой отрасли экономики страны.

Среди основных проблем АПК можно выделить межотраслевой диспаритет цен и доходов и крайне тяжелое финансовое положение вследствие этого. На сегодняшний день коренного перелома в развитии сельского хозяйства не произошло. Усилилась неэквивалентность в товарообмене сельского хозяйства с другими отраслями экономики. Продолжается непрерывный рост цен на энергоносители, сельскохозяйственную технику, минеральные удобрения. За период с 2000 г. по 2004 г. цены производителей на реализованную сельскохозяйственную продукцию выросли в 2,4 раза, а цены на приобретенные сельскохозяйственными организациями промышленную продукцию и услуги – в 2,9 раза.

По расчетам, проведенным по «Методике определения объема финансовых ресурсов, изъятых из аграрного сектора экономики через систему цен», разработанной Всероссийским научно-исследовательским институтом экономики и Минсельхозом России, в 2004 году совокупный объем потерь, понесенных сельхозтоваропроизводителями области, составил 611 млн. руб., в том числе коллективным сектором – 421,5 млн. руб. Вышеназванная величина характеризует объем финансовых ресурсов, изъятых из оборота отрасли вследствие худших условий хозяйственной деятельности, по сравнению с другими отраслями. Только при условии возврата финансовых ресурсов, изъятых у сельского хозяйства через систему цен, в отрасли будет собственный ресурс для воспроизводственных целей и для инвестиций

Для сравнения, объем областной поддержки по всем направлениям составляет в текущем году 175 млн. руб.

Повышение тарифа на электроэнергию с 1,26 руб. за 1 квч до 2,19 руб. (74%) оценивается для сельхозтоваропроизводителей в 62 млн. руб. за год, хотя потребление электроэнергии снизилось на 17%. Если удорожание ГСМ за 2004 год составило 28 млн. руб., то в 2005 году – оценивается в 39 млн. руб.

Разумеется, в такой ситуации сельскохозяйственные товаропроизводители не могут приобретать в полном объеме необходимые материально-технические ресурсы, своевременно и в полной мере рассчитываться с бюджетом по налогам и другим обязательным платежам, страховать посевы и имущество.

Из-за нехватки финансовых ресурсов снижается уровень технической оснащенности сельского хозяйства, сокращается и стареет машинно-тракторный парк. Выбытие основных фондов в 4,4 раза опережает их ввод.

Все более острой проблемой становится тот факт, что используемый в настоящее время машинно-тракторный парк самортизирован более чем на 80%. При этом на один трактор в сельскохозяйственных предприятиях в 1990 году приходилось 55 га пашни, то в 2005 году – на этот устаревший трактор 155 га. Этим, прежде всего, объясняется, увеличение площадей необрабатываемых земель.

В сельскохозяйственном производстве не используется более 80 тыс. га пашни. Крайне медленно растет уровень применения минеральных удобрений и химических средств защиты растений. Слабой и неустойчивой остается кормовая база животноводства. Не преодолен процесс сокращения поголовья сельскохозяйственного скота.

В сельской местности сохраняется сложная демографическая ситуация. Смертность в 1,7 раза превышает рождаемость. Остается высоким уровень явной и скрытой безработицы (11%). В последние два-три года в Ивановской области в разряд главных перешла проблема кадров. За прошедший год количество работников, занятых в сельском хозяйстве снизилось еще на 2,7 тысяч человек или на 14%. Ухудшается их качественный состав. Высшее образование имеют только 50% главных специалистов хозяйств.

Все это дополняется еще и тем, что в период с 1991 по 2003 год на селе не осуществлялись социальные программы. В результате многие деревни прекратили свое существование, возрос отток молодежи из села. На селе не только прекратили строить, но за 10 лет закрыто более половины дошкольных учреждений, школ, медпунктов, и одна треть магазинов и т.д.

Уровень оплаты труда работников сельскохозяйственных организаций является самым низким и составляет всего 39% от среднего по стране, тогда как в 1990 г. он превышал 95%. По этой причине, а так же из-за сокращения рабочих мест из села по-прежнему продолжается отток кадров специалистов и рабочих массовых профессий, что создает значительные трудности для воспроизводственного процесса.

Таким образом, ситуацию в агропромышленном комплексе Ивановской области можно охарактеризовать, как достаточно сложную, а по некоторым параметрам, как кризисную.

Государственная агропродовольственная антикризисная политика – важнейшая составная часть социально-экономической политики государства, обеспечивающая долгосрочное устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий.

Государственным антикризисным регулированием агропромышленного производства признается система мер экономического воздействия государства на производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, а так же на производственно-техническое обслуживание и материально-техническое обеспечение агропромышленного производства с целью стабилизации ситуации в АПК.

Организационно-экономический и институциональный механизмы регулирования аграрного сектора представляют собой конкретное выражение способов установления связей между организациями, предприятиями и другими хозяйствующими субъектами в рамках определенных организационных форм и экономических институтов посредством использования совокупности экономических средств, методов и инструментов.

Государственное антикризисное регулирование агропродовольственного сектора должно осуществляться на нескольких уровнях. Они предполагают методы воздействия на механизмы конкуренции, согласования интересов субъектов аграрного рынка, механизмов их регулирования и смягчения негативных последствий для сельскохозяйственной отрасли.

В соответствии с уровнями организации их можно подразделить:

– на межотраслевое регулирование, регулирующее важнейшие макроэкономические процессы;

– отраслевое регулирование, ориентированное на решение проблем отдельных сфер и отраслей агропродовольственного сектора;

– региональное, содержащее комплекс мер воздействия на региональном уровне;

– функциональное, которое направлено на регулирование ключевых социально-экономических, инвестиционных, экологических и других функций;

– продуктовое, определяющее действие рыночного механизма по отношению к тому или иному продукту на агропродовольственном рынке.

Цель экономического антикризисного регулирования АПК – обеспечить устойчивое развитие агропромышленного производства и на этой основе удовлетворить внутренний спрос на продовольствие, а промышленности в сырье, создать условия для социального развития села. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие основные задачи, предусматривающие: повышение доходности производственной деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей; осуществление структурных изменений в АПК, стимулирование роста объемов производства и расширение сбыта продукции; повышение технологического уровня аграрного производства; обеспечение конкурентоспособности отечественной продукции на внутреннем и внешнем рынке; развитие социальной сферы села.

В современных социально-экономических условиях эффективность государственного экономического регулирования АПК прямо обусловлено рациональным сочетанием мер, принимаемых на федеральном и региональном уровнях.

В соответствии с существующей агропродовольственной политикой, регулирование агропродовольственного сектора осуществляется в форме бюджетной поддержки и внебюджетного регулирования субъектов агропродовольственного рынка.

К инструментарию государственного регулирования относится все, что обеспечивает паритет цен в экономике. Основную часть проводимых с этой целью мероприятий принято называть государственной помощью. На самом деле, это не является помощью в принятом смысле, а относится к деятельности государства, направленной на создание приемлемых условий хозяйствования для формирований АПК с учетом особенностей отрасли.

Принимаемые в последние годы антикризисные меры по поддержке агропромышленного комплекса, такие как финансовое оздоровление предприятий, субсидирование процентной кредитной ставки, развитие лизинга, осуществление

программы социального развития села позволили несколько стабилизировать ситуацию в сельском хозяйстве Ивановской области.

В целях определения направлений государственной поддержки сельского хозяйства из регионального бюджета на среднесрочную перспективу, а так же в рамках нормативно-правовой базы регулирования сельскохозяйственного производства на уровне федерального центра, 25 ноября 2005 года был принят Закон «О государственной поддержке сельскохозяйственного производства в Ивановской области».

Согласно данному закону государственная поддержка представляет собой комплекс антикризисных мероприятий, осуществляемых в отношении:

– сельскохозяйственных товаропроизводителей;

– лизинговых компаний;

– организаций, занимающихся реализацией мероприятий по строительству (приобретению) жилья в сельской местности;

– организаций пищевой и перерабатывающей промышленности, производящих первичную переработку сельскохозяйственной продукции;

– организаций, предоставляющих услуги сельскохозяйственным товаропроизводителям в области растениеводства и животноводства;

– сельскохозяйственных кредитных и потребительских кооперативов;

– фондов поддержки малого предпринимательства и сельского развития;

– образовательных, научных и научно-исследовательских учреждений сельскохозяйственного профиля.

Государственная поддержка сельскохозяйственного производства основывается на принципах:

– преимущественно программно-целевого способа государственной поддержки;

– дифференцированного подхода к стимулированию и поддержке сельскохозяйственных товаропроизводителей в зависимости от их социально-экономической значимости, экологической безопасности, а также научно-технических перспектив;

– оптимального использования природных, трудовых, финансовых и энергетических ресурсов;

– гласности и обоснованности в определении критериев финансовой поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей;

– согласования общенациональных, региональных и общих интересов муниципальных образований с интересами сельскохозяйственных товаропроизводителей;

– равной доступности государственной поддержки для всех сельскохозяйственных товаропроизводителей;

– последовательности и устойчивости мер по поддержке сельскохозяйственного производства области.

Средства областного бюджета по основным направлениям развития отрасли предоставляются сельскохозяйственным товаропроизводителям области в следующих формах:

– частичная компенсация затрат (субсидии) в виде субвенций муниципальным районам на реализацию молока с установлением ставок на 1 тонну реализованного молока;

– частичная компенсация затрат (субсидии) сельскохозяйственным товаропроизводителям на: реализацию льнопродукции; реализацию молодняка крупного рогатого скота на убой; производство (реализацию) продукции свиноводства;

– мероприятия по поддержке племенного животноводства и воспроизводства стада сельскохозяйственных животных с компенсацией части затрат сельскохозяйственных товаропроизводителей, в том числе на: приобретение и содержание племенного скота и птицы, услуги по искусственному осеменению и бонитировке скота;

– создание долголетних культурных пастбищ, включая приобретение семян многолетних трав и пчелосемей;

– приобретение семян сельскохозяйственных культур в специализированных семеноводческих организациях, в том числе: оригинальных, элитных, репродукционных, а также на их подработку (очистку);

– приобретение средств защиты растений сельскохозяйственных культур;

– повышение плодородия земель сельскохозяйственного назначения, включая мелиоративные мероприятия, на следующие виды расходов:

– известкование и фосфоритование почв, включая проектно-изыскательские и проектно-сметные работы;

– приобретение и внесение органических и минеральных удобрений;

– проведение землеустроительных работ, включая составление проектов перераспределения земель, на работы по межеванию земель и государственную регистрацию прав на земельные участки;

– страхование урожая сельскохозяйственных культур;

– проведение сезонных работ крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, индивидуальными предпринимателями, производящими сельскохозяйственную продукцию;

– мероприятия, связанные с присоединением неплатежеспособных сельскохозяйственных товаропроизводителей к платежеспособным.

Государственная поддержка агропромышленного комплекса Ивановской области осуществляется за счет выделения средств, предусмотренных федеральным и региональным бюджетом. Бюджетная поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей на региональном уровне проводится в соответствии с Законом Ивановской области «О бюджете Ивановской области» на очередной финансовый год.

Однако существующая структура бюджетных расходов требует существенных изменений. При формировании структуры расходов на АПК в федеральном бюджете необходимо ориентироваться, прежде всего, на финансовое обеспечение:

– структурных изменений в агропромышленном комплексе, поддержки приоритетных направлений развития агропромышленного, и прежде всего, сельскохозяйственного производства, а также мер по формированию инфраструктуры внутреннего продовольственного рынка и его регулированию, организации залоговых операций на продовольственном рынке;

– мер по финансовому оздоровлению и реструктуризацию задолженности сельскохозяйственных товаропроизводителей перед бюджетами всех уровней, государственными внебюджетными фондами, поставщиками продукции (услуг);

– мер по созданию условий оптимизации ценовых соотношений между продукцией сельского хозяйства и других отраслей экономики;

– формирования финансово-кредитного механизма обслуживания товаропроизводителей АПК, адекватного условиям рынка, развития Россельхозбанка, сельской кредитной кооперации, формирования системы страхования сельскохозяйственной деятельности.

Основная часть бюджетных расходов на аграрный сектор должна приходиться на прямые бюджетные субсидии, дотации и компенсации для поддержки производства ряда социально значимых видов сельскохозяйственной продукции и обеспечения уровня доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей. Они необходимы для того, чтобы постепенно компенсировать сельскому хозяйству изымавшийся смежными отраслями доход, повысить платежеспособность товаропроизводителей и улучшить их инвестиционную привлекательность. Это в свою очередь позволит товаропроизводителям привлекать кредиты коммерческих банков, процентную ставку по которым следует продолжать субсидировать государству.

С целью совершенствования механизма использования государственных инвестиций целесообразно, чтобы участие товаропроизводителей АПК в государственных программах, предусматривающих бюджетное финансирование, и само финансирование осуществлялись на строго конкурсной основе под соответствующие проекты или программы. Возвратность государственных капитальных вложений должна быть обеспечена обязательствами получателя, которые необходимо фиксировать в договоре, заключаемом по итогам конкурса. Целесообразно расширить сферу применения бюджетных ассигнований на условиях долевого участия получателей.

Система государственной поддержки должна быть гибкой, соответствовать как текущим, так и долгосрочным потребностям сельского хозяйства. Следует перейти от «сплошной» к адресной государственной поддержке сельскохозяйственных товаропроизводителей, предусматривающей выделение средств при выполнении товаропроизводителями определенных договорных условий (реструктуризация задолженности, рост объемов производства, сокращение издержек и др.). Таким образом, для того чтобы вывести АПК из кризиса, для стабилизации и развития сельскохозяйственного производства необходимо увеличить объемы бюджетного финансирования аграрного сектора, осуществить модернизацию существующих форм и методов государственной поддержки, сформировать новые направления и механизмы её реализации.

Библиографический список

1. *Даниленко Л.* Обоснование необходимости государственного регулирования аграрного сектора // АПК: экономика и управление. –2006. – №3.

2. *Клюзина С.В.* Введение в государственное регулирование экономики: учеб. пособие. – Иваново: ИВГУ, 2003.

3. *Мухамеджанов Р.М., Захаров Ю.М.* Система государственной поддержки сельскохозяйственного производства: проблемы и пути решения // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2006. – № 1.

О. Н. Грабова

ЭВОЛЮЦИОННО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИРОДЫ ОЛИГАРХИЗАЦИИ

Современная экономическая теория мейнстрима – неоклассика поделила всех граждан на производителей и потребителей. В связи с этим основная проблема данного течения: как производить необходимые товары, чтобы удовлетворить разнообразные потребности потребителей. Такая плоскость изучения экономических проблем не может выявить весь потенциал существенных противоречий развития общества, которые имеют экономическое происхождение и способны вылиться в различного рода конфликты и катаклизмы. Действительно необходимые для России внедренные и развивающиеся рыночные отношения разделили все общество на собственников и несобственников. И при огромных природных богатствах, при укоренившихся взглядах «советского человека», что он «проходит как хозяин по необъятной родине своей», в 1990-е годы множество людей с одной стороны попали в нишу нищих, из которой и по сей день не могут выбраться, с другой стороны появились собственники-олигархи не последние в мировом рейтинге, в одночасье различными способами и методами присвоившими богатство, накопленное и созданное поколениями обыкновенных тружеников. Именно «экономическая полярность» общества современной России выдвигается на первый план в круге острых проблем, в связи с чем весьма целесообразно разобраться в природе олиархизации вообще и ее российском варианте в частности.

В постиндустриальных странах длительный исторический процесс развития рынка способствовал тому, что в гражданах воспитано чувство уважения к чужой собственности. Социальная ответственность бизнеса в этих странах – это не только одноразовые акты благотворительности, а продуманная система налогообложения, где очень богатые люди несут очень высокое налоговое бремя. В результате поляризация общества сопровождалась общим ростом благосостояния всех людей, а эффективность развития подразумевала применение принципов эгалитаризма. Эту ситуацию на языке теории игр можно охарактеризовать как игра с ненулевой суммой, когда все игроки могут выиграть.

Факторами экономического роста и роста богатства с точки зрения экономических отношений стали: *наследование ренты, поиск ренты, создание ренты*. Наследование ренты происходит под влиянием двух процессов: прямого наследования капитала и наследования способностей, так как многие родители передают по наследству свой «социальный статус». Перелив капитала из одной отрасли в другую, диверсификация производства происходит под влиянием поиска ренты, что связано с высоким экономическим риском и так называемыми «безвозвратными потерями». Создание ренты связано с появлением принципиально новых продуктов, в основном это интеллектуальная рента, являющаяся двигателем научно-технического прогресса.

Образование олигархического капитализма в России. Момент зарождения собственности 1990-е годы характеризовался тем, что административный ресурс был субститутом институциональных норм, следовательно, власть безгранично принадлежала номенклатуре, что позволило «конвертировать политический капитал в экономический» [16] и захватить готовый бизнес. Идея принадлежала бывшему министру нефтяной и газовой промышленности СССР 1985–1989 гг. В. Черномырдину, который в августе 1989 г. преобразовал свое министерство в первый в стране государственные концерн «Газпром», председателем правления которого и стал. Еще через год концерн преобразуется в акционерное общество, контрольные пакет акций которого остается в руках бывших руководителей министерства. Идея оказалась настолько плодотворной и продуктивной, что путем «государственного бизнеса» последовала и другая элита [19, с. 70–71]. Это при том, что грамотные гайдаровские реформаторы-экономисты изначально представляли, что крупные российские монополии в результате подключения рыночных механизмов и приватизации не будут эффективно функционировать, не создадут эффективного собственника, так как сама монополия изначально является «провалом рынка». Экономическая теория говорит о том, что предприниматель-собственник ориентируется не только на бухгалтер-

© О. Н. Грабова, 2006

скую прибыль, а прежде всего на экономическую, так как изначально предполагается альтернативность выбора бизнеса предпринимателем. Новоявленные российские олигархи действовали совершенно по иной экономической схеме, они были ориентированы именно на «захват ренты» в силу следующих условий. Во-первых, изначально они не были собственниками; во-вторых, слишком огромна и реальна была прибыль рентонесущих и при том часто монопольных отраслей, поэтому они действовали в условиях безальтернативности или отсутствия выбора, это был «массированный передел беспрецедентной по масштабам собственности, искушение молниеносно сколачиваемыми для России состояниями» [9, с. 23]; и в-третьих, на определенном краткосрочном этапе они сами могли диктовать институциональные условия распределения огромной государственной собственности, конечно же в свою пользу. В результате недополучено от приватизации (1992–1999): в промышленности 817,3 млн. долл., строительстве – 388,1 млн. долл., транспорте и общественном питании – 19,0 млн. долл [23].

Однако, дело не только в дополнительных безвозвратных общественных издержках. Современное российское общество характеризуется тревожными демографическими и социальными показателями, что приведет к деградации и в конечном счете потере самого ценного капитала – человеческого. В постиндустриальном обществе будет конкурировать именно человеческий капитал. Природно-ресурсный потенциал, который в России выше, чем в США в 2–2,5 раза, Германии – в 6 раз, Японии – в 18–20 раз [6, с. 28] не может быть в современных условиях ведущим фактором стратегического экономического развития, он должен быть использован для максимальной трансформации его в человеческий, как базы дальнейшего развития [4, с. 145]. Новейшие демографические исследования показывают, что более двух третей всех причин депопуляции связано с такими возникшими в постсоветский период социально-психологическими феноменами, как социальная депрессия, апатия и агрессия населения [5]. Г.В. Осипов пришел к выводу о том, что сегодня «страна продолжает находиться в состоянии системного кризиса. Его основной причиной является избранный путь реформ, в результате которого осуществлен антинациональный передел собственности» [18, с. 34]. Самое удивительное, что в России, где считалось, что развиты принципы соборности, общественные интересы в результате приватизации были грубо попраны: приватизацией управляли «частно-клановые» интересы. Глубинные причины, скорее всего, кроются в «зависимости от предшествующей траектории развития» номенклатуры: провозглашая общественные интересы превыше всего, партийная верхушка не забывала о своих; богатство страны создавалось во многом за счет ущемления, игнорирования интересов целых слоев общества. В результате в период реформ окончательно была потеряна такая ценность как справедливость. «…Помимо того, что она (ценность) является судьей для других ценностей, уравновешивает и уточняет их, она остается единственной ценностью, которая стоит на страже *общего* блага (то есть, с точки зрения каждого человека, блага других), не допуская посягательств на него индивидуалистических интересов» [1, с. 38]. Таким образом, олигархический капитализм в России характеризуется тем, что он *образовался* в результате *захвата природной ренты*: рентонесущих отраслей, а захват ренты – это экономическая логика «захвата бизнеса» и «захвата власти».

Современная логика развития. Поскольку криминально-олигархический капитал не признает никаких границ, укрепившись в российской экономике, он «пошел во власть» и «на власть». Следующий этап эволюции экономических отношений олигархической экономики – это «соискание ренты». Этот термин впервые был введен Э. Крюгер. Однако, с нашей точки зрения, он может трактоваться в более широких рамках, в отличие от первоначального его определения, связанного с рентоориентированным поведением чиновников. В целом «соискание ренты» можно определить как «деструктивную деятельность власти и бизнеса с точки зрения общества» [22, с. 746].

Если в начальных пунктах перестройки многие из очевидных промахов объяснялись, прежде всего, теоретической непроработанностью самой проблематики трансформационного процесса, «то со временем все большую роль начинают играть сформировавшиеся на базе проводившейся политики интересы тех групп, которые получали от ее реализации наибольшую выгоду» [14, с. 301]. По мере возрастания требований и притязаний этих групп возрастает манипулирование законодательной и исполнительной властью, воздействие их на массовое

сознание с помощью создания ложных мифов и представлений. И когда первый президент России Б.Н. Ельцин уходил, он понимал свою ответственность за сложившуюся ситуацию в стране. Лихорадочная смена премьер-министров – это, скорее всего, была осознанная попытка найти силу, противостоящую криминально-олигархическому капитализму. В силу исторических особенностей в России такой силой оказались силовые структуры. На сегодняшний день альтернативной силы, прежде всего, в форме гражданского общества нет. Если противостояние двух сил – это временное явление, то оно оправдано. Затягивание такой ситуации чревато тем, что в верхних эшелонах власти и капитала и с одной и с другой стороны действуют преимущественно неформальные нормы разрешения конфликтов. Доминирование неформальных норм ни в коей мере не способствует построению правового государства. Поэтому «в отличие от западных экономик, основанных на праве, российская экономика является неправовой» [10, с. 98]. Хотя именно о необходимости «диктатуры закона» говорил в свое время В.В. Путин. В силу таких тенденций общество будет по-прежнему раздираемо «кланами» [17]. Такое противостояние может быть оправдано в том случае, если исполнительная власть станет заслоном от давления на законодательную власть со стороны олигархии. А пока действуют и появляются экономические законы, которые свидетельствуют об обратном. Откуда взялся подоходный налог (НДФЛ) в 13% и соответственно его плоская шкала? У Дж. Стиглица мы встречаем, что по закону о налоговой реформе 1986 г. в США в среднем (!) подоходный налог составил 13%, однако при огромной прогрессии, начиная с «–1,6%» для доходов до 5000 долларов и заканчивая «26,6%» для доходов свыше 1000000 долларов [21, с. 480]. Затем был снижен ЕСН. Хотя именно за счет высокой заработной платы часто присваивается рента, а для нашей страны – это в большинстве своем природная рента, в силу низкой доли инновационной или интеллектуальной ренты. Последнее – отменен налог на дарение и наследование. Момент отмены очень интересный: он предвосхищает как появление законных наследников когда-то захваченной собственности. Такие нововведения «научно» обосновывались, вследствие чего это приобретало «в глазах населения достаточно респектабельный вид», к тому же это сопровождалось демагогией о защите интересов общества. Интересно, почему же в развитых странах, которые накопили и экономический, и социальный, и демократический опыт, внедрены совершенно иные экономические отношения, способствующие перераспределению благ наименее обеспеченным слоям населения [4, с. 106]. Или в России будет опять выбран свой путь развития, и опять тупиковый?

Могли ли быть иные варианты сценариев развития событий, которые бы минимизировали не только экономические, но прежде всего социальные издержки? Российские реформаторы, оправдывая отрицательные результаты присвоения гигантской государственной собственности, апеллируют к уникальности процесса приватизации, «неготовности общества», «национальной специфике», однако все бывшие социалистические страны оказались в переходном периоде, а приватизационные процессы характерны еще для большего круга стран. Сопоставимость приватизационных процессов в разных странах демонстрирует таблица.

Несмотря на несопоставимый масштаб экономик, приватизационные процессы в государствах Балтии проходили гораздо медленнее, чем в России, – объясняется это в первую очередь их прозрачностью и реально осуществляемым общественным контролем в виде эффективной системы обратных связей. Так при продаже крупных объектов использовался, как правило, публичный конкурс (тендер), то общественность могла постоянно отслеживать все этапы и детали прохождения этой сложной и достаточно длительной процедуры. СМИ уделяли данной проблематике самое пристальное внимание, а отдельные публикации заставляли правительство корректировать или даже приостанавливать ход продаж [20, с. 27–28]. В России этот ресурс использован не был. Напротив, СМИ были подвержены влиянию аппарата и в массы внедрялось, что через пропасть невозможно перепрыгнуть в два прыжка. Однако «люди и страны не козы. И не должны прыгать через пропасти. Нормальные люди строят через них мосты. Но любое движение мысли в сторону обоснованности, прагматичности реформ резко пресекалось обвинениями в консерватизме, в стремлении к возврату старых порядков и т. п.» [2, с. 136–137]. В этом контексте экономическая теория должна предлагать «выбор ограничений в отличие от выбо-

Таблица

Доходы от приватизации государственной собственности [23]

	Всего		На душу населения	
	миллионов долларов	Россия = 1	долларов	Россия = 1
Россия	7998	1	54,6	1
Бразилия	66729	8,3	412,4	7,6
Великобритания	64044	8,0	1092,0	20,0
Италия	63474	7,9	1102,2	20,2
Франция	48631	6,2	824,7	15,1
Австралия	47954	6,0	2560,3	46,9
Япония	46720	5,8	369,6	6,8
Испания	35434	4,4	900,0	16,5
Аргентина	28404	3,6	786,4	14,4
Португалия	21023	2,6	2108,6	38,6
Венгрия	12676	1,6	1252,8	23,0
Малайзия	10028	1,3	452,1	8,3
Польша	8281	1,0	217,2	4,0
Перу	7967	1,0	320,8	5,9

ра в рамках ограничений» [3, с. 168].

Необходимо отметить, что в результате трансформационных процессов 1990-х гг. в России была захвачена природная рента и не были созданы условия, при которых она перераспределяется в пользу всего общества. Однако, та часть дохода, которая «не является «делом рук человеческих», результатом труда и предпринимательской активности, должна принадлежать всем! Только общество, как субъект гражданского права, является титульным (единственным) собственником природных ресурсов» [11, с. 25; 12]. Так, ярким примером того, как природная рента работает на благо всего общества, является Норвегия. В конце XX века она стала одним из крупнейших в мире экспортеров нефти и газа. Как экспортер нефти Норвегия занимает третье место в мире после России и Саудовской Аравии. Природная рента от нефти и газа – это рычаг для роста благосостояния и решения социальных проблем. Большая часть доходов идет в специально созданный государством фонд будущего. Но доминирующий фактор в движении Норвегии в сторону общества всеобщего благоденствия – это четкое перераспределение богатства с помощью жесткой системы налогов и сборов. Норвежские экономисты убеждены, что это самый эффективный способ заставить национальные богатства служить на благо нации. Налоги в Норвегии высокие. В отличие от России, они не одинаковые для всех, их величина зависит от зарплаты работника (пенсии тоже облагаются налогом). И те, кто хорошо зарабатывает, платят большие налоги, Было время, когда некоторые норвежцы отдавали в виде налогов свыше 60% своей зарплаты. Теперь есть закон, который не позволяет взымать более 58% зарплаты. Бедность в Норвегии – понятие относительное. Средняя семья в 2004 г. имела в распоряжении примерно 60000 долл. США. Из этой суммы 42000 долл. – это заработная плата, а 18000 долл. – это пособия, переведенные государством. Есть безработные, потерявшие рабочие места в результате банкротства предприятий. Этим лицам выплачивается государственное пособие по безработице. В первый год оно, как правило, равняется последней зарплате, потом понижается, с тем, чтобы стимулировать поиск рабочего места. Государство считает, что и человек, лишившийся по объективным причинам работы, должен жить достойно и обеспеченно. Хотя в Норвегии есть и миллионеры, но никогда не было традиции жить в роскоши. Для Норвегии важно, что в экономической системе достигнуто согласие (общественный договор) о том, что государство должно стремиться сделать все возможное, чтобы ни у кого не было существенных претензий к нему. Достойная жизнь должна быть обеспечена каждому члену общества. Справедливое и рациональное распределение национальных богатств на базе рыночной экономики – основное направление деятельности государства и всех политических партий. Надо сказать, что на передний план социальные вопросы и принцип равенства стали выходить последние сто с лишним лет или по крайней мере в послевоен-

ный период. Причем эти принципы в Норвегии стали более или менее общепризнанными. Думается, это также связано с общим чувством социально-экономической справедливости [8].

Тенденции и возможные сценарии развития. Фаза «олигархического капитализма» затягивается, пока активы и природная рента монополий окончательно не будут истощены. При чем эта фаза может затянуться именно в силу открытости экономики, в связи с тем, что основным потребителем российской природной ренты будут другие страны. Экономика по-прежнему работает на 15 процентов населения [13, с. 28], в силу узаконенных экономических отношений, когда природная рента не работает на общество, а принадлежит олигархам. Монопольные преимущества в форме концентрации капитала, позволяющие развивать НИОКР, нивелируются. Поскольку российские олигархи – это не продукт эволюции, в условиях которой появляется действительно эффективный собственник, а следовательно, усиливается вероятность того, что «бюрократическая система контроля в крупных фирмах может частично или даже полностью свести на нет эти потенциальные преимущества» [15, с. 359]. Современный экономический подъем, а именно стабильный рост ВВП за последние годы [7] заметен для большинства населения именно в силу того, что параллельно с «олигархическим капитализмом» развивается малый бизнес, являющийся основой массовой собственности и роста общего благосостояния. Это стало возможно в силу благоприятных институциональных условий для его развития.

Таким образом, институциональное движение в двух основных направлениях: поддержка малого бизнеса и перераспределение природной ренты, - позволит России ограничить объективную тенденцию собственности к монополии в социальной и экономической сферах.

Библиографический список

1. *Бауман З.* Европейский путь к мировому порядку // Свободная мысль XXI. – 2004. – № 9.

2. *Бороноев А.О., Смирнов П.И.* Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. – СПб., 2001.

3. *Бьюкенен Дж. М.* Конституциональная экономическая теория. Экономическая теория (New Palgrave) / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. – М.: ИНФРА-М, 2004. –XII.

4. *Грабова О.Н.* Экономические отношения и общественные блага. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005.

5. *Гундаров И.А.* Демографическая катастрофа в России: причины, механизмы, пути преодоления. – М., 2001.

6. *Гутман Г., Дигилина О., Старостин В., Чукин Н.* Экономический рост и проблемы бедности в регионе. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2002.

7. Доклад об экономике России – март 2005 г. – Всемирный банк, Российский страновой департамент, Экономический отдел. – worldbank.org.ru

8. Как и почему маленькая Норвегия стала жить лучше всех // Что делать? –2005. – № 3. – 26 янв.

9. *Косолапов Н.* Становление субъекта российской внешней политики // Pro et Contra. – 2001. – Т. 6. – № 1–2.

10. *Либман А.* Между «клановым капитализмом» и «управляемой демократией». Взаимосвязь экономической и политической систем в современной России // Свободная мысль XXI. – 2004. – №6.

11. *Львов Дм.* Нравственная экономика // Свободная мысль XXI. – 2004. – №9.

12. *Львов Д.С., Киммельман С.А., Пителин А.К.* О проблемах рентного налогообложения // Экономическая наука современной России. – 2004. – №3.

13. *Меньшиков С.* Наш капитализм: между олигархическим и бюрократическим // Свободная мысль XXI. – № 10.

14. *Некипелов А.Д.* Очерки по экономике посткоммунизма. – М., 1999.

15. *Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж.* Эволюционная теория экономических изменений. – М.: Дело, 2002.

16. Новая газета. – 2005. – 28 февраля.

17. Новые известия. – 2001. – 21 июня.

18. *Осипов Г.В.* Российская социология в XXI веке. – М., 2003.

19. *Свиридов Н.Н., Скаржинский М.И., Гибало Н.П., Грабова О.Н.* Экономические отношения и стратегия экономического роста. – Кострома: ГОУВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005.

20. *Симонян Р.* Приватизация по-прибалтийски и по-российски // Свободная мысль XXI. – 2004. – № 5.

21. *Стиглиц Дж.* Экономика государственного сектора. – М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1997.

22. *Таллок Г.* Соискание ренты / Экономическая теория (New Palgrave) / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. – М.: ИНФРА-М, 2004. –XII.

23. *Устинов И.* Приватизация по-российски // Независимая газета. – 2001. – 17 апреля.

Г. Н. Закинчак, Л. В. Иваненко

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ

В России сегодня осуществляются политические и экономические преобразования, которые способствуют увеличению роли регионов. Поэтому особое значение приобретает регионализация и социально-экономическое развитие регионов. Страна еще не до конца пережила процесс смены социально-экономической формации, что сопровождается резким обострением существовавших ранее и вновь сложившихся проблем в социально-экономическом развитии, территориально-пространственной материализации и управлении регионом. Исторически сложившаяся проблематика Российской территории с ее гигантскими масштабами, разнообразием и спецификой природно-климатических условий определяет необходимость формирование сильной региональной социально-экономической стратегии государства, представляющей собой сферу деятельности по управлению политическим, экономическим, социальным и экологическим развитием страны в пространственном, региональном аспекте, которая показывает отношения как между государством и регионами, так и регионов между собой [1]. Все вышесказанное требует достопримечательной аргументации в пользу более глубокого исследования и применения методологических подходов к эффективному управлению регионами.

В процессе своего развития человечество создало три различных метода или способа воздействия на людей. первым инструментом является иерархия, которая предполагает воздействие на человека сверху, путем принуждения и тотального контроля за деятельностью. Следующим инструментом служит культура, т.е. формируемые обществом ценности, нормы, стереотипы поведения, правила и ритуалы, в соответствии с которыми осуществляется поведение человека в обществе. Третий инструмент, как замечает проф. Л.И. Евенко, «это рынок, т.е. сеть равноправных отношений по горизонтали, основанных на купле-продаже продукции и услуг, на отношениях собственности, на равновесии интересов продавца и покупателя».

В условиях реальной жизни, в хозяйственно-экономических и социальных системах региона, все три инструмента управления, три метода или способа воздействия сосуществуют вместе и одновременно. Необходимо придти к осознанию того, что иерархическая организация, культура, рынок – чрезвычайно сложные явления. Вопрос заключается лишь том, что будет главным в этой триаде, потому что именно это и определяет смысл и сущность, имидж экономической организации региона.

Основой административно-командной системы была иерархия, везде и во всем существовала вертикаль подчинения. Высшая исполнительная власть имела неограниченные полномочия. Активно использовалась культура как инструмент воздействия. В течение длительного времени управление территориями, регионами осуществлялось с целью организации их функционирования и развития как производственной экономической системы, но совсем не в качестве социально-экономической системы.

В результате проводимых реформ в стране, регионы становятся большими социально-экономическими системами и основной целью развития регионов является повышение уровня качества жизни. Однако в настоящее время общество не имеет надежных методов и способов, соответствующих инструментов воздействия на процессы, протекающие в крупных социально-экономических системах. Сложившаяся ситуация требует глубокой проработки как вопросов методологического характера, так и вопросов методических.

Разработка данной методологии и методики предполагает комплексное решение целого ряда теоретических и методологических вопросов, связанных с принципами, формами и методами управления регионом. Различные научные школы разработали подходы к управлению регионом, основанные на теоретических и практических положениях.

В процессе исторического развития управленческой мысли были созданы базовые подходы к совершенствованию управления регионом. Например, научный подход к региональному менеджменту и его принципам; подход к управлению, как к процессу; инновационный подход, субъективный подход, ситуационный подход, количе-

© Г. Н. Закинчак, Л. В. Иваненко, 2006

ственный подход, системный подход. Можно выделить еще и другие научные подходы.

Эффективность управления регионом как социально-экономической системой может быть осуществлено с помощью программно-целевого подхода [2]. Литература по управлению высоко оценивает синергетический подход, способствующий увеличению общего эффекта хозяйствующих субъектов региональной экономики благодаря их объединению до размеров, больших, чем совокупность эффектов данных хозяйствующих субъектов, которые работают независимо.

На стыке различных подходов находится социально-экономический подход, с помощью которого достаточно удачно решаются задачи регионального менеджмента. Но прежде, чем перейти к рассмотрению процессов управления большими социально-экономическими системами, необходимо дать характеристику состояния социально-экономической системы, определить ее потенциал, возможности и выбрать направления развития.

Так как объектом управления является регион, то представляется очень важным определить его возможности и связи с внешней и внутренней средой. Рассматривая регион, как управляемую систему, необходимо определить его начальное состояние или, иными словами, входные параметры системы. Для того, чтобы рассмотреть регион как управляемую систему, необходимы исследования по определению параметров социально-экономического состояния региона. Однако, до сих пор не выработан единый подход к процессу управления регионом и отсутствует методика определения социально-экономического состояния региона.

В создавшейся ситуации наиболее рациональным было бы введение концептуального проектирования, методология которого позволяет создать систему организационного управления.

Среди проблем системы – региона – можно выделить хотя бы три группы. Первая объединяет проблемы существования, вторая – развития систем, третья оценивает сущность их потенциала. Причем, первую и вторую группы можно определить как объективные проблемы, а третья группа может быть отнесена к субъективным проблемам, поскольку они являются инструментарием, средствами исследования указанных реальных объектов.

Все выше представленные проблемы даны как пространственная модель, отражающая разнообразные причинно-следственные связи между проблемами различных групп [3]. Модель представлена в виде куба проблем и их взаимосвязей в регионе. Эта модель может послужить действенной методологической основой для глубокой детализации представляемых проблем региона.

Самые общие системные представления свидетельствуют о наличии двух больших групп проблем: внутрисистемных и внешних по отношению к системе. Первые и вторые можно обозначить как проблемы взаимодействия региона-системы с внешней средой, а третьи – как проблемы внутреннего устройства и функциониро-

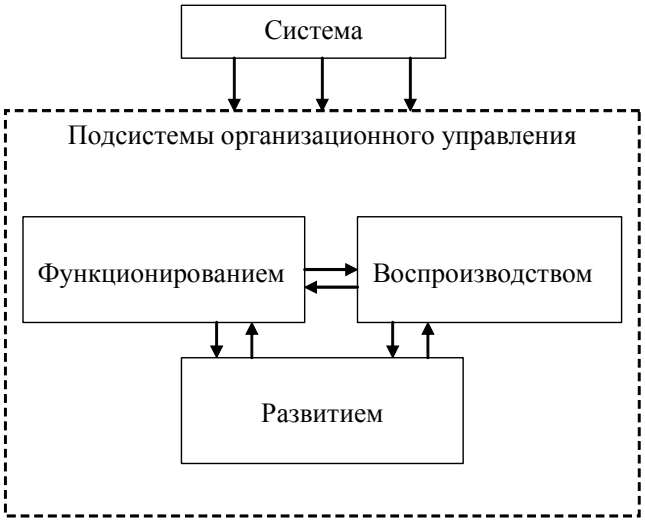

Рис. Концептуальная система организационного управления регионом

вания системы. Первые и вторые формируют тот фон, ту среду, в которой должна существовать региональная система, адаптируясь к складывающимся условиям. Третьи отражают возможности и степень осуществления реакции системы на эти условия. Внутренние проблемы относятся к элементам совокупности ресурсов системы, а также к их единству. Недостаточный уровень ресурсного потенциала предприятий и возросшая степень изменчивости условий внешней среды – вот суть процесса адаптации региональных систем к их окружению, какие бы цели они перед собой ни ставили: выживание, развитие с помощью государства или жизнеобеспечение за счет собственного потенциала, формирования более высокой жизнеспособности [3].

Для определения места социально-экономической деятельности в системе региона используем концептуальный подход.

Концептуальную систему организационного управления регионом (см. рис.) можно представить в виде схемы, состоящей из трех следующих блоков:

– подсистемы организационного управления функционированием;

– подсистемы организационного управления развитием;

– подсистемы организационного управления воспроизводством.

Блок региональной концептуальной подсистемы организационного управления функционированием состоит из целевых производственных систем: система питания, система одежды, система жилья, система здоровья и так далее. Это так называемые полные системы. При такой целевой точке зрения нет машиностроения вообще, а есть машины, обеспечивающие питание, жилье, здоровье и др., нет сырьевых ресурсов вообще, а есть конкретное сырье для обеспечения системы питания. Нет транспортных систем вообще, а есть транспорт, обеспечивающий систему питания, жилья и так далее.

Блок региональной концептуальной подсистемы организационного управления развитием содержит системогенные системы, обеспечивающие развитие целевых производственных систем, в том числе создание новых и ликвидацию старых.

Блок региональной концептуальной подсистемы управления воспроизводством содержит системогенные системы, обеспечивающие поддержание функционирующих целевых производственных систем: ремонт, профилактику, восстановление в случае выхода из строя и т. д. [3]

Философский смысл развития – это переход системы от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему; переход направленный, закономерный, необратимый. Прикладной взгляд на сущность данного процесса – поддержание, обеспечение равновесия системы в отношениях с внешней средой, то есть сохранение (повышение) жизнеспособности системы в условиях изменчивости среды, жизнеобеспечения системы в рамках периода ее существования.

Возможности развития системы определяются ее потенциалом и организацией. Потенциал системы имеет в качестве материальной основы ресурсы и представляется как совместная (интегральная) возможность ресурсов преобразовываться при взаимодействии друг с другом. В физическом смысле потенциал – это мощность системы.

Одной из центральных категорий методологии системного подхода является цель, которая определяется как желаемое состояние системы или результат ее деятельности. Цели являются важнейшей характеристикой системы, а целенаправленность этой системы – одним из основных принципов методологии совместного подхода [4].

Рассматривая цель, как предметно осознанное побуждение и предметную проекцию будущего, попытаемся понять структурно-функциональную сущность цели сквозь призму функциональной структуры деятельности, ее планов и стадий.

Цель порождается, с одной стороны, потребностью и мотивом, отсюда ее побуждающая функция. С другой стороны, она воплощается в определенном предметном содержании – в этом ее направляющая роль. Предмет деятельности есть ее объективное содержание. Предмет – это определенная часть реальной действительности, вовлеченная в структуру человеческой деятельности. Это действительность, рассматриваемая в аспекте проекции на нее функциональной структуры деятельности, в первую очередь ее планов. Цель – это предметно осознанное побуждение. В этом ее побуждающая функция. Цель – это предметная проекция будущего. В этом ее направляющая роль. В единстве ее побуждающей и направляющей функции – ее интегрирующая роль.

Бесцельная активность беспредметна, а беспредметное бессодержательно. Можно, по-видимому, говорить о разной степени осознанности

предмета, его целостности и связанности; эти же особенности могут характеризовать цель. План, включающий и одновременно порождающий цели, также может быть неосознанным, несвязанным или неформулируемым. То же может характеризовать программы, объединяющие разрозненные действия, а также проекты – представления будущего как со стороны его строения, морфологии, так и со стороны действенной, функциональной.

Частные, возможно не до конца осознанные, не связанные с основными звеньями деятельности цели иногда называют предцелями или подцелями; их выделение в конкретных формах деятельности может значительно способствовать уяснению функциональной структуры деятельности, характеристик ее планов и стадий.

Одновременное наличие у субъекта нескольких целей можно интерпретировать как сложность, координированность, интегрированность единого предмета деятельности в каждый данный момент времени, хотя отдельные частицы единого предмета могут восприниматься как посторонним наблюдателем, так и самим субъектом в качестве отдельных изолированных целей. При раздробленности и нескоординированности предмета они, по существу, таковыми и являются. Изолированные, раздробленные, нескоординированные цели могут характеризовать отдельные, не связанные с общим потоком деятельности действия субъекта. Для соединения таких целей с основным мотивом деятельности требуются дополнительные связующие механизмы. При отсутствии связи разрозненных целей с основной мотивацией они лишаются своей побудительной основы, а при отсутствии единого предмета и объединяющей общей цели – своей направляющей роли.

Если в стадии целеобразования формируется основная общая цель, включающая систему вспомогательных частных целей, обеспеченная необходимой совокупностью средств, то возникает естественный вопрос: существуют ли цели на предыдущих этапах? Если да, то вопрос должен ставиться так: в каком отношении эти цели, вернее, предцели находятся к основным конечным целям деятельности?

Потребность, как таковая, имеет неспецифический характер, т. е. предметно не осознана. Если свое потребностное состояние субъект может вербализовать примерно таким образом: «Чего-то не хватает, что-то нужно», то можно ли говорить о таком побуждении как о цели? Сам субъект может в этом случае утверждать, что цель у него есть: избавиться от этого состояния. Но если нет мотива, т. е. неясна та объектная сфера, в направлении которой заложен способ разрешения, то субъект остается только субъектом переживания, а не субъектом включения в деятельность. Поэтому поиск объекта, в котором опредмечивается потребность, вполне можно рассматривать как цель или же предцель. Эти цели, цели до стадии целеобразования, можно обозначить как безобъектные, но не беспредметные, хотя предмет здесь особый – объектная сфера находится внутри самой потребности. Вообще предмет поисковой активности бывает трудно уловить – он может очень быстро изменяться.

На этапе целеобразования на основе «отысканного» объекта формируется собственно цель деятельности как предметно осознанное побуждение и как предметное отображение будущего. Суть стадии целеобразования, следовательно, не в том, что здесь впервые возникают цели, а в том, что здесь основная цель заполняется, формируется интегрированная, скоординированная цель как проект и программа деятельности [4].

Структурно-функциональные типы целей. Функциональная структура деятельности воплощается в ее планах, поэтому из основных характеристик планов вытекают различительные структурно-функциональные параметры целей:

1. Цель полная – цель неполная.
2. Цель-проект – цель-программа.
3. Цель-поиск – цель-преобразование.
4. Цель морфологическая – цель функциональная.

Полная цель – это, по сути, репродуктивное задание, в котором субъект не должен ничего добавлять и которое при наличии технических возможностей за пределами целеобразования может выполнять машина. Полнота цели зависит от ее сложности и возможностей реализации, т. е. от сложности предметного плана. Практически ни одна достаточной сложности цель не может быть полной, таковыми являются только простые задания. Однако как идеал и предельная абстракция цель представляется именно в виде полной цели.

В неполной цели, какими являются большинство реальных целей в достаточно сложных видах человеческой активности, отсутствуют или недостаточно развиты те или иные структурные моменты. Проект может быть не обеспечен про-

граммой, морфология проектируемого будущего не связана с его функциональными характеристиками, или наоборот. Например, целеполагание может выражаться в известной формуле: «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Такая цель есть чистое требование, вербализация максимально неспецифической потребности, но она соответствует психологической и общежитейской трактовке цели как представления о желаемом будущем. Кроме того, в реальной жизни, и даже в рабочей практике, иногда приходится встречаться с такими видами целеполагания.

Проект и программа – необходимые компоненты полной цели, взаимообусловливающие и взаимодополняющие друг друга. Программа без проекта слепа, проект без программы – утопия. Для построения проекта необходимы последовательные проективные приближения будущего, которые могут добываться из теории и практики, научной фантастики и художественного вымысла. Нередко проекты оказываются оторванными от реальных способов их осуществления и могут напоминать предложенный мышам совет повесить колокольчик на шею кошке. Многие научные положения как, например, известная теорема Ферма, имеют не опровергаемую практикой основу, т.е. проект того, что следует доказать, но не имеют способов доказательства, т.е. программы.

Оценка социально-экономических результатов региона как системы должна вестись, исходя из степени достижения, прежде всего внешних по отношению к региону целей. В этом случае для всей системы это будут цели, поставленные перед ней обществом, а для ее составляющих – внутренние цели деятельности этой системы.

Анализ состояния управляемой системы позволит выработать стратегию дальнейшего развития региона. Предварительно осуществляем целеполагание, т.е. ставим цели для региона, пребывающего в стадии развития, затем воспроизводства, затем формируются цели региона в фазе функционирования. Большую трудность представляет определение критериев, характеризующих фазу или стадию состояния региона. Для этого требуется рассмотреть факторы, определяющие критерии состояния региона.

Если состояние региона соответствует фазе развития (см. рис.), то следующей будет стадия воспроизводства, но уже на более высокой ступени, т.е. для поднятия экономического потенциала региона. Затем регион переходит в стадию функционирования. На протяжении этой стадии все и физически, и морально устаревает (основные фонды и т.д.), требует замены, поэтому регион снова вступает в фазу развития – и все повторяется сначала.

Регион можно рассматривать как систему, состоящую из двух подсистем – управляющей и управляемой. Выше была рассмотрена управляемая подсистема. Далее необходимо представить управляющую подсистему.

Но следует отметить, что существенное влияние на характер управляющей подсистемы региональной управляющей системы в данном контексте оказывает изменение парадигмы управления. Парадигма – это строго научная теория, воплощенная в системе понятий, выражающих существенные черты действительности (Большой энциклопедический словарь). Таким образом, изменение парадигмы управления влечет за собой и изменение концепции управления.

Концепция – (от лат. понимание, система) – трактовка какого-либо явления, основная точка зрения, руководящая идея для их освещения (Большой энциклопедический словарь). Концепция управления социалистическим производством была сформирована на основе марксистской парадигмы. Последняя предполагала в управлении территориями, прежде всего, плановую экономику и централизацию управления, государственное ограничение хозяйственной самостоятельности регионов, жесткое государственное управление производственно-экономической деятельностью территории.

Новая парадигма управления соответствующая экономике переходного периода и новым рыночным условиям, сформирована с учетом децентрализации системы управления и сочетания рыночных и административных методов управления территориями.

В данных условиях может быть реализована концепция управления регионом, как открытой, социально ориентированной системой.

Таким образом, управляющая региональная подсистема должна соответствовать новой парадигме управления, т.е. основой управляющей подсистемы будет рынок с элементами иерархии и недостаточно развитым уровнем культуры, как инструментом воздействия.

Таким образом, не смотря на разнообразные исследования в сфере эффективного управления

регионами, методология системного анализа, оценки и планирования социально-экономического развития региона до сих пор остается недостаточно исследованной.

Формирование и развитие такой методологии требует комплексного подхода к решениям теоретических и методических вопросов, учитывающих и показывающих принципы, формы и методы управления регионом.

Библиографический список

1. *Каракова Т.В.* Миграции населения и градостроительство. – Самара: Самарск. гос. арх.-строит. акад., 2002.

2. *Кистанов В.В., Копылов Н.В.* Региональная экономика России: учебник. – М.: Финансы и статистика, 2004.

3. *Закинчак Г.Н., Иваненко Л.В.* Пространственная модель проблем и взаимосвязей региона. Муниципальное управление в России. Теория и практика: Сборник научных трудов. – Самара: СМИУ, 2005.

4. *Закинчак Г.Н.* Формирование экономико-организационного механизма регулирования инвестиционной деятельности в депрессивных регионах. – Иваново, 1999.

5. *Чепаченко Н.В.* Эффективное управление строительной организацией. – СПб.: СПбГИЭУ, 2001.

Л. С. Лабуз

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ВЪЕЗДНОГО И ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА НА РЕГИОНАЛЬНОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Согласно теории Майкла Портера, кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители и др.) и связанных с ними организаций (органы государственного управления, инфраструктурные компании, образовательные учреждения), действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга. М. Портер считает, что конкурентоспособность страны следует рассматривать через призму международной конкурентоспособности не отдельных ее фирм, а кластеров – объединений фирм различных отраслей, принципиальное значение этих кластеров в способности наиболее эффективно использовать внутренние ресурсы [6].

Типичный кластер состоит из компаний среднего и малого размера, каждая из которых не получает значительных выигрышей от конкуренции с другой входящей в кластер компанией (в противоположность нескольким группам компаний на олигополистических рынках). В то же время компании кластера получают выигрыш от компактного расположения, связанный с использованием специализированных ресурсов (наличие на данной территории квалифицированного персонала и специфичной инфраструктуры, необходимой для осуществления данного бизнеса).

Повышение роли кластеров совпало с развитием преимуществ компаний среднего размера по сравнению со сверхкрупными корпорациями в 1970-е годы и последующей структурной перестройкой экономики, с повышением роли средних и малых предприятий в качестве основной производственной единицы. Конкурентоспособные предприятия, входящие в кластерные образования, стимулируют развитие территории путем создания качественных рабочих мест, создания благоприятной социальной среды, создания и поддержания жизнеспособной инфраструктуры, создания культурной среды [4].

Согласно М. Портеру, кластеры влияют на конкурентоспособность тремя способами: во-первых, посредством повышения производительности входящих в него фирм; во-вторых, повышением способности к инновациям; и в-третьих, посредством стимулирования новых бизнесов, поддерживающих инновации и расширяющих границы кластера [6]. В процессе развития теории, кластерный подход, первоначально используемый в исследованиях проблем конкурентоспособности, со временем стал применяться при решении более широкого круга задач, в частности: как основа государственной промышленной политики, при разработке программ регионального развития, как основа взаимодействия крупного и малого бизнеса и др.

© Л. С. Лабуз, 2006

Сейчас, когда кластерный подход, принятый и признанный во всем мире и показывающий отличные результаты в разных странах – от Швейцарии до Индии, начинает находить применение и в России, позволяя использовать те преимущества, которые есть у регионов и областей, чтобы создать и развить наиболее конкурентоспособные кластеры [7].

Конкурентоспособность территории определяется целым рядом микроэкономических, макроэкономических, социальных и культурных факторов и особенностей. В данной статье будет затронут лишь один аспект формирования устойчивой конкурентоспособности – развитие туристского кластера. Специфика туристской индустрии и создаваемого ею продукта позволяет, на наш взгляд, наиболее полно и эффективно использовать все преимущества кластерного подхода к ее организации.

Туристская индустрия – совокупность различных субъектов туристской деятельности (гостиниц, туристских комплексов, кемпингов, мотелей, пансионатов, предприятий общественного питания, транспорта, учреждений культуры, спорта и других), обеспечивающих обслуживание туристов. По оценкам Всемирной туристской организации и Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC), функционирование хозяйствующих субъектов в области туризма тесно связано либо влияет на развитие 32 отраслей национальной экономики [2]. По нашему мнению, сложность взаимодействия отраслей в процессе предложения товаров и услуг туристам затрудняет дифференциацию видов деятельности, относящихся к туристской индустрии.

Под туристскими услугами предполагаются услуги субъектов туристской деятельности по размещению, питанию, транспортному, информационно-рекламному обслуживанию, а также другие услуги, направленные на удовлетворение потребностей туриста. Туристские услуги отличаются от любых других характером потребления. В отличие от товаров, которые доставляются от места производства к месту продажи потребителю, потребитель туристских услуг сам должен быть перемещен к месту их производства. Во-вторых, туристские услуги практически всегда разделены территориально. Некоторые из них, например информационные и посреднические, турист получает в месте своего постоянного проживания, транспортные – во время путешествия и, наконец, основную часть собственно туристских услуг: размещение, экскурсионное обслуживание, услуги спортивных и оздоровительных учреждений и т.д. – в месте временного пребывания. Кроме того, услуги предоставляются различными предприятиями и организациями, разделенными территориально и относящимися к разным сферам экономики. Несоответствие по времени и месту процессов купли-продажи и потребления услуг создает значительные организационные сложности в сфере туризма, в том числе и в вопросах обеспечения качества предоставляемых услуг.

Кроме услуг, туристы приобретают товары как обычные (продукты питания, одежду и др.), так и специфические – сувениры, туристское снаряжение, карты, путеводители, спортивные и фототовары, и т.д.

Кроме специфики самих услуг, существует и специфика потребителей. На кого должны быть рассчитаны туристские услуги? Кого считать туристом? Туризм определяется, как выезд (путешествие) физического лица с постоянного места жительства на срок не более, чем на один год, в оздоровительных, познавательных, профессионально-деловых или иных целях без занятия оплачиваемой деятельностью в месте (стране) пребывания. В соответствии с принятым определением, рекомендованным статистическим комитетом ООН в 1993 году, туристы – это не только те, кто приезжает в отпуск. В качестве целей туристских поездок могут выступать: досуг, рекреация и отдых (посещение культурных и спортивных мероприятий, рекреационные и культурные виды деятельности, участие в любительских спортивных соревнованиях, походы, отдых на пляже, круизы и т.д.); посещение знакомых и родственников; деловые и профессиональные цели (участие в совещаниях, конференциях или конгрессах, выставках и ярмарках; поощрительные поездки для сотрудников; выступления с лекциями или концертами; организация туристских путешествий; заключение договоров на размещение и транспорт; работа в качестве гидов и других специалистов по туризму; участие в профессиональных спортивных мероприятиях; государственные командировки; образование и исследовательская деятельность; монтаж оборудования и т.д.); лечение и оздоровление; религия и паломничество; прочие цели (например, транзит) [1]. В соответствии с различием целей, туристам необходимы и разные виды услуг.

Но туристы пользуются многими из видов услуг, которые приобретают и местные жители, поэтому, где начинается и где заканчивается индустрия туризма невозможно четко обозначить. Это связано с комплексностью туристского продукта и взаимной дополняемостью входящих в его набор товаров и услуг. Особенно ярко это проявляется во въездном туризме. При этом, чем выше комплексность туристских услуг, тем больше спрос на услуги смежных отраслей и видов деятельности. Современный туризм следует рассматривать в широком контексте межотраслевых и межхозяйственных региональных связей. Можно предположить, что туризм оказывает значительное влияние на экономику посредством мультиплицирующего воздействия на все ее сферы. Это воздействие может проявляться как прямо, так и косвенно. Прямой способ воздействия означает, что расходы туристов непосредственно формируют доходы предприятий сферы туризма и, следовательно, пополняют бюджет территории. Косвенное воздействие проявляется в росте спроса в отраслях и на предприятиях, сопряженных с этой отраслью сферой [1]. На основании прямого и косвенного воздействия туризма на предприятия различных отраслей муниципальной экономики, можно говорить о создании туристских кластеров и их границах.

Локализация является важнейшим признаком кластера в туризме потому, что производство и потребление туристами большинства услуг происходит в рамках территории их временного пребывания (дестинации). И для того, чтобы предлагаемые туристам услуги были качественными, между их производителями и смежными предприятиями должны существовать устойчивые хозяйственные и социальные связи в границах данного региона или муниципального образования.

Кластер включает самостоятельные предприятия разных видов собственности, которые сотрудничают и реализовывают совместные инициативы. Если кластер действует успешно, то происходит рост доходов его участников, повышается туристская привлекательность региона и страны в целом. Государство в лице центральных и местных органов власти, не входя в состав кластера, оказывает на его развитие самое непосредственное влияние. В силах государственных органов или серьезно осложнить работу предприятий, входящих в кластер, или создать для них режим наибольшего благоприятствования.

Еще одна отличительная черта кластера – необычайно широкий спектр участников. Компании, выпускающие готовый продукт (в нашем случае товары и услуги для туристов), – лишь видимая часть айсберга. Вместе с ними кластер включает поставщиков всего необходимого, в том числе материалов, оборудования и сервиса. В него входят научные, информационные и консультационные центры, а также специализированные финансовые учреждения: банки, страховые и лизинговые компании. Для того чтобы этот многоотраслевой комплекс мог работать, необходимо значительное количество профессионально подготовленных работников (в гостиницах есть не только горничные, но и менеджеры), а значит, в орбиту кластера должны входить и учебные заведения как высшие, так и средние профессиональные, готовящие кадры для данного туристского региона [3]. В индустрии туризма вообще очень многое зависит от специфики региона и имеющихся в нем туристских ресурсов. Состав кластера и государственные меры по стимулированию его развития могут определяться, прежде всего, на уровне каждого туристского региона, его территориальных частей, муниципальных образований или их групп. Развитие кластеров предприятий туристского сервиса может осуществляться по инициативе местных властей. Очевидно, что нет готовых общезначимых рецептов, но можно утверждать, что поддержка со стороны региональных структур могла бы способствовать консолидации местного бизнеса.

Общеизвестно, что современная индустрия туризма является одной из крупнейших, высокодоходных и динамично развивающихся отраслей мировой экономики. Ярославская область имеет уникальную возможность занять лидирующее место на туристском рынке в центральном регионе благодаря богатейшему историко-культурному наследию, географическому расположению и транспортной доступности. На территории области зарегистрировано около 6000 памятников истории и культуры, значительная часть из них – шедевры русского зодчества XXII–XVI вв., более 250 действующих музеев, 6 театров. Неповторимы малые города области, 214 поселений отнесены к исторически ценным. Объективно оценивая имеющийся богатый культурный и исторический потенциал региона, администрация области утвердила программу государственной поддержки въездного и внутрен-

него туризма в Ярославской области на 2005–2006 годы. Туризм традиционно играет существенную роль в экономике области и является постоянным источником пополнения областного бюджета [5].

Однако, при наличии региональной туристской детерминанты, вполне обоснованной нам кажется идея разработки следующих программ развития туризма в Ярославской области с учетом кластерного подхода, что позволит комплексно развить туристскую индустрию накануне тысячелетия города Ярославля. От деклараций о необходимости стимулирования процессов интеграции и межотраслевого сотрудничества нужно переходить к созданию конкретных механизмов по организации фондов совместного финансирования инвестиционных проектов и других финансовых инструментов развития туризма, информационно-маркетинговых структур по продвижению местного турпродукта на внутренний и внешние рынки, что соединит воедино решение прагматических задач по повышению спроса на региональные и муниципальные туристские продукты и стратегических задач формирования привлекательного имиджа территорий.

Возможности для развития туризма в Ярославской области разнообразны, каждый район имеет свою специфику. Создание «технологические цепочки», позволит предприятиям туристской индустрии производить более качественный продукт и предлагать его туристам в России и за рубежом в более удобной форме. Использование кластерного подхода для стимулирования развития и повышения конкурентоспособности индустрии туризма в Ярославской области объективно возможно потому, что туристские предприятия и связи между ними уже существуют благодаря комплексным программам традиционных путешествий по «Золотому кольцу России».

Конечной целью претворения в жизнь концепции создания туристских кластеров на уровне области или муниципального образования является качественное изменение сферы туризма, переход ее из состояния недостаточной упорядоченности и научной обеспеченности туристского процесса, в состояние объединенного устойчиво сформированными межотраслевыми, экономическими и инфраструктурными связями кластера туризма. Концепция предполагает спланированное развитие территорий туристских центров, зон туризма и особо охраняемых исторических памятников, а также территории в целом с ориентацией на туризм, как на одно из наиболее перспективных направлений социально-экономического развития. Существуют примеры успешных туристских кластеров и методы их формирования в Казахстане, Бурятии, Узбекистане, в Крыму.

Оценка результативности деятельности кластера как субъекта рынка может даваться, как с позиции успешности функционирования всего кластера: прибыльность, восприимчивость к инновациям, инвестиции и т.п., так и с позиции входящего в него отдельного предприятия.

Прежде всего, успешное функционирования кластера является гарантией сохранения рабочих мест людям, работающим в малом бизнесе. А это означает, что имеет место сохранение налоговой базы. Кроме того, появление новых рабочих мест, означает отсутствие необходимости выплачивать пособия по безработице, т.е. сокращает сумму выплат из государственного бюджета. Это актуально для многих малых и средних городов России, к которым в большинстве относятся города Ярославской области.

Если туристский бизнес окажется готов к такой работе, если предприятия области смогут организовать эффективное взаимодействие и реализовать необходимые совместные инициативы, то завтра конкурентоспособность бизнеса значительно повысится по российским меркам, а послезавтра она будет соответствовать международному уровню.

Поэтому сегодня на мировом рынке побеждают не отдельные предприятия, обладающие частью конкурентных преимуществ, а кластеры, обеспечивающие своим участникам максимальную поддержку.

Библиографический список

1. *Квартальнов В.А.* Туризм: учебник. – М.: Финансы и статистика, 2004.

2. Концепция развития туризма в Республике Бурятия на период до 2010 года [Электронный ресурс] // Официальный сервер Республики Бурятия. –http://gov.buryatia.ru:8080/obur/konc_tur.html.

3. *Кожевникова В., Бородатов А.* Инициатива по созданию севастопольского туристско-рекреационного кластера [Электронный ресурс] // Бизнес-партнер – октябрь 2004. http://www.vvp.com.ua.

4. *Мигранян А.А.* Теоретические аспекты формирования конкурентоспособных кластеров в странах с переходной экономикой [Электронный ресурс]. – http://www/krsu.edu.rg./vestnik/v3/f15.html.

5. Областная целевая программа государственной поддержки въездного и внутреннего туризма в Ярославской области на 2005–2006 годы. – http://tourism.adm.yar.ru.

6. *Портер М.* Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость: пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

7. *Филиппов П.* Кластеры конкурентоспособности [Электронный ресурс] // Эксперт Северо-Запад. – 2003. – № 43 (152). –http://stra.teg.ru/lenta/innovation/1086.

Г. Л. Виноградова, А. М. Крылов

МЕТОДИКА МОДЕЛИРОВАНИЯ ПЕРМАНЕНТНОГО РЕИНЖИНИРИНГА АДМИНИСТРАТИВНЫХ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ

В современных условиях рыночной экономики России внешняя среда предприятия динамична, поэтому предприятие вынуждено адаптироваться к этим изменениям. При этом преобразования должны привести к максимально эффективным результатам, а предприятию необходимо стремиться к достижению минимума затрат на инновации и свести к минимуму возможные риски получения отрицательных результатов. Существующие подходы к реорганизации предприятия варьируются от «мягких», постепенных методов улучшения до «жестких», регламентирующих коренные преобразования в его деятельности. Одной из самых модных управленческих теорий 90-х годов прошлого века является реинжиниринг бизнес-процессов. Реинжиниринг связывают с радикальным переосмыслением рабочих процедур, коренной ломкой бизнес-процессов, целью таких преобразований является резкое повышение эффективности деятельности предприятия [3]. Однако большинство российских предприятий, сформировавшихся в прежней системе хозяйствования, по ряду обстоятельств не готовы к кардинальным преобразованиям. Кроме того, радикальность перемен, присущих этому методу, предопределяет высокий риск недостижения запланированных результатов.

Одним из вариантов улучшения деятельности предприятия может стать тотальная информатизация системы управления с существенным сокращением среднего звена, которая приведет к тому, что компьютеры будут управлять процессом все большего числа задач. Многие операции по составлению отчетности, проведению проверок, координации и контролю над выполнением задач организации могут быть автоматизированы. Осуществление подобных преобразований возможно при проведении перманентного реинжиниринга административных бизнес-процессов. Суть этого метода реорганизации деятельности предприятия заключается в передаче части управленческих функций в компьютерную обработку при условии высокой степени их формализации. Проведенные исследования показали возможность формализации части управленческих функций, и, соответственно, передачу их ЭВМ [1]. Перманентный реинжиниринг как метод реорганизации деятельности предприятия отличается последовательностью и поэтапностью, отсутствием необходимости коренной перестройки организационной структуры и бизнес-процессов, что в значительной степени может снизить риски проведения преобразований. Результатом проведения перманентного реинжиниринга является формирование новой структуры управления предприятием, имеющей три уровня, один из которых – автоматическое выполнение управленческих задач.

Основополагающим этапом проведения любой реорганизации является разработка методологического подхода. Укрупненный алгоритм проведения реорганизаций традиционно состоит из следующих этапов:

– анализ и построение модели существующей деятельности предприятия (модель «как есть»);

– моделирование, оценка, сравнительный анализ бизнес-процессов;

– формирование функционала требований к перепроектированию бизнес-процессов;

– выбор окончательного варианта организации бизнес-процессов (построение модели «как

© Г. Л. Виноградова, А. М. Крылов, 2006

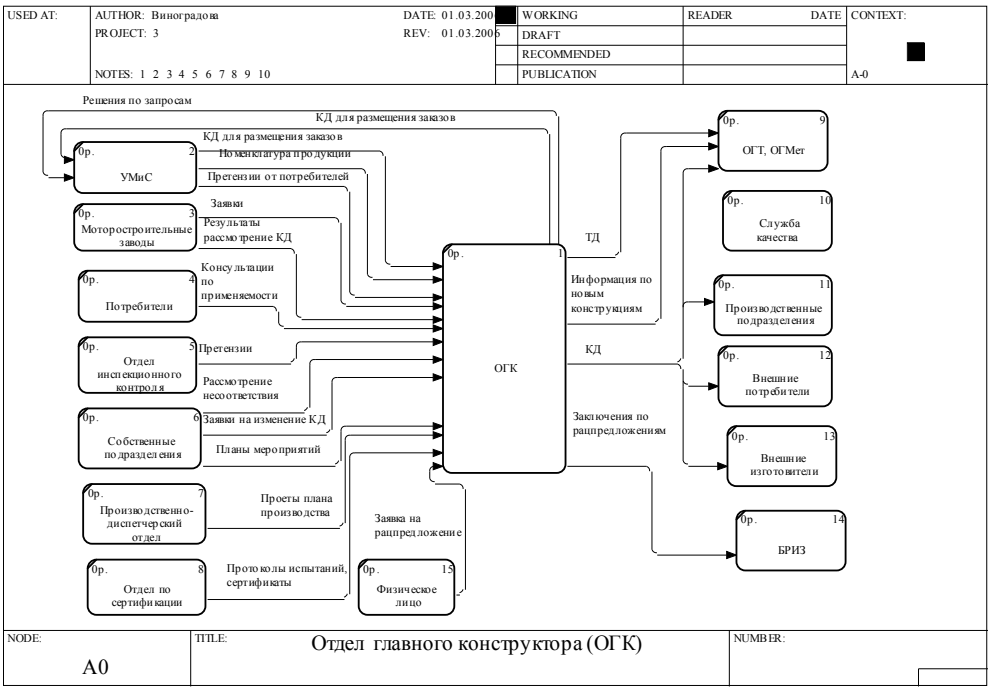

Рис. 1. DFD-диаграмма отдела главного конструктора (модель «как есть»)

должно быть») на основе сформулированных требований.

Реинжиниринг невозможен без моделирования исследуемого объекта, поэтому реальное проведение перманентного реинжиниринга предусматривает разработку методики его моделирования. В настоящее время для описания бизнес-процессов используется более восьмидесяти стандартов, методик и нотаций моделирования бизнес-процессов, к наиболее используемым технологиям относится семейство IDEF, основанное на методологии SADT [2].

Объектом исследования настоящей статьи является крупное машиностроительное предприятие г. Костромы, относящееся к массовому типу производства. Первым этапом моделирования перманентного реинжиниринга является построение модели «как есть», состоящий из ряда шагов.

1. Построение модели «как есть». Модель «как есть» (as-is) представляет собой «снимок» положения дел на предприятии (оргструктура, взаимодействие подразделений, используемые технологии, входные и выходные документы) на момент обследования и позволяет понять, как функционирует предприятие, его внутренние взаимосвязи, выявить «узкие» места в его деятельности.

Построение схемы структуры предприятия. Для проведения перманентного реинжиниринга на первом этапе необходимо иметь общую схему существующей структуры предприятия. Как правило, организационная структура на предприятии формализована в виде схемы, показывающей иерархическую структуру управления, в которой отображен процесс деления организации на отдельные элементы, каждый из которых имеет свою четко определенную задачу и обязанности. Функциональная схема организационной структуры предприятия, либо текстовая спецификация функциональных служб и подразделений позволяют определить границы и объемы работ.

Построение DFD-модели функционального подразделения. DFD-диаграммы потоков данных моделируют систему, как набор блоков, соединенных друг с другом. Модель DFD позволяет точно описать функциональность системы.

На предприятиях с функциональной структурой управления, как правило, имеется большое количество подразделений. Для дифференциации всех бизнес-процессов, имеющихся в организации, в модели первого уровня формализуется деятельность моделируемого подразделения, входы и выходы информации, а также корреспондирующие с ним подразделения. На

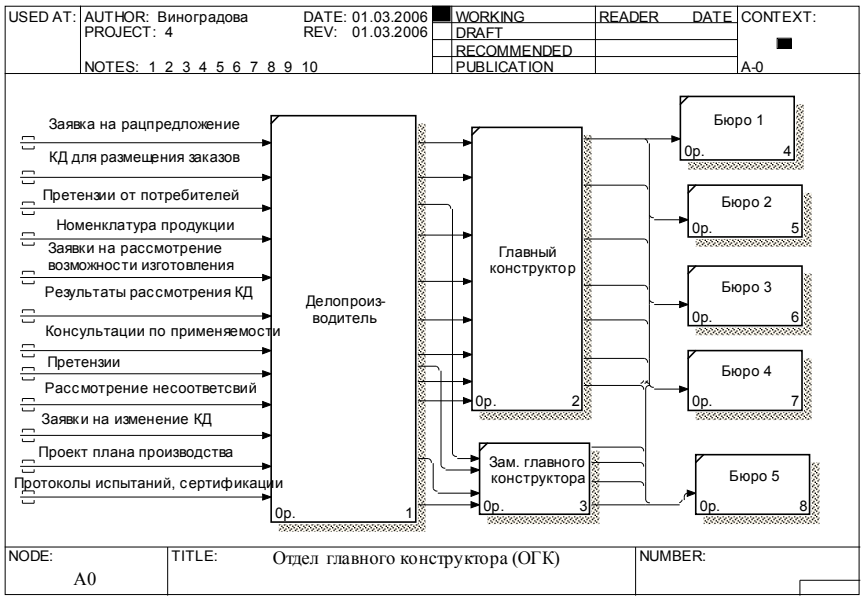

Рис. 2. Декомпозиция DFD-диаграммы ОГК (модель «как есть»)

рисунке 1 показана DFD-модель одного из основных структурных подразделений объекта исследования – ОГК (отдела главного конструктора). Информационной базой построения и формализации функциональной модели отдела служат СТП предприятия, должностные инструкции, анкетный опрос должностных лиц.

Декомпозиция DFD-диаграммы. Наличие диаграммы 1-го уровня, где определены входы и выходы информации в подразделение, позволяет провести декомпозицию этого блока (подразделения), которая конкретизирует распределение функций и информационных потоков внутри подразделения до отдельных рабочих мест (см. рис. 2).

Полученные диаграммы уточняются с экспертами, в качестве которых могут выступать должностные лица, занятые в выполнении процессов подразделения, а также менеджеры выс-

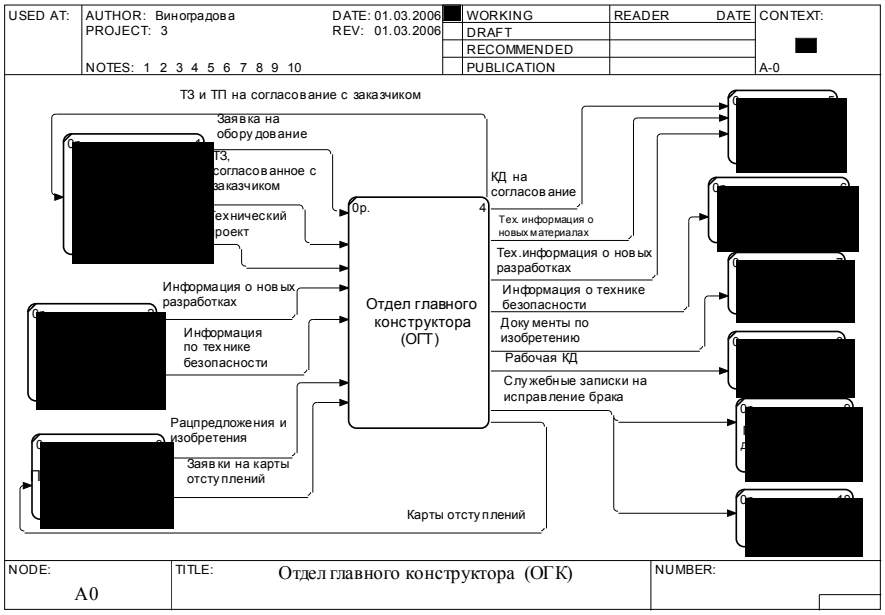

Рис. 3. DFD-диаграмма ОГК (модель «как должно быть»)

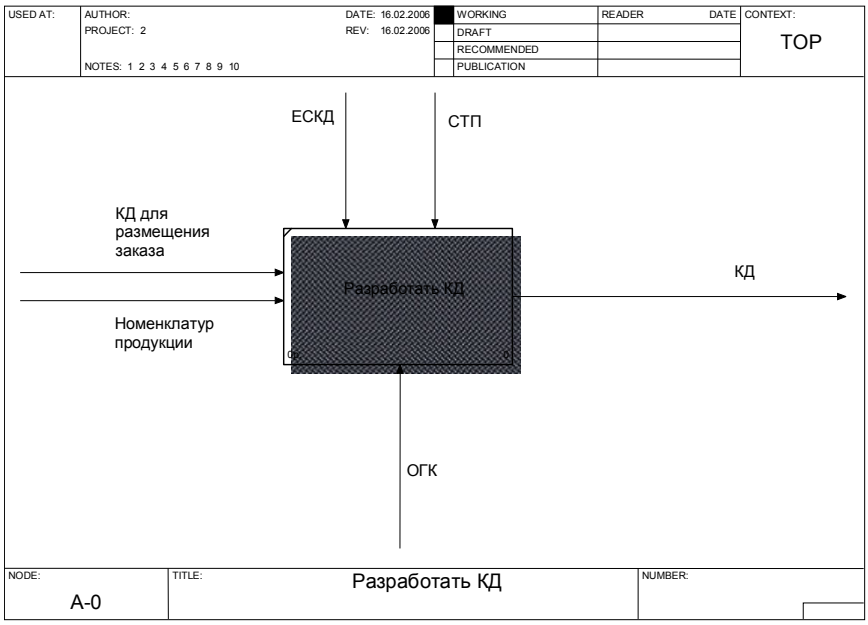

Рис. 4. Контекстная IDEF0-диаграмма бизнес-процесса «Разработка КД» (модель «как есть»)

шего уровня, в подчинении которого находится исследуемый отдел. Наличие моделей 2-го уровня позволяет провести основные мероприятия первого этапа перманентного реинжиниринга – устранение неэффективных действий и процессов, выполняемых подразделением.

Оптимизация потоков работ при перманентном реинжиниринге. В качестве нарушенных процессов, которые должны быть устранены из модели «как есть», рекомендуются следующие:

– действия и бизнес-процессы, не свойственные функциям этого подразделения (функции смежных отделов, ответственность за принятие решений возвращаются в соответствующие подразделения);

– повторные работы, носящие циклический характер;

– постоянно возникающие особые обстоятельства и исключения из правил.

После устранения неэффективных бизнес-процессов строится модель «как должно быть» (см. рис. 3).

Построение контекстной модели бизнес-процесов в стандарте IDEF0. Методология функционального моделирования IDEF0-технология описания системы в целом как множества взаимозависимых действий или функций. Первая диаграмма в иерархии диаграмм IDEF0 изображает систему в целом и представляет собой общее описание бизнес-процесса. Входы и выходы этой диаграммы являются границами бизнес-процесса. При проведении перманентного реинжиниринга следующим этапом является описание бизнес-процессов всех структурных подразделений после устранения неэффективных процессов в моделях стандарта IDEF0. Построение моделей бизнес-процессов «как есть» выполняется для проведения их оптимизации. Контекстная диаграмма основного бизнес-процесса исследуемого подразделения показана на рисунке 4.

Декомпозиция контекстной IDEF0-диаграммы бизнес-процессов. Наличие контекстной диаграммы позволяет провести построение иерархий дочерних диаграмм, содержащих более подробное описание бизнес-процессов. При декомпозиции функционального блока контекстной IDEF0-диаграммы образуется набор функций, которые являются подпроцессами моделируемого бизнес-процесса.

Достигаемый уровень декомпозиции при моделировании бизнес-процессов определяется необходимостью описания каждой функции каждого исполнителя процесса, что гарантирует качество проведенного анализа. На основе моделей бизнес-процесов в случае необходимости выполняется их оптимизация, то есть устранение неэффективных процессов, выстраивание нарушенных процессов, и построение моделей всех бизнес-процессов «как должно быть».

Построение моделей IDEF3. Стандарт IDEF3 – это методология описания процессов,

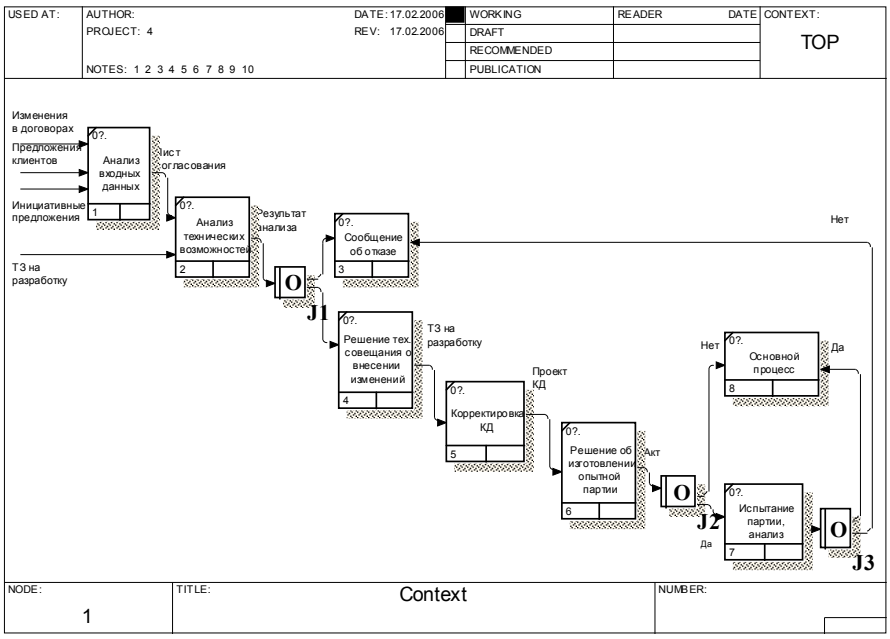

Рис. 5. IDEF3-диаграмма бизнес-процесса «Корректировка КД»

рассматривающая последовательность их выполнения и причинно-следственные связи между ситуациями и событиями для структурного представления знаний о системе, и описания изменений объектов, являющихся составной частью описываемых процессов. При помощи стандарта описывают логику выполнения работ, очередность их запуска и завершения, то есть это инструментарий моделирования сценариев выполнения работ.

При проведении перманентного реинжиниринга все бизнес-процессы описываются в стандарте IDEF3 для перехода к модели Swim-Lane. Пример представления процесса при помощи диаграммы IDEF3 показан на рисунке 5.

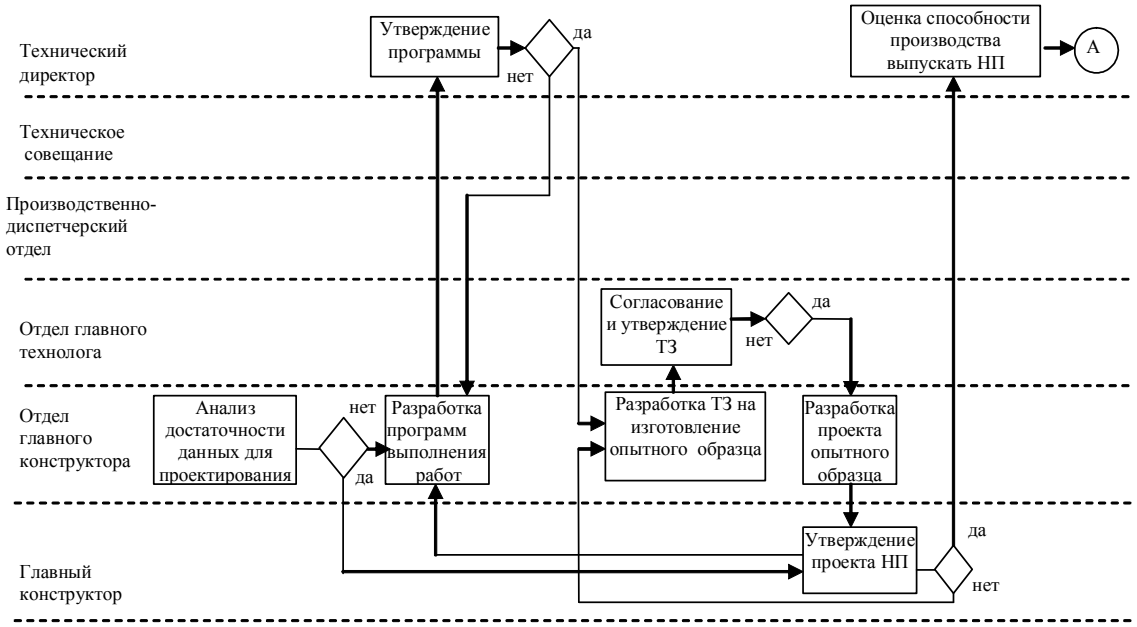

Рис. 6. Swim-Lane диаграмма процесса «Разработка КД», фрагмент (модель «как есть»)

Таблица

Бизнес-процесс «Управление конструкторской документацией»

Функция	Субъект (ЛПР, исполнитель) в модели «как есть»	Степень автоматизации функции (в модели «как должно быть»)			
		Автоматическая	Автоматизированная (управленческая)	Автоматизированная (исполнительская)	Избыточная
1. Решение об обеспечении КД	Технический директор		+		
2. Установление учтенной точки	Калькодержатель				+
3. Решение со снятия изделия с производства	Техническое совещание		+		
4. Регистрация КД в подразделении	Уполномоченный	+			
5. Оценка достаточности данных	Разработчик	+			
6. Разработка КД	Инженер-конструктор			+	
7. Согласование КД	Соисполнители	+			
8. Проведение нормоконтроля	Инженер БС				+
9. Оформление принадлежности к подразделениям	Инженер-конструктор	+			
10. Закладка контрольной копии в ячейки	Уполномоченный				+

Построение модели Swim-Lane. Модель Swim-Lane основана на нотации IDEF3. Диаграмма в этой нотации состоит из ролевых областей (горизонтальных полос), содержащих соответствующие этим ролям потоки работ. Построение моделей Swim-Lane выполняется для наглядного представления уровней управления при выполнении бизнес-процессов. Пример построения модели Swim-Lane приведен на рисунке 6.

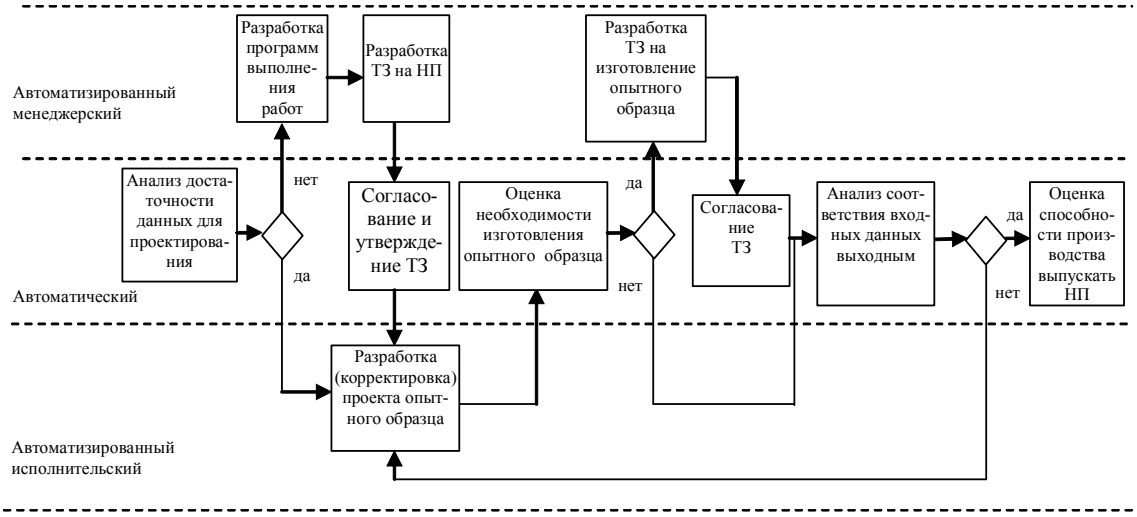

Рис. 7. Диаграмма Swim-Lane процесса «Разработка КД», фрагмент (модель «как должно быть»)

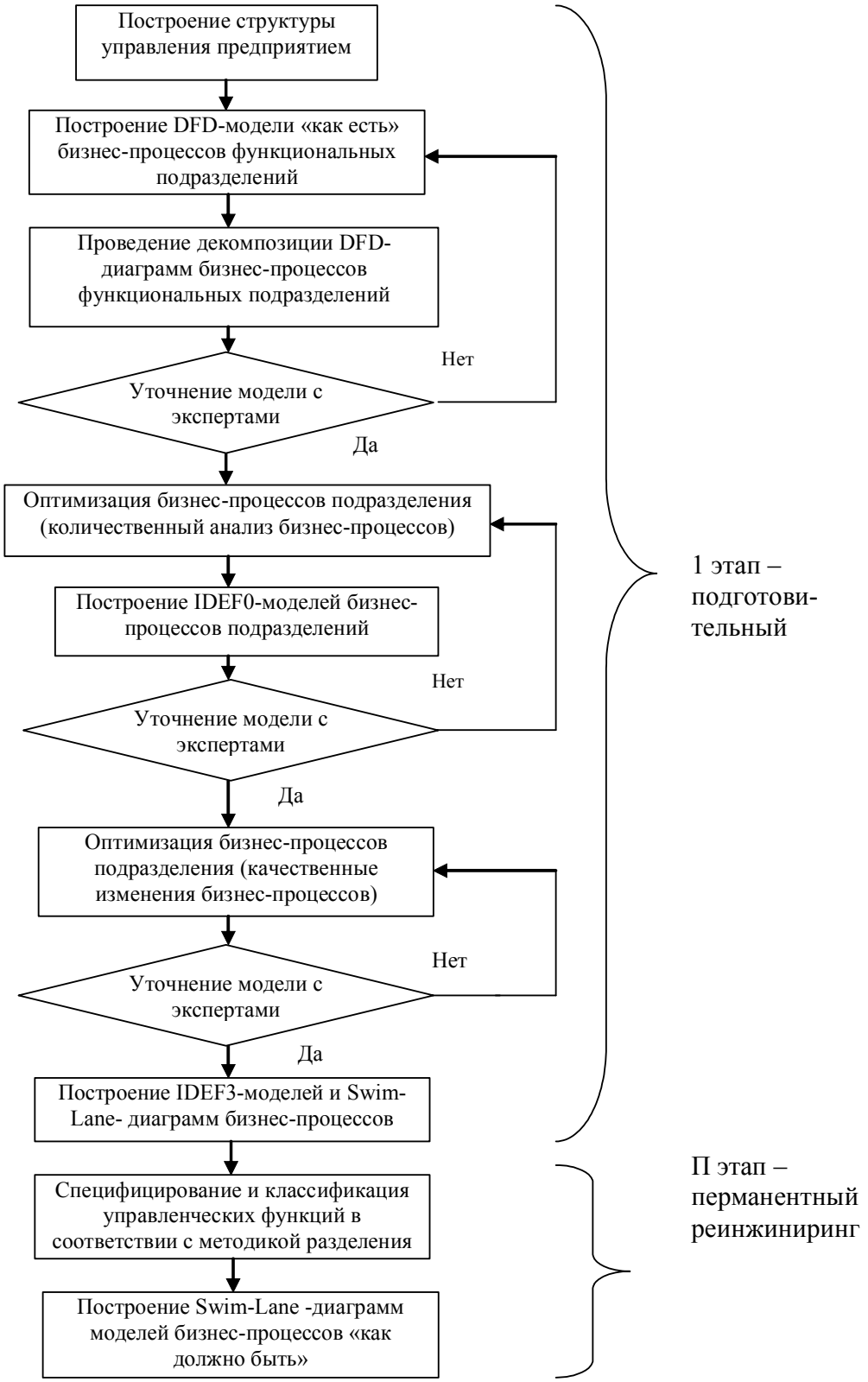

Рис. 8. Схема алгоритма методики моделирования перманентного реинжиниринга

Так как построение модели Swim-Lane является заключительным шагом первого этапа при проведении перманентного реинжиниринга, то построенные модели уточняются с экспертами.

2. Построение модели управления предприятием «как должно быть».

Специфицирование функций бизнес-процессов. Для перевода части управленческого процесса в автоматический режим выполняется спецификация всех функций, входящих в анализируемые бизнес-процессы.

Классификация функций административных бизнес-процессов по степени автоматизации функции. Дальнейшим этапом перевода части управленческих процессов в автоматический и автоматизированный режимы является классификация их по степени формализации, в соответствии с разработанной методикой разделения управленческих функций по этому признаку [1]. Результаты классифицирования сводятся в форму с регистрацией уровня, к которому относится анализируемая функция в соответствии с таблицей.

Построение диаграммы Swim-Lane (модель «как должно быть»). После проведения классификации функций, избыточные функции выводятся из управленческого процесса. Оставшиеся управленческие функции группируются в трех уровнях управления, модель процесса показана на рисунке 7.

Обобщенный алгоритм методики моделирования перманентного реинжиниринга показан на рисунке 8.

Предложенная методика моделирования перманентного реинжиниринга позволит предприятиям провести реорганизацию своих административных бизнес-процессов с целью повышения эффективности своей деятельности с минимальными рисками.

Библиографический список

1. *Виноградова Г.Л.* Классификация функций управления при проведении эволюционного реинжиниринга бизнес-процессов // Известия ТулГУ. Серия. Бизнес-процессы и бизнес-системы. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2005. – С. 3–7.

2. *Марка Д., Мак-Гоуэн К.* Методология структурного анализа и проектирования: пер. с англ. – М.: Метатехнология, 1993.

3. *Хаммер М., Чампи Д.* Реинжиниринг корпорации: манифест революции в бизнесе. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. универс., 1997.

С. В. Палаш

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И РИСКИ. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ

Определение информации. Ее сущность. Институциональная и технологическая информация

Существуют различные определения информации. А.Д. Урсул дает широкое логическое определение: «Количество информации – это степень уменьшенной неопределенности в результате передачи сообщения, чем более невероятны, неожиданны события, уничтожающие неопределенность, тем большее количество информации они несут… Нулевое количество информации приносит событие, которое обязательно должно произойти» [8, с. 17; цит. по 6, с. 15].

Определение институциональной информации было нами дано в предыдущих статьях [5, с. 120–123]. Основной институт рынка – предприятие. Институциональной информацией о предприятии является информация, которая необходима лицам, имеющим определенный интерес по отношению к некоторой фирме, чтобы принимаемые ими решения в отношении этой фирмы были не спонтанными, а обоснованными и разумными. Отметим, что институциональная информация о фирме является более широким понятием, чем информация технологическая, т.е. она включает технологическую информацию в объеме достаточном для пользователя.

Технологическую информацию о технологии определим как информацию, полно и всесторонне характеризующую определенную технологию, достаточную для использования этой технологии на практике. Технологическую информацию о фирме определим как совокупность производственных технологий, машин и оборудования, используемых данной фирмой, а также проводимых ею НИОКР.

 © С. В. Палаш, 2006

Представители эволюционной экономической теории Нельсон Ричард Р. и Уинтер Сидней Дж. считают (и мы разделяем это мнение), что ««правила принятия решений» тесно связаны с «технологией» производства» [4, с. 35]. Общим термином для всех нормальных и предсказуемых образцов поведения фирм в эволюционной теории является «рутина» [4, с. 35]. Рутины в данной теории играют ту же роль, что гены в биологической эволюционной теории. Они являются характеристиками организма и определяют (наряду с окружающей средой) его возможное поведение. Рутины наследуются. Они подвержены отбору в том смысле, что организмы с определенными рутинами могут функционировать лучше других. И если это так, то их относительная значимость в популяции (отрасли) возрастает со временем [4, с. 35–36].

Нас интересуют рутины в том смысле, что они представляют собой совокупность технологической и институциональной информации о фирме, а потому обратимся к некоторым положениям эволюционной экономической теории. К категории «рутина» «относят большую часть *нормального и предсказуемого* в деловом поведении…» [4, с. 36]. Эволюционная теория учитывает то, что не все в деловом поведении соответствует нормальным предсказуемым образцам, и признает элементы случайности, как при принятии решений, так и в последствиях этих решений. С точки зрения внешнего наблюдателя существенно то, что элементы случайности трудно предвидеть заранее [4, с. 36]. Здесь можно сделать важный для нашей темы вывод: *отклонение экономических агентов от рутинного поведения порождает неопределенность для внешнего наблюдателя.* Нельсон и Уинтер [4, с. 38–40] различают три класса рутин: 1) «функциональные характеристики», т.е. то, что фирма делает в каждый момент при заданном наличном парке машин и оборудования и других факторах производства, объем которых нельзя легко увеличить за короткий срок; 2) определяет увеличение или уменьшение от периода к периоду основного капитала фирмы. Принятие решения о том, чтобы, например, строить или не строить новый завод, существенно зависит от соотношения между объемами инвестиционного проекта и текущей хозяйственной деятельности фирмы. Правило инвестирования, применяемое фирмами, настроено на рентабельность фирмы и на другие переменные, т.е. рентабельные фирмы будут расти, а нерентабельные сжиматься, и тем самым функциональные характеристики более рентабельных фирм будут играть всевозрастающую роль в хозяйственной деятельности отрасли; 3) действие этих рутин с течением времени модифицирует их функциональные характеристики. Фирмы в моделях эволюционной теории имеют отделы анализа рынка, семинары по исследованию операций и лаборатории НИОКР, или некоторые сотрудники фирмы, по крайней мере, время от времени обследуют то, чем и почему занимается фирма, имея при этом в виду пересмотр или даже радикальное изменение ее деятельности. Предполагается, что эти процессы, как и прочие, «выполняются по правилам», т.е. допускается наличие некой иерархии правил принятия решений, в соответствие с которой процедуры более высокого уровня время от времени воздействуют на процедуры более низкого уровня. Следующий вывод, который следует из вышеизложенного: *в ситуации неопределенности и изменчивости окружающей среды фирма должна изменяться в соответствии с требованиям времени, и успешность этих изменений зависит от работы рутин, модифицирующих функциональные характеристики фирмы. На модифицирующие рутины возложена важная функция прогнозирования будущего состояния окружающей среды и производство рутин, которые в будущем будут способны снижать неопределенность. Инновации создаются как залог будущей конкурентоспособности. Для обеспечения непрерывного производства инноваций внутри фирм создается определенная институциональная структура, чьи характеристики соответствуют поставленной цели. Т.е. в современном быстро меняющемся мире созданию технологической информации предшествует создание институциональной информации, которая определяет благоприятные условия для создания новой информации.*

В работе Нельсона и Уинтера [4, с. 179] термин «инновация» подразумевает изменение рутины. В нашем контексте это означает изменение информации, или создание новой информации. Это важно, так как *уже известная информация и принципиально новая информация играют разные роли в экономической системе.*

Согласно эволюционной теории созданию новой технологической информации свойствен-

ны следующие особенности: 1) новое, в определенном смысле, развивается из старого. Результат сегодняшних поисков не просто новая технология, но также увеличение знаний и формирование базиса из новых структурных элементов для завтрашнего дня [4, с. 331]; 2) успешная разработка какой-либо конструкции создает нечто большее, нежели отдельное практическое изобретение. Новая техника представляет собой множество решений конструкторских задач и дает новую стартовую точку для НИОКР [4, с. 332]; 3) научно-технический прогресс есть процесс кумулятивный; 4) историю многих технологий можно охарактеризовать периодически появляющимися крупными изобретениями, за которыми следует волна изобретений меньшего масштаба [4, с. 333]. *Так изменение технологической информации носит долгосрочный непрерывный поступательный характер и является основой для инновационного развития в будущем.*

Инновации и их распространение непрерывно способствуют переломам в развитии и изменениям; «созидательная сила разрушения» по Шумпетеру означает динамику… Чем сильнее напор динамики под влиянием инноваций, тем быстрее экономическое развитие [2, с. 52]. Здесь можно отметить еще одну особенность технологической информации: *новая технологическая информация дает толчок не только научному и техническому, но также экономическому и институциональному развитию.*

Понятие информации тесно связывают с понятиями определенности, неопределенности, риска и управления. «Информация – это сведения, уменьшающие неопределенность в той области, к которой они относятся» [1, с. 12].

«Использование информации выступает как бы синонимом управления… Управление неразрывно связано с целью, ценностью информации (и ее содержанием)» [8, с. 163; цит. по 6, с. 16].

Таким образом, роль информации в рыночной системе кроме всего прочего состоит в уменьшении неопределенности, и как следствии - в снижении рисков. А потому обратимся к проблемам неопределенности и рисков, уже рассмотренным в экономической теории.

Неопределенность и риски

Неоспоримый вклад в разработку этих проблем внес Фрэнк Хейнеман Найт в своем труде «Риск, неопределенность и прибыль» [3]. Найт выявил особый род риска, являющийся следствием нестрахуемой неопределенности, который играет решающую роль в возникновении феномена предпринимательской прибыли. Основными источниками такой неопределенности по Найту являются экономическое развитие и неустранимые различия в деловых способностях людей.

Найт [3, с. 225] предлагает различать измеримую и неизмеримую неопределенность, и измеримую обозначить термином «риск», а другую – термином «неопределенность». «Именно такая *истинная неопределенность* мешает теоретически безупречному функционированию конкуренции и тем самым придает всей экономической организации характерную форму «предприятия» и служит источником специфического дохода предпринимателя» [3, с. 224]. «Признано, что в некоторых случаях предприниматель может отделаться от риска путем страхования, понеся фиксированную величину издержек… Существует фундаментальное различие между вознаграждением за принятие известного риска и за принятие риска, ценность которого неизвестна» [3, с. 52]. «При отсутствии какой бы то ни было неопределенности, когда каждый обладает совершенным знанием о ситуации, не было бы причин для возникновения чего-либо вроде ответственного управления или контроля над производственной деятельностью. Не нашлось бы места даже маркетингу в каком либо реалистическом смысле. Поток сырья и производственных услуг шел бы через производственные процессы к потребителю совершенно автоматически» [3, с. 256]. Таким образом, значение неопределенности в экономической системе и экономических отношениях изначально велико и фундаментально. С понятием неопределенности тесно связано понятие трансакционных издержек. Чем выше уровень неопределенности, тем выше трансакционные издержки, т.е. издержки заключения сделки. Существованием ненулевых трансакционных издержек Р. Коуз [7, с. 11–32] объясняет существование фирмы. Д. Ходжсон [9, с. 264] в свою очередь сравнивает рынок с раздробленным нерыночным обменом, и подчеркивает, что «на самом деле всех этих издержек и трудностей на рынке, меньше, чем в условиях раздробленного нерыночного обмена… Рынки способствуют преданию гласности цен и другой актуальной информации, а также установлению контактов между агентами, что

облегчает получение ими информации. Само формирование упорядоченного доступа к контактам в условиях рынка приводит к снижению издержек, поскольку становится легче «выявить, с кем желательно заключение сделки»». Следующий из вышесказанного вывод заключается в том, *что существование рыночных институтов и рынка объясняется наличием страхуемой и не страхуемой неопределенности.*

Степень неопределенности, с которой приходится сталкиваться экономическим агентам, зависит от уровня развития технологии организации бизнеса. «Если технология организации бизнеса достигает достаточно высокой стадии развития, то, коль скоро известна степень неопределенности, практически никакой неопределенности нет вообще, ибо риск подобного рода будут нести группы, которые достаточно велики, чтобы сделать эту неопределенность пренебрежимо малой» [3, с. 55]. «Если бизнесменам в хорошо организованном обществе известно только одно из двух: 1) какие реальные изменения надвигаются; 2) какому «риску» они (бизнесмены) подвергаются, т.е. какова вероятность любого конкретного события, то в долгосрочной перспективе последствия будут одинаковы в обоих случаях. Единственным результатом таких изменений станет некоторое перераспределение производительной энергии, которое будет происходить непрерывно и без каких-либо нарушений условий совершенной конкуренции. Истинность этого тезиса не опровергается тем обстоятельством, что как прогнозирование рисков, так и группировка их видов по соответствующим платежам и устранение присущей им неопределенности могут быть сопряжены с издержками, коль скоро сами эти издержки суть заданные элементы конкурентной ситуации» [3, с. 55–56].

Итак, технология организации бизнеса как институт способствует снижению неопределенности. Технология организации бизнеса – это продукт не одного дня и не одного человека. Она создается эволюционно и подвергается отбору, т.е. существует рынок подобных технологий и конкуренция. Любая технология есть продукт деятельности нескольких индивидов, внесших свой вклад в развитие этой технологии. А результат деятельности индивида зависит от его способностей и особенностей функционирования его сознания. Найт в своей работе обращается и к особенностям функционирования сознания. «Сознание является эпифеноменом. Объяснение процесса адаптации непременно осуществляется в терминах стимула и реакции, причем именно так: сначала первое, потом второе. И все же мы знаем из собственного опыта, что мы реагируем не на стимул из прошлого, а на «образ» будущего положения дел… Очевидно, что все реакции организма связаны с ожидаемыми образами будущего, причем тем более отдаленного, чем «возвышеннее» образ жизни и деятельности… Мы *воспринимаем* мир прежде, чем реагируем на него, но всегда реагируем не на то, что воспринимаем, а на свои *умозаключения*» [3, с. 197]. Найт подчеркивает, что «между восприятием и разумом невозможно провести четкой границы. На наших способностях к восприятию лежит сильный отпечаток информации, которой мы располагаем, они весьма интеллектуализированы, и поэтому то, что представляется сознанию в простейшей ситуации, в большей мере – продукт умозаключений и образ, созданный воображением, нежели непосредственный сигнал, поступающий от нервных окончаний» [3, с. 198]. Так, исходя из выше сказанного и процитированного, *наше сознание обладает следующими особенностями: 1) оно глубоко субъективно; 2) оно нацелено на ожидания будущего; 3) оно в известной мере определяется опытом и информацией, которой располагает индивид, но и информацию индивид воспринимает по-своему, сквозь призму своего мировосприятия. Существует еще одна очень важная особенность человеческого сознания, благодаря которой, с нашей точки зрения, возможно прогрессивное развитие общества и любых отношений в нем. Эта особенность связана с неудовлетворенностью достигнутым, с развитием потребностей и с вечным стремлением к тому, чего на любой данный момент мы пока не имеем.* Найт связывает эту особенность с проблемой рационализации человеческого поведения и с постановкой человеком всегда новых целей и формулирует это так: «в жизни каждая цель превращается в средство для какой-то новой, более отдаленной цели. Попытка рационализировать человеческое поведение подобна вечной погоне за собственной тенью, и напрашивается вывод, что summum bonum [величайшее благо], равно как и любое другое объективное bonum [благо], – всего лишь ignis fatuus [призрачная мечта]. Приходится верить в то, что очень часто мы проявляем больше

заинтересованности в действии, успех которого не более чем вероятен, нежели в таком, где успех гарантирован» [3, с. 228].

Таким образом, *в экономической системе существует неопределенность. Решения принимаются индивидами. Для уменьшения неопределенности индивиды пользуются информацией, которая проходит «через фильтр» индивидуального сознания, имеющего свои особенности. Нельзя сказать, что человек абсолютно отрицательно относится к неопределенности. В хозяйственной деятельности необходимо преодолевать неопределенность, чему и служат нормы, институциональные структуры и различные рыночные механизмы. Но постоянные изменения в экономической системе (будь то новая технологическая или институциональная информация), производителями которых являются те же люди в своем стремлении к лучшему будущему, создают новые «неопределенности», которые опять нужно преодолевать.*

Попробуем сформулировать определение, которое отражает институциональную сущность информации и ее роль в экономической жизни в условиях наличия неопределенности.

Институциональная сущность информации

Институциональная сущность информации тесно связана с понятием неопределенности. Неопределенность обусловливает существование ненулевых трансакционных издержек, чем объясняется возникновение рынка и рыночных институтов, т.е. институциональной информации. Рыночные институты конкурируют между собой, а залогом их конкурентоспособности является создание инноваций, т.е. новой информации. Различают страхуемую и не страхуемую неопределенность. Предпринимательская прибыль является следствием существования не страхуемой неопределенности. Отклонение экономических агентов от рутинного поведения порождает не страхуемую неопределенность для внешнего наблюдателя.

Информация в экономической жизни играет двоякую роль, и взаимоисключающие характеристики этой двойной роли зависят от степени новизны информации. Любая новейшая информация (технологическая или институциональная) меняет правила игры, т.е. изначально увеличивает неопределенность. Доступ к информации потенциально уменьшает неопределенность для того экономического агента, который этот доступ получил. Способности экономического агента к анализу полученной информации и к предсказанию будущих событий также определяют степень неопределенности для него, т.е. способности (в широком общем смысле) могут, как уменьшать неопределенность, так и увеличивать ее, или никак не влиять на степень неопределенности. Не новая общепринятая устоявшаяся информация, перешедшая в разряд институтов (нормы и институциональные структуры – институты рынка) при условии эволюционного их развития снижают неопределенность и, собственно, для этого и существуют. В случае революционного хода событий (импорта институтов) их способность к уменьшению неопределенности будет зависеть от согласованности и совместимости всех элементов экономической системы с учетом всех институциональных факторов. «Импортированные» институты чаще увеличивают неопределенность, и здесь нет противоречия, т.к. «импортированные» институты есть новая информация для любой принимающей системы.

Новая технологическая информация создается с целью сохранения и повышения конкурентоспособности в будущем. Изменение технологической информации носит долгосрочный поступательный характер и является основой для инновационного развития в будущем. Изменения технологической информации влекут за собой переломы в экономическом и институциональном развитии, т.е. увеличивают неопределенность в течение некоторого времени, что дает толчок развитию технологий и институтов, которое в свою очередь становится одним из звеньев социального прогресса.

Использование информации играет основополагающую роль в управлении. Сбор и обработка информации, а также распространение ее в форме, удобной для практических целей, составляют одну из проблем, связанных с современной крупномасштабной социальной организацией…

Библиографический список

1. *Ковалев В.В., Ковалев Вит.В.* Финансовая отчетность и ее анализ (основы балансоведения): учеб. пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.

2. *Колсман Р., Ланг Ф.П.* Роль обучения с точки зрения эволюционной экономической теории // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова / Серия эконо-

мические науки: «Проблемы новой политической экономии». – 2006. – № 2. – С. 49–59.

3. *Найт Ф.Х.* Риск, неопределенность и прибыль: пер. с англ. – М.: Дело, 2003.

4. *Нельсон Ричард Р., Уинтер Сидней Дж.* Эволюционная теория экономических изменений: пер. с англ. – М.: Дело, 2002.

5. *Палаш С.В.* Институциональная информация, ее основные виды и свойства // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова / Серия экономические науки: «Проблемы новой политической экономии». – 2006. – № 1. – С. 120–123.

6. *Петрова Е.А.* Современный информационный рынок: микроэкономический анализ закономерностей формирования и развития. – М.: Гелиос АРВ, 2004.

7. Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1995.

8. *Урсул А.Д.* Природа информации. – М.: Изд-во политической литературы, 1968. – С. 17, 163.

9. *Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории: пер. с англ. – М.: Дело, 2003.

И. В. Токарева

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТОВ

В настоящее время значительная часть направляемых в Российскую экономику инвестиций не связана с расширением экспортного потенциала и развитием наукоемких производств. В этих условиях становится актуальной разработка концепции государственной политики стимулирования инвестиционной деятельности. Даная политика должна учитывать отраслевые и территориальные приоритеты и ориентировать деятельность в сфере разработки нормативно-правовой базы регулирования инвестирования, координировать деятельность министерств и ведомств, территориальных органов управления и т.д. В условиях обострения конкуренции на международном рынке капиталов от государственной власти требуется мобилизация политических, дипломатических, финансовых, информационных и других ресурсов для улучшения образа России как стабильного и надежного делового партнера. В складывающихся условиях особенно актуальной становиться выработка подходов к реализации масштабных проектов в сфере транспорта, лидирующим видом которого в России выступает железнодорожный.

При этом следует отметить ограниченность инструментов привлечения инвестиций в крупномасштабные транспортные проекты в силу невозможности четкого обоснования их эффективности (в связи с их долгосрочностью и наличием различного рода экономических, политических, социально-демографических и иных рисков).

Рассмотрим основные схемы привлечения сторонних инвестиций в крупномасштабные долгосрочные проекты и попытаемся выявить рациональные формы, стимулирующие инвестиционную активность. Такими основными схемами привлечения инвестиций для реализации железнодорожных проектов на сегодняшний день являются:

1. *Создание совместных дочерних и зависимых обществ.* При этом вкладом ОАО «РЖД» может выступать имеющаяся материально-техническая база, а вкладом инвестора денежные средства, знания, технологии и др.

2. *Передача производственных мощностей компании в аренду или доверительное управление.*

3. *Организация простого товарищества*, без образования юридического лица. В этом случае в качестве инвестора может выступать группа лиц осуществляющих перевозку и нуждающихся в услугах инфраструктуры ОАО «РЖД».

4. *Инвестиции в форме капитальных вложений.* Основанием для этого является закон «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений». Такие вложения это затраты в основной капитал, расходы на строительство, реконструкцию и т.д.

5. *Подрядные отношения с рассрочкой платежа.* При такой схеме ОАО «РЖД» выступает в качестве заказчика определенных работ, инвестор в качестве генерального подрядчика, который выбирает субподрядчика, выполняющего весь объем работ. После их выполнения гене-

© И. В. Токарева, 2006

ральный подрядчик-инвестор рассчитывается с субподрядчиком-исполнителем. Расчет же между РЖД и генеральным подрядчиком осуществляется по рассрочке согласованной сторонами.

6. *Инвестиционный кредит или долгосрочный заем*. Эта схема позволяет осуществить привлечение средств в значительных размерах на длительный срок, что оптимально для финансирования капиталоемких долгосрочных проектов.

7. *Лизинг*, опирающийся на Федеральный Закон «О финансовой аренде (лизинге)» 1998 г. По договору лизинга инвестор закупает у поставщика оборудование для ОАО «РЖД» и передает его этой организации в пользование, после чего осуществляется выплата лизинговых платежей. В настоящее время, после отмены налоговых льгот по налогу на прибыль в отношении капитальных затрат, лизинг стал наиболее привлекательным инвестиционным механизмом. Согласно Налоговому кодексу РФ (гл. 30 НК РФ) предмет лизинга исключен из налогооблагаемой базы по налогу на имущество. Это позволяет участникам сделки уменьшить свои затраты более чем на 2% среднегодовой стоимости предмета лизинга. В настоящее время значительный объем подвижного состава ОАО «РЖД» обновляется за счет лизинговых схем. В 2004 году программа лизинга составила более 18 млрд. руб. Средний срок лизинга составляет 5-8 лет, максимальный размер аванса до 20% стоимости предмета лизинга.

Однако, на наш взгляд, для привлечения инвестиций в комплексные проекты, необходимых для решения амбициозных стратегических задач, имеющих социально-политическую составляющую, следует отметить привлекательность такого механизма как *концессионные соглашения*. Этот механизм широко используется в мировой практике, как правило, в сегментах государственной и муниципальной собственности. Государственная поддержка необходима для инвестиционных проектов, нацеленных на достижение политических, социальных, иных внетранспортных и экономически необоснованных результатов, не имеющих необходимой нормы рентабельности для ОАО «РЖД». Следует отметить, что именно создание государственно-частных партнерств вызвали «железнодорожный бум» в России в конце XIX – начале XX века, когда темпы прокладки и строительства новых железнодорожных путей были самыми высокими в мире.

Механизм концессии представляет передачу (уступку) управления, обслуживания и модернизации инфраструктуры, находящейся в собственности государства, в руки частной компании, которая берет на себя обязательства по эксплуатации, охране и поддержанию работоспособности переданного имущества. Ответственность за реализацию проекта несет государство, но фактическим исполнителем является концессионер. Главная особенность заключается в ориентации на конечный результат, то есть помимо сдачи нового участка пути (например, как бывает по договору подряда), производится последующее обеспечение эксплуатации участка на определенный период времени.

Возврат инвестиций частному инвестору по концессионному соглашению может осуществляться как за счет доходов от использования переданного объекта инфраструктуры, так и за счет прямых выплат. Чтобы осуществить приток средств частного капитала на концессионной основе необходимо создать приемлемый баланс рисков и вознаграждений.

На сегодняшний день во многих странах мира при решении задач масштабного развития транспортной инфраструктуры используется именно концессионный механизм, как одно из направлений делового взаимодействия государства с частными инвесторами. Использование его на транспорте обеспечивает генерацию значительных социально-экономических эффектов, таких как, повышение транспортной доступности и снижение транспортных издержек для отдельных регионов, улучшение экологической ситуации за счет развития общественного транспорта с высоким качеством услуг.

За последние два десятилетия концессии применялись более чем в 50 странах мира. Широкое распространение концессии получили в развитии инфраструктур железнодорожного транспорта в Европе и странах Латинской Америки.

Схемы государственно-частных партнерств (ГЧП) при реализации проектов транспортных инфраструктур применяются в настоящее время в Италии, Греции, Португалии, Нидерландах, Германии (проекты строительства высокоскоростных железнодорожных линий, сети новых автодорог и тоннелей). В последние годы принципы государственно-частных партнерств начали использоваться в Дании (с 2004 г. ведется строительство линий скоростного трамвая между

двумя пригородами Копенгагена).

По оценкам экспертов, масштабы применяемых на железнодорожном транспорте концессий достаточно существенны. Только за последние 10 лет в развивающихся странах было реализовано 70 проектов по развитию железных дорог с участием частного капитала. Суммарные инвестиции превысили 26 млрд. долларов. На концессионную форму, в развивающихся странах приходится 79% общего числа проектов и 96% всех инвестиций.

Преимущества использования концессионных механизмов заключаются в возможности передачи наиболее эффективному оператору прав на строительство и эксплуатацию объекта инфраструктуры. Использование оператором прогрессивных технических решений и технологий позволяет поддерживать требуемое качество предоставляемых услуг без повышения их стоимости и при этом повышать инвестиционную привлекательность проектов и оптимизировать объем государственных инвестиций и субсидий. Роль государства при этом заключается в определении объемов и требований к качеству и цене общественных услуг, формированию базовых условий проектов ГЧП и определению возможных форм и объемов государственной поддержки проектов.

ИСТОРИЯ

А. Н. Баранов

РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ О МАНИФЕСТЕ 17 ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА И СОЗЫВЕ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Преобразование государственного строя на конституционных началах проходило в сложных условиях, порожденных войною и революцией. В этот период разрабатываются, обсуждаются и принимаются важнейшие юридические акты, составившие правовую основу государственной реформы 1905–1906 гг., в результате которой в России возникает система конституционной монархии. К числу этих актов относятся Манифест 17 октября 1905 г., Учреждение Госдумы и преобразование Государственного Совета; Бюджетные правила 8 марта 1906 г., Основные законы (новая редакция).

В первых числах октября 1905 г., вскоре после заключения мира с Японией в Портсмуте, С.Ю. Витте был назначен председателем Совета Министров. Первый российский премьер предложил Императору Николаю II выбор между двумя путями подавления революционного движения: либо введение жесткой диктатуры, облеченной всеми правами чрезвычайного положения; либо переход путем реформ к конституционному строю.

Дневник Император содержит записи о долгих совещаниях с Витте, Горемыкиным и другими сановниками и членами императорской фамилии, о его личном участии в редактировании Манифеста 17 октября. В итоге проделанной работы краткая запись: «Подписал Манифест в 5 часов. После такого дня голова сделалась тяжелою и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и усмири Россию»[1].

Согласно тексту Манифеста 17 октября 1905 года целью данного государственного акта было «устранение прямых проявлений беспорядка» и «умиротворение государственной жизни». Механизмом реализации целей, обозначенных в Манифесте, служила обязанность правительства выполнение непреклонной воли Монарха. В соответствии с Высочайшим Манифестом «Об усовершенствовании государственного порядка», правительству вменялось:

– во-первых, даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов;

– во-вторых, привлечь к участию в Думе классы населения, лишенные избирательных прав;

– в-третьих, установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы;

– в-четвертых, обеспечить народным представителям возможность действительного участия в надзоре за законностью действий министров.

В манифесте прозвучал призыв «всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиною, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с Нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле»[2].

Таким образом, главное отличие данного государственного акта от проектов создания законосовещательного представительного органа, предложенных в 1904 году министром внутренних дел князем Святополк-Мирским и летом 1905 года министром внутренних дел Булыгиным, заключалось в том, что Манифест 17 октября 1905 года кроме провозглашения основных гражданских свобод (неприкосновенность личности, свободы совести, слова, собраний и союзов) установил незыблемое правило, «чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы», т.е. вводил в России законодательный представительный орган – Государственную Думу.

В своих воспоминаниях А.П. Извольский отмечает, что после опубликования Манифеста 17 октября граф Витте оказался объектом жесткой критики со стороны крайне правых и крайне левых, а со стороны умеренных либералов встретил полное равнодушие. Сам граф С.Ю. Витте находясь в пессимистическом настроении сказал, что «Манифест 17 октября предотвратил немедленную катастрофу, но он не явился радикальным лекарством в создавшемся

© А. Н. Баранов, 2006

положении, которое до сих пор остается угрожающим. Все, на что я могу надеяться, – это сохранить положение без больших потрясений до открытия Думы, но даже в осуществлении этой надежды я не могу быть вполне уверен. Новый революционный взрыв представляется всегда возможным»[3].

В оценке манифеста 17 октября единства мнений нет и не было как среди современников, так и среди потомков. Два направления в российском либерализме, которое наиболее ярко представляли ведущие политические партии – конституционно-демократическая и «Союз 17 октября» соответственно по разному относились к манифесту 17 октября.

Несмотря на то, что кадеты в целом положительно оценили Манифест 17 октября 1905 г., провозглашавший введение в стране гражданских и политических свобод, созыв законодательной Государственной думы и расширение круга избирателей они, в отличие от октябристов, не заявили о безусловной поддержке правительства. В резолюции I учредительного съезда кадетской партии, принятой 18 октября, отмечалось, что «осуществление признанных Манифестом начал новой политической жизни поставлено в такие условия, при которых не может быть никакой уверенности в полноте и последовательности этого осуществления»[4]. В резолюции также указывалось, что Государственная дума, о созыве которой говорилось в Манифесте, «не может быть признана правильным народным представительством». Поэтому ближайшей задачей партии «остается достижение поставленной раньше цели – созыва Учредительного собрания на основе всеобщего и равного избирательного права с прямым и тайным голосованием, без различия пола, национальности и вероисповедания». В резолюции проводилась мысль о том, что Учредительное собрание может быть созвано через Государственную думу.

На съезде кадетской партии был намечен целый комплекс политических реформ, которые, по мнению идеологов конституционных демократов, должны были вывести страну на путь мирного конституционного строительства. Согласно этим предложениям, правительство С.Ю. Витте должно было осуществить следующие меры: немедленно приступить к реализации программы» изложенной в Манифесте 17 октября; отменить все исключительные законы; издать избирательный закон для созыва Учредительного собрания, которое должно было выработать и принять конституцию; удалить из администрации лиц, вызвавших своими предыдущими действиями народное негодование; создать временный «деловой кабинет», полномочия которого должны были истечь к моменту созыва законодательного народного представительства и создания правительства из парламентского большинства; немедленно провести полную амнистию по политическим и религиозным преступлениям. В конце резолюции было заявлено, что не «ожидая удовлетворения намеченных требований, конституционно-демократическая партия предоставляет себе фактическое осуществление всех обещанных Манифестом, но не закрепленных точными определениями закона условий политической свободы»[5].

Свобода слова, в том числе и печатного, в соответствии с либеральной и освободительной традицией, рассматривалась лидерами конституционно-демократической партии (партии Народной свободы) как одно из неотъемлемых прав личности. В программе кадетской партии, принятой учредительным съездом 12–18 октября 1905 года, провозглашалось: «Каждый волен высказывать и устно, и письменно свои мысли, а равно обнародовать их и распространять путем печати или иным способом. Цензура, как общая, так и специальная, как бы она не называлась, упраздняется и не может быть восстановлена. За преступления и проступки, совершенные путем устного и печатного слова, виновные отвечают только перед судом»[6]. Несмотря на то, что в программе были фактически объединены понятия «свобода слова» и «свобода печати» в постановлении I съезда кадетской партии подвергся критике Манифест 17 октября, в котором «свободу печати» заменили «неясным выражением» «свобода слова»[7]. II съезд кадетской партии принял специальную «резолюцию о положении печати». Кадеты критиковали правительственные Временные правила 24 ноября 1905 года, указывая, что «идее правового государства чужды «особые преступления печати» и печатное слово может служить лишь орудием совершения общих преступлений»[8]. Все дела по печати кадеты предлагали передать в ведение суда присяжных.

Согласно Манифесту 17 октября 1905 года, населению были обещаны «незыблемые основы гражданской свободы» на началах неприкосно-

венности личности, свободы совести, слова собраний и союзов. В конце 1905 – начале 1906 гг. правительство приняло ряд «временных правил» для печати, деятельности обществ и союзов, которые регламентировали осуществление обещанных Манифестом политических свобод. Согласно принятым 4 марта 1906 г. «Временным правилам об обществах и союзах» все существовавшие в России политические партии (общества) и союзы должны были быть официально легализованы или запрещены. «Временными» эти правила были названы потому, что вводились в действие впредь до принятия, в соответствии с Манифестом 17 октября, общего закона о союзах и обществах. Кадетской партии было отказано в легализации, и подлинное объяснение этому в значительной мере дал П.А. Столыпин в статье, опубликованной в «Новом времени». Согласно ему, конституционно-демократическая партия «преследовала революционные цели»[9].

В конечном итоге, несмотря на все старания ЦК, кадетская партия была официально легализирована лишь после Февральской революции 1917 года.

В обращении ЦК октябристской партии, которое было подписано Д.Н. Шиповым и П.Л. Корфом, отмечено, что «акт 17 октября налагает» на общество «священную обязанность» твёрдо отстаивать положения Манифеста и содействовать созыву Государственной думы[10], а в основе этой «священной обязанности» лежит гражданский долг. О «священной обязанности» сплотиться вокруг провозглашённых манифестом начал, заявлялось и в программном воззвании «Союза 17 октября»[11]. Стремление придать введённым Манифестом началам вид некоторой безусловной ценности, освященной волей императора характерен для многих обращений октябристов на выборах в I и II Государственные думы.

В целой серии листовок просветительского характера под общим заголовком «Царское слово», октябристы комментировали текст Манифеста и обращений императора к народу. В них они призывали верить царю, утверждая, что он «никогда не отнимет того, что обещал», ему «всякий должен помогать», чтобы Россия успокоилась, и наладилось «общее, народное дело»[12]. Популярна была фраза: «Царь сказал: всякое право собственности неприкосновенно», как и неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов[13].

В своих предвыборных обращениях «Союз 17 октября» заявлял, что суть государственного порядка, «дарованного» Высочайшим Манифестом и отстаиваемого партией, состоит из четырёх компонентов: «царь, народное представительство с законодательной властью и права гражданской свободы»[14]. А суть позиции октябристов описывалась как «союз мира, правды и спокойного труда»[15], в котором «верные сыны отечества приняли Манифест с радостью и благодарностью, а враги нашего Отечества ополчились»[16].

В оценке Манифеста одним из самых дискуссионных вопросов стал вопрос о том вводится ли Манифестом 17 октября 1905 года в России новая форма правления, или же данный государственный акт только обещал введения в будущем провозглашенных в нем норм занимал как лидеров политический партий, так и ученых-правоведов. Наиболее точно сформулировал суть вопроса конституционный демократ Я.М. Магазинер: «заключалось ли уже в самом манифесте изменение действующего закона или такое изменение повелено было еще только произвести в будущих законах?» Он указывал на дискуссионность проблемы, поскольку ряд авторов «отстаивают право-преобразующую силу» Манифеста 17 октября, в то время как другие признают за ним «морально-политическую силу, отчасти, программу реформ»[17].

Товарищ председателя ЦК октябристской партии, профессор Александровского Университета барон С.А. Корф считал, что Манифест 17 октября 1905 года носил характер правового обещания и не создал непосредственного перехода к конституционному строю. Корф не разделял взгляды ряда ученых, утверждавшими, что Манифест 17 октября установил ограничение власти монарха в области законодательства и, следовательно, этот момент необходимо считать началом русской конституции. В своей оценке Манифеста он исходил, во-первых, из того, что Манифест 17 октября «не содержал акта установления Думы, а лишь обещание такового», а во-вторых, что между обещанием и действительным созывом Думы, т.е. в промежуток времени с 17 октября 1905 года до 27 апреля 1906 года, единоличной властью монарха был издан целый ряд важнейших актов, некоторые из которых легли в основу русской конституции[18]. Однако из того, что Манифест 17 октября носил лишь программный характер и обещания ре-

форм, по мнению Корфа, не следует, что монарх после его издания был свободен его отменить или уничтожить. «Манифест, – писал ученый в своем труде «Русское государственное право», – носит не только характер нравственного обещания, морально обязавшего монарха, его давшего, но и характер правовой нормы»[19].

Целый ряд ученых-правоведов, – Н.И. Палиенко, Н.И. Лазаревский, Е.П. Казанский и др., считали Манифест 17 октября 1905 года моральным обязательством Императора установить в будущем строй, возвещенный в Манифесте и предписанием правительству осуществить соответствующие изменения путем выработки специальных законов.

Одним из первых к вопросу о фактическом переходе от одной формы правления к другой обратился Н.И. Палиенко в своей работе «Основные законы и форма правления». В ней автор утверждал, что «в Манифесте 17 октября 1905 года не содержится ясного и категорического установления тех новых законодательных норм, которые с самого момента их обнародования юридически преобразуют абсолютный строй в конституционный»[20]. Характеризуя содержание императивной части Манифеста 17 октября, автор приходит к выводу, что оно «сводится к предписанию правительства выполнение воли монарха», а нормы Манифеста называет «директивами»[21].

Н.И. Палиенко считал, что изменение существовавшего государственного порядка и установление новой формы государственного устройства возможно лишь с выработкой и изданием «предуказанных монархом» законов. Из рассуждений автора неминуемо следует вывод об отсутствии «юридического ограничения» власти монарха, а если и можно говорить о каком-либо ограничении, то ограничением этим является «моральная обязанность монарха осуществить торжественно возвещенную им народу в Манифесте реформу». Говоря о значении Высочайшего Манифеста 17 октября для русского общества, Н.И. Палиенко дает ему следующую правовую оценку: «Для населения манифест был торжественным обращением к нему и объявлением монарха тех начал, на которых будет реформирован государственный строй России»[22].

Для подтверждения своей позиции Н.И. Палиенко в работе «Правовое значение Манифеста 17 октября 1905 года» использует аутентичное толкование двух Высочайших Манифестов: «Об усовершенствовании государственного порядка» и Манифест 20 февраля 1906 года. Слова Манифеста 17 октября – «На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной нашей воли» и текст Манифеста 20 февраля 1906 года – «Мы постановляем впредь общим правилом, что со времени созыва Государственного Совета и Государственной Думы, закон не может восприять силы без одобрения Совета и Думы» – по мнению автора, доказывают, что Манифест 17 октября 1905 года предопределил реформу, но не установил конституционный строй. Н.И. Палиенко акцентирует внимание на ключевом слове Манифеста 20 февраля 1906 года – «впредь», которое, по мнению автора, свидетельствует о том, что до момента издания Манифеста 20 февраля 1906 года «незыблемо правило, чтобы никакой закон не мог, восприять силу без одобрения Государственной Думы» не было установлено.

Точку зрения Н.И. Палиенко разделял видный ученый в области государственного права Н.И. Лазаревский, который писал, что Манифестом 17 октября «на правительство возлагалась известная программа реформ: установить права гражданской свободы, расширить избирательное право»[23]. Правовед также обратил внимание на отсроченный характер действия Манифеста 17 октября 1905 года. «Из смысла самого манифеста, – заявлял ученый, – вытекает, что непосредственно он не создал перехода от самодержавия к ограниченной монархии, но что этот переход был предрешен манифестом»[24]. Исходя из концепции о разделении актов государственной власти на те, «которыми устанавливаются юридические нормы» и те, «которыми возвещается правительственная программа» Н.И. Лазаревский определяет Высочайший Манифест 17 октября 1905 года, как руководство монарха правительству. Автор подчеркивает, что «Манифест носит программный характер», и сравнивает Манифест 17 октября с «векселем на реформу» и «исполнительным листом», предъявлением которых реализуется заложенное в этих документах право[25]. Этим он в очередной раз подчеркивает, что Манифест является своеобразным обязательством, воплощение и претворение в жизнь которого определяется последующими законами.

В работе «Исторический очерк преобразования государственного строя в царствование Императора Николая II» Н.О. Куплевасский

назвал Манифест 17 октября 1905 года «заявлением верховной власти о своих намерениях установить новые законы», при этом, утверждал, что Манифест 17 октября «не имеет значения источника права»[26].

Против данной точки зрения выступали многие идеологи политических партий России и ученые в области государственного права в числе которых были В.М. Гессен, П.Б. Струве Ф.Ф. Кокошкин, В.М. Грибовский и др. Они исследовали правопреобразующий аспект Высочайшего манифеста 17 октября 1905 года и отмечали, что Манифест со дня опубликования установил новый государственный строй, навсегда порвав со старой формой правления – самодержавием.

Полемизируя с Н.И. Палиенко, Н.И. Лазаревским и другими учеными, видевшими в Манифесте 17 октября лишь обещание реформ, член ЦК кадетской партии, депутат I Государственной думы, приват-доцент Московского университета Ф.Ф. Кокошкин. Он доказывал, что Манифест провозгласил конституционный принцип в качестве обязательной нормы русского государственного и совершил переход к новой форме правления. В качестве источника права ученый признавал общественное правосознание, которое он называл «общественным провозглашением». По его мнению, право созидается и действует в государстве не только в силу актов государственной власти но и путем общественного признания. Возражая Палиенко и Лазаревскому, Ф.Ф. Кокошкин заявлял, что Манифест 17 октября не только представляет собой «закон в формальном смысле слова», но и «представляет характерные признаки сочетания законодательного акта с прямым общественным правотворчеством»[27]. Он считал, что Манифест 17 октября 1905 года отражал чаяния и стремления русского народа и считал его общепризнанной и официально засвидетельствованной целью – «удовлетворение требований общественного правосознания, приведение законодательства в соответствии с правовыми идеями общества». Ф.Ф. Кокошкин утверждал, что «положения Манифеста воспроизводили основные требования» общественного правосознания, а «русское общество, по крайней мере, в подавляющем своем большинстве поняло манифест, как установление конституционного принципа, и считало после манифеста 17 октября 1905 года переход к этому новому образу правления бесповоротно совершившимся фактом». Он доказывал правообразующую силу Манифеста, наивысшей санкцией для которого является общественное мнение[29]. Именно поэтому, конституционный демократ считал «совпадение положений манифеста с тезисами, выдвинутыми общественным мнением не случайным, но преднамеренным со стороны законодателя».

Профессор А.С. Алексеев, как и Ф.Ф. Кокошкин, видел силу Манифеста 17 октября в «солидарности манифеста с голосами страны»[30]. Изданный в установленном для закона порядке, Алексеев бесспорно признавал Манифест 17 октября 1905 года законом «в формальном смысле». «По существу, – писал автор, – он – не предписание власти, а выражение воли общества»[31].

Продолжая полемику с Палиенко, Ф.Ф. Кокошкин полагал, что новый правопорядок был непосредственно установлен Манифестом 17 октября, а не обещан в будущем. По его мнению «Манифест 17 октября не есть инструкция министерству, не есть обещание, имеющее лишь моральное значение»[32]. В работе «Юридическая природа Манифеста 17 октября», до сих пор не утратившей своей научной ценности, Кокошкин называл Высочайший Манифест «актом провозглашения, устанавливающим первичные, основные нормы нового государственного порядка»[33].

Данную позицию разделял профессор Императорского Новороссийского университета. В.М. Грибовский, который утверждал, что Манифест 17 октября 1905 года «не простое обещание, не только программа предстоящих преобразований»[34]. Я.М. Магазинер считал, что «акт 17 октября установил юридические начала нового государственного строя», но при этом отмечал, что нормы Манифеста «широки, чтобы непосредственно начать действовать, не нуждаясь в детально разработанных законах». Проанализировав юридическое значение Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года, автор пришел к выводу, что «Манифест был не моральным обещанием, а правовым обязательством»[35].

Таким образом, из содержания Манифеста 17 октября следовало, что выполнение провозглашенных Манифестом норм, должно было быть осуществлено правительством путем выработки, совместно с Государственной Думой специальных, идущих в развитие норм Манифеста 17 октября, законов. Данное обстоятельство послужило тому, что ряд видных ученых – В.М. Гес-

сен, П.Б. Струве, Ф.Ф. Кокошкин, В.М. Грибовский и др., многие из которых входили в ЦК кадетской партии, признавали за Манифестом 17 октября правопреобразующую роль и утверждали, что с момента опубликования Манифеста 17 октября государственный строй Российской Империи был преобразован, а содержащиеся в Манифесте юридические принципы стали действующим правом. В тоже время Н.И. Палиенко, Н.И. Лазаревский и некоторые другие правоведы называли Манифест 17 октября, своеобразной программой реформ адресованной правительству для преобразования государственного строя и полагали, что Манифест обещал в будущем установить конституционный принцип и совершить переход к новой форме правления.

Примечания

[1] *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской Империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. – М., 1998. – С. 51.

[2] Законодательство эпохи империализма и буржуазно-демократических революций // Российское законодательство X–XX вв. – М., 1994. – Т. 9. – С. 41.

[3] *Извольский А.П.* Воспоминания. – М., 1989. – С. 19, 21.

[4] Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Часть I. Политические партии России. – Гомель, 1993. – С. 117.

[5] Там же. – С. 118.

[6] Конституционно-демократическая партия. Съезд 12–18 октября 1905 г. – М., 1905. – С. 10.

[7] Там же. – С. 23–24.

[8] Постановления 2-го 5–11 января 1906 г. съезда и Программа. – СПб., 1907. – С. 20.

[9] Новое время. – 1906. – 6 сент.

[10] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 115 (Союз 17 октября), оп. 1, д. 8, л. 14.

[11] Воззвание «Союза 17 октября» // Политические партии России первой четверти XX века. – Воронеж, 1992. – С. 36.

[12] ГАРФ, ф. 115, оп. 1, д. 8, ч. 1, л. 5–6.

[13] Там же, л. 8.

[14] Там же, ф. 555, оп. 1, д. 1484, л. 14–15.

[15] Там же, ф. 115, оп. 1, д. 8, ч. 1, л. 21–22.

[16] Там же, л. 26.

[17] *Магазинер Я.М.* Юридическое значение манифеста 17 октября 1905 г. // Юридический вестник. – 1915. – Кн. XI (III). – С. 65.

[18] *Корф С.А.* Русское государственное право. – М., 1915. – С. 57.

[19] Там же.

[20] *Палиенко Н.И.* Основные Законы и форма правления. – Харьков, 1910. – С. 38.

[21] Там же. – С. 40–41.

[22] Там же. – С. 41.

[23] *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. – Петроград, 1917. – С. 188.

[24] Там же. – С. 158.

[25] *Лазаревский Н.И.* Административная хроника // Вестник права. – 1905. – № 8. – С. 307, 310.

[26] *Куплевасский Н.О.* Исторический очерк преобразования государственного строя в царствование императора Николая II. – СПб, 1912. – С. 64.

[27] *Кокошкин Ф.Ф.* Юридическая природа манифеста 17 октября // Юридический вестник. – 1913. – Кн. I. – С. 54–55.

[28] Там же. – С. 54.

[29] Там же. – С. 39.

[30] *Алексеев А.С.* Манифест 17 Октября 1905 и политическое движение его вызвавшее. – М., 1915. – С. 25.

[31] Там же.

[32] *Кокошкин Ф.Ф.* Юридическая природа манифеста 17 октября // Юридический вестник. – 1913. – Кн. I. – С. 55.

[33] Там же. – С. 55.

[34] *Грибовский В.М.* Государственное устройство и управление Российской Империи. – Одесса, 1912. – С. 31.

[35] *Магазинер Я.М.* Юридическое значение манифеста 17 октября 1905 г. // Юридический вестник. – 1915. – Кн. XI (III). – С. 66–67.

О. А. Лебедева

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ПОВЫШЕНИЮ КВАЛИФИКАЦИИ УЧИТЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 60–70-Е ГГ. XX В. (на материалах Верхнего Поволжья)

Реалии сегодняшнего дня, состояние современного образования и активное внедрение инноваций показывают необходимость обращения к опыту государственных и общественных организаций по реформированию сферы просвещения в прошлом. Одна из самых масштабных реформ XX в. – переход ко всеобщему среднему образованию молодежи, серьезная попытка осуществления которой была предпринята партийно-государственными органами Советского Союза в 1960–1970-е гг. Ее изучение открывает богатые возможности для выявления механизма воздействия власти на общество в целом, власти и общества на учительскую интеллигенцию в частности, определения стимулов к повышению педагогической квалификации, достижений и просчетов в подготовке учителей, рассмотрения множества иных проблем.

Объектом нашего интереса является учительская интеллигенция в годы перехода по всеобщему среднему образованию молодежи. Предмет исследования – деятельность партийно-государственных и общественных организаций по повышению квалификации учительства. Регион изучения – Верхнее Поволжье, имеющий богатые традиции, значимый опыт по работе с учительской интеллигенцией, где немало талантливых педагогов, труд которых был оценен высокими званиями и наградами[1].

Источниковую базу статьи составили архивные материалы, нормативные и другие документы, журнальные и газетные публикации.

Переход ко всеобщему среднему образованию выявил противоречие: подготовленное в соответствии с новыми требованиями специалистами востребовались сразу, а вузы и училища могли выпустить их только через три–пять лет. Поэтому изначально внимание сосредоточили на повышении квалификации учителей. В программном документе «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» (1966 г.) ЦК КПСС и Совет Министров СССР подчеркивали, что дело совершенствования народного образования зависит прежде всего от учителя, его научной и методической квалификации, идейно-политического и культурного кругозора, поэтому необходимо создать надлежащие условия для успешной работы учителей, систематического повышения их квалификации[2]. В другом постановлении «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы» (1972 г.) вновь было заявлено о постоянном росте квалификации, мастерства и творческой инициативы педагогов[3]. Заметим, что в документах совершенно справедливо отмечены ведущая роль учителя в осуществлении реформ и как следствие, необходимость сохранения за ним высокого профессионального уровня, под которым в те годы подразумевали прежде всего достаточную идейность, соответствующее мировоззрение и определенную степень политической грамотности педагога. Другая особенность постановлений заключена в их декларативном характере: в них не проработаны, а вернее сказать, слабо обозначены механизмы достижения поставленной задачи по повышению квалификации учителей. Центр тяжести смещен на деятельность и мобилизацию сил партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, органов народного образования на выполнение заданий определенного круга. Это позволяет высказать предположение, что перед местными органами государственной власти открывали известную самостоятельность, свободу действий, но в четко идеологически очерченных пределах, в рамках ограниченного сроками и программами объема.

О вмешательстве партийных органов в эту сферу мы уже писали[4], отмечая факт их воздействия на учительство через педагогическую и специально организованную деятельность – политическое просвещение, агитационно-массовую работу. Гораздо ближе к педагогам стояли органы народного образования, ИУУ, методические кабинеты и объединения, ибо в круг их обязанностей всегда включали повышение квалификации учителей; сами работники этих струк-

 © О. А. Лебедева, 2006

тур – профессионалы, знающие школу, запросы и нужды провинциальной интеллигенции и, наконец, они обладали рычагами административного воздействия, которые активно применяли. Несмотря на это, у органов образования возникали вопросы: как в максимально короткие сроки охватить повышением квалификации всю учительскую интеллигенцию региона, если ее численность значительна: в Верхнем Поволжье она составила 41907 человек[5]; где взять программы и учебные планы; какие формы квалификации задействовать для скорейшего достижения цели и т.д. Ответ нашли в определении приоритетов. Таковыми, на наш взгляд, были – организация работы по новым программам и учебным планам; выявление, изучение, обобщение и распространение передового педагогического опыта.

Случилось так, что процесс перестройки работы школы в 1960–1970 гг. шел параллельно с изменениями в самой системе повышения квалификации. В начале органы образования, администрация школ предоставили ИУУ, методкабинетам и методобъединениям возможность проявить инициативу, творчество. К составлению программ повышения квалификации привлекли преподавателей вузов, методистов ИУУ, лучших учителей. Отсюда, видимо, отсутствие в них единообразия, многовариантность. Позднее в журналах по предметам стали публиковать тематические планы переподготовки. Весной 1968 г. в журнале «Преподавание истории в школе» появился подобный план для учителей истории и обществоведения. Он включал следующие разделы: I. Содержание идейно-политической подготовки; II. Подготовка учителей по общим педагогическим вопросам; III. Научно-теоретическая и методическая подготовка. Документ расшифровывал содержание каждого раздела, количество часов на их изучение, но и оставлял возможность для маневра: органы образования по своему усмотрению могли включать местные факты, темы научно-теоретической и методической подготовки учителей каждой специальности носили рекомендательный характер и могли меняться в зависимости от уровня подготовки слушателей, местных условий[6]. По мере усиления партийно-государственного влияния на органы народного образования программы и особенно учебно-тематические планы стали спускаться сверху, Центральным ИУУ. Они были унифицированы и политизированы.

За счет поддержки государственных органов ИУУ постепенно собирают под свое начало почти все составляющие системы повышения квалификации, становятся главным центром переподготовки учительской интеллигенции в провинции. Они разрабатывают перспективные планы повышения квалификации, вычленяют их основные формы: летние курсы, очное, заочное обучение, вечерние городские курсы, районные и городские семинары, опорные школы и т.д.; устанавливают сроки проведения курсовых мероприятий; приглашают для проведения занятий высококвалифицированных специалистов. Обучение учителей на курсах осуществляли традиционным путем – через лекции семинары, но с течением времени появляются новшества. Их официально рекомендовали и пропагандировали отделы образования. Так, в 1973 г. совет Костромского областного отдела образования и совет ИУУ на совместном заседании предложили для занятий систему докурсовых и послекурсовых заданий, зачеты, собеседования и т.д.[7], которые делали учителей активными участниками процесса повышения квалификации.

Итак, государственные образовательные учреждения стремились сделать переход на новые программы и планы обучения учителей в системе повышения квалификации максимально насыщенными, полезными. Однако почти полное отсутствие опережающей переподготовке учителей существенно ослабляло результаты их работы.

Выявлением, изучением, обобщением и распространением передового педагогического опыта лучших представителей учительской интеллигенции занимались администрация школ, районо, гороно, методические кабинеты, ИУУ. Механизм этого прост – посещение уроков, проверка работы школ, широко практиковавшиеся в 1960–1970 гг., а далее, если речь шла о школе, оформление методического уголка, в котором на специальном стенде или в папках накапливали конспекты интересных уроков, разработки тем, методические записки и т.д.; если о методических кабинетах в городах и районах, то обобщение положительного опыта проводилось по основным проблемам, над которыми школы работали. Итог – выступление учителей с докладами на методических объединениях, участие в Педагогических чтениях и научно-практических конференциях. Когда опыт лучших анализировали ИУУ, составляли, как в Костроме[8], карто-

теки передового опыта с краткой аннотацией достижений учителя или школы, оформляли соответствующие стенды, альбомы, выпускали бюллетени и методические рекомендации. Издательская деятельность в ИУУ в то время была значительной и содержательной по объему. Так, в 1970 г. директор Центрального ИУУ в числе наиболее активных называл Ярославский областной ИУУ[9]. Важно, что в публикациях раскрывались различные направления работы учителя – от подготовки и проведения уроков до повышения теоретического уровня за счет изучения наследия выдающихся педагогов.

В Верхнем Поволжье существовала наиболее ценная по причине действенности, наглядности форма распространения лучшего опыта организации учебного процесса. Это – школы передового опыта. Сейчас уже трудно установить сколько их было, так как цифровые показатели весьма не точны. Например, в Костромской области в 1965–1966 учебном году таких школ насчитывалось 150, а в 1966–1967 гг. – 65[10]. Удивительно, что в документах не объясняется факт снижения их численности. Складывается впечатление, что в погоне за цифровыми показателями успешности перехода ко всеобщему среднему, масштабностью задач о них забыли или посчитали неэффективными. Однако имеющейся материал позволяет довольно точно установить содержание такой формы работы и сделать противоположный вывод – в провинции, когда возможности для ознакомления с современными педтехнологиями и новинками педагогической литературы ограничены, эта форма распространения передового опыта одна из перспективных. В 1960-е гг. в Костромской области в течение ряда лет в Нейской средней школе № 2 успешно функционировала школа передового опыта начальных классов под руководством З.Н. Нелидовой. Работа была организованна следующим образом: четко формулировалась тема «Слияние обучения воспитания в единый процесс на уроках русского языка», определялся порядок проведения занятий – первое полугодие выступления руководителя с докладами, демонстрация теоретических достижений во время открытых уроков; второе полугодие – открытые уроки и выступления слушателей. В результате методисты ИУУ, инспектора облоно констатировали, что учителя окрепли методически, улучшилось качество знаний учащихся[11].

Особая форма распространения передового опыта – Педагогические чтения, цель которых определялась специальным «Положением»: «организация обмена опытом учебно-воспитательной работы передовых учителей, других работников просвещения и родителей учащихся, а также привлечение их к научной разработке вопросов воспитания и обучения подрастающего поколения»[12].

В регионе Педагогические чтения организовывали все ИУУ, но наиболее типичной и интересной, нашедшей отражение на страницах центральной и местной печати, была работа Владимирского ИУУ. Первые, после провозглашения курса на всеобщее среднее образование молодежи, чтения «Пути повышения качества обучения учащихся» были проведены в марте 1967 г. Выбор темы, срок активизировали учительство, вызывали желание принять участие. Отсюда, возможно, предоставление такого значительного количества рукописей – 241 и то, что на пленарном заседании и 17 секциях, заслушали 152 доклада[13]. Еще больше докладов, 173, вынесли на чтения в 1968 г., а 22 направили на Центральные Педагогические чтения[14].

Следующие были посвящены 100-летию со дня рождения В.И. Ленина и 50-летию образования СССР.

Педагогические чтения проводились регулярно, носили проблемный характер – с одной стороны, преобладала юбилейная тематика, с другой – психолого-педагогическая. Доклады охватывали практически все стороны деятельности педагогического коллектива, от особенностей преподавания на уроке конкретной темы до вопросов руководства народным образованием. Заметим, что с самого начала ощущался количественный подход при подготовке и проведении чтений. Тенденция к увеличению числа докладов, расширению количества участников преобладала на протяжении всего десятилетия. Понятно, что среди них были материалы описательного характера, не всегда отражавшие именно передовой опыт, но представлялись доклады и высокого уровня. В их числе работа талантливого учителя истории и обществоведения школы № 1 поселка Мстера Владимирской области В.С. Шувалова. Его доклад «Межпредметные связи при изучении обществоведения» был представлен на первые Всесоюзные Педагогические чтения в январе 1968 г. и заслушан с большим интересом. Призидиум АПН СССР высоко оценил док-

лад и присудил В.С. Шувалову вторую премию. Позднее доклад опубликовали на страницах журнала «Преподавание истории в школе», а об авторе написали в рубрике «О лучших учителях»[15].

На наш взгляд, Педагогические чтения были важной формой повышения квалификации учительства. Они сыграли положительную роль в его обогащении знаниями по психологии и педагогике, способствовали развитию навыков к обобщению, анализу фактов, распространению передового опыта.

Анализируя формы, методы, механизмы обобщения передового опыта, трудно говорить о критериях отбора лучших педагогов. В документах они почти не прослеживаются, но по косвенным данным некоторые выводы возможны. В 1969 г. В Костроме президиум обкома профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений и областной отдел образования объявили смотр-конкурс на лучшую постановку методической работы в школах. Условия конкурса позволяют назвать основное в оценке педагогов тех лет. На первое место ставили работу по совершенствованию методов обучения и воспитания, методическое и педагогическое мастерство учителя, повышения уровня научно-теоретических знаний, работу по новым программам, высокий идейный уровень[16]. И это верно. Однако, партийно-государственные и общественные структуры забывали о необходимости введения в действие экономических стимулов, что должно было усилить интерес учителей к повышению квалификации и позитивно сказаться на школе. В то же время прошлый опыт предостерегает от недооценки внимания государственных и общественных организаций к повышению квалификации учителей, особенно их научно-теоретического, методического и нравственного уровня.

Примечания

[1] Напр.: Кашкин Ю.С., директор школы-интерната № 2 г. Рыбинска Ярославской области; Рузина Л.С., учитель истории и обществоведения Тургеневской средней школы Меленковского района Владимирской области; Крутиков Д.П., директор Межевской средней школы Костромской области и многие другие.

[2] Народное образование в СССР. Сборник нормативных актов. – М., 1987. – С. 95–96.

[3] Там же. – С. 99.

[4] *Лебедева О.А.* Усиление партийно-государственного влияния на педагогическую интеллигенцию в 60–70-е гг. // Вестник КГПУ им. Н.А. Некрасова – 1995. – № 4. – С. 46–48.

[5] Государственный архив Владимирской области (ГАВО), ф. Р-3742, оп. 2, д. 600, л. 2; Текущий архив Ивановского отдела народного образования. Сводные отчеты с 1965/66 учебного года по 1970/71 учебный год, л. 27; Текущий архив Костромского областного отдела народного образования. Отчеты министерству просвещения РСФСР за 1966/67 учебный год, л. 85; Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), ф. Р–2224, оп. 8, д. 26, л. 3.

[6] Преподавание истории в школе. – 1968. – № 3. – С. 76–81.

[7]. Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. Р.-2398, оп. 3, д. 145, л. 33.

[8] Там же, д. 146, л. 12.

[9] Народное образование. – 1970. – № 3. – С. 37.

[10] ГАКО, ф. Р.-2398, оп. 3, д. 43, л. 11; д. 60, л. 20–21.

[11] Там же, д. 43, л. 11.

[12] Народное образование в СССР. – М., 1967. – С. 173.

[13] ГАВО, ф. 164, оп. 1, д. 100, л. 17.

[14] Там же, д. 100, л. 17.

[15] Преподавание истории в школе. – 1968. – №2 – С. 29, 32; № 4. – С. 32–36; 1971. – № 4. – С. 93–94.

[16] ГАКО, ф. Р.-2398, оп. 3, д. 149, л. 3–4.

А. М. Пушкарев

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ» В НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

Тема «история повседневности» вначале была поднята западными исследователями. «Разные виды деятельности и те, кто ими занимается, имеют свои истории. Эти истории, в свою очередь, могут быть так же важны, и возможно более интересны, чем ограниченные отчеты о политических событиях прошлого. Они *могут помочь понять самих себя*» – так оценил значение изучение повседневности, «своих историй» разных людей один из выдающихся западных социальных историков Питер Стернс[1].

Спустя примерно 20 лет после опубликования этих строк интересом к «истории повседневности» оказались отмечены и работы российских ученых – как раз тех, кто обратился к изучению истории «нового быта» 1920-х гг.[2] Их взгляд на проблему заслуживает пристального внимания. Так, Ю.А. Поляков в статье «Человек в повседневности (исторические аспекты)»[3], отмечает чрезвычайную важность и актуальность «повседневноведения», ссылаясь на мировой научный опыт последних лет. При этом он дает достаточно расплывчатое определение концепта «история повседневности» как «суммы миллиардов судеб людей, живущих в далеком и близком минувшем». Конкретизируя, он выделяет ряд направлений изучения вопроса: историко-демографическое направление, изучение истории брака, семьи, взаимоотношений полов и сексуальной культуры, изучение жизненных условий (куда автор включает жилищные условия, медицинское обслуживание, досуг, транспорт и т.д.).

Отметив ведущую роль *междисциплинарности* при изучении истории повседневной жизни, Ю.А. Поляков полагает, что «специфические задачи и методики этнологии совершенно недостаточны для познания многогранности человеческого бытия»[4]. Он говорит о необходимости «сотрудничества всех исторических дисциплин», в том числе этнологии, истории культуры, демографии и тем самым он пытается определить степень взаимодействия и пересечения социальной истории в целом и вспомогательных дисциплин на общем поле «истории повседневности». Примечательно и важно, что этот исследователь включил в «повседневноведение» изучение «полового вопроса» в России и СССР, то есть сексуальной культуры – ведь «на Западе это направление уже получило широкое развитие»[5]. Публикация статьи в Ю.А. Полякова в одном из ведущих российских исторических журналов показательна – консервативная часть российского исторического сообщества начала признавать актуальность поставленной проблематики в свете заинтересованности западных ученых аналогичными вопросами.

Вопрос о соотношении традиционной истории, социальной истории и истории повседневности рассматривает также один из наиболее ярких российских авторов, изучающих историю советской повседневности – С.В. Журавлев[6]. В очерке, служащем предисловием к последней монографии исследователя[7], он поднимает проблему соотношения социальной истории, истории повседневности и истории быта. Поскольку предметом изучения автора стало российское общество в 1920–1930-е гг., он отметил: для исследования советской истории «задачей номер один» является «изучение… взаимодействия общества и власти как единой системы». С точки зрения социальной истории, считает он, «традиционное деление людей на более и менее значимые субъекты исторического процесса не может считаться оправданным в том числе из-за уникальности и самоценности человеческого индивидуума как такового… Новый ракурс социальной истории заключается в том, что она исходит из мнения о человеке как активном действующем лице прошлого». С.В. Журавлев доказал, что история повседневности, активно разрабатываемая в последние годы, сейчас тесно переплетена с другими течениями социальной истории – микроисторией, биографической историей, историей эмоций, ведь она выдвигает «на передний план исследование *социальной практики людей* (курсив мой. – *А.П.*)» и не стремится к «глобальным обобщениям». Изучение прошлого историки повседневности заставили увидеть, таким образом, как «*процесс* его реконструкции». С точки зрения дефиниций, существенно замечание С.В. Журавлева о необходимости

© А. М. Пушкарев, 2006

разделения повседневности на «бытовую» (сфера личной жизни, семья, дом, дети, досуг, дружба) и «производственную». Мне видится в этом актуальность поиска адекватных методик, призванных связать воедино «пестроту» исторического действа с учетом многообразия личного опыта и форм поведения людей. «Возвратить историю к человеку и повествованию, к рассказам о прошлом, реконструируя его… на другом качественном витке», основываясь на взгляд на события «снизу», «глазами и словами рядового человека», на основе новых источников и на базе достижений смежных наук о человеке и обществе (историческая антропология, лингвистика, психология, этнология, демография»[8] – вот круг задач, постулируемых С.В. Журавлевым применительно к анализируемому направлению социальной истории.

В ряде других работ, посвященных анализу российской и советской повседневности той или иной эпохи, методологическим проблемам уделяется гораздо меньше места. Но нельзя не отметить монографии Н.Б. Лебиной «Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы»[9]. Это одна из первых крупных работ отечественных исследователей, посвященных практическому изучению истории советской повседневности в 1920–1930-х гг. История повседневности в данной работе рассматривается как комплекс взаимодействий девиантного (отклоняющегося от нормы) и нормативного в советской повседневной культуре. Именно на нестандартном, отличном от нормы и заостряет свое внимание автор, предоставляя читателю новый ракурс как истории повседневности в СССР в 1920–1930-е гг., так истории повседневного в целом. Для исследователя сексуальной культуры первого послереволюционного десятилетия важны те области *сексуального девиантного*, которые были выделены и освещены Н.Б. Лелиной: подробно проанализированная проституция[10], кратко упомянутые дискуссии по «половому вопросу» и борьба с сексуальными «извращениями» морали, аборты[11].

Спустя несколько лет в сборнике статей, посвященном реформам и революциям в России XX в., вышла статья В.С. Тяжельниковой, дискутирующая с методом изучения истории повседневности, предложенным Н.Б. Лебиной. «Отмечая новаторский характер исследования Н.Б. Лебиной и отдавая ему должное, вряд ли можно признать предложенную ею стратегию изучения повседневности перспективной», отмечает автор, подчеркивая что «построение исследовательской стратегии в русле дихотомии «нормально-ненормально» само по себе вносит существенные априорные ограничения в исследовательский процесс». В.С. Тяжельникова подчеркивает, что Н.Б. Лебина пытается поместить имеющийся у нее фактологический материал в рамки «прокрустова ложа» выбранной парадигмы, что приводит к «несколько упрощенным обобщениям»[12]. В то же время, автор подчеркивает важность и верность концепций, избранных С.В. Журавлевым и А.К. Соколовым[13], также причисляя к сторонникам их метода и Е.Ю. Зубкову[14], ссылаясь на ее монографию о советской повседневности после Великой Отечественной войны. Однако, сам С.В. Журавлев, отсылая в своей монографии к более ранней работе Е.Ю. Зубковой, посвященной проблемам исторической памяти[15], считает ее точку зрения о разделении истории повседневности на две истории – «большую», профессиональную, и «малую», обыденную, понимающей изучение истории повседневности как изучение взаимодействия этих двух историй, «весьма спорной»[16].

С точки зрения В.С. Тяжельниковой, «центральная проблема, возникающая при обращении к истории повседневности первых послереволюционных лет и межвоенного периода в целом – это характер происходящих в обществе трансформационных процессов, выявление их конкретных механизмов»[17]. Автор иллюстрирует свою концепцию повседневности после 1917 г. рядом примеров «бытового» характера (голод, топливный кризис и т.д.), в то же время не упоминания в статье никаких фактов, связанных с историей «нового быта» или гендерной системы, преобразований в этой сфере, хотя именно изменения в сфере отношений полов были одним из значимых трансформационных процессов тех лет. Аналогично «не замечает» вопросы пола или уделяет им недостаточное внимание подавляющее большинство авторов, опубликовавших в сборнике свои статьи о различных аспектах повседневности послереволюционных лет.

Другие попытки определить проблемное поле «истории повседневности»[18], разделить его с «не-повседневным», крайне редки: «историю повседневности» то сводят к микро-истории[19], то ставят знак равенства между изучением «по-

вседневности» и традиционными исследованиями быта, хотя и не признаются в этом открыто.

С точки зрения современных теоретиков вопроса, историческая наука, как правило, «пасует перед современностью с ее альтернативами и скрытыми от документальных источников тривиальностями»[20]. Однако и культурологические штудии отдельных аспектов повседневного (цвета, деталей одежды, запахов и проч.) могут таить в себе опасность схематизации, осовременивания, упрощения[21]. Вместо скрупулезного анализа многочисленных фактов, культурологии размышляют о семиотике идеологем, связанных с тем или иным предметом[22]: само по себе важно и это, но оно не раскрывает всего «многоголосия» истории повседневности. Напротив, конкретно-историческим исследованиям, в том числе на материалах российской провинции, вносящим огромный вклад в анализ темы, не хватает широты взгляда: по сути – это краеведческие штудии, без которых, впрочем, не может быть создано общей картины повседневности слоя, класса, социальной группы[23]. Перекоса в сторону бытописательства и эмпиризма удалось избежать разве что группе молодых петербургских исследователей, но выпущенным ими сборникам не хватает тематического и идейного единства[24].

Трудно, однако переоценить все эти материалы для дальнейшей рефлексии на тему «история повседневности», их как иллюстративный, так и эвристический потенциал[25].

Примечания

[1] *Stearns P.* Introdustion // Stearns P. The Other Side of Western Civilisation. – N.Y., 1976. – V. 2. – P. 5.

[2] Российская повседневность 1921–1941. Новые подходы. – СПб., 1995.

[3] *Поляков Ю.А.* Человек в повседневности (исторические аспекты) // Вопросы истории. – 2000. – № 3. – С. 125–132.

[4] Там же. – С. 127.

[5] Там же. – С. 129.

[6] Кроме монографии см., напр.: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов / Авторы текста и комментариев А.К. Соколов, С.В. Журавлев, В.В. Кабанов. – М., 1997; Общество и власть. 1930-е гг. / Отв. ред. А.К. Соколов / Авторы текста и комментариев А.К. Соколов, С.В. Журавлев. – М., 1998; *Журавлев С.В., Соколов А.К.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е гг. // Социальная история. Ежегодник. 1997. – М., 1998. – С. 287–332; *Журавлев С.В.* Иностранная колония московского Электрозавода в начале 1930-х гг.: опыт микроисследования // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. – М., 1999. – С. 366–410 и др. Также см. материалы круглого стола, посвященного обсуждению монографии «“Маленькие люди” и “большая история”: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг.» (М., 2000) в сборнике: Теоретические проблемы исторических исследований / Отв. ред. Е.И. Пивовар. Вып. 4. Май 2002. – М., 2002. – С. 118–134.

[7] *Журавлев С.В.* «Микроскоп» и «скальпель» в руках исследователя: новые подходы и инструментарий социальной истории // Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. – М., 2000. – С. 5–25.

[8] Там же. – С. 1, 5, 7, 15, 19–20.

[9] *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. – СПб., 1999.

[10] Об этом см.: *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге. – М., 1994.

[11] *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь… – С. 79–98; 270–276; 281–292 соотв.

[12] *Тяжельникова В.С.* Повседневность и революционные преобразования советской власти // Россия в XX в. Реформы и революции / Под ред. Г.Н. Севостьянова. Т. 2. – М., 2002. – С. 85.

[13] См. сн. 6.

[14] *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. – М., 1999.

[15] *Зубкова Е.Ю.* О «детской» литературе и других проблемах нашей исторической памяти // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996. – С. 155–157.

[16] *Журавлев С.В.* «Микроскоп»… – С. 16.

[17] *Тяжельникова В.С.* Повседневность… – С. 87.

[18] Мифология и повседневность: Материалы научной конференции 18–20 февраля 1998. – СПб., 1998; *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. – М., 1999; *Журавлев С.В.* «Микроскоп»… – С. 5–25; *Сенявский А.С.* Повседневность как методологическая проблема микро- и макро-исторических исследований (на материалах российской истории XX в.) // История

в XXI в. Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. – М., 2001.

[19] «Главным приемом исследования является микроанализ…» (См.: *Курьянович А.В.* История повседневности: особенности подхода, цели и методы // История в XXI в. Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. – М., 2001. – С. 35).

[20] *Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Указ. соч. – С. 197.

[21] *Кон И.С.* Битва за штаны: этикет, мода, политика, идеология // Человек. – 2001. – № 5; *Брусиловская Л.Б.* Культура повседневности в эпоху «оттепели» (метаморфозы стиля) // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1; *Вайнштейн О.* Семиотика «Шанель № 5» // Книжное обозрение. – 2003. – № 11. – 17 марта. – С. 23.

[22] *Пастуро М.* Синий: история цвета. – М., 2000.

[23] См., например: Женская повседневность в России в XVIII–XX вв. / Под ред. П.П. Щербинина. – Тамбов, 2003.

[24] История повседневности. Сборник научных работ / Под ред. М.М. Кром. – СПб., 2003 [Серия «Источник. Историк. История». Вып. 3].

[25] *Гудков Л.* Культура повседневности в новейших социологических исследованиях. – М., 1993.

Н. Г. Новосёлова

АКТОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НЕРЕХТЫ XIII – XVIII ВВ.

Задача всестороннего изучения исторического прошлого и культурного наследия малых русских городов является одной из ключевых ведущих тем в отечественной науке как дореволюционного, советского, так и современного периодов. Данная тенденция объясняется значимой ролью городов как основных центров общественно-политической, экономико-хозяйственной, административной и социокультурной жизни России средневекового и нового времени. Источники по социально-экономическому, политическому и культурному развитию Нерехты XIII–XVIII вв. следует разбить на несколько групп: законодательные документы; летописи; актовые материалы; делопроизводственная переписка; статистические источники и публицистика. Подробнее остановимся на анализе актовых материалов и статистических источников.

Актовые источники включают в себя грамоты, векселя, расписки, челобитные, отпускные, купчие XIII–XVIII вв., связанные с историей Нерехты и хранящиеся в фондах Государственного архива Костромской области (далее ГАКО). Большинство документов, хранящихся в Костромском архиве, носит хозяйственный характер. Данные материалы позволяют представить эволюцию становления и развития экономической жизни Нерехты. Сведения, характеризующие церковную организацию и религиозную жизнь горожан, отложились в актовых материалах, хранящихся в фондах КОИАМЗ «Ипатьевский монастырь». Они показывают то влияние, которым пользовалась нерехтская церковная организация в крае и отмечают ее роль в формировании духовно-нравственной культуры широких слоёв городского населения Нерехты.

Одним из основных источников по теме историко-культурного развития Нерехтского края в XIII–XVIII вв. является рукопись местного историка и краеведа М.Я. Диева «Костромская Вивлиофика»[1]. Данный труд до настоящего времени не был опубликован полностью. На его страницах нерехтский краевед представил большое количество документов по истории не только Нерехты, но и целого ряда городов и сел Костромской губернии. М.Я. Диевым были записаны акты, грамоты, фрагменты писцовых книг, затрагивавшие вопросы экономической и культурной жизни населения края.

Значительная часть документального материала в «Костромской Вивлиофике» связана с Нерехтой и Нерехтской землёй. Она включает в себя акты, грамоты, векселя, вкладные, меновые, купчие, отпускные, описи, выписи из вотчинных книг меры и письма и позволяет составить наиболее полное представление о жизни как нерехтчан-мирян, так и обитателей нерехтских Троице-Сыпанова и Сретенско-Богородицкого монастырей в разные периоды времени.

Большое количество документов «Костромской Вивлиофики» связано с Петровской эпохой. Различные постановления, свидетельства о сбо-

© Н. Г. Новосёлова, 2006

рах с церквей, богомольные грамоты, разделы имущества, подтверждения прав, расписки, жалобы, исковые и явочные челобитные, догляды, сыски, отрывки из следственных дел позволяют воссоздать историческую картину жизни города при Петре I, показать отношение населения к петровским нововведениям, ломку привычных религиозных, нравственных установок и ценностей, рассмотреть позиции сторонников и противников реформ. Документальный материал, собранный М.Я. Диевым может быть использован как при изучении исторического прошлого Нерехты, так и при исследовании истории церкви и религиозного мировоззрения людей.

Актовый материал также опубликован в различных сборниках документов[2]. Он содержит юридические акты, духовные, договорные, сотные, жалованные, царские, указные грамоты, которые несут нам сведения о Нерехте и близлежащих городах. Акты писцовых, окладных и таможенных книг раскрывают картину внешнего облика городов, характеризуют социальный состав, занятия, развитие хозяйства и торговли среди городских жителей.

Актовые материалы дают возможность проанализировать экономическое, политическое и социо-культурное состояние городов Костромского края, сделать выводы об изменениях в положении костромичей в течение XIII–XVII вв. На основании данного вида исторических источников можно также составить представление о трансформациях мировоззренческих установок нерехтчан, определить обстоятельства и причины, и дать оценку событий, под воздействием которых происходили данные изменения.

Статистические материалы включают в себя, прежде всего, комплекс архивных документов, в число которых входят статистические сведения о Нерехте и Нерехтском уезде, собранные в 1773–1783 гг. землемером Дмитрием Ястребовым. В настоящее время они хранятся в РГАДА под заглавием «Костромская губерния. Нерехтский уезд»[3].

В ряде фондов ГАКО приводятся статистические данные о составе чиновничьего аппарата и церковнослужителях Нерехты[4]. Ценность этих источников заключается в том, что в них дана статистическая характеристика двух церковных центров Нерехты – Троице-Сыпанова и Сретенско-Богородицкого монастырей, а также чиновничества и духовенства города.

Статистические материалы, касающиеся истории развития Нерехты в XIII–XVIII вв., опубликованы в ряде краеведческих изданий[5]. Для наиболее полного раскрытия темы культурного развития Нерехты XIV–XVIII вв. следует обратиться к справочно-статистическим данным, содержащимся в трудах Я. Крживоблоцкого и члена совета Костромской архивной комиссии П.А. Алмазова[6]. Я. Крживоблоцкий привел сведения о правительственных учреждениях, врачебных, исправительных, почтовых заведениях с момента образования Костромской губернии, деятельности духовного управления и церковном образовании, религиозных сектах, храмах, часовнях, гражданских учебных заведениях и библиотеках, находившихся в Нерехте. В «Кратком путеводителе» П.А. Алмазова дано самое общее представление о развитии городов Костромской губернии, в том числе и Нерехты. Достоинство книги заключается в том, что автор значительное место отводит статистическим данным по народному образованию.

К статистическим источникам относится значительное число документальных материалов по церковной и религиозной истории Нерехты, входящих в статистические издания Костромской епархии. Сюда входят списки церквей Нерехты с указанием имен священнослужителей, церковных средств, статистических сведений о причте и прихожанах. Статистические и справочные материалы, приведенные в данных источниках, играют важную роль в изучении истории развития церковной и религиозной жизни нерехтчан[7].

Таким образом, источниковая база по изучению социально-экономического, политического и историко-культурного развития Нерехты XIII–XVIII вв. достаточно многообразна. Изучение актовых материалов и статистических источников позволяет проследить процессы и явления, происходящие во всех областях жизни Нерехты XIII–XVIII вв. Изучение всего комплекса документальных материалов помогает рассмотреть почти восьмисотлетнюю историю города и подводит к выводу о том, что, расположенная в Центральном районе страны, Нерехта имеет богатое историческое прошлое и культурные традиции, тесно связанные с историческими судьбами всей России.

Примечания

[1] См.: КОИАМЗ «Ипатьевский монастырь». КОК 24738.

[2] См.: Акты Троице-Сергиева монастыря. – М., 1984. – Т. 1; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией АН. – СПб., 1841. – Т. 2; Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. – СПб., 1837. – Т. 1; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. – СПб., 1836. – Т. 1, Т. 3–4; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. – М., 1910; Старинные волости и станы в Костромской стороне: Материалы для историко-географического словаря Костромской губернии. – М., 1909; Таможенная книга Московского государства в XVII веке. – М.; Л., 1951; *Шумаков С.* Сотницы, грамоты и записи // Костромские сотницы 7068–7076 годов. – М., 1903. – Вып. 2.

[3] См.: РГАДА, ф. 135д., оп. 1, д. 534.

[4] См.: ГАКО, ф. 7, оп. 1, д. 269, 412, 947, 1097, 1735; ф. 31, оп. 1, д. 1, 13, 15а, 16, 19 и др.

[5] См.: *Васьков А.Ф.* Нерехтский уезд в 1857 году. – Кострома, 1872; Волости и гмины: статистика Российской империи. XVIII. Костромская губерния. – СПб., 1890; *Навоев П.Е.* Описание Костромской Губернии. Б.м., б.г.; Описание Костромской губернии в историческом и географическом отношении. – СПб., 1871; Памятная книжка Костромской губернии на 1857 год. – Кострома, 1857; Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год, составленная Костромским Губернским Статистическим комитетом. – Кострома, 1862; Справочная книжка Костромской губернии на 1909 год. – Кострома, 1909.

[6] См.: *Крживоблоцкий Я.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Костромская губерния. – СПб., 1861; *Алмазов П.А.* Краткий путеводитель по городу Костроме и Костромской губернии. – Кострома, 1909.

[7] См.: *Беляев И.* Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, составленное на основании подлинных сведений, имеющихся по духовному ведомству. – СПб., 1863; Костромской календарь или настольная справочная книжка для всех сословий на 1872 год. – М., 1872; Краткие статистические сведения о приходских церквах Костромской епархии. – Кострома, 1911; *Самарянов В.А.* Алфавитный список церквей Костромской епархии. – Кострома, 1879; Церкви Костромской епархии. – СПб., 1909.

А. А. Рыбкин

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В 1905–1907 ГГ. В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ТВЕРСКОЙ, ЯРОСЛАВСКОЙ, КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

В настоящее время в мире остро стоит проблема политического терроризма, когда террористы не только совершают террористические акты, но и выдвигают политические требования к правительствам стран. Используют подобную тактику не только отдельные террористические группы, но и политические организации, поставившие перед собой определённые политические цели: создание своего государства, приход к власти, освобождение захваченных боевиков.

Россия впервые в своей истории столкнулась с политическим терроризмом в XIX веке, после покушения Д. Каракозова на императора Александра II. Систематическим же он стал после образования партии «Народной воли», которой 1 марта 1881 года удалось привести в исполнение свой смертный приговор Александру II. Последовавшие после этого репрессии ликвидировали террористическую организацию, но не методы борьбы с правительством и царскими чиновниками. С новой силой политический терроризм напомнил о себе в начале XX веке, после создания партии социалистов-революционеров. В марте 1901 г. был смертельно ранен эсером Карповичем министр народного просвещения Н. Боголепов. В 1902 г. И 1904 гг. в Петербурге убиты министры внутренних дел Д. Сипягин и В.П. Плеве. Террористические акты были совершёны не просто членами террористической организаций, а боевой организацией, созданной при партии социалистов-революционеров. Создание при политических партиях специальных организаций, для проведения терактов, вывело политический терроризм на новую ступень развития.

С началом революции 1905–1907 гг. подобные организации возникли и в других политических партиях, что способствовало превраще-

© А. А. Рыбкин, 2006

нию террора в массовое явление в масштабах Российской империи. Политический террор в провинции был отражением и следствием процессов, происходивших в столицах. В частности нападения в столице, копировали в провинции терактами против отдельных представителей власти. На усиление настроений протеста против действий властей и как следствие увеличения террора повлиял расстрел мирной демонстрации рабочих 9 января 1905 года. По мнению начальника Московского охранного отделения Петерсона, «…правительство, расстреляв безоружных рабочих, явившихся к своему царю с мирными заявлениями своих насущных нужд – само и окончательно порвало духовную связь между самодержавной властью и народом и первое бросило вызов для вооружёния»[1]. Убийство эсерами 4 февраля 1905 года великого князя Сергея Александровича, пропаганда теракта в многочисленных листовках способствовали внедрению в массовое сознание террористических форм борьбы с самодержавием. Откликом на этом призыв только за апрель и май 1905 года, по данным периодической печати, было 116 покушений на различных представителей власти, причём 42 человека было убито, а 62 ранено[2].

Революционный политический терроризм осуществлялся на территории губерний Верхнего Поволжья представителями РСДРП и ПСР, партий признававших использованием элементов террора в своей борьбе против властей и сочувствующих им элементов. Политический революционный террор в Тверской, Ярославской, Костромской губерниях протекал в двух основных формах:

1. Индивидуальный террор, направленный против представителей власти, полицейских чиновников, провокаторов.

2. Террор, осуществляемый боевыми дружинами в виде вооруженных столкновений с властями, экспроприаций, нападений на полицейские и военные, стратегические объекты.

Индивидуальный террор стал способом давления на власть, в условиях, когда другие – легальные способы отсутствовали. В верхневолжском регионе он превратился в орудие возмездия: за бездействие руководства губерниями во время октябрьских погромов, жестокости в подавлении революционного движения, за смерть товарищей по оружию, за предательство. Основными носителями идей и исполнителями индивидуальных террористических актов в революции 1905–1907 гг. как на общероссийском, так и местном уровне выступили эсеры со своей идеологией индивидуального террора.

Объектами для нападения стали губернаторы, высшие чиновники, полицейские и тюремные чины. На территории Верхнего Поволжья наибольшую активность эсеры проявили в Тверской губернии. 25 марта 1906 года членом боевой организации эсеров Кожевниковым в Твери при помощи бомбы был убит губернатор Слепцов виновный, по мнению эсеров, в трёх преступления: а) не принятие мер во время погрома тверской губернской земской управы; б) расправа над бастовавшими рабочими в декабре 1905 г.; в) подавление крестьянских выступлений. Убийца губернатора был задержан полицией[3]. 18 ноября 1906 года суд приговорил убийцу к смертной казни и 4 января 1907 г. приговор был приведён в исполнение[4]. В ответ на смертный приговор Кожевникову, 9 декабря 1906 г. в Твери социалист-революционер Ильинский убил из браунинга сенатора генерал-адъютанта граф Игнатьев[5]. Распространению индивидуального террора на территории Тверской губернии способствовало её географическое положение между Москвой и Петербургом, что облегчало проникновению не только революционных идей, но и террористов из других областей, что наглядно показали убийства Слепцова и Игнатьева членами летучего отряда центральной области ПСР[6]. На территории Ярославской губернии социалисты-революционеры совершили неудачное покушение на губернатора Римского-Корсакова. Член Ярославской автономной организацией партии социалистов-революционеров Веселов Владимир Фёдорович одетый в студенческую форму зашёл в кабинет к губернатору и попытался выстрелить в него из пистолета. Браунинг дал осечку. Губернатор самолично отнял оружие и задержал нападавшего[7].

Несмотря на отдельные случаи индивидуального террора, гораздо большее распространение в Верхневолжском регионе получил террор, осуществляемый боевыми дружинами, созданными при местных комитетах РСДРП и ПСР. Своим возникновением они обязаны октябрьским погромам, прокатившимся по территории Тверской, Ярославской, Костромской губерний, в условиях, когда власть не могла или не хотела защитить население от погромщиков. Поэтому

первоначально боевые дружины были призваны защитить партийные кадры, население от черносотенных погромов, насилия со стороны полиции[8]. Создание боевых дружин было одним из приоритетных направлений в деятельности партийных организаций РСДРП на местах, так как они должны были стать ядром боевых отрядов в условиях вооружённого восстания. Осенью 1905 года вышло воззвание ЦК РСДРП, в котором говорилось: «Только вооружённому рукою, только всенародным восстанием сметём мы с лица земли врага и завоюем свободу… Вперед же, в бой! … К оружию товарищи!». В листовке Рыбинской группы РСДРП, придерживавшейся меньшевистской ориентации, рабочие подводились к выводу о необходимости вооруженной борьбы: «Только всеобщее вооружённое восстание может вырвать власть из рук правительства и передать её народу. Только вооружённое восстание даст возможность пролетариату бороться за свои интересы, за социализм. Организуйтесь же, товарищи, вооружайтесь и готовьтесь в бой»[9]. «Революционная Россия» в статье «К оружию» призывала: «…Пусть же отныне растет и крепнет начавшееся слияние революционного терроризма и массового движения, пусть же масса скорее сможет выступить во всеоружии террористических средств борьбы! Вооружайте же массу, товарищи! Работайте! Работайте!»[10]. В связи с этим у боевиков было оружие, которое они покупали на партийные деньги или добывали путём разоружения нижних чинов полиции, нападением на склады оружия, получали от военных, сочувствующих революционерам. Дружинники обучались обращаться с оружием, практикуясь в стрельбе[11]. В ходе митингов и демонстраций, организованных революционерами происходили столкновения между боевыми дружинами и правительственными войсками происходили. В результате перестрелок имелись жертвы. 22(23) октября 1905 года Михинском сквере в Костроме проходило собрание рабочих, подвергнувшееся внезапному нападению казаков. Дружинники дали несколько залпов и убили казачьего сотника. Среди дружинников потерь не было, только двое человек были избиты[12].

9 декабря, когда в Москве началось вооружённое восстание, на Ярославской Большой Мануфактуре утром состоялся митинг, переросший в манифестацию, отправившуюся в резиденцию губернатора. Были выдвинуты два условия: освободить арестованных рабочих и выдать 6 тысяч рублей ассигнованных городской думой в пользу бастующих рабочих. У здания почты произошла перестрелка между казаками и боевой дружиной рабочих, вооружённой преимущественно револьверами. Демонстранты потеряли 9 человек убитыми, несколько десятков было ранено, среди казаков 1 убит, двое ранены[13].

Полученные знания дружинники применяли в не только в перестрелках с полицией, войсками, но и во время вооружённых восстаний. Так в декабре 1905 года в Твери фабрики и заводы были захвачены рабочими и объявлено вооружённое восстание. На Морозовской фабрике готовили баррикады, для вооружённого сопротивления, туда свозили оружие. Боевая дружина взяла фабрику под свою охрану, проводилось патрулирование в рабочей Красной слободе[14]. По приказу тверского комитета РСДРП боевики участвовали в прерывании телеграфного и телефонного сообщения между Москвой и Петербургом целью помещать эффективному противодействию властей революционным выступлениям[15].

В условиях спада революционного движения 1906 года и изменение отношения к террору со стороны партийных лидеров боевики переходят к экспроприациям, в которых принимали участие и социал-демократы и эсеры. Нападениям подвергались в первую очередь кассиры промышленных предприятий, почтовые отделения, почтальоны, перевозившие почту, казённые винные лавки. Удачное нападение на эти объекты позволяло получить сразу большие суммы денег. Активно функционировала боевая дружина Костромского Комитета РСДРП, члены которой проводили успешные экспроприации взрывчатых веществ, денежных сумм не только не территории Костромской губернии, но и за её пределами. В.М. Лощагиным 20 марта 1906 г. совместно с бывшим реалистом Франц-Штаковским, реалистами Победоносцевым, Владищевым, Ртищевым и другими у инспектора костромского реального училища 1887 р. 88 коп.[16] 26 августа того же года на фабрике был ограблен кассир Яблоков. Двое молодых людей направили на него револьверы и отобрали около 6 тыс. рублей. Одним из самых громких дел костромской боевой организации стала экспроприация пироксилина, произошедшая на р. Волге, на борту парохода «Макарьев». Пироксилин использовали для изготовления бомб и снабжали им дру-

гие города[17]. 21 июля 1906 года рыбинской боевой дружины РСДРП была совершена экспроприация почты близ Рыбинска, сопровождавшаяся убийством почтового чиновника Гонольда и ранением ямщика. Награблено около 1500 рублей[18].

После оформления в г. Рыбинске в августе 1906 года, оппозиционной фракции ПСР, её участники стали совершать «разбойные ограбления» на территории Ярославского, Мологского, Мышкинского уездов. 4 сентября 1906 года ограблена казённая винная лавка в с. Чечурино. Добыча 231 р. 30 коп выручки и 60 рублей владельца Потёмкина[19]. 6 октября 1906 года совершен экс против конторы товарищества Волжской прядильной мануфактуры. У каждого участника ограбления был браунинг. В результате экса получено 65200 рублей[20]. В ноябре 1906 года члены боевой дружины социалистов-революционеров вооружённые револьверами совершили экспроприации почтового отделения в с. Выдропужское и с. Медное Новоторжского уезда Тверской губернии. Убыток почтового отделения в с. Выдропужское составил 66 р. 26 коп, в с. Медное 2115 р. 66 коп.[21] 18 апреля 1907 года членами костромской эсеровской боевой дружины было совершено ограбление Курбского почтово-телеграфного отделения в Ярославском уезде. Участвовало пять человек. Взяли в «марочной кассе» 33 рубля 41 коп. Взять ключ у начальника почты от главной кассы не удалось. Начальник почты Галкин был убит. Один из крестьян, находившихся на почте в этот момент, сумел поднять тревогу на селе. В погоне за грабителями участвовало 81 крестьянин Курбской волости. Двое грабителей было убито. Один задержан. Семеро крестьян были ранены, один убит. Вскоре арестовали и остальных участников ограбления[22].

Постепенно к 1907 году экспроприации стали превращаться в банальный грабёж, принадлежность участников которого к какой-либо партии было невозможно установить. Не остались в стороне от него губернии Верхнего Поволжья.

Террор в годы первой русской революции на территории Тверской, Ярославской, Костромской губерний протекал в виде отдельных террористических актов, нападений, экспроприаций совершаемых представителями революционных партий и лиц, не имеющих определённой политической принадлежности. Революционный терроризм в Верхневолжском регионе с самого начала оказался под контролем партийных организаций. Поэтому ему присуща организованность, разнообразие форм, планирование боевиками террористических операций. В 1905–1906 гг. жертвами боевиков становятся военные, губернаторы, высшие сановники. С 1906–1907 гг. происходит постепенный спад революционного терроризма из-за изменения отношения к террору в обществе, и как следствие пересмотра отношения к нему внутри партий, а также успешной деятельности против боевиков полиции и жандармерии.

Примечания

[1] *Меньшиков Л.* Охрана и революция. Ч. III. – М., 1932. – С. 171.

[2] *Маевский Евг.* Массовое движение с 1904 по 1907 гг. / Общественное движение в России в начале XX века. Т. II. Ч. 1. – СПб., 1910. – С. 34–184.

[3] Тверская правда. – 1922. – 6 апреля. – №79; ГАТО, ф. 56, оп. 9, д. 9, л. 17.

[4] ГАТО, ф. 56, оп. 1, д. 27054, л. 75–75 об, л. 291.

[5] ГАТО, ф. 927, оп. 1, д. 2316, л. 132 об; ЦДНИТО, ф. 114, оп. 2, д. 108, л. 20.

[6] *Леонов В.О.* Эсеры в революции 1905–1907 гг. – Самара, 1992. – С. 164, 168.

[7] ГАЯО, ф. 906, оп. 1, д. 20, л 14; д. 272, л. 4.

[8] ЦДНИТО, ф. 114, оп. 2, д. 108, л. 15; *Лапшин Н.П.* Боевая организация Костромского комитета Р.С.-Д.П.Р. в 1905–1906 гг. // 1905 год в Костроме. Сб. документов. – Кострома, 1926. – С. 72; *Семёнова Н.С.* Учительская интеллигенция и партия социалистов революционеров (1902–1907 гг.): Дисс. … канд. ист. наук. – Кострома, 1997.– С. 193; ЦДНИЯО, ф. 374, оп. 1, д. 14, лл. 68–69.

[9] *Иерусалимский Ю.Ю.* Листовки революционных организаций Центрального промышленного района в период первой российской революции 1905–1907 гг. – Ярославль, 1997. – С. 18–19.

[10] Цит. по: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3-х т. / Т. 1. 1900–1907 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 172.

[11] ЦДНИТО, ф. 114, оп. 2, д. 29, л. 15; ГАКО, ф. 749, оп. 1, д. 263, л. 10; оп. 1, д. 263, л. 27; ГАНИКО, ф. 383, оп. 1, д. 2, л. 138–138 об; д. 74, л. 17 об; д. 48, л. 27; д. 52, л. 15об, 18об; д. 65, л. 5, 9.

[12] *Кедров М.С.* Костромская боевая дружина // 1905 год в Костроме. Сб. документов. – Кострома, 1926. – С. 89.

[13] *Дружинин П.Н.* Революционное движение в Ярославской губернии в 1905–1907 годах. – Ярославль: Ярославское книжное издательство, 1955. – С. 82–84.

[14] ГАТО, ф. 927, оп. 1, д. 967, л. 8.

[15] ЦДНИТО, ф. 114, оп. 2, д. 29, л. 16.

[16] ГАКО, ф. 749, оп. 1, д. 263, л. 16.

[17] См.: *Лапшин Н.П.* Боевая организация Костромского комитета Р.С.-Д.П.Р. в 1905–1906 гг. // 1905 год в Костроме. Сб. документов. – Кострома, 1926. – С. 78–79.

[18] ГАЯО, ф. 347, оп. 1, д. 747, л. 72–74.

[19] ГАЯО, ф. 912, оп. 1, д. 257, л. 1.

[20] ГАЯО, ф. 912, оп. 1, д. 250, л. 14 об. – 15.

[21] ГАТО, ф. 639, оп. 4, д. 45, л. 25 об.

[22] *Шильникова И.В.* Ярославская и Костромская организации партии социалистов-революционеров в начале века: Дисс. … канд. ист. наук. – Ярославль, 2001. – С. 103–104.

ФИЛОЛОГИЯ

М. А. Фокина

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СКАЗОВОМ ПОВЕСТВОВАНИИ И НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОМ ДИСКУРСЕ (по произведениям русской прозы XX века)

Преамбула. *В статье продолжено исследование особенностей функционирования фразеологических единиц (ФЕ) в повествовательном тексте. Даны сравнительные характеристики фразеологических средств создания субъективации и психологизма нетрадиционного нарратива в рассказах В.Я. Шишкова «Таежный волк» и Р. Киреева «Лунные моря в камышах и с водою».*

В русской повествовательной прозе XX века широко представлены субъектно-речевые планы персонажей: художественный диалог, внутренняя и несобственно-прямая речь. Эта особенность отражает динамику нарративной техники писателей в сторону усиления речевой индивидуализации героев. Рассмотрим рассказ В.Я. Шишкова «Таежный волк» (1926), являющийся разновидностью перволичного нарратива, в котором представлена сложная коммуникативная система: автор – рассказчик-слушатель – персонаж-сказитель – читатель. Произведение построено как рассказ в рассказе и включает в себя сказовое повествование: в тексте, состоящем из пяти частей, попеременно перемежаются речь рассказчика и речь сказителя. С помощью фразеологических средств эксплицитно выражена литературная коммуникация в сфере рассказчик-слушатель – персонаж-сказитель. Рассказчик вспоминает о своих встречах с охотником Баклановым, который поведал ему несколько происшествий из таежной жизни. Фразеологическая конфигурация, характеризующая снисходительно-насмешливое отношение охотника к городскому гостю, пронизана добродушной иронией:

«Он видел во мне человека хоть и хорошего, но городского, для таежной жизни никудышного, несмекалистого, темного и, пожалуй, глуповатого. Над таким чудаком *не грех* и подшутить и даже слегка поиздеваться: ничего-то он не знает, ничего не подмечает, ни во что не верит, ни в таежные приметы, ни в леших, может *заблудиться в трех соснах*, может *ни за нюх табаку* погибнуть. Да разве это человек?!

Однако ироническое отношение ко мне сквозило лишь в его зелено-голубых глазах да в едва уловимых нотках голоса. Когда я *нес какую-нибудь*, **по его понятиям**, *очередную околесицу*, он только крякал или тихо посмеивался в бороду и презрительно *крутил носом*» [8, с. 345].

Фразеологический контекст, являющийся фрагментом речи рассказчика, состоит из двух абзацев и содержит фразеонабор: *не грех* – прост. ‘можно, следует, не предосудительно (сделать что-либо)’; *заблудиться в трех соснах* – разг. шутл. ‘не разобраться в самом простом’; *ни за нюх табаку* (*ни за понюх табака (табаку)* – прост. ‘совершенно напрасно, зря (пропадать, погибать, губить)’); *нес какую-нибудь очередную околесицу* (*нести околесицу* – прост. пренебр. ‘пространно, многословно говорить, писать всякие глупости’); дефиниции ФЕ здесь и далее приводятся по словарям: [1; 2; 4; 6; 7]. Перечисленные разговорно-просторечные ФЕ являются цитацией речи охотника Бакланова, включенной в высказывания рассказчика, на что указывает ремарка *по его понятиям.* Трансформированный оборот *нес какую-нибудь очередную околесицу* является неодобрительной оценкой речевого поведения городского гостя. Особенности коммуникативного восприятия Бакланова переданы ФЕ *крутил носом* (*крутить носом* – прост. неодобр. ‘проявлять неудовольствие, несогласие с чем-либо, пренебрежение к чему-либо’), что характеризует его негативную реакцию, выраженную мимикой.

Если оценки охотника содержат явную иронию, то характеристики рассказчика по поводу словесного мастерства таежного сказителя проникнуты откровенной симпатией:

«Как всякий зверолов, как всякий бродяга или странник, Бакланов – поэт в душе… он любит всласть помудрствовать. Его речь то плавна, то бурлива как поток… *воздает всему осанну*»; «складные его слова были кротки и страстны, как

© М. А. Фокина, 2006

псалмы»; «Слова его просты, но убедительны, и *все на своих местах*; он *знает толк* в словах… в его речи они начинают светиться внутренним огнем, *приобретают значительность и вес*. В момент душевного подъема его голос становится жутким, вещим, и сам он – как пророк»; «он сумеет *отвести душу* разговором со встречным деревом, с камнем, со звездой» [8, с. 361, 363, 369].

В приведенных контекстах, рассредоточенно расположенных в разных частях рассказа, содержится большое количество ФЕ, передающих неподдельное восхищение повествователя словесным мастерством героя, очарованного красотой таежной природы. Устойчивый оборот *воздает всему осанну* трансформирован путем контаминации (узуальные ФЕ *воздавать должное* – книжн. ‘оценивать кого-либо по заслугам, признавать неоспоримым чьи-либо достижения’; *петь (восклицать) осанну* – книжн. устар. ‘превозносить кого-либо’). ФЕ *все на своих местах* (*все на своем месте* прост. ‘как следует, как полагается’); *знает толк* (*знать толк* – ‘хорошо разбираться в чем-либо, правильно оценивать что-либо’); *приобретают значительность и вес* (узуальная ФЕ *иметь вес* ‘пользоваться признанием, влиянием, репутацией в обществе’); *отвести душу* (разг. ‘находить для себя утешение, разрядку, удовлетворение в чем-либо’) имеют в своем значении сближенные по смыслу семы, которые, усиливаясь в результате контекстного взаимодействия, создают благоприятный эмоциональный тон всего рассказа. В речи повествователя удачно переплетаются книжные и разговорно-просторечные ФЕ с группой лексем, восходящих к церковно-религиозному культу (*осанна, пророк, псалмы*), в результате чего интенсифицируется поэтическая окраска высказываний, оценивающих высокие моральные качества простого и незаметного человека, искренне воспевающего все живое вокруг.

Речь сказителя изобилует меткими изречениями, перефразирующими народные пословицы и поговорки или известные философские высказывания. В размышлениях охотника создается серия сентенций, определяющих его жизненное кредо: ***Умишком жить*** *– носом по земле елозить, хвостом звериным к правде.* ***Умом жить – на корячки встать****, мордой человечьей к правде.* ***Умищем жить – на ноги подняться****, за сегодняшний краешек правду взять.* Эти сентенции основаны на разных видах текстовых повторов и включают в свой состав ФЕ. Фразеологический повтор *умишком жить – умом жить – умищем жить* содержит градацию, которая передает усиление рационального начала в жизни человека (узуальная ФЕ *жить умом* – разг. ‘следовать трезвым практическим расчетам; стараться понять, разобраться в чем-либо’). Эта градация семантически конкретизируется использованием лексико-фразеологических средств: *носом по земле елозить* – ***на корячки*** *встать* (ФЕ *на карачки* – разг. ‘на обе ладони и колени одновременно опуститься, становиться’) – ***на ноги подняться*** (*подняться на ноги* – прост. ‘стать состоятельным, обеспеченным и независимым от других’). Сентенция в речи сказителя *Все на свете крутится, все на свете изменяется: из жизни смерть, из смерти жизнь* создает смысловые ассоциации с крылатым изречением Гераклита *Все течет, все изменяется.*

Речевой портрет сказителя во многом определяют его рассуждения о нравственных принципах таежной жизни. Охотник Бакланов неоднократно использует в своих беседах с рассказчиком метафорические обороты *таежная правда, закон тайги* (ср. с общеизвестными выражениями *сермяжная правда; закон природы; закон джунглей* и др.), семантика которых эксплицируется в ряде фразеологических конфигураций:

«Нет, дружок, тайга *все планты человечьи может перепутать*, *с толку сбить*. Идешь в тайгу – *помалкивай в тряпочку*; только *звериный нюх* имей да сам зверем притворись, забудь, что ты есть человек, а зверь и зверь, только по-лесному умный, в сто раз умнее человека.

И, повернувшись ко мне, по-крепкому добавил:

– Только *таежную правду* надо помнить, она превыше всех небес»;

«Начальник экспедиции, бывало, говаривал: в книге мудрость, а я говорю: в природе мудрость. Только не вдруг ее, природу-то, поймешь. И пытать природу надо благословясь, да *с толком*, а то *в дураках оставит* тебя природа, *в такую душевную пропасть заведет, как липку* тебя *обворует, всю душу разденет догола, в глаза* тебе *насмеется, плюнет*. Щенком заскулишь тогда, удавки себе попросишь, какого ни на есть конца. А ты верь, милый человек, верь в добро, тогда и благо тебе будет. Верь!»;

«И выходит – нечем и незачем гордиться человеку. Человеку, цветку, букашке, камню – по-

моему, *одна цена. Бесценная, великая цена*» [8, с. 345, 351, 353].

Фразеологические контексты представляют собой жизненные наставления охотника, оспаривающего справедливость утверждения о том, что человек – царь природы. Он говорит о необходимости быть осторожным и бдительным в тайге, где подстерегают опасности: *все планты человечьи может перепутать* (узуальная ФЕ *спутать все карты* прост. ‘сорвать чьи-либо намерения, расчеты; расстроить чьи-либо планы, начинания’); *с толку сбить* (*сбить с толку* – разг. ‘привести в замешательство, в растерянность, в заблуждение кого-либо’); *в дураках оставит* (*поставить в дураки* – разг. ‘поставить в глупое, неловкое положение кого-либо’); *как липку обворует* (*ободрать как липку* – разг. ‘отобрать все дочиста, ограбить кого-либо’); *всю душу разденет догола* (ср. с узуальной ФЕ *обнажить душу* ‘откровенно и искренне рассказать кому-либо о себе, о своих мыслях, чувствах’); *в глаза насмеется, плюнет* (*плевать в глаза* – разг. ‘выразить в резкой, неприличной форме крайнюю степень презрения, пренебрежения и т.п. к кому-либо’). Образуется семантическая цепочка процессуальных устойчивых оборотов, создающих градацию и обладающих общими смысловыми признаками в коннотативном плане: с помощью ФЕ сказитель характеризует возможные таежные неприятности, если человек покажет свое невежество и проявит неуважение к природе. Во взаимодействии контактно и дистантно расположенных фразеологизмов усиливаются негативные семы. Отражением классических литературных традиций в рассказе Шишкова является метафорический оборот *в такую душевную* ***пропасть*** *заведет*, который восходит к сквозному образу *бездны, пропасти* в русской художественной прозе XIX века.

Предостерегая от опасностей, охотник советует, как необходимо вести себя в общении с живым миром тайги: *помалкивай в тряпочку* (узуальная ФЕ *молчать в портянку* – грубо-прост. ‘не высказывать вслух свое мнение’); *с толком* – разг. ‘толково; разумно’; *звериный нюх* (узуальная ФЕ *собачий нюх* – прост. ирон. ‘кто-либо обладает способностью тонко улавливать, подмечать, понимать что-либо скрытое, тайное’). Бакланов убежден, что человек не должен возвышаться над природой, а ему необходимо гармонично слиться с нею, стать ее неотъемлемой частью. Метафоры *одна цена; бесценная, великая цена* (ср. с узуальной ФЕ *нет цены* – разг. ‘кто-либо или что-либо обладает достоинствами, отличными качествами’), употребляющиеся в речи сказителя, являются средством выражения авторской позиции. Устами героя утверждается мысль о неповторимости и ценности всего живого на земле, о необходимости бережно сохранять все разнообразное богатство окружающего мира. В этом заключается *таежная правда* охотника Бакланова.

И в речи рассказчика, и в речи сказителя раскрывается концептуальное содержание произведения, в том числе осуществляется экспликация названия рассказа «Таежный волк», имеющего ярко выраженный позитивный смысл:

«Однажды, много лет назад, к его таежному жилищу подъехали верхами знатные люди: это экспедиция Академии наук. Его наняли проводником; да кого же еще и нанять, раз Бакланов знает всю округу на большие сотни верст? Недаром его зовут – *таежный волк*»;

«Бумаги у меня, конешно, не было, а содрал большой пласт бересты белой, камень вап нашел и написал вапом так:

“Этому человеку всякую помощь оказывать. Я его от смерти спас замерзшего. Лошадей давать задаром, кормить задаром. Перевозить его от жителя к жителю, до самого Минусинска”.

И расписался: “Леонтий Бакланов, *таежный волк”*.

Наградил его всем, вывел на короткую дорогу, и он ушел. Летом дознавался я: приказ мой… Выполнили *в аккурате*, потому – всяк уважает меня за то, что я всю тайгу наскрозь прошел, что *закон тайги* держу» [8, с. 349, 356].

В приведенных фрагментах осуществляется сближение позиций рассказчика и сказителя путем использования фразеологического повтора *таежный волк* (ср. с узуальной ФЕ *старый волк* – разг. ‘бывалый, опытный человек, умеющий переносить невзгоды, неудачи’). В контекстном окружении происходит семантизация заголовка: *знает всю округу на большие сотни верст* (рассказчик о Бакланове); *всяк уважает меня за то, что я всю тайгу наскрозь прошел* (Бакланов о себе). *Закон тайги*, по мнению охотника, заключается во взаимопомощи людей, так как в одиночку в тайге можно погибнуть. ФЕ *в аккурате* – прост. ‘в точности, исправно’ – передает уважение таежных жителей к Бакланову,

распоряжения и просьбы которого обязательно выполняются, потому что все знают о его бескорыстии, доброте и справедливости.

Фразеологические средства создания речевых планов рассказчика и сказителя в рассказе В.Я. Шишкова «Таежный волк» формируют сложное коммуникативное пространство текста, отражают динамику сюжета, способствуют усилению субъективации повествования.

В нетрадиционном нарративе, наиболее свойственном русской прозе XX века, ФЕ широко используются в составе несобственно-прямой речи, являющейся «средством создания слитного повествования, в котором дискурсы повествователя и персонажа вступают в сложное взаимодействие, получившее название текстовой (дискурсивной) интерференции» [5, с. 35]. Текстовая интерференция является главной семантической чертой несобственно-прямой речи, где персонаж выполняет функции субъекта сознания и субъекта наблюдения, а повествователь – функцию субъекта речи. В связи с вытеснением прямых форм выражения авторского отношения к изображаемому миру и героям происходит углубление психологического анализа. Двухакцентность, позволяющая повествователю говорить за персонажей, нейтрализует оппозицию *положительное – отрицательное*, формирует амбивалентность текстовых смыслов, усиливает гуманизм авторских идей и активизирует познавательную деятельность читателя. В несобственно-прямом дискурсе ФЕ обычно являются средством имплицитного выражения повествовательной позиции.

Охарактеризуем особенности функционирования устойчивых оборотов в рассказе Руслана Киреева «Лунные моря в камышах и с водою» (1991). Автор передает раздумья столичного писателя, который вспоминает свое провинциальное детство и размышляет о соотношении жизненной правды и творческого вымысла, о связи жестокой реальности с романтической фантазией. Смысловая антиномия *мечта – действительность* отражает проблематику произведения и определяет выбор фразеологических средств, характеризующих речевые сферы персонажей в структуре нетрадиционного нарратива. Чаще всего фразеологические конфигурации содержат указание на субъект (субъекты) речемыслительной деятельности, на коммуникативную ситуацию. Лексемы и ФЕ со значением речи или мысли вводят в контекст несобственно-прямую речь персонажей. Одним из способов образной характеристики героев является их взаимная ирония, созданная фразеологическими средствами. Весь рассказ пронизан мотивом памяти, который связывает два пространственно-временных плана – прошлое и настоящее. Главный герой, беллетрист К-ов, вспоминает свои детские впечатления о сказочных историях, рассказанных во дворе младшим ребятишкам старшеклассницей Алей:

«<…>Лишь общее впечатление осталось, остались аромат и колорит: что-то сказочное, таинственное, с маркизами и принцессами, с пылкой любовью, верностью *до гроба* и прочими атрибутами романтического театра.

К-ов был самым, пожалуй, страстным, самым внимательным, самым благодарным слушателем. Не она ли, думалось впоследствии, и растормошила мальчишескую фантазию? Не она ли… пробудила вкус к сочинительству? Старшеклассница, так для него и осталась ею, но осталась… там, в детстве, куда он, старея, наведывался все чаще, входил, как в хрустальный дворец, благоговейными шагами, дабы укрыться – на краткий хотя бы миг! – от ветров и холода взрослой жизни.

Среди маркизов обреталась ее мечтательная душа, *в воздушном порхала замке* и лишь раз *опустилась на грешную землю*, в самый тяжкий для маленького К-ова, самый беспросветный час» [3, с. 3].

Фразеологические антонимы *в воздушном порхала замке* (узуальные ФЕ *строить воздушные замки; витать в облаках*) и *опустилась на грешную землю* (узуальная ФЕ *спуститься (с небес) на землю* – книжн. ‘вернуться к реальной жизни из мира грез, мечтаний’) входят в несобственно-прямую речь главного героя, спустя годы с благодарностью вспоминающего рассказчицу детских сказок. Амбивалентные характеристики старшеклассницы Али наряду с позитивными оценками содержат иронию, которая создается путем трансформаций перечисленных ФЕ: заменой компонента *витать – порхать* в структуре первого контаминированного оборота; включением прилагательного *на грешную (землю)* в компонентный состав второго фразеологизма. Ироническая окрашенность повествования является здесь имплицитным средством выражения авторской позиции, представленной точкой зрения повзрослевшего персонажа, который уже понимает всю иллюзорность детских фантазий, но испытывает при этом жизненную

потребность в высоких идеалах, сформированных в детстве. Самоирония и взаимоирония героев получают затем дальнейшее развитие, связывая речевые партии К-ова и Алевтины:

«К-ов в Москве жил, но в город свой наезжал часто и знал про бывшую соседку все. Закончив библиотечный техникум, по специальности не работала – секретарем пошла и на канцелярском поприще этом преуспела. Закованная в броню ироничности (а также косметики), цепко охраняла начальственный бастион: москвич убедился в этом, когда однажды позвонил из гостиницы.

Осторожно назвал себя, присовокупив: помнишь такого?

Тишина наступила в трубке <…> "Читаем, – отозвались наконец… – Читаем-читаем…"

Это означало, что, конечно же, помнят и не только помнят, а внимательно следят за земляком, который приноровился – *кто бы думал!* – сочинять книги. И еще означало, понял самолюбивый автор, что книги эти ей *не очень-то по душе*. Слишком заземленные – по сравнению *с теми небесными кружевами, что плела* когда-то юная сказительница. Слишком много в них скучной, вязкой, не нужной никому правды… Что ж, он не станет спорить *с суровым своим критиком*… Не станет оправдываться… Разве что напомнит об астрономическом кружке, который помещался… по соседству с ними. <…>

Беллетрист ошибся: не в чрезмерном пристрастии к правде упрекнула Алевтина Николаевна, когда москвич четверть часа спустя предстал перед нею…Не в пристрастии к правде, а в лукавом отступлении от нее… <…> … безупречно вежливая, уверенная в себе, все-то на свете знающая и ничего не боящаяся, кроме разве что старости, которая уже *запустила* в нее, хищница, *тлетворные коготки*.

Алевтина сопротивлялась – в отличие от К-ова, который шел за бывшей соседкой *след в след*, не отставал (вот уже и внучка родилась), но которому *по душе* была распускающаяся осень. <…> *С легким сердцем* шагал навстречу старости, узнавая и привечая ее, как привечают полузабытого, из детских лет, друга. Да, именно из детских, из того самого хрустального дворца, о котором – не случайно же! – и Алевтина вспоминала, полюбопытствовав вдруг, догадался ли *инженер человеческих душ*, кто подкинул тогда в палисадник бечеву из-под яблок…

Будто местами поменялись! Или нет, не менялись, просто то, что трепетно пульсировало когда-то в душе тонколицей девочки с косой, не умерло, не исчезло бесследно – *бесследно ничто не исчезает!* – в сочинителя книг перелилось, точно были они *сообщающиеся незримо сосуды*. *Бесследно ничто не исчезает*, иначе безвидной и пустой сделалась бы земля, как тот дрожащий в стеклышках телескопа лунный ландшафт, и беспризорный Дух маялся б, тоскуя по смертным сосудикам, чья затейливая соединенность одна только и способна сохранить *вечный огонь*…» [3, с. 4–9].

Развернутая фразеологическая конфигурация содержит амбивалентные мнения и оценки, свойственные нетрадиционному нарративу. В контексте ярко представлены неоднозначные характеристики, выявляющие различия и сходства мировосприятия персонажей. Динамика повествования развертывается таким образом, что к финалу рассказа различия стираются и усиливаются сходства, это способствует отражению концептуального содержания произведения, раскрытию смысла названия текста. Постепенно взаимная ирония сменяется возвышенным пафосом, обращенным к вечным человеческим ценностям. Если сначала встреча К-ова и Алевтины пронизана настороженностью и недопониманием друг друга, то затем общие детские воспоминания приводят героев к прежнему состоянию духовной близости. Фразеологические антонимы передают диалектику эмоционального восприятия героя, формируют субъективизм повествования: *не очень-то по душе* (предположения К-ова о читательских впечатлениях Алевтины); *по душе* (К-ов о своей приближающейся старости). Писатель включает в авторское слово метатекстовые комментарии, которые представляют собой попутные уточнения. Одна из таких вставных конструкций выражена ФЕ *кто бы думал!* (*кто бы мог подумать* – разг. 'совсем неожиданно, непредвиденно, вопреки ожиданиям'), передающей в форме несобственно-прямой речи ироническое удивление провинциальных жителей, в т.ч. Алевтины, по поводу творческих успехов К-ова, ставшего столичной знаменитостью. Взаимная ирония персонажей представлена перифразами, отражающими особенности общения в сфере писатель (К-ов) – читатель (Алевтина): *он не станет спорить* ***с суровым своим критиком*** (ср. с пушкинским крылатым выражением ***Ру-***

мяный критик мой, *насмешник толстопузый*); *догадался ли* ***инженер человеческих душ*** (крылатое выражение И.В. Сталина *инженеры человеческих душ* 'советские писатели'). Размышления беллетриста о взаимодействии реальности и мечты в его книгах выражены текстовыми антиномиями *земное – небесное, жизненная правда – творческая фантазия*: *Слишком заземленные – по сравнению с теми* ***небесными кружевами, что плела*** *когда-то юная сказительница* (ср. с узуальными ФЕ *плести кружева* – прост. ирон. 'кокетничать, заигрывать с кем-либо'; *плести околесицу* – прост. пренебр. 'говорить глупости'). Здесь метафорический оборот *плести небесные кружева* подвергается авторскому переосмыслению ('сочинять сказочные небылицы, рассказывать о неосуществимых фантазиях') и ассоциативно взаимодействует с узуальной ФЕ *витать в облаках*. Если сначала К-ов думает, что в его прозе, по мнению взыскательных читателей, мало возвышенной романтики, то во время встречи с Алевтиной с уверенностью осознает, что сумел все-таки отразить в зрелом творчестве свои детские впечатления о сказочно-волшебном мире. Выразительным средством связи двух пространственно-временных планов повествования, прошлого и настоящего, является повторяющийся метафорический оборот *хрустальный дворец*, символизирующий высокие жизненные устремления, хрупкую несбыточную мечту: *там, в детстве, куда он, старея, наведывался все чаще,* ***как в хрустальный дворец****, благоговейными шагами; из того самого* ***хрустального дворца****, о котором – не случайно же! – и Алевтина вспоминала*. Метафорический оборот *хрустальный дворец* способствует сближению позиций персонажей, характеризует их духовную общность, передает особенности психологического состояния героев. Здесь прослеживаются ассоциативные связи анализируемого текста с классическими произведениями русской литературы XX века, в которых создается серия аналогичных символов, обладающих пространственной семантикой и отражающих неосуществимость желаний и надежд. Ср.: *построил себе несокрушимый* ***храм*** *человеческого спасения; несокрушимый его* ***храм*** *рухнул, как карточный домик* (А.М. Ремизов. Часы); *потряс колонны и обрушил на себя им самим созданный* ***храм*** (М. Осоргин. Сивцев Вражек). Сквозные метафоры *храм – дворец* характеризуют психологическое пространство персонажей, отражают диссонанс тонкого внутреннего мира героев и суровых жизненных стереотипов, обусловленных конкретными социальными обстоятельствами.

Сближение позиций персонажей осуществляется также путем смыслового взаимодействия ФЕ, создающих фразеонабор: *(будто) местами поменялись* (узуальная ФЕ *поменяться ролями* – разг. 'занять положение, которое было свойственно другому лицу, предмету'); *сообщающиеся незримо сосуды* (*сообщающиеся сосуды* – физ. 'соединенные между собой в нижней части сосуды, жидкость в которых устанавливается на одном уровне'; ср. с узуальной ФЕ *родственные души* – разг. 'люди, близкие друг другу по духу, по убеждениям'). Употребляясь в несобственно-прямой речи писателя К-ова, эти ФЕ способствуют объединению повествовательных планов прошлого и настоящего и репрезентируют концептуальное содержание рассказа, имплицитно выраженное повторяющейся философской сентенцией *Бесследно ничто не исчезает* и метафорическим оборотом *вечный огонь*. Размышления героя о непреходящем характере высоких духовных интересов, сформированных мечтой и фантазией человека, эксплицируют смысл названия рассказа «Лунные моря в камышах и с водою» (ср. с крылатым выражением А.П. Чехова *небо в алмазах*). Являясь смысловыми доминантами текста, фразеологические конфигурации представляют собой ключевые фрагменты несобственно-прямого дискурса, отражающего сознание персонажа. Концептуальная точка зрения автора совпадает с идеологическими позициями К-ова, что проявляется в совмещении их речевых планов, т.к. повествователь полностью вербализует мысли героя.

Исследование особенностей функционирования фразеологизмов в рассказах В.Я. Шишкова и Р. Киреева позволяет выявить общие и различные черты их использования в сказовом повествовании и несобственно-прямом дискурсе. В художественных текстах писателей XX века преобладает взаимодействие речевых планов рассказчика и сказителя (Шишков), автора и персонажа (Киреев), что способствует субъективации нарратива. Отражением своеобразия разных уровней литературной коммуникации является использование ФЕ, передающих речемыслительные процессы: *нес какую-нибудь очередную околесицу; воздает всему осанну; помалкивай в тря-*

почку (Шишков)*; плела небесные кружева* (Киреев). Шишков индивидуализирует речь персонажа-сказителя путем включения в компонентный состав ФЕ разговорно-просторечных форм: *все* ***планты*** (планы) *перепутать; в глаза* ***насмеется; в аккурате; ни за нюх табаку***. Писатель также создает авторские обороты, репрезентирующие концептуальное содержание произведения: *таежный волк; закон тайги*. Развертывание семантики перечисленных ФЕ осуществляется в речевых партиях персонажей (рассказчика и сказителя), что является одним из художественных приемов создания полифонии повествовательной прозы XX века. Ключевые фрагменты перволичного нарратива становятся контекстами порождения нового смысла. Р. Киреев достигает максимальной степени субъективации повествования путем использования ФЕ в составе несобственно-прямой речи персонажей, которая организует нарратив в пределах целого текста.

Таким образом, типологические характеристики нарратива определяют особенности использования ФЕ в художественном тексте: влияют на способы выражения повествовательной точки зрения, которая может быть представлена с помощью фразеологических средств в эксплицированном или имплицированном виде; усиливают аналитизм или психологизм повествования, что зависит от степени объективности – субъективности авторской позиции; формируют специфику всех уровней литературной коммуникации (автор – читатель, автор – персонаж, персонаж – персонаж); обусловливают приемы нарративной техники писателя, которые в совокупности создают авторскую тактику в повествовательном дискурсе, обеспечивая его структурно-смысловую целостность.

Библиографический список

1. *Ашукин Н.С.* Крылатые слова: Литературные цитаты, образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Современник, 1996.

2. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 1991.

3. *Киреев Р.* Из поздней прозы // Знамя. – 1991. – № 12. – С. 3–25.

4. *Мелерович А.М.* Фразеологизмы в русской речи: словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – М.: Русские словари, 1997.

5. *Попова Е.А.* Коммуникативные аспекты литературного нарратива: Автореф. дисс. … д-ра филол. наук / Липецкий госпедуниверситет. – Елец, 2002.

6. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997.

7. Фразеологический словарь русского языка /сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986.

8. *Шишков В.Я.* Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Правда, 1983. – Т. 2. – С. 342–374.

Н. С. Ганцовская

ДЕЯТЕЛИ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ КОНЦА XIX В. О СТАТУСЕ, ПРОИСХОЖДЕНИИ КОСТРОМСКОГО АКАЮЩЕГО ОСТРОВА, ОСОБЕННОСТЯХ ЕГО ГОВОРОВ: А.И. СОБОЛЕВСКИЙ, Ф.И. ПОКРОВСКИЙ

Ламанский В.И., председательствующий в отделении этнографии имп. Русского географического общества, в органе общества журнале «Живая старина» (III выпуск за 1891 год, раздел IV «Вопросы и ответы») относительно костромских говоров и специально акающих высказал пожелание: «Желательно иметь побольше подробностей и указаний относительно говоров костромских и получить образчики речи, особенно Галичского, Чухломского, Кологривского уездов. Так, в Чухломском гов. (кажется так называемом не только в Чухломском, но и в Галичском уезде) слова произносятся с высока, с расстановкою, протяжением, напр.: «карми-и-лец, адалжи-и-ка свЪ-Ъ-чек та». Желательно точнейшее определение этой речи с высока» [Ламанский: 211].

Затем А.И. Соболевский в этом же журнале, как бы подхватывая мысль В.И. Ламанского, в 1892 г. во Введении к «Очерку русской диалектологии», характеризуя взаимоотношения акающих и окающих «поднаречий» русского языка, упоминал об акающих говорах в Костромской губернии и объяснял их появление развитием

© Н. С. Ганцовская, 2006

отхожих промыслов: «Следует заметить, что акающее поднаречие понемногу вытесняет окающее, по преимуществу в тех местах, где существуют отхожие промыслы, – особенно в Костромской губ. Местные крестьяне с детства проводят помногу лет в Москве и Петербурге и здесь усваивают особенности акающего поднаречия; последния от них переходят к местному оседлому населению. Таким образом целый ряд деревень и сел Костромской губ. теперь уже не принадлежит окающему поднаречию. Такая же замена одного поднаречия другим начинает замечаться в значительных размерах в Владимирской губ., среди местных плотников и каменщиков» [А.И. Соболевский: 9].

Ф.И. Покровский (1871–1903), уроженец с. Покровского на реке Письме Буйского уезда Костромской губернии, сын дьячка, получивший духовное и светское образование в Костроме (Галичское духовное училище, Костромская духовная семинария), Ярославле (Демидовский юридический лицей), Санкт-Петербурге (Санкт-Петербургская духовная академия), член-сотрудник Императорского русского географического общества (ИРГО), был несколько раз командирован ИРГО в костромскую губернию для изучения акающих говоров, которые детально, с большим знанием дела описал в виде нескольких статей, в основном помещённых в журнале «Живая старина»: «О народных говорах северо-западной части Костромской губернии» (Из отчёта о командировке от ИРГО в 1896 г.) [Покровский, 1897], «О народном говоре чухломского уезда Костромской губернии (Из отчёта о командировке от ИРГО в 1898)» [Покровский, 1899].

Пожалуй, это первое глубокое, всестороннее и, может быть, пока единственное в таком роде исследование акающих костромских говоров и соседних с ними окающих. Наибольшее внимание как выходец из северо-западной волости Костромской губернии он уделил описанию говоров именно этих мест. В 1896 г. Покровский изучал сопредельные говоры Костромского, Буйского и Галичского уездов. Показательно, что главным мотивом для Ф.И. Покровского в их членении было деление на цокающие и нецокающие говоры, на втором месте стоял признак различения или неразличения гласных в безударных позициях. Этот взгляд, как мы полагаем, созвучен положению шахматовской концепции происхождения восточнославянских языков и территориальных диалектов из племенных наречий: северновеликорусские говоры восходят к восточному племенному наречию, главной характерной чертой которого было цоканье. Как известно, наиболее развёрнуто эта теория была изложена А.А. Шахматовым в 1915 г. в «Очерке древнейшего периода истории русского языка, [Шахматов, 1915], однако проблемы славянского этногенеза обсуждались им и в печатных работах 1894 и 1899 годов [Шахматов, 1894], [Шахматов, 1899]. Можно предположить, что мнение А.А. Шахматова о генезисе северновеликорусского наречия и проблеме происхождения говоров этого наречия была предметом обсуждения в академических и близких к ним кругах и Ф.И. Покровский познакомился с ней ещё до публикации соответствующих работ А.А. Шахматова.

Из богатых фактическим материалом, тонкими лингвоэнографическими наблюдениями и теоретическими обобщениями статей Ф.И. Покровского остановимся только на тех их моментах, которые затрагивают исследование особенностей акающих говоров по сравнению с соседними окающими, рецепции местным населением акающей речи, вопросах о диалектной основе указанных говоров и характере наслоения и специфике диалектной лексики данной территории в ареальном аспекте.

Итак, Н. Покровский констатирует: «Северо-западная часть Костромской губ. заключает в себе три народных говора: 1) окающий и нецокающий; 2) акающий и не цокающий; 3) цокающий с явлениями в подразделениях его как аканья, так и оканья» [Покровский 1897: 450]. Отмеченное Н. Покровским совмещение цоканья и аканья в костромских говорах (говоры Солигаличского и частично Буйского уездов), известное, пожалуй, только в южнорусских говорах рязанской Мещеры, наводит на мысль о том, что исконным в данной местности было цокающее, т.е. северновеликорусское население. Дальнейший текст статьи это подтверждает. В пользу северновеликорусской основы говоров Костромского акающего острова (КАО) говорят следующие данные, приведённые Ф.И. Покровским. Изложим их.

1. Распространение безударного ёканья: «Но, как уже выше замечено, произношение *ё* вм. *Е* представляет отличительную особенность почти всего костромского говора, а не одного только окающего; поэтому ёканье с более или менее заметными смягчениями слышится и в том се-

веро-западном костромском говоре, который мы обозначали *акающим*, но *не цокающим*. Этот говор распространяется по всему Солигаличскому уезду, за исключением лишь западной части его по правому берегу р. Костромы между ея притоками Монзой и Туткой, и крайнего севернаго угла уезда по тому же правому берегу р. Костромы с волостями Вершковской и Зашугомской» (С. 448). «Изменения же *е* в *ё,* как один из признаков говоров окающих …остаётся и в акающем Солигаличском говоре в том же самом виде, как оно обнаружилось в окающем Костромском и Буйском произношении, т.е. неударяемое *е* на конце слов и после ударения в формах склонения, а иногда и спряжения, переходит в *ё:* деревн*ё*й, копЂ*ё*къ, Тест*ё*мъ, волось*ё*в, съ утренн*ё*й зар*ё*й, ранн*ё*му вечеру, куша*ё*мъ, проЂд*ё*шь, пол*ё*, правлень*ё,* добро*ё,* хорош*ё* и др.» [Покровский 1897: 449]. Однако, как пишет Ф.И. Покровский, оно не распространяется, в отличие от окающих говоров, на заударные глагольные формы 2 л. мн. ч. наст. времени, сопровождающиеся переносом ударения: «в Солигаличском произношении… здесь больше говорят хатИте, чем хотит*ё*, дерётесь, чем дерит*ё*сь, стаИте, чем стоит и т. под. даже и тогда, когда в окающем говоре подобного перенесения ударения не бывает, но конечное *ё* во 2 лице множ. числа изъявит. и повел. наклонений изменяется всё-таки в *ё.* В Солигаличском уезде, особенно в восточной его части, можно чаще услыхать: хОдите, чем ходит*ё; прощайте, чем прощайт*ё; встречайтесь, чем встречайт*ё*сь; рассердит*е*тесь, чем рассердитёсь и т. под.» [Покровский 1897: 449].

2. Севернорусский характер солигаличской речи (темп, мелодия и др.): «Самый характер Солигаличской акающей речи по сравнению с Буйскою окающею уже несколько иной: говор солигаличских жителей громкий, самоуверенный, быстрый, и, так сказать, несколько драматического оттенка от частого употребления вопросов, вроде, а ты думал как? А то как же? И др.» [Покровский 1897:449].

3. О цоканье, произношении *у* неслогового на месте *л* перед согласным и на конце слова как чертах, общим окающим и акающим говорам.

«Третий: затем, подлежащий особому выделению, говор северо-западной части костромской губ., есть говор *цокающий,* в котором оканье и аканье входят уже как несущественные признаки для более частных подразделений. Говор этот перешёл вероятно из соседней Вологодской губ. и распространился сравнительно в необширных местностях Буйскаго и Солигаличскаго уездов: в первом к нему принадлежит волость Покровская с селом Романцевым, а во втором волость Чудовская по реку Тутку на северо-восток. Говоры той и другой волости имеют между собой на общей цокающей основе и некоторые различия, отделяющие их один от другого» [Покровский 1897: 449]. Ф. Покровский называет ещё одну черту, общую окающим и акающим говорам, которая «наблюдается только в северо-западном крае Солигаличского уезда, где она, начинаясь ещё с Ферапонтовской вол., Буйского уезда, проходит по цокающей Чудцовской вол., по акающей волости Костромской, слышится иногда под самым Солигаличем (д. Ластицыно напр.) и скрывается затем в северном углу уезда, – в волостях Вершковской и Зашугомской. По всей этой местности постоянно слышится по*у*часа вм. полчаса, по*у*день вм. полдень …кричa*у* вм. кричал…» [Покровский 1897: 451].

4. Взрывное произношение *г, [l]* европейское и многочисленные упрощения и изменения групп согласных и отдельных согласных, присущие северновеликорусским говорам.

Примеры Ф.И. Покровского на эти явления: *поздо, балосьво, сварьба, усарьба, ндрав, надсмехаться, дерёсса, меньче, раньче, молосный, ешшо, шшука, омман, оммеривать, мтица, мчела, баушка, недождамшись, скрозь, слободный, колда, скус, деушка, разе, стричать, взафтра, эфтот, антарь, некрути, сельница, кухольный, озябёшь, жысь, болесь, Девьян и др.* «В выговоре женского населения дер. Боярской и Печенги Чудцовск. вол., Солиг. у. любопытно смягчение *л* перед гласными: пришл*я* вм. пришла, *л*юкошко вм. лукошко, мо*л*ётить вм. молотить, бы*л*я вм. была, забо*л*елё вм. заболело и под.» [Покровский 1897:456].

5. Особенности женского произношения в наблюдаемых Ф.И. Покровским говорах. Произношение [l] европейского (см. конец цитаты выше), черты, *характерной* для наиболее восточных, архаических говоров вологодско-вятской группы, отмечена у женского, т.е. наиболее осёдлого населения региона. Женщины никогда не покидают родного дома и являются носителями традиционного говора. Поэтому «женский выговор» – показатель говора автохтонного населения, с достаточно устоявшимися речевыми

традициями. В статье 1898 года «О народном говоре Чухломского уезда Костромской губернии…» Ф.И. Покровский, доказывая, что «Чухломское аканье, является несомненно исконной особенностью говора, а не позднейшим явлением в нём, привнесённым, как думают иногда, «чужою стороною» [Покровский 1898: 330], т.е. участвующим в отходничестве мужским населением, опирается на наблюдения за речью женского населения. «Наиболее резкое аканье слышится главным образом в женской и по преимуществу пожилой, не покидающей деревни, половины населения, тогда как мужчины, в особенности прожившие в Петербурге сравнительно долгое время, говорят хотя и акающим, но значительно уже в этом отношении смягчённым говором без того растяжения *а*, которое у женщин в центральной части уезда звучит для стороннего наблюдателя иногда надоедливой тягучестью и крикливостью» [Покровский 1898: 330]. Дополнительным доказательством верности этого наблюдения является тот факт, что рядом, в окающих волостях Чухломского и Галичского уездов, большая часть мужского населения «живёт по летам в Петербурге, а между тем оно если и изменяет в строну аканья свой первоначальный окающий говор, то изменяет и много и скорее под влиянием своих же акающих Чухломских соседей, чем «чужой стороны» [Покровский 1898: 330]. Далее в этой статье Ф.И. Покровский ещё раз отмечает открытое произношение, особенно в центральных акающих волостях Чухломского уезда – Бореевской, Мирохановской и Алешковской – в первом предударном слоге и в последнем слове фразы в речи женщин, по преимуществу «старух», «протяжённое, почти двойное а»: «От этого говор Чухломян кажется громким, смелым и решительным…» [Покровский 1898: 333]. Отсюда вывод – чухломское аканье не может быть занесено столичными отходниками, это явление более раннее, так как отходничество в костромской губернии возникло только в XVIII веке.

В обеих рассмотренных нами статьях приводятся словарики диалектных слов в обследованных местностях. Ф.И. Покровский извиняется за их краткость и несистемный характер, однако они ценны во многих отношениях. Это следующие, если не считать нескольких слов с пометой чухлом. в Толковом словаре живого великорусского языка В.Даля, после списков слов Н. Нерехотского по Чухломскому уезду, 1820 г. [Н. Нерехотский 1820], материалы, которые позволяют судить о составе, семантике и ареальных связях лексики данного региона. Правда, приблизительно к концу XIX в. относятся ответы информантов корреспондентам по Чухломскому, Солигаличскому и Галичскому районам Костромской губернии по программе «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева, содержащие некоторое количество диалектной лексики, но до последнего времени они были неизвестны широкой публике [Тенишев 2004].

Материалы Ф.И. Покровского содержат лексику разных частей речи разнообразной тематики, а также некоторое количество имён собственных (клички животных). По нашим наблюдениям на 2005 год большая часть подобной лексики сохранилась в солигаличских говорах (клички животных досконально не проверялись, но, по-видимому, они сейчас не в такой степени актуальны). Наши информанты супруги Филипповы Александра Михайловна и Василий Павлович, оба 1937 г.р., родом из д. Астапово Жилинского с/с Солигаличского района, знают большинство слов из списков Ф.И. Покровского примерно с тем же значением или же с некоторой филиацией его и формы слова. Наши наблюдения приводим параллельно со списком слов у Покровского, его толкованиями и примерами (прямой шрифт) в виде комментария справа курсивом через знак «=».

Чухломские говоры (по статье 1898 г.).

Безо время – не вовремя. – «Безо время посиешь, ничяво и не уродитца» (Судайск.в.). = «*Безо время пришёл».*

ЗавОпить – закричать. – «Слышу завОпили: писарь тонетъ!» (Судайск.). = *Теперь ударение другое: завопИла.*

ЗапОлица. – место за полем. – «Авецъ-то я видела на заполице». (Бушневск.). = *«Заполица – далёкий сенакос».*

КУжель. – пучек льна, привязанный к прялке. = *Сейчас то же.*

ЛетИна. – трава картофеля. – «На картофеле вся летина нынчи сгорела». = *Сейчас то же.*

ЛомИха. – долго не «обыскивающаяся» нетелящаяся корова. = «*Ломиться – корова, которая не может обойтись. Корова у нас всё лето ломится, так и не заломилась».*

Мамина – маменька. (Коров.). = *У нас говорили мАмонька, мАминька.*

МахлакИ – жёлтая морошка, – ягода. = *То же и сейчас.*

МУдник – чаревник, – название кушанья из ячменной крупы с салом и бараньими кишками. = *Сейчас черевник – кушанье из кишок, внутренностей, запекают в плошке с крупой.*

ОтдАть – отодвинуть, убрать что-нибудь мешающее чему-нибудь. – «Отдай горшок – аж – мешает» (Бушнев.). = *То же и сейчас.*

ОтдАться – убраться, отодвинуться с дороги. – «Атдайся дальше, – ушибёт!» (Бушнев.). = *То же и сейчас.*

Пашня – хлеб, родящийся в паханом поле. – «Всё бы камни, а пашня-та радится харашо». = *Думается, тут не совсем точное толкование. Судя по примеру,* ***пашня*** *– это плодородное место, где выращивают хлеб (зерно), урожайная земля. Такое значение есть в современных говорах. Ср. в севернорусских говорах изменённая девушка, т.е. девушка, которой изменили.*

Печево – печёное – в противоположность вареву. – «Потом приносят печева али похлебать». = «*Варево и печево каждый день».*

ПогрестИ – сгрести сено. – «Пагребли, што вечор-та было накашено». (Судайск.). = *Сейчас то же самое.*

ПрОстень – веретено ниток. – «Два простня напряла». = *Сейчас то же.*

СвалЯть – о стоге: сметать. – «Два стога сяводни сваляли». (Судайск.). = *Сейчас то же.*

СередА – часть избы с печкой, отделённая перегородкой. – «Выйдешь от середы-та и скажешь». = *Сейчас то же самое.*

СтУпни – поршни, берестяная обувь. (Бушнев.). = «*Как лапти из береста плели. С пятками, без верёвочек. В сенокос на босу ногу надявали. Праодавали. Мастер у нас был, всё лапти и ступни плёл».*

ЦелИк – серый гриб. «Чиво нисёшь? – Да одних циликовъ!». = *Сейчас то же.*

Черкать – пахать. «Черкать скора уж нада». = *Сейчас то же самое: 'боронить, разрыхлять, пахать'.*

Ђдиво – пища, Ђжа. – «Ни пидива, ни идива нЂт», (Мурав.). = «*Ёдива-та с сабой ни взяла ничаво».*

Лексика северо-западных костромских говоров (из статьи 1897 г.).

БарахавИца – кушанье из молотых на ручных жерновах ржаных зёрен съ молоком или маслом. = *То же, что черевник: блюдо из желудка, кишок. Печень, лёгкое истяпывают. И крупы клали, перловой.*

БезлЮдье – бранное слово: «Экое ведь безлюдье! Ничево тебя нельзя заставить сделать: всё перепортишь». (Буйск.у.). = *«Вроде как непутёвый человек. И делать ничево не умеет».*

БесЕдник – посетитель. «Куды больно торописся, Николаевна». – Да домой: биседник там у меня сидит, – Кузьма Лихторыч». (Буйск. у.). = *То же и сейчас.*

БрАтко – брат. «Мама, а братко куды ушёл? (Солиг. у., Костр. Вол.). = *Братко – родной брат. А ещё братчик – тётка называет отца, мамина брата жена.*

ДивИ – неудивительно, если бы… «Ах, старой ты пёс! Диви бы молодой о бабах бы думать, а то ведь в землю гледишь» (Буйск. у., Письм. Вол.). = *«ДИви маладой, скачет, кабелится. Расплясауся, разбегауся…».*

Дом – гроб, домовище (Галич. У., Холмов. Вол.). = *Сейчас домовина – гроб.*

Дух – ласкательное; употребляется преимущественно женщинами. «Да ну подём, Маша, милая моя, дух!». «Ах, духи мои! Што я наделала-то!» (Буйск. у., Письм. вол.). = *Сейчас то же.*

Душный – издающий сильный и дурной запах. «Дал какой-то мази, – чёрная, душная!» (Солиг.у. Чудц. вол.). = *Сейчас то же: «Прямо душно, запах плохой».*

ЗавАра – кушанье из ячменной или пшеничной муки с маслом (Буйск. у., Покров. Вол.). = «*В кипяток засыпаешь белай муки, мешаешь. Пастаит в гарячем, замёшиваешь, да и всё. Маслам намажешь растительным».*

ЗаквАска – сусло, заквашенное с разными ягодами и с мятой (Буйск. у., Шушкод. и Ферап. Вол.). = *«Хлеб заквашивают в квашне закваской».*

ЗачинАть – начинать.= *Сейчас то же.*

ЗастИть – загораживать свет. = *Сейчас то же.*

КолИ – когда. «Коли опять-ту приедёшь? – А можо и неколи не приеду». (Буйск. у.). = *Сейчас то же.*

КорИха – в Галич. у. – оспа (Холмов. Вол.). = *В Солигаличском районе, как и во многих районах Костромской области – 'корь', а не 'оспа'.*

КраснУха – корь. (Галич. у., Холмов. вол.). *Сейчас краснуха – общераспространённое название инфекционной болезни с сыпью у детей, напоминающая оспу, но протекающей легче, не корь. Семантический диалектизм по отношению к понятию 'корь'.*

Людно. = *«Ой, у нас в деревне коров не людно теперь, не как раньше».*

НЕколи. = «*Неколи мне разговаривать».*

ОттОлева. = *«Оттелева пришла позно, устала».*

Падеро. = «*Ах, ты падера эдакое, наадовался, ненасытный! – как пасловица это у нас.*

ПАдог. = *«Я с падагом шла черес лаву».*

ПестЁрка – корзина. «Теперь, матушка моя, только и остаёцца, взять в руку пестёрку, да и Христа-ради идти» (Буйск..у.). *слова не знают.*

ПЕстер – кузов, которым носят сено (грохот). = *«Из береста плели карзины бальшие, на лямках».*

ПомАшка – обычай, привычка (Буйск. и Солиг. у.). = *У её памашка такая, как у меня.*

Праськёй – настоящий, не поддельный, хороший. (Солигалич. У., Чудцов. В, по реке Тутке). = *Праський-то парень у её, фсё сделаёт.*

ПривечАть – ласково, приветно обходиться с кем-нибудь. «Оне меня привечают: кажинай раз на Ильин день зовут в гости. (Буйск. у., Письм. в.). = «*Не привечай, а то её не отвадишь».*

ПрилучАть – приваживать к чему-нибудь или кому-нибудь. = *Не прилучила кошку к порядку.*

Черёдный – надлежащий, такой, как быть следует. = «*Не черёдная девка растёт».*

Чёркать – боронить. (Галич. у., Холмов. вол.). = «*Вон муж грядки чёркает».*

Таким образом, видно, что лексика обозреваемых Ф.И. Покровским говоров северновеликорусская. В ней много слов (преимущественно этнографизмов) широкого распространения: *безлюдье, беседник, дух, едево, кужель, падог, печево, простень, середа, ступни* и др., в основном она тяготеет к более западным костромским и ярославским говорам: *безо время, завара, загнета, застить, коли, неколи, отдать, отдаться, падеро, праськёй, привечать, прилучать, расхлебенивать, черёдный и др.,* что поддержано и фонетическими явлениями (ёканье, упрощение групп согласных, например). /l/ европейское, цоканье, /ў/ неслоговое характерны только для ограниченной, северо-восточной части описанной территории, но из списка слов Покровского трудно выделить специфически севернорусские элементы, относящиеся только к этим периферийным говорам. К ним отнесём слова *барахавица, братко, дом, душный, заполица, людно, мудник, черевник, черкать.* И только слово *летина* ‘ботва картофеля’ считается южнорусской ориентации.

Ф.И. Покровский относительно происхождения акающих костромских говоров придерживается другой точки зрения, чем А.И. Соболевский, и не связывает их с отходничеством, а полагает, что это более древнее явление. Покровский в результате анализа многих черт говоров КАО убедительно показывает северновеликорусский характер их основы и южнорусский характер их наслоения, поскольку севернорусские черты характерны даже для безударного вокализма акающих говоров, не говоря уже о консонантной системе и лексике говоров. В плане генезиса это исконно северновеликорусские говоры с яркой привнесённой каким-то пришлым населением южнорусской чертой типологического характера – аканьем, что и позволяет считать их среднерусскими смешанными.

Библиографический список

1. *Ламанский В.И.* Вопросы и ответы. Разд. IV // Живая старина. Вып. 111. – СПб., 1891.

2. *Нерехотский Н.* Слова, употребляемые жителями города Чухломы и его уезда, собранные учителем гимназии Николаем Нерехотским // Труды общества любителей российской словесности. Ч. XX. – М., 1820.

3. *Покровский Ф.И.* О народных говорах северо-западной части Костромской губернии // Живая старина. Вып. III–IV. – СПб., 1897.

4. *Покровский Ф.И.* О народном говоре Чухломского уезда Костромской области // Живая старина. Вып. 111. – СПб., 1899.

5. *Соболевский А.И.* Очерк русской диалектологии. Введение // Живая старина. Вып. 1. – СПб., 1892.

6. *Тенишев В.Н.* – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. – СПб., 2004.

7. *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка (Энциклопедия славянской филологии). Вып. 11. – Пгр., 1915.

8. *Шахматов А.А.* К вопросу об образовании русских наречий // Русск. филол. вестн. – 1894. – № 3.

9. *Шахматов А.А.* К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // Журнал Мин. нар. просв. Т. CCCXXII. – СПб., 1899.

С. Г. Катаева

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ТИПОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Проблемы «языка и политики», «языка и идеологии», «языка и общества», всегда были предметом исследования лингвистов, политологов, социологов, историков. Занятие этими проблемами, установлением связи между языковым и общественными феноменами, является таким же давним, как и осознание роли языка как важнейшего медиума политического действия при любой форме господства. Не проходящий интерес к данной проблематике объясняется и тем, что «язык в политике – комплексная и абстрактная тема – является также темой, которая в высшей степени касается общественного бытия и качества жизни каждого» [1, s. 5].

Язык и политика неразрывно связаны друг с другом, поскольку не только язык воздействует на политику, но и политика воздействует на язык [см. 12, s. 93]. О неоспоримой роли языка в политике говорит тот факт, что в любом государстве и при любой форме правления, «политические процессы, являясь в первую очередь процессами коммуникативными, конституируются в значительной мере с помощью языка» [26, s. 196]. Язык является, с одной стороны, объектом политического действия, с другой стороны, он составляет часть немецкого языка, соотносимой с областью политики. При определении роли языка в политике Дикманн модифицирует общепризнанную дефиницию «политики» как «сферы государственной деятельности» в «сферу *языковой* деятельности, осуществляемой в области государственной системы» (staatliches oder auf Staat bezogenes Reden) [12, s. 29]. Данное утверждение представляется в определенной мере спорным, поскольку роль языка в политике не сводима только к сфере государственной деятельности, она распространяется и на другие аспекты политической деятельности и практически охватывает все области общественной жизни. Язык сопровождает политику, влияет на неё и выполняет при этом регулирующие функции: «каждое политическое действие разрабатывается, готовится, разворачивается и прекращается с помощью языка, оно сопровождается, оказывает влияние, управляется, регулируется, описывается, разъясняется, мотивируется, оправдывается, контролируется, критикуется, и осуждается посредством языка» [17, s. 43]. К нему имеют отношение не только политики, публицисты, но и ученые, учителя, простые граждане и любой интересующийся политикой человек, поскольку их жизнь в большой степени определяется политическими обстоятельствами: они принадлежат ей, отвечают за нее, принимают в ней участие, говорят, пишут и читают о политике [см. 19, s. 3]. Таким образом, политический язык является не просто средством политики и её эффективным инструментом, но и основным условием её существования, и средством её конституирования. Он многолик и, особенно в обществе с демократическим устройством, является важнейшим средством политического действия [см. 21, s. 4]. Более того, в современном мире, в эпоху «медиократии», роль языка возрастает настолько, что он порой подменяет собой само политическое действие, оно становится уже чисто «символическим» [см., в частности: 2, s. 4; 28, s. 25; 19, s. 24].

В соответствии с таким многообразием сопричастности языка с политикой существуют и разные взгляды на данный феномен. Не оспаривая факт тесной взаимосвязи языка и политики, ученые до сих пор не пришли к единому мнению о роли и месте языка в политике. Крайняя точка зрения представлена мнением, что всякое политическое действие является языковым действием, и что там, «где политика лишена языка, она прекращается» [12, s. 29]. Данное категорическое мнение представляется спорным, так как политическое действие, являясь безусловно преимущественно и главным образом языковым действием, использует наряду с этим и невербальные знаки и символы, которые также играют важную роль в политической коммуникации – политическая символика может дополнять языковое действие или заменять его. К таким невербальным формам политической коммуникации относятся различные национальные символы (*национальные гимны, флаги, знамена, гербы, государственные здания)*, символы власти (*двуглавый орел*), плакаты, жесты, и т.п. [см. так-

© С. Г. Катаева, 2006

же 9, s. 98]. В отличие от линейного и поступательного языкового изложения политического содержания, невербальные средства политической коммуникации служат в яркой плакатной форме политической рекламе, «внутренней интеграции и внешнему отграничению» [15, s. 2].

Противоположная позиция, предписывающая языковому действию в политике подчиненную, второстепенную роль, представлена политологом Бергсдорфом, который исходит из «примата политики <…> в отношениях языка и политики» [6, s. 20] и рассматривает его только как «медиум политических дискуссий», как своего рода «эрзац насилию» (возможность отказа от насилия): «Лишь только тогда и до тех пор, пока язык будет принят как медиум политических дискуссий, остается шанс в политике отказаться от других средств, например, насилия» [4, s. 27].

Известный семиотик ГДР Георг Клаус занимает в этом вопросе не однозначную позицию: с одной стороны, он рассматривает язык политики как «элемент классовой борьбы», а слово как её «мощный инструмент», с другой стороны, заявляет о том, что он, оставаясь важным её компонентом, ни в коем случае не является «решающим аспектом политики» [23, s. 9].

Эти точки зрения, рассматривающие роль языка в политике то преувеличенно большой, ведущей к тотальному контролю над обществом, вплоть до создания манипулятивного политического «новояза»[1], то лишь вспомогательной (“subsidiär”), «гуманитарной формой правления» [5, s. 187], поскольку слова «не делают политику» (Worte machen keine Politik), сосуществуют в исследованиях по данной тематике. Они нашли свое отражение в названиях «панлингвизм» (Panlinguismus) и «панполитизм» (Panpolitismus) как различные подходы к оценке роли языка в политике [см. 19, s. 19–29]. «Панлингвизм» проявляется в «завышенной оценке языкового фактора», «в доминировании языка над политикой» [7, s. 464]. Он часто принимает в связи с негативными явлениями языковой манипуляции и пропаганды формы мифов о магической «силе слова»[2], как изощренной форме политического правления, и тем самым приписывает ему поистине «демонические силы» [19, s. 26]. Это направление исследований в области политического языка на уровне слов и понятий Холли называет «понятийным фетишизмом» (“Begriffsfetischismus“) [19, s. 86]. «Панполитизм», наоборот, излишне преувеличивает значение «политического фактора». Он сводит все языковые феномены к их политической значимости и предполагает, что признак «политичности» присущ языку изначально и является его «основополагающим признаком» [20, s. 3].

Не вдаваясь в подробности дискуссии о терминологическом определении самого объекта исследований, имеющем различные обозначения и предназначения («язык в политике», «политический язык», «язык политики», «язык и политика» и др.)[3], следует отметить, что само понятие «язык в политике» традиционно применяется в широком смысле слова: как на уровне *языка,* т.е. специальных, соотнесенных с политикой языковых единиц, обозначающих и структурирующих эту сферу, и составляющих её специальный словарь, так и его употребление на уровне *речи* политиков, журналистов и т. д., не ограниченной только специальным политическим словарем.

Трудности разграничения политического лексикона

Использование языка в политике означает в первую очередь использование политического лексикона. Он является важнейшей, хотя и не единственной составляющей политической коммуникации, поскольку даже языковые единицы, которые на первый взгляд выглядят «не политично», могут получать под влиянием определенных факторов внеязыкового характера и в определенных контекстах политическую релевантность.

Под «лексиконом» любого языка понимается «структурированный инвентарь лексем» [30, s. 1], под политическим лексиконом «инвентарь слов, которые, являясь частью общего словаря, относятся к политике» [13, s. 16]. Традиционно к нему относят «политически релевантные слова», всегда находившиеся в центре внимания исследований «языка и политики»[4].

При определении объема и структуры политического лексикона и его описания возникают трудности, вызванные спецификой внеязыкового фактора «политика». Их можно обобщить и сформулировать следующим образом:

1. Политический лексикон определенного языка и лексикон определенной политической системы не идентичен, между ними существуют определенные различия[5]. Так политический лексикон ФРГ не совпадает с политическим лексиконом немецкого языка, имеющим в своем

составе языковые единицы типа *Kongress, Unterhaus, Oberhaus,* референтно не соотносящиеся с политическими реалиями ни одной немецкоязычной страны, как он не совпадает с политическим лексиконом других немецкоязычных стран, отражающих особенности их государственных устройств: *Bundestag* (ФРГ), *Nationalrat* (Австрия), *Kanton* (Швейцария), *Volkskammer* (ГДР). Следует отметить, что данные несовпадения в политическом лексиконе немецкого языка касаются лишь его определенной части, «институционального вокабуляра», они эксплицитны и легко объяснимы. Что же касается другой части политического лексикона немецкого языка, его идеологического вокабуляра, то здесь несовпадения носят глубинный мировоззренческий характер и выражаются в различных видах «идеологической связанности слов»[6]. В связи с этим Дикманн рассматривает идеологический язык как «надгосударственное» (überstaatlich) и «надязыковое» (übersprachlich) явление. Он надгосударственен, так как существует общность основного идеологического вокабуляра, характерного, например, для различных демократий западного образца. А так как идеологические языки не связаны границами одного языка, они представляют собой и надязыковое явление. В случае же с немецким языком, он является также субязыковым (submuttersprachlich), так как внутри немецкоязычных стран имеются различия в политическом устройстве общества (как это было в ФРГ/ГДР). Когда же налицо конкурирующие идеологии внутри одного государства, идеологический язык становится субгосударствененным (substaatlich). В соответствии с этим политический словарь каждой формы господства требует, по мнению Дикманна, отдельного рассмотрения [12, s. 48].

2. Политический лексикон как никакой другой демонстрирует широкую открытость для проникновения в него языковых единиц из различных, в том числе, специальных сфер жизни. Это объясняется тем, что в отличие от медицины или математики политика не является сферой с четко очерченным определенным специальным словарем, так как «область политического является открытой» [12, s. 47] и охватывает все области общественной жизни. Степень открытости конкретного политического лексикона зависит от определенной системы господства, исторических и социокультурных условий. Неоднородность политического языка вызывают определенные трудности разграничения политического лексикона, с одной стороны от общеязыкового варианта, с другой стороны, от специальных языков других сфер. В связи с отсутствием четко обозначенных границ «собственно политического языка», а также четких критериев его отграничения от языков других общественных сфер, некоторыми лингвистами (Fluck 1985, Strauß 1986, Klein 1989) оспаривается сам факт существования политического специального языка: «Язык в политике не является специальным языком. Об этом свидетельствуют его смешанный характер, пересечение с другими специальными языками, а также широкое взаимодействие с разговорным языком» [24, s. 5]. Следует отметить, что в более поздних публикациях Кляйн признает наличие политического специального языка, но соотносит его только с политическим «институциональным языком»[7]. Специальный язык политики по мнению одних исследователей представляет собой «прослойку между специальными языками и общим языком» [18], по мнению других, рассматривается как сочетание «множества специальных языков, чья социальная значимость не сводима к языку определенной группы экспертов, так как язык политики обладает не только когнитивно-денотативным, но и оценочным потенциалом» [31, s. 194].

3. Трудности определения политического лексикона вызваны также существованием его единиц на уровне языка и речи. Коммуникация в сфере политики (уровень речи) предполагает, что любая тема из области медицины, экологии, быта и т.п. может стать политической, а в соответствии с этим и каждая лексическая единица, как было отмечено выше, может стать «политическим словом», что вносит дополнительные трудности в определении четких границ политического лексикона. Несмотря на многослойность и «смешанный характер» политического языка, трудности вычленения его на уровне языка и речи, Дикманн выделяет на основе лексико-семантического анализа «собственно политические языковые формы» (politikeigene Sprachformen). Он определяет принадлежность слов к политическому лексикону с помощью семантических критериев, их соотнесенности с определенной областью политики, но одновременно отмечает, что на практике такой подход является трудноразрешимым, поскольку политика это

не только тематическая область, но и «политическое действие», «деятельный и функционирующий комплекс» [12, s. 47].

При всем многообразии взглядов на политический язык неоспоримо существование политического лексикона, группы слов с эксплицитно выраженной политической релевантностью, ядром которого являются понятия, имеющие особую значимость в политической коммуникации: «разговорная речь и язык пропаганды отличаются друг от друга, прежде всего, в значимости и частотности употребления понятий. Язык политики – это язык *понятий*» [4, s. 46]. Политические понятия, эти «собственно политические языковые формы», составляющие ядро политического лексикона, всегда находились в центре внимания системно-лингвистических исследований и являлись необходимой предпосылкой для анализа их дальнейшего конкретного прагматического употребления. Они выполняют «функции элементарных когнитивных растров, (kognitive Raster), способствующих восприятию исторических и политических процессов [19, s. 86].

Политический лексикон в словаре немецкого языка. Объем и структура

Известны различные подходы к описанию объема и внутренней структуры политического лексикона. Они представлены ведущими исследователями политического лексикона: Dieckmann (1969/1975, 2005), Strauß, Zifonun (1982/1983), Strauß (1986), Strauß, Haß, Harras (1989), Klein (1989) и другими, которые предлагают различные, но в основном схожие варианты общего описания политического лексикона, определения его объёма и внутренней структуры.

Наиболее известную классификацию политического лексикона приводит классик исследования политического языка Вальтер Дикманн. Исходя из доминирующих целей политической коммуникации и её отдельных функциональных сфер, Дикманн дает в своей часто цитируемой книге “Sprache in der Politik” (1969/1975) лексико-семантическую классификацию политического лексикона [см. 12, с. 47–57]. Он подразделяет политический лексикон (язык) на:

1) «институциональный язык» (Institutionssprache);

2) «специальный язык государственного отраслевого управления» (Fachsprache des verwalteten Sachgebietes);

3) «идеологический язык» (Ideologiesprache).

Как следует из приведенной классификации, Дикманн называет «политический лексикон» (politischer Wortschatz) более широким понятием «политический язык» (politische Sprache) и дает каждому его сегменту подробную характеристику. ***Институциональный язык*** по Дикманну состоит из наименований отдельных государственных институтов и общественных организаций (*Bundestag, Bundesrat, Partei*), с их внутренним структурным делением (*Fraktion, Parteivorstand, Ausschuss*), наименованиями конкретных задач (*Verfassungsschutz, Finanzpolitik, Entwicklungshilfe*) и процессами (*Abstimmung, Wahl, Legislaturperiode*), в которых они функционируют [12, s. 50–52]. Институциональный язык регулирует формальное функционирование государственных органов власти внутри учреждений, ведомств и организаций, призванных решать задачи, предписываемые конституцией или другой вышестоящей властью. Ядро этой лексики заложено в конституции государства. ***Специальный язык государственного отраслевого управления*** содержит языковые единицы из специальных областей государственного управления [12, s. 50]. Это особый, специальный язык экспертов в области экономической, социальной, образовательной, культурной, сельскохозяйственной и др. политики (*Bruttosozialprodukt, Konjunktur, soziale Marktwitschaft*). Он также как и предыдущий институциональный язык служит преимущественно внутренней политической коммуникации. Однако следует отметить динамику развития политического лексикона, когда языковые единицы внутренней политической коммуникации (*soziale Marktwitschaft*) покидают сферу своего обычного функционирования и становятся частью общественно-политической (внешней) коммуникации. В этом случае они получают признаки идеологической релевантности и становятся единицами идеологического вокабуляра. ***Идеологический язык*** (идеологический вокабуляр) «играет решающую роль в общественно-политической коммуникации, в которой политические группировки артикулируют цели и принципы их действий, дают свое толкование и оценки политическим явлениям, чтобы в конкурентной борьбе с другими представлениями противника получить одобрение публики» [13, s. 19]. А так как идеологический язык, по меньшей мере, в плюралистических системах не

является «монолитным», он выступает в «образе конкурирующих партийных лексиконов» и распадается на различные «субсистемы» [10, s. 126] или «политолекты» [21, s. 4]. Дикманн, неоднократно подчеркивающий неоднородность политического языка, его гетерогенность, считает такие понятия как «политический язык» [8, s. 77] и «политолект» проблематичными, так как они определенным образом «внушают» мысль о несуществующем языковом единообразии, и предлагает заменить их более уместным на его взгляд понятием «язык и коммуникация в политике» [см. 13, s. 22]. Однако это новое обозначение, наряду с другим, им предложенным определением «специфический способ употребления немецкого языка», на наш взгляд, представляют собой более расплывчатые номинации по сравнению с уже устоявшимся, хотя может быть не вполне четким понятием «политический язык».

Кляйн (1989), опираясь на классификацию Дикманна, также выделяет «институциональный вокабуляр» (Institutionsvokabular), «идеологический вокабуляр» (Ideologievokabular), «ведомственный вокабуляр» (Ressortvokabular), заменив Дикманновский «язык» на «вокабуляр» и «специальный язык государственного отраслевого управления» на «ведомственный вокабуляр». Кроме того, он дополняет классификацию политического лексикона Дикманна четвертым разделом – «вокабуляром общей интеракции» (allgemeines Interaktionsvokabular). К последнему он причисляет слова, не относящиеся ни к специальному, ни к идеологическому языку, но, тем не менее, имеющие высокую частотность употребления в политической коммуникации *Kompromiss, System, Mobilisierung, Krise, Affäre, appelieren, dementieren* [24, s. 7]. В отличие от Дикманна он выделяет в «ведомственном вокабуляре» наряду со специальными терминами (*Bruttosozialprodukt, Konjunktur)* и так называемые «полуспециальные» (semi-fachsprachliche Ausdrücke), такие как *Giftmüll, Fristenlösung,* «с помощью которых политически острые факты из специальной области приобретают четкую, легко запоминающуюся формулировку» [24, s. 7]. Подчеркивая «смешанный характер», неоднородность политического словаря, Кляйн характеризует его следующим образом: «в политическом словаре смешиваются институциональный и ведомственный вокабуляры, имеющие признаки специального языка, с неспециальным идеологическим и общеязыковым вокабуляром» [27, s. 1376]. Но отнесение Кляйном идеологического вокабуляра наряду с общеязыковым к лексиконам, не имеющим специального характера, является спорным, поскольку идеологический язык, чье основное ядро составляет терминология философского происхождения, является специальным во всех отношениях.

Другие исследователи языка политики Штраус, Хас, Харрас в своей известной работе «Brisante Wörter von Agitation bis Zeitgeist. Ein Lexikon zum öffentlichen Sprachgebrauch» (1989) подразделяют политическую коммуникацию и присущие ей языки по степени их публичности на «внутриинституциональную» (Binnen- oder institutionsinterne Kommunikation), «межинституциональную» (institutionsexterne/ interinstitutionelle Kommunikation) и «общественно-политическую» (öffentlich-politische Kommunikation) [33, s. 30].

Подводя итог имеющихся классификаций политического лексикона, можно выделить в его составе 3 основных разряда политически релевантных слов: институциональный, ведомственный, идеологический вокабуляры, а также примыкающий к ним вокабуляр общей интеракции, которые в политической коммуникации несут различную прагматическую нагрузку и выполняют различные функции, тесно взаимодействуют друг с другом, выходя за пределы «внутренних и межинституциональных» границ в русле определенных идеологий.

Примечания

[1] «Новояз» (“Newspeak”) описан Джорджем Оруэллом в 1949 году в романе-антиутопии «1984».

[2] См. Klaus “Macht des Wortes” (1964), Greiffenhagen “Kampf um Wörter” (1980), Bergsdorf “Wörter als Waffen” (1979), Klein “Begriffe besetzen” (1991).

[3] См. об этом подробнее: Burkhardt [1996, s. 76–82].

[4] См., в частности: Girnth H.: “Es sind dies die politisch relevanten Wörter, <...> die in der Sprache-und-Politik-Forschung traditionell immer im Mittelpunkt gestanden haben” [15, s. 47].

[5] См. об этом подробнее [12, s. 54–57].

[6] Идеологическая релеватность слов выражается в детерминированности их значения интерпретацией и оценкой социальных фактов, соотносимых с системой взглядов, идей определенного общества или группы [15, s. 50].

[7] См. Klein (1999) Die politische Fachsprache als Institutionensprache.

Библиографический список

1. *Bachem R.* Einführung in die Analyse politischer Texte. – München: Oldenburg, 1979.

2. *Baringsdorf S.* Mediendemokratie – Mediokratie. Zum Wandel des Politischen in der Medienlandschaft // Sozialwissenschaftliche Informationen, 2002, H. 3. – S. 4–14.

3. *Bergsdorf W.* Wörter als Waffen. Sprache als Mittel der Politik. – Stuttgart: Bonn Aktuell, 1979.

4. *Bergsdorf W.* Herrschaft und Sprache. Studie zur politischen Terminologie der Bundesrepublik Deutschland. – Pfullingen: Nelske, 1983. – S. 366.

5. *Bergsdorf W.* Über die Schwierigkeiten des politischen Sprechens in der Demokratie // Wimmer R. (Hrsg.): Sprachkultur. Jahrbuch 1984 des Instituts für Deutsche Sprache. –Düsseldorf, 1985. – S. 184–195.

6. *Bergsdorf W.* Zur Entwicklung der Sprache der amtlichen Politik in der Bundesrepublik Deutschland // Liedtke F., Wengeler M., Böke K. (Hrsg.): Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauches in der Politik. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1991. – S. 19–33.

7. *Betz W.* Nicht der Sprecher, die Sprache lügt?// Sprache im technischen Zeitalter. – 1963. – [1]5–8. – S. 461–464.

8. *Burkhardt A.* Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // Klein J., Diekmannshenke H.(Hrsg.): Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. – Berlin; New York: de Gruyter, 1996. – S. 75–100.

9. *Burkhardt A.* Deutsche Sprachgeschichte und politische Geschichte // Besch W., Betten A., Reichmann O., Sonderegger S.(Hrsg.): Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Forschung. 2., vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. 1. Teilband. – Berlin; New York: de Gruyter, 1998. – S. 98–122.

10. *Burkhardt A.* Das Parlament und seine Sprache. Studien zu Theorie und Geschichte parlamentarischer Kommunikation. – Tübingen: Niemeyer, 2003. – 608 S.

11. *Dieckmann W.* Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. – Heidelberg: C. Winter-Universitätsverlag, 1969. – 132 S.

12. *Dieckmann W.* Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. Mit einem Literaturbericht zur 2. Auflage. – Heidelberg: C. Winter-Universitätsverlag, 1975. – 147 S.

13. *Dieckmann W.* Deutsch: politisch – politische Sprache im Gefüge des Deutschen // Kilian J. (Hrsg.): Sprache und Politik. Duden Band 6. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2005. – S. 11–30.

14. *Fluck H.-R.* Fachsprachen. Einführung und Bibliographie. 3., aktualisierte und erweiterte Auflage. – München: Franke, 1985. – 293 S.

15. *Girnth H.* Sprache und Sprachverwendung in der Politik. Eine Einführung in die linguistische Analyse öffentlich-politischer Kommunikation. – Tübingen: Niemeyer, 2002. – 127 S.

16. *Greiffenhagen M.* (Hrsg.) Kampf um Wörter? Politische Begriffe im Meinungsstreit. – München; Wien: Hanser, 1980. – 551 S.

17. *Grünert H.* Politische Geschichte und Sprachgeschichte. Überlegungen zum Zusammenhang von Politik und Sprachgebrauch in Geschichte und Gegenwart // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. – 1983. – [1]52. – S. 43–58.

18. *Hoberg R.* Politischer Wortschatz zwischen Fachsprachen und Gemeinsprache // Burkhardt A., Hebel F., Hoberg, R. (Hrsg.): Sprache zwischen Militär und Frieden: Aufrüstung der Begriffe? – Tübingen: Niemeyer, 1988. – S. 9–17.

19. *Holly W.* Politikersprache. Inszenierungen und Rollenkonflikte im informellen Sprachhandeln eines Bundestagsabgeordneten. – Berlin; New York: de Gruyter, 1990. – 406 S.

20. *Januschek Franz* (Hrsg.) Politische Sprachwissenschaft. Zur Analyse kultureller Praxis. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1985. – 361 S.

21. *Kilian J.* Sprache in der Politik // Praxis Deutsch. – 1994. – [1] 125. – S. 4–10.

22. *Klaus G.* Die Macht des Wortes. Ein erkenntnistheoretisch-pragmatisches Traktat. – Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1964. – 198 S.

23. *Klaus G.* Sprache der Politik. – Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1971. – 294 S.

24. *Klein J.* (Hrsg.) Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1989. – 327 S.

25. *Klein J.* Kann man „Begriffe besetzen? Zur linguistischen Differenzierung einer plakativen

Metapher // Liedtke F., Wengeler M., Böke K. (Hrsg.): Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauches in der Politik. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1991. – S. 44–69.

26. *Klein J.* Politische Kommunikation – Sprachwissenschaftliche Perspektiven // Jarren O., Sarcinelli U., Saxer U. (Hrsg.): Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft. Ein Handbuch mit Lexikonteil. – Opladen; Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1998. – S. 186–210.

27. *Klein J.* Die politische Fachsprache als Institutionensprache // Hoffmann L., Kalverkämpfer H., Wiegand H.E. (Hrsg.): Fachsprachen. Language for Special Purposes. Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft. 2. Halbband. – Berlin; New York: de Gruyter, 1999. – S. 1371–1382.

28. *Leyendecker H.* Anmerkungen zur Symbiose von Journalismus und Politik // Der Deutschunterricht. – 2003. – Heft 2. – S. 24–25.

29. *Оруэлл Д.* 1984. – СПб.: Азбука, 2003. – 315 с.

30. *Schippan T.* Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen: Niemeyer, 1992. – 306 S.

31. *Strauß G.* Der politische Wortschatz. Zur Kommunikations- und Textsortenspezifik. – Tübingen: Narr, 1986. – 280 S.

32. *Strauß G., Zifonun G.* Formen der Ideologiegebundenheit. Versuch einer Typologie der gesellschaftspolitischen Lexik (1982/1983) // Strauß G. (Hrsg.) Der politische Wortschatz. Zur Kommunikations- und Textsortenspezifik. – Tübingen: Narr, 1986. – S. 67–147.

33. *Strauß G., Hass U., Harras G.* Brisante Wörter von “Agitation“ bis „Zeitgeist“. Ein Lexikon zum öffentlichen Sprachgebrauch (=Studien des Instituts für deutsche Sprache, Bd.2). – Berlin; New York: de Gruyter, 1989. – 778 S.

Р. И. Бабаева

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РОЛИ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В рамках дискурсивного направления в поле зрения лингвистов попали слова, которые функционируют на уровне дискурса. Они отражают динамичность общения, так как являются маркерами процессульности в диалоге, и речевое взаимодействие коммуникантов. Эти слова получили в отечественной лингвистике название дискурсивных слов. Как правило, при описании данного класса обращается внимание прежде всего на частицы. В роли дискурсивных маркеров могут употребляться и некоторые глагольные конструкции, которые в этом случае могут рассматриваться как функциональные эквиваленты служебных слов. Значение глагольных конструкций в роли дискурсивных маркеров отличается в некоторой степени от основного значения их составляющих. Осознание этого произошло в русистике еще до формирования дискурсивного направления и нашло отражение в выделении отдельного класса вводных слов, которые, несмотря на то, что их выделение произошло по синтаксическому признаку, нередко описываются наряду с морфологическими классами и фиксируются в словарях как самостоятельный разряд слов [2; 4]. Функционированию разговорных глагольных конструкций на материале русского языка уделялось внимание в ряде работ отечественных [5; 6] и зарубежных лингвистов [8].

В немецкоязычной лингвистике глагольные конструкции, являющиеся средством организации речевого взаимодействия, упоминаются среди средств сегментации речи (Gliederungssignale), среди разговорных слов (Gesprächswörter), среди формул речевого общения (Floskeln) [7; 14; 15; 17].

Сравним функционирование стереотипных глагольных фраз в немецкоязычных и русскоязычных разговорных диалогах.

На первом этапе исследования были проанализированы словари, посвященные служебным словам русского языка [2; 4], и выявлены глагольные конструкции, которые могут быть средством организации повседневного общения. Как правило, эти конструкции сопровождаются пометой «вводное слово», в ряде случаев они могут быть зафиксированы как частицы или междометия. В проанализированных словарях встретилось наибольшее количество конструкций с глаголом *сказать* – всего 27, а также зафиксированы конструкции с глаголом *говорить* – 16,

 © Р. И. Бабаева, 2006

видеть – 4, *смотреть* – 3, *знать* – 2, *думать* – 2, *представлять* – 1 и некоторые другие (всего 106 конструкций). Приведем некоторые примеры: с глаголом *сказать*: *вернее сказать; и то сказать; кстати сказать; можно сказать; надо сказать; не скажи; нечего сказать; ничего не скажешь; по правде сказать; по совести сказать; правду сказать; правильнее сказать; скажи (те); скажи на милость*; с глаголом *говорить*: *иначе говоря; как ни говори; короче говоря; между нами говоря;* с глаголом *видеть*: *видишь ли; видно; как видишь; вот видишь*; с глаголом *смотреть*: *смотришь; смотрю; смотри у меня*; с глаголом *слышать*: *слушай*; с глаголом *знать*: *знаешь; знай себе* и др.

На следующем этапе подвергались анализу протоколы разговорных диалогов, которые представляют собой спонтанную речь в неофициальной ситуации, заимствованные из работы И.Н. Борисовой [1]. При этом были выявлены наиболее употребительные конструкции, которые являются средством организации речи.

Из 106 конструкций, обнаруженных на первом этапе исследования, в проанализированных диалогах встретились 15 глагольных клише: *видишь* (5), *знаешь* (18), *помнишь* (3), *понимаешь* (21), *слушай*(8), *извини* (2), *значит* (18), *представляешь* (3), *не знаю* (2), *можно сказать* (1), *как говорится* (1), *я тебе говорю* (1), *думаешь* (1), *согласитесь* (1), *я понимаю* (2).

Наиболее употребительным в русских разговорных диалогах оказалось выражение *понимаешь*. Оно может быть соединительным элементом внутри реплики, маркером контроля понимания, маркером завершения реплики. Как отмечается в словаре структурных слов русского языка, разговорное вводное слово *понимаешь* употребляется с целью задержать внимание собеседника на предмете разговора, придать доверительность высказыванию [4, с. 272].

Чаще всего данное слово употребляется как соединительный элемент внутри реплики.

И.: *Вы зря фотоаппарат-то не взяли/*

А.: *Ну мы по-честному/*

О.: *Честные/ понимаешь там мы же/ мы были перед Лувром.* [1, с. 293]

Это вводное слово употребляется и как маркер контроля понимания, в этом случае произносится с вопросительной интонацией. При этом говорящий после этого сигнала еще продолжает свое высказывание.

А.: *Но там же все-таки… а/ да/ ты же говоришь/ что папа больной совсем/ я думала родители как-то ее помогут//*

Б.: *Так у нее и мама еле живая/ она всю жизнь больная/ у нее давление там/ двести пятьдесят на сто восемьдесят/ или сколько там/ в общем таких не бывает цифр! Гипертоник. Она вот всю жизнь по характеру/ она вот всю жизнь всем недовольна/ вот мама-то/ понимаешь? Серега вот видно ее/ и обвинил/….* [1, с. 280]

Иногда маркер контроля понимания может стоять в конце реплики и быть сигналом мены ролей.

И.: *Андрюха на фоне Мулен-Руж/*

Н.: *С зеленой мордой* (СМЕХ) *от злости//*

А.: *Нет/ понимаешь/ мы остановились так/ я напротив Мулен-Руж/ а Олег-то/ Олег напротив секс-шоп/ понимаешь*?(СМЕХ)

И.: *<А тут говорит/ стояла путана/ которая нас пять минут назад снимала*!> (СМЕХ) [1, с. 290].

Маркер завершения реплики может произноситься и с интонацией повествовательного предложения.

А.: *Сколько ей годиков-то было?*

Б.: *Ну видимо столько/ сколько и мне/ понимаешь*// (СМЕХ) [1, с.: 284].

Вторым по частотности в проанализированном материале оказалось вводное слово *знаешь*, которое также употребляется с целью задержать внимание собеседника на предмете разговора, придать доверительность высказыванию [4, с. 129]. Может употребляться с местоимением *ты* и вместе с ним быть дискурсивным маркером, иногда указывается на неожиданность какого-либо обстоятельства.

Г. – *Потом наконец до него дошло/ он ломанулся// проходит буквально несколько минут/ открывается дверь на этаже/ кто-то стоял видимо на шухере и решил посмотреть/ че там никаких позывов/ чтобы надо выносить/ понимаешь? Смотрит/ а там это тоже нет! Я сразу давай звонить в милицию// я звоню*

В. – *Что-то подробности какие удивительные//*

Г. – *в милицию/ ты знаешь/ между прочим/ милиция приехала буквально через пять секунд/ были здесь// да-да// но никого уже не нашли конечно//* [1, с. 286].

Большинство выявленных конструкций отмечены словарями, посвященными служебным словам русского языка, в качестве вводных слов. Некоторые конструкции зафиксированы лишь

в отдельных словарях. Так, *извини* в словаре, составленном В.В. Бурцевой, отмечается лишь как междометие, которое может быть формой вежливого обращения, может выражать сожаление по поводу причиняемого беспокойства, неудобства, может выражать протест, несогласие с чем-нибудь, отказ в чем-нибудь [2, с. 192–193]. В словаре же, созданном коллективом авторов под редакцией В.В. Морковкина, эта единица не упоминается вовсе. Проанализированный фактический материал подтверждает, что слово *извини* / *извините* в повседневном общении может быть средством организации дискурса.

О. – *Да нет/ мы заблудимся если/ то придем когда/ ну они там смотрят/ проверяют/ там квитанция выдается автоматом/ ее кладешь на лобовое стекло// мы ее положили/ сверху магнитом прижали так/ что не разобрать когда было// а там дата/ дата и время/ с какое по какое// и мы… я значит/ с какого оставил/ а по какое закрыл/ ну магнитом// ну не понятно/ по какое время там оплачена эта стоянка// ну мы сидим там/ я как раз увидел там действительно платный туалет*

И. – *А там/ извини/ там машины уже увозят/ которые просрочили время или в ненужном месте?* [1, с. 291]

Слово *извини* вряд ли приведено в данном контексте в своем основном значении, оно, вероятно, является средством хезитации, сигнализирует, что говорящий употреблением этого слова выигрывает время для наиболее удачного выбора слова. Об этом может свидетельствовать и повторение слова *там.*

Извини может быть и маркером того, что сообщаемая далее информация вызывает у самого говорящего некоторое смущение. Это может быть искреннее смущение, а может быть лишь изображаемое для произведения определенного эффекта на слушателей, как это имеет место в следующем примере.

Г. – *…он значит там/ раз-раз/ посмотрел на счетчик/ ничего не крутится/ подошел/ присел/ и начинает ковыряться уже в нижнем замке// а накануне у меня на работе/ украли ключи со стола// то есть у меня была такая чешская штучка/ из натурального…/ из натуральной кожи/ под крокодила// знаете/ специально для ключей?*

А. – *Да-да//*

В. – *Знаем//*

Г. – *У меня ее стибрили// представляете мое состояние?! Стою я за этой промокашкой/ там уже кто-то ковыряется/ я извините/ мало того что больная/ во-вторых я в мужнином халате до пят махровом/ не поворачива…*

О. – *То есть неприлично выглядишь//* (СМЕХ) [1, с. 285]

Слово *помнишь* также используется в повседневном общении как маркер. Употреблением этого слова говорящий указывает, что некоторая сообщаемая информация известна собеседнику.

Таким образом, маркером начала реплики в русском повседневном общении могут быть *слушай* (вводит вопрос или какую-либо информацию, которая неожиданно пришла в голову говорящему), *знаешь* (вводит высказывание, которое может быть директивом, делая его менее категоричным, или высказывание, которое, по мнению говорящего, должно быть неожиданным для собеседника).

Маркером завершения реплики или сигналом контроля понимания являются *понимаешь, представляешь.*

Большинство рассмотренных конструкций являются соединительным элементом внутри реплики или между репликами говорящего, часто служат средством хезитации. При этом эти слова могут указывать на дополнительную прагматическую информацию (неожиданность, некатегоричность и т.д.)

В немецкоязычной лингвистике также уделяется внимание глагольным конструкциям, которые употребляются в качестве средств организации дискурса. Эта функция языковых единиц (Gliederungssignale) стала объектом исследования немецких языковедов в семидесятые годы. В немецких словарях специальной пометы для этих слов не используется.

Анализ работ, в которых затрагивается вопрос о словах данной группы, позволил выявить глагольные конструкции, которые отмечаются в специальной литературе в роли дискурсивных маркеров, при этом по отношению к данным конструкциям используются разнообразные термины. Так, в грамматике издательства Дуден в разделах, посвященных немецкой устной речи и разговорным словам, уделяется внимание глагольным конструкциям, которые лишь вместе с другой конструкцией образуют вместе реплику (assoziierte funlktionale Einheiten). Подобные стереотипные фразы отмечаются в данном из-

дании как средства управления вниманием собеседника (diskursprozessierende Imperative: *Sieh mal, alles hat zwei Seiten. Hör mal, so war das nicht gelacht. Sag mal, kannst du mir fünf Euro leihen?*), как сигналы контроля понимания (Rückversicherungssignale: *weißte, verstehste – Wir wollen dich hier nicht haben, verstehste*), как указания на модальность: *sozusagen*, как маркеры начала реплики (Eröffnungssignale/ Startsignale: *ich mein(e), ich glaub(e), ich denk(e), was ich noch sagen wollte, wissen Sie, sehen Sie*), как сигналы заминки (внутри реплики: *ich meine*); как маркеры завершения реплики (Endsignale/ abschließende Signale: *weißt du?, verstehst du?*) [7, с. 601–602]. В работах Й. Швиталлы, посвященных особенностям устной речи и интервью, глагольные конструкции упоминаются как соединительные элементы внутри реплики (Heckenausdrücke), которые могут быть не только сигналом заминки, но и быть источником дополнительной информации, как сигналы привлечения внимания, как клишированные конструкции (Routineformeln), выполняющие разнообразные функции – маркировать начало, маркировать конец реплики [15; 16, с. 155–157].

Г. Шенк также упоминает глагольные конструкции среди языковых единиц, являющихся средством организации диалога [14]. Немецкие глагольные конструкции попали в поле зрения и немецкого исследователя Ш. Штайна, который среди формул речевого общения называет глагольные структуры типа *sagen wir, ich glaube, finde ich, ich meine* [17] Таким образом, по наблюдениям ученых глагольные конструкции в немецком языке могут быть средством организации дискурса и источником дополнительной информации, касающейся прагматического аспекта общения.

С целью выявить арсенал типичных средств, используемых носителями немецкого языка в повседневном общении, были проанализированы протоколы устных бесед на немецком языке [9; 10; 11; 12; 13]. В ходе анализа был составлен список глагольных конструкций.

Всего встретилось конструкций: с sagen – 28: *sagen wir (mal)* – 14, *wie gesagt* – 4; *ich würde sagen* – 4, *sozusage*, *wie sagt man da* – 1, *wie man so sagen kann* – 1, *können wir sagen* – 1, *kann man sagen* – 1, *ich sage* – 1, *sag ich mal* – 1; с глаголом meinen – *ich mein(e)* – 46; с глаголом glauben – *ich glaube /glaub ich* – 26; с глаголом finden – *ich finde* –11; с глаголом wissen – 25: *ich weiß nicht* – 14, *ich weiß es nicht*, *aber (ich weiß es nur)* – 2, *ich weiß nur* – 3, *was weiß ich* – 1, *weiß du/ wissen Sie* – 5.

В рассмотренных диалогах наиболее частотным из глагольных конструкций оказалось клише *ich mein(e)*. Например, „*also ich meine / (ja) aber das: ist doch noch nich das ist doch noch nich Ehe. / ich meine unter Ehe verstehen wir doch nich nich nur eine Liebe so ne besondere Liebe zu einer Frau*“ [9]. Как видно из примера, эта фраза появляется в зонах, где происходит нагромождение служебных средств – *also, ja, aber*, что, вероятно, свидетельствует о том, что говорящий заполняет паузу, чтобы сформулировать мысль, и дает тем самым знать собеседникам, что он пока еще хочет сохранить роль говорящего.

На втором месте по количеству употреблений оказался глагол *sagen*. Конструкции с глаголом *sagen*, употребляемые в качестве сигналов заминки и смягчения категоричности, характеризуются большим разнообразием: *sozusagen, wie sagt man da, wie man so sagen kann*, *können wir sagen, kann man sagen, sagen wir mal, wie gesagt*, *ich würde sagen, ich sage, sag ich mal.* В следующем примере говорящий в зону заминки помещает фразу *wie gesagt* – „*und dann (wie gesagt) , was sie sagen, das ist eine persönliche Angelegenheit / es gibt Schauspieler (wie gesagt) das is keine Qualitätsfrage*“ [10]. О том, что коммуникант испытывает трудности при формулировании мысли, свидетельствует то, что во втором случае начатое предложение „*Es gibt Schauspieler...*“, так и оказывается незаконченным. Фраза *sagen wir mal* в другом примере скорее говорит не о трудностях выбора нужного слова, а о стремлении смягчить высказанную мыль – “*sie hatten gesagt, daß sie um eine Rolle wirklich ideal verkörpern zu können i sich jeweils in die Person hineinversetzen müssen, besteht da für sie nicht die Gefahr, daß sie mit der Zeit, wenn sie sehr viele Rollen gespielt haben, da ihren Wert als Individuum (sagen wir mal) verlieren?”* [10]. Это клише употребляется для указания на что-либо, конкретизирущее некую мысль, при этом подчеркивается произвольность выбора чего-либо в качестве примера.

По количеству употреблений глаголу *sagen* совсем немного уступает слово *glauben.* Этот глагол, так же, как и *meinen*, встречается в качестве сигнала заминки лишь в виде клише *ich glaube/ glaub ich* – „(ja) *ich glaub ich gehör dazu/ ich ich meine, wenn sie mich bei einer Unwahrheit*

hier ertappt haben, ich glaube dann hätten sie s schon gemerkt“ [10]. В данном отрывке употребляется сразу несколько глагольных клише, которые свидетельствуют о трудностях поиска нужного слова при формулировании мысли. В других же примерах клише *ich glaub* скорее употребляется для выражения некатегоричности, некоторого сомнения – „*hab ich die kriTIK glaub ich gelEsen und*“, „*der lIEf glaub ich auch gar nicht hier so rIchtig*“ [12].

В качестве индикатора заминки в обиходной речи часто употребляется глагол *wissen* (по количеству употреблений в проанализированном материале он стоит почти на одном уровне с глаголами *sagen* и *glauben*). Конструкции со словом *wissen* многообразны – *ich weiß nicht, ich weiß es nicht, aber ich weiß es nur, ich weiß nur, was weiß ich, weiß du, wissen Sie*, *man weiß*. Например в следующем примере в зоне заминки появляются несколько глагольных клише, прежде чем говорящий сформулировал свою мысль – „*(nein) ich glaube das (wissen sie) das das is n Spruch / dies es is mir wurscht, ob die Leute drin sind oder nicht, das gibt s nicht.“ [10]. Глагольное клише weiß ich was служит в контексте „egal ob er {mAcintosh} oder weiß ICH was hat*“ [13] для подчеркивания неопределенности, неконкретности.

Гораздо меньше встретилось случаев, где в качестве маркера заминки употреблялся глагол *finden* в виде *ich finde*. Другие глагольные клише, которые можно считать сигналами заминки, встретились лишь в небольшом количестве. Это фразы – *denk doch*, *entschuldige, guk mal, paß mal auf, man überlegt sich, sieh da, schauen Sie, verstehen sie.*

Таким образом, бросается в глаза, что в проанализированном материале преобладают конструкции, которые ориентированы на говорящего, – *ich meine, ich glaube, ich finde*. Вероятно, это можно объяснить в ряде случаев как проявление неуверенности, в ряде случаев это можно считать стремлением к дистанцированности, уважением к другой точке зрения, так как собеседник может иметь другое мнение. Эти конструкции могут быть средством хезитации, они сигнализируют, что говорящий испытывает затруднения, связанные с формулированием мысли, с поиском необходимого слова.

Как видно из приведенного материала, и в русском и в немецком языках глагольные конструкции используются как дискурсивные маркеры, они являются средством организации дискурса и привносят в общее содержание беседы некоторую прагматическую информацию. Большинство сходных конструкций имеет место как в русском, так и в немецком языках.

Из описанного материала видно, что носители немецкого языка в спонтанной речи предпочитают конструкции с глаголами в первом лице (*ich meine, ich glaube*) и безличные конструкции. В этом, вероятно, проявляется стремление к дистанцированности и некатегоричности, эти свойства отмечаются как проявление вежливости в западной культуре [3]. Для русской же спонтанной речи характерно употребление глаголов во втором лице, говорящий больше ориентирован на собеседника [8, с. 51]. Носитель русского языка часто обращается к конкретному собеседнику, ему необходим слушатель, которого он постоянно стремится «коснуться» словом: «*Ты знаешь по биологии взяли учебник это просто ужас какой-то.*» «*Да /ну там/ там видишь как/ там берег.*» «*Нет, понимаешь, мы остановились так…*» «*А там, извини, там машины уже увозят*» «*Ну ты подумай, как удивительно*» [1]. Носители немецкого языка в повседневном общении предпочитают в роли дискурсивных маркеров глаголы с семантикой мнения (*meinen, glauben, finden*), носители же русского языка – глаголы восприятия (*слышать, видеть, понимать*). И в немецких и в русских разговорных диалогах функционируют глаголы с семантикой говорения и знания. Различие состоит в том, что в немецком обиходном дискурсе эти глаголы употребляются либо в первом лице, либо в третьем (*ich weiß nicht; ich würde sagen; kann man sagen*), в русских же разговорных диалогах данные глаголы употребляются во втором лице (*ты знаешь*) и реже в других формах (*как говорится*).

Рассмотренные глагольные конструкции относятся к средствам управления процессом общения, при изучении иностранного языка им необходимо уделять внимание, так как они не только выполняют важную коммуникативную функцию, но в их употреблении проявляется и национальный характер носителей языка.

Библиографический список

1. *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. – М.: КомКнига, 2005. – 320 с.

2. *Бурцева В.В.* Словарь наречий и служебных слов русского языка. – М.: Русский язык –

Медиа, 2005. – 750 с.

3. *Ларина Т.В* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 315 с.

4. *Морковкин В.В., Луцкая Н.М., Богачева И.Н. и др.* Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы. – М.: Астрель АСТ, 2003. – 421 с.

5. *Разлогова Е.Э.* Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов: Дисс. … д-ра филол. наук. – М.: Институт языкознания, 2005.

6. *Ширяев Е.Н.* Глаголы речи, восприятия и мысли в роли разговорных модальных средств // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 459–466.

7. *Duden*. Die Grammatik.Unentbehrlich für richtiges Deutsch. 7. Auflage. Bd. 4. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2005. – 1343 S.

8. *Freidhof G.* Dialoganalyse und Partikelgebrauch. Zweiaufsatzstudien zum Slavischen, insbesondere Russischen. – München: Verlag Otto Sagner, 1996. – 136 S.

9. *Interaktion FR0*30, Transkript // URL: http://dsavoeff.ids-mannheim.de/DSAv/Korpora/IDS-DSAv Interaktion FR030, Transkript.mht.

10. *Interaktion FR023*, Transkript // URL: http://dsavoeff.ids-mannheim.de/DSAv/Korpora/IDS-DSAv IDS-DSAv Interaktion FR023, Transkript.mht.

11. *Rabanus Hochzeit* // URL: http://archiv.u.uni-marburg.de/sonst/2000/0003 /node4.html.

12. *Rabanus Kätzchen* // URL: http://archiv.u.uni-marburg.de /sonst/ 2000 /0003 /node3.html.

13. *Rabanus Rechner* // URL: http://archiv.u.uni-marburg.de/sonst/2000/0003 /node5.html.

14. *Schenk G.* Untersuchungen zum Ablauf natürlicher Dialoge. – München: Max Hueber Verlag, 1981. – S. 325.

15. *Schwitalla J.* Dialogsteuerung in Interviews. Ansätze zu einer Theorie der Dialogsteuerung mit empirischen Untersuchungen. – München: Max Hueber Verlag, 1979. – S. 350.

16. *Schwitalla J.* Gesprochenes Deutsch. Eine Einführung. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2003.

17. *Stein S.* Formelhafte Sprache. Untersuchungen zu ihren pragmatischen und kognitiven Funktionen im gegenwärtigen Deutsch. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien, 1995. – 375 S.

А. Н. Мешалкин

НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ В РАССКАЗАХ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» И «МАТРЕНИН ДВОР»

Публикации рассказов А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор» в начале 1960-х годов в журнале «Новый мир» стали значительным литературным и общественным явлением и вызвали бурную полемику. Автор «Одного дня…» был аттестован шестидесятниками, по выражению Ж. Нивы, прежде всего как «обличитель социализма изнутри», как «социалист с человеческим лицом» [10]. Однако ни в политической оценке, ни в оценке его художественных сторон не было единодушия. Признания рассказа «литературным чудом», произведением, после которого «становится … очевидно, что писать так, как писали еще недавно, нельзя» [2], граничили с предупреждениями о его идеологической вредности, с обвинениями главного героя в пассивности и безыдейности, с уничижением «шуховской морали». Позитивные оценки шестидесятников можно сфокусировать в суждении С.Я. Маршака о «Иване Денисовиче» как подлинно народном произведении, «где народ от себя заговорил» [9].

Следует заметить, что народность солженицынского рассказа имеет не только внешние проявления: в самобытности языка («наскорях», «чудок», «внимчиво», «где-тось», «эстолько», «сыздетства» и т.п.), в особых стилистических приемах, например, незаметном переходе несобственно-прямой речи в повествование от третьего лица, что позволяет автору свободно следить за процессами внутренней жизни героя, в знании жизненного материала и правдивости изображения, – но и глубоко содержательна. Подлин-

© А. Н. Мешалкин, 2006

но народно солженицынско-шуховское миропонимание, в основе которого опыт и мудрость поколений, незыблемость нравственных понятий.

В «Одном дне…» художественное пространство и время фабульно локализованы. Автор скрупулезен как в описании деталей лагерного быта, так и в передаче всех оттенков и чувств Ивана Денисовича. Пространственно-временная сжатость повествования детерминирована лагерной темой. Однако в контексте рассказа понятие «зона» приобретает и условно-символическое звучание. Это, говоря словами В. Шкловского, «повседневность, ставшая экстремальной на многие десятилетия» [13, с. 11], такие обстоятельства, в которых человек предельно обнажается в своей сути. Иными словами, зона выступает как своеобразная модель мира. Таким образом, расширение хронотопа выводит столь важную для Солженицына проблему свободы личности на новый нравственно-философский уровень. Свобода-несвобода рассматривается в рассказе уже не как стечение обстоятельств, проявление по отношению к человеку внешней силы, а как проявление его духа, способность самостояния.

В жестоких условиях лагерного существования Шухов не деградирует ни нравственно, ни физически: не стремится в «придурки», чтобы пользоваться некоторыми привилегиями (вариант Цезаря Марковича), и не позволяет себе превратиться в «доходягу», облизывающего чужие миски (вариант Фетюкова). В сознании Ивана Денисовича не происходит девальвации нравственных понятий. Размышляя о будущей вольной жизни и перспективе заработать отхожим промыслом большие деньги, Шухов-Солженицын заключает: «…Заработок, видать, легкий, огневой... Но по душе, не хотелось Ивану Денисовичу за те ковры браться. Для них *развязность* нужна, *нахальство*, милиции на лапу давать. Шухов же сорок лет землю топчет, …*никому никогда не давал и не брал ни с кого, и в лагере не научился*» [12, с. 29] (выделено мною. – *А.М.*). Даже лагерные «блага» (табак, лишнюю пайку каши, место в столовой, миски и подносы для бригады и т.п.) Шухов получает не в безжалостной борьбе за существование, опережая других и спихивая на них свои неприятности, как полагают иные критики «Одного дня…», а зарабатывает, действуя в условиях той страшной реальности не безжалостно и подло, а по законам жестокой справедливости, проявляя смекалку и расторопность, а когда необходимо, смелость и активность. Это так же справедливо и законно, как первым поставить валенки на казарменную печурку и охранять их строгим покрикиванием: «Свой ставь, чужих не трог!» [12, с. 106]. Не случайно своеобразным рефреном, по-разному варьируясь в его контексте, звучит в рассказе убеждение Шухова: «Чего нет, так мы всегда заработаем». Причем заработает Иван Денисович недостающее, «не шакаля», не подличая, не унижаясь.

Шухов – «работяга» не только по «лагерному статусу», а по сути характера, поэтому в нем столько надежности и прочности, поэтому, как справедливо заметил Михаил Лифшиц, «на него можно положиться, и он многому может научить» [8, с. 74].

В устойчивости шуховского миропонимания убеждает и сцена кладки Иваном Денисовичем шлакоблоков. Увлеченный работой, весело, мастерски выкладывая стену, Шухов сожалеет, что день рабочий такой короткий «и только до работы припадешь – уж и съем» [12, с. 70]. Ситуация, казалось бы, нелепа, парадоксальна. Стоит ли зеку сожалеть о скоротечности лагерного дня, а автору воспевать воодушевленный рабский труд? Однако это кажущееся противоречие разрешается, с одной стороны, особым отношением Шухова к труду, а с другой, прославлением Солженицыным вовсе не рабского, а профессионального, одухотворенного труда и потому свободного от любых идеологических установок. Более того, сцена приобретает символический подтекст. В безотчетном профессионально-трудовом порыве Иван Денисович «взрывает» границы зоны, обретает внутреннюю свободу и единство с тем миром, с которым связан кровно от рождения – и в этом необходимый для Шухова исход его лагерной жизни: сохранить в себе человека в нечеловеческих условиях.

В свое время А. Платонов, подчеркивая одухотворенность труда, писал: «Труд есть совесть» [11, с. 71]. При всем том, что философия труда автора «Котлована» имеет широкую парадигму художественного воплощения и при всей разнице художественного мышления писателей, в солженицынском герое, как и в лучших героях Платонова, эти понятия тесно сопряжены.

Понимание труда автором «Одного дня…» как основы жизни, как нравственной категории восходит как к народной этике, так и к русской литературе в лучших ее проявлениях, прежде

всего к Н.А. Некрасову, который, поэтизируя труд, сумел увидеть в нем величие человека, силу народную. Некрасов как подлинный знаток народной жизни со всеми светлыми и трагическими ее сторонами живописал не только труд подневольный, рабский, но и благородный, созидательный. В труде, по мысли создателя «Железной дороги» и «Кому на Руси жить хорошо», проявляется как великое терпение народа, так и возможность преодоления всех бед и тягот, освобождения от угнетающей силы. Люди труда у Некрасова (так и у Солженицына) благороднее, одухотвореннее некоторых чванливых господ (к примеру, генерала в «Железной дороге», Цезаря Марковича в «Одном дне…»). Некрасовскими мотивами навеян не только образ Ивана Денисовича, но, возможно, и идиллические образы-ассоциации «румяной, обнявшей сноп Матрены» и «смоляного богатыря Фаддея» [12, с. 130], возникшие в воображении автора-рассказчика, восходят к персонажам «Кому на Руси жить хорошо»: Савелию – богатырю святорусскому или пахарю (ассимилированному самой земле-матушке) как символу народной жизни. Да и поведение Матрены в сцене усмирения коня реминисцирует с некрасовскими «русскими женщинами».

Однако стремление Шухова жить от труда своего, его внутреннюю устойчивость и способность переносить удары судьбы, не озлобляясь, критик В. Лакшин с некоторой идеологической запальчивостью отнес к качествам, унаследованным от людей 1930–1940-х годов, а не сформированным патриархальным укладом крестьянского быта. Поэтому Ивану Денисовичу, утверждает критик, «Бог не нужен», ибо он «безрелигиозен в широком смысле слова» [7, с. 233]. Действительно, религиозность Шухова особого свойства. Она раскрывается в диалоге-споре с Алешкой-баптистом в финале рассказа. Если для Алешки лагерный срок-это желаемое страдание за веру Христову, способ необходимого самопожертвования (во имя учения апостола Павла), то для Ивана Денисовича, неискушенного в теологии, но трезво оценивающего ситуацию, зона – не просто трагическое стечение обстоятельств, но и расплата за недальновидность и нерасчетливость военных и политиков. И смириться с тем, что он принесен в нелепую и напрасную жертву, Шухов не желает и уж тем более не желает благодарить за это Бога. Но Иван Денисович не восстает против Бога, он не приемлет лишь религиозного альтруизма и условностей веры: «Я ж не против бога, понимаешь. В Бога я охотно верю. Только вот не верю я в рай и в ад. Зачем вы нас за дурачков считаете, ад и рай нам сулите? Вот что мне не нравится.» [12, с. 108]. Поэтому Иван Денисович спасает свою душу (как на воле, так и в лагере) не в молитвах, а в труде и в конечном итоге, по крестьянской патриархальной природе своей, делает на земле то, к чему призывает христианская мораль.

Такая непоказная религиозность присуща и Матрене, и литературному близнецу Ивана Денисовича (при всей разнице внешних обстоятельств) – Олеше Смолину из «Плотницких рассказов» В. Белова. «Если уж каяться, – рассуждает Смолин, – так перед самим собой надо каяться. Противу своей *совести* (выделено мною. – *А.М.*) не устоять никакому попу» [3, с. 143]. Совестливость выступает не плодом досужих рассуждений героев, а их жизненным принципом, имеющим твердую социальную основу: «Кто работает, тому скрывать нечего» (там же).

В финале рассказа Шухов, засыпая «удовоженный», подводит итоги дня, а «на дню у него сегодня выпало много удач: в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, …бригадир хорошо закрыл процентовку, стену…клал весело, …подработал вечером у Цезаря и табачку купил. *Прошел день ничем не омраченный, почти счастливый»* (выделено мною. – *А.М.*) [12, с. 111]. В этих простодушных рассуждениях героя как раз и проявляются православные черты русского характера: кротость, неприхотливость, умение при любых обстоятельствах воспринимать нехитрые радости жизни и не предъявлять счет судьбе или, говоря словами писателя В. Личутина, «умаленная телесность» и в то же время удивительная жизнестойкость.

Сказанное выше опровергает ложные посылы недоброхотов «Одного дня…» о безыдейности, пассивности и даже жестокости Шухова «в борьбе за существование» и вносит ясность в спор о приоритете шуховской или цезаревской морали. Крестьянин Шухов и «эстетствующий» Цезарь Маркович не антиподы в буквальном смысле: между ними не возникает конфликтов ни на бытовой, ни на идеологической почве. Напротив, Цезарь Маркович благосклонен к Шухову, а Иван Денисович «законно» (не унижаясь и не заискивая) «подрабатывает» у бывшего кинорежиссера. Но между ними нет и общего язы-

ка. Скрытая взаимная отчужденность кроется не в их социальном положении или лагерном опыте, а в различии принципов самого существования: в абстрактном философствовании, высокомерии, бессознательном паразитизме на чужом труде Цезаря Марковича и в органическом отношении к жизни, уважении к труду и людям труда Ивана Денисовича. Негласное противостояние героев находит своеобразное разрешение в одной из финальных сцен рассказа, когда Шухов не из корыстных побуждений, а от души жалея Цезаря Марковича, спасает посылку растерявшегося «гужевателя». Кстати, Солженицын постоянно подчеркивает в Иване Денисовиче способность к состраданию и сопереживанию (он сочувствует кавторангу Буйновскому, жалеет «горюню» Сеньку Клевшина, Алешку-бабтиста и даже Фетюкова).

Многие рецензенты «Одного дня…» справедливо намекали на близость Ивана Денисовича героям русской классики. Не лишним будет и предположение, что во временном литературном приближении Шухов ведет свою генеалогию от Теркина, вобравшего в себя все лучшее, что есть в русском человеке от простодушного лукавства, способности к иронии и самоиронии до самоотверженности и героизма. Экстраполируясь за сюжетные рамки «Одного дня…», нетрудно представить поведение Шухова на войне. Главное, что роднит героев Твардовского и Солженицына, – это их внутренняя свобода, уверенность в себе от осознания, что именно на таких, как они, держится жизнь. Теркины и шуховы неуязвимы, как сказочные или былинные герои, поскольку являют собою самою эту жизнь. И таким образом, они становятся своеобразным символом жизнестойкости нации в самые трагические моменты истории.

В свое время, размышляя о жанровых поисках А. Солженицына и рассматривая раннее творчество писателя в контексте бурной полемики шестидесятников, П. Вайль и А. Генис, отметив художественные достоинства «Одного дня…», делают неожиданно-обескураживающий вывод: «Художественные достоинства значительнее в первой повести. «Один день…» написан так, что его качества неявны, присутствует лишь ощущение невероятной энергии, силы, напора. И – точности. Вся повесть – осторожные, но безошибочные прикосновения к болевым точкам: каждый раз ровно настолько, насколько нужно, без передержки, нажима, дидактики. Без идеологии. *Без положительного героя!* – хотя именно поиск положительного героя от Матрены до Столыпина – и составляет пафос литературы Солженицына. *Но как раз там, где его нет, – лучшая проза: «Один день Ивана Денисовича», «Случай на станции Кречетовка», «Раковый корпус»* (выделено мною. – *А.М.*) И далее: «В «Матренином дворе» уже впервые мелькает сусальный, как «Кубанские казаки», идеал…В тени праведницы Матрены укрылись чисто литературные просчеты, которых почти не было на открытом, не затененном идеологией пространстве «Одного дня…» [4, с. 201].

Мысль о том, что в «Одном дне…» нет положительного героя и что это, в свою очередь, несомненное достоинство рассказа, не требует дополнительных опровержений. Следует лишь оговориться: Иван Денисович не идеализирован автором. И согласиться с авторами статьи, что здесь проявился большой писательский талант Солженицына: в средствах и способах художественной обрисовки главного героя («без нажима, дидактики», морализаторства), в частности, в воссоздании трагической полноты жизни, в целом. Противопоставление же «Одного дня…» и «Матрениного двора» по уровню художественности и степени реализма героев выступает и как некая антитеза оценкам шестидесятников, в большинстве своем единодушно воспринявших «Матренин двор» как *чисто литературное* произведение, созданное уже *великим художником,* тогда как «Один день…» потрясал прежде всего новизной и смелостью темы, материала.

Действительно, в «Матренином дворе» Солженицыну как художнику изменяет порой чувство меры и такта (на что указывал впоследствии и сам автор). Помимо излишних красивостей, вроде шороха тараканов, напоминающего «далекий шум океана» [12, с. 117] некая нарочитость возвышенно-скорбного пафоса звучит и в «зачине» рассказа. Излишне подчеркнутой выглядит и параллель Матрены с некрасовскими «русскими женщинами». Кроме того преднамеренно нагнетаются отрицательные черты крестьянина-хапуги Фаддея, в котором не проявляется ничего человеческого даже в самые трагические моменты повествования, связанные со смертью Матрены. Однако эти «литературные просчеты» не скрываются «в тени праведницы Матрены», они лежат на поверхности, потому легко замет-

ны, и если избавить рассказ от подобных огрехов, то образ Матрены останется столь же цельным и ярким.

«Матренин двор» вызван к жизни не столько поисками Солженицыным нравственно-эстетического идеала или, пользуясь языком П. Вайля и А. Гениса, положительного героя (он был уже замечательно воплощен в «Одном дне…»), сколько желанием трансформировать его в новом сюжете, иными словами, развить прежнюю тему «маленького человека» (русского крестьянина) на новом жизненном материале.

Матрена многое наследует от Ивана Денисовича: почитание труда и способность отдохновения в нем от невзгод, безапелляционность к своим страданиям, «непоказную» религиозность, совестливость и «телесную умаленность». Особенности мироощущения и миропонимания Матрены, ее жизнестойкость под тяжелыми ударами судьбы и душевная щедрость также проявляются в конкретных фабульных ситуациях: в воспоминаниях о прожитых годах, заботе о приемной дочери, в бескорыстной помощи односельчанам и колхозу, в спасении фикусов от пожара.

Солженицын-художник детально, скрупулезно воссоздает реалии времени, не избегая всех трагических нюансов и перипетий, связанных с жизнью русского крестьянина в конкретный исторический период времени. Не случайно апологеты хрущевской «перестройки» обвиняли автора в клевете на действительность, искажении правды и непонимании «жизни народа, движение и реальные перспективы этой жизни» [6]. Реализм происходящего усиливается и апелляцией Солженицына к автобиографичности, достоверности рассказа. Но, несмотря на некую заземленность, «плотскость» образа Матрены (автор намекает даже на ее неряшливость в одежде), в ней преобладает духовное начало, проявляющееся во всем, начиная с небрежения материальными благами и заканчивая готовностью к самоотречению. Примечательно, что и смерть Матрены, столь, казалось бы, случайная и нелепая, вызвана все той же болезненной потребностью быть полезной людям: «Что она там пособить могла мужикам? Вечно она в мужские дела мешалась» [12, с. 138]. И эта смерть в контексте всего рассказа приобретает особый смысл.

Жизнь Матрены как истовой бессребреницы – это жизнь ради и во благо других людей. Однако праведность Матрены не понята и не принята даже близкими ей людьми: ни сестрами, ни золовками, ни соседкой Машей, ни женой Фаддея Матреной. Да и сам рассказчик не сразу понял те простые нравственные истины, которые исповедовала Матрена. Матрену укоряют за неумение хозяйствовать и за бедность, о ее сердечности и простоте не только «презрительно сожалеют» [12, с. 145], но и глумятся над ними (случай со святой водой, украденной у Матрены). Этому высокомерно-пренебрежительному к ней отношению, хоть и скрытому порой под личиной доброжелательности, Матрена может противопоставить лишь незлобливость, «извиняющую полуулыбку» [12, с. 123], безотказность в помощи. «Доброе расположение духа» возвращает себе Матрена Васильевна работой или «дальним лесом, не столам конторским кланяясь, а лесным кустам» [12, с. 120]. И в этом проявляется не слабость ее (хотя добро всегда беззащитно и уязвимо), а нравственная сила и превосходство, внутренняя свобода. Здесь легко улавливается внутренняя связь солженицынской героини с лучшими героями Достоевского (князем Мышкиным, Алешей Карамазовым) или с героем платоновского рассказа «Юшка». Кроткий Юшка, малосильный и беззащитный, которого все: и дети, и взрослые – презирали и над которым издевались, не держал ни на кого зла, поскольку обладал высшим знанием: видел предназначение человека в любви к ближнему. Эта любовь Юшки материализовалась сначала в самоотречении во имя жизни девочки-сироты, а затем в подвижничестве девушки-врача, которую все в городе стали называть дочерью доброго Юшки, уже позабыв и самого Юшку и то, что она не приходилась ему дочерью. Доброта Матрены воплотилась в сердце приемной дочери, искренне переживающей смерть дорогого ей человека. Любовь и доброта Юшки и Матрены, постоянно ощущающих в себе что-то более возвышенное и святое, чем забота о себе, действенны, находят продолжение в других людях.

Потрясением-прозрением, усиливающим высокий трагизм рассказа, стала гибель Матрены и для героя-рассказчика: «Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша» [12, с. 146]. Это скорбное признание рассказчика не только свидетельствует о духовной слепоте окружающих, но и придает смерти Матрены характер

откровения о ее жизни, которая обретает теперь уже некий аллегорический смысл.

Правда, нельзя не заметить в финале рассказа «пафосных вскликов» (выражение самого автора), открытой публицистики и нарочитой сентенции. Нарушение единства стиля объясняется противоречием (характерным, по мысли А. Архангельского [1], для «малых форм» Солженицына) между стремлением автора к символизации повествования, т.е. к чистому художеству (правдо-подобию) и установкой на правду (рассказ автобиографичен и достоверен), на открытое публицистическое, пророческое слово. Однако смещение стиля не разрушает в данном случае целостности и значимости художественного образа. Это ведет лишь к кажущемуся несоответствию между тем, какой есть Матрена в рассказе (бедная колхозница-пенсионерка, многим обделенная судьбой, ничем, казалось бы, неприметная в своей скромности, непритязательности и совестливости) и ее «гиперболизацией» в концовке рассказа до праведника. Но в этом художественно-публицистическом обобщении проявилась та же мировоззренческая позиция Солженицына: видеть в крестьянине-труженике (не идеализированном, а живом и реально-конкретном) прекрасные свойства души и духа, являющиеся основой и опорой жизни, которая воплотилась прежде в замечательной художественной форме «Одного дня…»

Однако ни «Один день…», ни «Матренин двор» не были, по меткому замечанию И. Дедкова, «сигналом к окутыванию российской деревни праведническим флером» [5, с. 102]. И лучшие произведения о деревне, написанные, в том числе и под влиянием рассказов Солженицына, «дают нам реальную картину реальной жизни, выявляют распространенные и существенные умонастроения времени… они раздвигают наши знания о жизни, развеивают туман старых иллюзий, они обнадеживают. Наконец, они укрепляют в нас чувство истинного, мужественного патриотизма … сильного сознанием подлинных достоинств и подлинных недостатков» [5, с. 103].

Библиографический список

1. *Архангельский А.Н.* О символе бедном замолвите слово // Лит. обозрение. – 1990. – №9.

2. *Баклано Г.* Чтоб это никогда не повторилось // Литературная газета. – 1963. – 2 марта.

3. *Белов В.И.* Повести и рассказы. – М., 1984.

4. *Вайль П., Генис А.* Поиски жанра. Александр Солженицын // Новый мир. – 1991. – №5.

5. *Дедков И.* Обновленное зрение: Из шестидесятых – в восьмидесятые. – М., 1980.

6. *Кожевников В.* Товарищи в борьбе // Литературная газета. – 1963. – 2 марта.

7. *Лакшин В.* Иван Денисович, его друзья и недруги // Новый мир. – 1964. – №1.

8. *Лифшиц М.* О повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // Новый мир. – 1990. – №7. – С. 74.

9. *Маршак С.Я.* Правдивая повесть // Правда. – 1964. – 30 января.

10. *Нива Ж.* Солженицын: Главы книги // Дружба народов. – 1990. – №5, 4.

11. *Платонов А.* Деревянное растение. Из записных книжек // Библиотека «Огонек». – 1990. – №9. – С. 71.

12. *Солженицын А.* Собр. соч.: в 7 т. – М., 1991. – Т.3.

13. *Шкловский Е.А.* Чем жив человек // Лит. обозрение. – 1990. – № 7.

Н. В. Юдина

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОГРАНИЧЕННОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АТРИБУТИВНО-СУБСТАНТИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ)

Преамбула. *В настоящем исследовании предложена попытка обобщения описанных в отечественной и зарубежной лингвистической литературе ограничений в сочетаемости лексических единиц и выявлены некоторые причины ограниченной сочетаемости слов на материале атрибутивно-субстантивных комплексов – комбинаций, построенных по модели «имя прилагательное + имя существительное». Определенные экстралингвистические и интралингвистические факторы предлагается разделить на группы в зависимости от отношения к норме, узусу и общепринятым внеязыковым и собственным языковым «стандартам».*

Известное в ряде языков выражение: английское *contract matrimony (with), unite in matrimony (with)*, немецкое *eine Ehe eingehen*, русское *сочетаться в браке* и под. – имеет в большинстве словарей помету ‘устаревшее’, что, однако, не дает оснований предположить, что сочетаемость как свойство сущностей одного порядка вступать в отношения (комбинации) с однородными единицами не входит в круг наиболее актуальных вопросов, требующих решения в различных сферах человеческой деятельности, в том числе и применительно к лингвистическим исследованиям.

Язык человека, по справедливому замечанию А.С. Пушкина, «неистощим в соединении слов», как «разум неистощим в соображении понятий» [24, с. 248], поэтому неслучайным является тот факт, что в отечественной и зарубежной лингвистике этому самому «неистощимому в соединении слов», а именно сочетаемости языковых единиц уделяется значительное место, причем в разных сферах, ярусах, плоскостях и аспектах.

Опыт изучения мировой лингвистической литературы свидетельствует о том, что проблемы сочетаемости языковых и, в первую очередь, лексических единиц подробно, детально и основательно описаны с позиций разнородных направлений, методов и парадигм исследования языка. Выявленные в традиционных грамматиках начиная с александрийцев, описанные И.А. Бодуэном де Куртенэ в терминах отношений рядоположения (Nebeneinander), названные Н.В. Крушевским как «ассоциации по смежности», наиболее известные, благодаря Ф. де Соссюру, как *синтагматические*, противопоставленные отношениям «ассоциативным» [26, с. 120, 122–123], получившим впоследствии название парадигматических, отношения между членами языковой системы, которые «выстраиваются один за другим в речевой цепи» [16, с. 120], на протяжении уже нескольких столетий являются предметом пристального внимания лингвистов.

Идея сочетаемости как одного из основных факторов структуры и функционирования языка активно разрабатывается на всех языковых уровнях. *Фонетическая синтагматика*, к примеру, основывается на постулате о том, что «сочетаемость звуков в тексте является не менее важным типологическим показателем, чем наличие тех или иных звуков в системе, …и тесно связана с морфологией и синтаксисом» [9, с. 54]. Совместимость морфем на формальном и семантическом уровне и, как следствие, создание новых слов с помощью многообразных типов и способов словообразования наблюдается на уровне *морфологической синтагматики*. Однако наиболее пристальное внимание лингвистов (в первую очередь лексикологов и синтаксистов) сосредоточено на проблеме сочетаемости *слов*, входящей в сферу интересов преимущественно *лексической* и *синтаксической синтагматики*.

Как справедливо заметила проф. В.Н. Телия, проблема сочетаемости слов «возбуждает, как известно, целый ряд вечно спорных вопросов о границах между лексическим значением слова и его сочетаемостными признаками, о различии между собственно значением слова и его «приращениями» в контексте словосочетания или предложения, о характере взаимодействия значения слова и его дистрибутивных признаков, извлекаемых из типовых окружений слова и т.п.» [27, с. 247]. В связи с этим отечественная и зарубежная литература по вопросам сочетаемости слов многообразна и многоаспектна. В лингвистических исследованиях XIX–XX веков проблемы сочетаемости слов, как известно, описаны в нескольких аспектах: 1) в плане грамматики, точнее, в сфере синтагматики (как образова-

© Н. В. Юдина, 2006

ние сцеплений слов); 2) в области лексики и семасиологии; 3) с точки зрения фразеологии; 4) с позиций стилистики в широком смысле слова [23, с. 173]. О сочетаемости имеются ценные мысли и замечания в трудах В.В. Виноградова, А.М. Пешковского, А.А. Потебни, Л.В. Щербы, Д.Н. Шмелева. Многоаспектное изучение теории сочетаемости нашло отражение в многочисленных работах отечественных (см. исследования Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, И.М. Богуславского, М.В. Всеволодовой, В.Г. Гака, Ю.С. Долгова, В.В. Морковкина, Н.З. Котеловой, Е.С. Кубряковой, И.А. Мельчука, М.Д. Степановой, Е.В. Рахилиной, В.Н. Телии, В.И. Фурашова и др.) и зарубежных лингвистов (В. Бондцио, К. Зоммерфельда, Th. Janssen, G. Redeker, H. Kamp, B. Partee, G.L. Murphy, D.Pitt, J.J. Katz, E. Sweetser, J.R. Taylor, Z. Vendler и др.).

Среди широко обсуждаемых в этих исследованиях проблем далеко не последнее место занимает вопрос о количественных и «качественных» ограничениях, накладываемых на сочетаемость слов. Как справедливо заметил проф. А.М. Пешковский, «…не всякие два слова, прозвучавшие в нашей речи в непосредственном соседстве, образуют словосочетание...» [22, с. 34] – нужно определенное коммуникативное задание для того, чтобы эти два (и более) слова вообще оказались рядом. По мысли М.М. Копыленко, «лексемы характеризуются различными комбинаторными возможностями, зависящими главным образом от их семантических свойств. В сочетаемости одних лексем наблюдаем высокую предметно-логическую обусловленность, в сочетаемости других лексем такая обусловленность ниже, в третьем случае находим сочетаемость, не имеющую предметно-логических оснований» [15, с. 3]. Таким образом, сочетаемость лексем, очевидно, регулируется определенными правилами.

Правила сочетаемостных ограничений (или ограничения на синтагматическую сочетаемостью элементов), понимаемые как «набор условий, или пресуппозиций, при выполнении которых элемент А может сочетаться с элементом В, причем это сочетание признается всем языковым сообществом правильным» [6, с. 141], являются, как известно, предметом исследования ряда работ многих ведущих отечественных и зарубежных лингвистов и относятся к разделу синтактики (термин, предложенный И.А. Мельчуком [20, с. 114]) и синтагматики.

Синтагматические отношения, проявляющиеся в правилах сочетаемости слов, в связях слов с контекстными партнерами в рамках конкретных высказываний, определяются как «реальными связями явлений действительности, которые составляют содержание мысли, выраженной в предложении», так и явлениями чисто лингвистического характера [18, с. 87]. А.М. Пешковский, создавая разные сочетания из четырех взятых лексем типа *хочу, читаю, сестра, книга*, сформулировал два основных момента: 1) «для того чтобы два слова могли составить словосочетание, надо, чтобы они были соединены одновременно в речи и в мысли» [22, с. 34]; 2) «для того чтобы какое-нибудь сочетание слов было словосочетанием, т.е. имело определенный смысл, недостаточно, чтобы каждое слово, входящее в него, имело свою форму, а нужно, чтобы все оно тоже имело определенный вид, определенное внешнее и внутреннее строение» [22, с. 35–36]. При этом важно иметь в виду, что, во-первых, связи слов в словосочетании и в строе предложения, как известно, подчиняются определенным закономерностям и, во-вторых, сочетаться между собой могут только определенные слова на основе известных правил.

По справедливому замечанию проф. С.Д. Кацнельсона, «как в химии далеко не всякий элемент способен сочетаться с атомами других элементов, так и в живой целостной речи далеко не каждое слово сочетается с любым другим. Конечно, можно сказать *деревянное железо* или *сапоги всмятку*, но «можно» только в том смысле, в каком говорится, что язык без костей… Определенная форма субъекта сочетается с предикатами определенного типа, определенная атрибутивная категория предполагает вполне определенное по типу определяемое и т.д.» [13, с. 127].

Правила ограничений сочетаемости лексем базируются как на собственно лингвистических, так и на экстралингвистических законах, и в зависимости от типов сочетаемости в разных лингвистических источниках выделяют разные виды ограничений на совместное употребление элементов: *экстралингвистические* и *интралингвистические* (фонематические, лексические, семантические, морфологические, синтаксические, стилистические, просодические и др.).

Рассмотрим в этой связи некоторые особенности ограниченной сочетаемости в сфере так называемых атрибутивно-субстантивных комплексов – сочетаний слов, построенных по модели «имя прилагательное + имя существительное».

Прежде всего, необходимо заметить, что в ряде случаев не всегда существует необходимость в наличии прилагательного-определения при существительном. Так, по замечанию Ш. Балли, «принцип дополнительности абсолютен в проявлениях речи, между тем как в языке, с мнемонической точки зрения, наряду со случаями дополнительности наблюдаются и случаи одностороннего определения; так, прилагательное обязательно определяет существительное, в то время как существительное не обязательно определяется прилагательным. Напротив, в речи такая синтагма, как «красное платье» не представляет подобной двойственности, потому что «платье» определяется понятием «красное», а «красное» определяет «платье». Дополнительностью внутри языка объясняется взаимная согласованность языковых категорий» [4, с. 115].

Вместе с тем, если же необходимость в определении-прилагательном все-таки существует, в силу вступают внеязыковые и собственно языковые ограничения, накладываемые на сочетаемость существительных с прилагательными.

Так, например, исключительно *экстралингвистическими* факторами (отсутствием во внеязыковой действительности реалий, которые могли были быть обозначены номинациями, построенными по модели «имя прилагательное + имя существительное») можно объяснить отсутствие в языке сочетаний типа **прямоугольный круг, *квадратный треугольник, *старший отец* и под. [28, с. 18–19]. Вместе с тем, в лингвистике (преимущественно в зарубежной) существуют мнения, согласно которым проводится резкая грань между логической и грамматической правильностью речи. Так, например, Ш. Балли в «Общей лингвистике и вопросах французского языка» отмечает: «Основной характерной чертой синтагмы любой формы является то, что она свободна, т.е. составляющие ее лексические знаки могут заменяться любым другим знаком той же категории, отчего синтагма грамматически нисколько не меняется. Так, table ronde “круглый стол” можно изменить в table carrée, polie “стол квадратный, полированный” и т.д. или в table carrée “квадратный стол”, planche carrée “квадратная доска”, feuille carrée “квадратный лист” и т.д. Даже такие нелепые сочетания, как table tender “нежный стол” или cercle carrée “квадратный круг” совершенно правильны с грамматической точки зрения» [4, с. 117]. Примерно такой же позиции придерживался Х. Штейнталь, считавший «неправильное с точки зрения логики предложение “этот круглый стол прямоуголен” грамматически безупречным», и Е. Гуссерль, утверждавший, что «грамматическая цензура нечувствительна к противоречивому смыслу языковых оборотов типа “четырехугольный круг” и “деревянное железо”» [13, с. 127].

С другой стороны, отсутствие во внеязыковой действительности реалий типа *белая ворона, белая муха* и под. не является основанием для отсутствия в языке подобных сочетаний, пусть даже и носящих фразеологический и любой другой устойчивый характер.

Из *интралингвистических* факторов можно отметить следующие.

1. *Грамматический* (морфо-синтаксический, морфологический, словесно-грамматический) фактор, участвующий в формировании связей слов, «проявляется в соотнесенности слова с грамматическими значениями контекстных партнеров» [18, с. 89], дает информацию о синтаксическом статусе и грамматической форме сочетающихся слов и определяется принадлежностью слов к определенным частям речи: «например, для многих языков подчинительное сочетание из двух существительных нехарактерно и зависимое существительное либо проявляет тенденцию к адъективации (англ. *a stone wall*), либо его адъективная функция подкрепляется его морфологическим изменением (англ. *my brother's friend*) или использованием транспонирующего служебного слова (*the friend of my brother*)» [11, с. 483]. Наиболее релевантным этот фактор является также, например, при сочетаемости глаголов сильного управления с дополнениями или обстоятельствами, выраженными существительными в определенной грамматической форме (*состоять из чего-л., справиться с чем-л.* и под.), а также характеризует, по Ю.Д. Апресяну, «разные морфо-синтаксические ограничения у неточных синонимов: *сопутствовать (чему-л.) – сопровождать (что-л.), ошибаться (адресом) – перепутать (адрес)* и др.» [1, с. 61]. Что касается сочетаний «имя прилагательное + имя существительное», то морфосинтаксический фактор может быть проиллюстрирован здесь невозможностью появления и существования с грамматических позиций (отсутствие грамматического согласования) таких сочетаний, как **красивЫЙ девочка* или **умнАЯ мальчик*.

Кроме того, известно также, что для каждого языка различаются специфичные сочетательные

потенции частей речи, отражающие грамматические (и не только) закономерности сочетаемости слов. В результате ограничения сочетаемости начинают иметь ярко выраженный «национальный» характер. Так, например, замечено, что изучающие иностранный язык естественно переносят нормы сочетаемости соотносительного слова в родном языке на соответствующее слово иностранного языка (ср., напр., **weak progress* вместо *poor progress* (ср. русск. *слабые успехи* и *слабый человек*), **correct features* вместо *regular features* (ср. русск. *правильные черты лица* и *правильный ответ*) и др.). С другой стороны, учащиеся переносят и структуру словосочетаний родного языка на структуру иностранных словосочетаний, в которых используется изучаемое слово (ср. русск. *уверенный в себе* и англ. *confident *in himself* вместо *confident* ***of*** *himself*; русск. *гордый своим успехом* и англ. *proud *by his success* вместо *proud of his success* и под.) [12, с. 5].

2. *Лексические* ограничения на сочетаемость слова А «дают информацию о том, каким должно быть слово В или класс слов В1, В2, В3, … Вn, с которыми синтаксически связано слово А» [1, с. 61], и «проявляются в избирательности лексем, ср.: “оказать услугу, внимание”, но “не оказать заботу, интерес”» [11, с. 483]. Как указывает Ю.Д. Апресян, все существительные, которые употребляются при таких глаголах, в этом случае должны быть выписаны «поименно» (ср. *ошибаться – адрес, дом, дверь, окно, номер, этаж, телефон* и др.) [1, с. 61].

«Случаи крайней узости лексической сочетаемости представлены в явлениях так называемого “постоянного контекста”, когда сочетаемость слов ограничена их обязательной связанностью только с одним – двумя словами: *возлагать надежды, жгучий брюнет, кромешная тьма* и др. Подобного рода сочетания квалифицируются как устойчивые и относятся к сфере фразеологии» [18, с. 90].

Проф. Н.Д. Арутюнова, в сфере научных интересов которой проблема сочетаемости заняла одну из ведущих позиций, выделяет *собственно лексические* и *лексико-семантические* ограничения на сочетаемость слов. «В первом случае выбор детерминирован таким фактором как присутствие другого слова, осуществляющего семантическую доминацию и обозначающего опорное (выбираемое ранее) понятие» (ср. *полный идиот* и *круглый дурак*). «Во втором случае выбор определяется не столько доминирующим словом как целостным языковым знаком, сколько той категорией реалий, к которой оно относится» (ср. *карие очи, каштановая коса, прядь* и др.). «Этот последний тип ограничений на сочетаемость лежит на грани между лексическими (формальными) нормами соединения слов и семантическими (связанными с природой денотата) закономерностями выбора смыслов» [3, с. 85 и далее].

3. В отличие от выше обозначенных, *семантические* ограничения на сочетаемость слов более сложны и «информируют о том, какими семантическими признаками должно обладать слово В, синтаксически связанное с А» [1, с. 61]. Более того, акад. Ю.Д. Апресян замечает: «о семантических, а не о лексических ограничениях на сочетаемость А разумно говорить лишь в тех случаях, когда любое слово В, имеющее требуемый семантический признак, способно сочетаться с А» и приводит в качестве примеров сочетаемость глаголов *арендовать* и *снимать* с существительными [1, с. 61–62]. Проф. Н.Д. Арутюнова под семантическими ограничениями на сочетаемость слов понимает закономерности соединения смыслов, входящих в состав пропозиции [3, с. 111], и выделяет два типа собственно семантических отклонений от смысловой правильности высказывания: 1) эмпирические, или прагматические, состоящие в «анормальной, не соответствующей “устройству мира” ситуации» (ср., напр., *фарфоровая шляпа*) [3, с. 118–119] и 2) алогичные, представленные двумя разновидностями: первые «создают внутренне противоречивые предложения» (*высокий человек маленького роста*), вторые порождены «нарушением семантического абсолюта, непреложных норм человеческого мышления» (*Упрямство думает лампу через два цветка*) [3, с. 119–120].

Проф. В.Г. Гак сформулировал основной закон семантического сочетания слов (в лингвистической литературе этот же закон может иметь и другие названия, см., например, «закон лексической синтагматики» [18, с. 88]) следующим образом: «для того, чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь, помимо специфических, различающих их сем, общую сему, либо не иметь несовместимых сем». Этот закон проф. В.Г. Гак иллюстрирует на материале французского языка следующим образом: французское сочетание *une femme enrhumee* является правильным, так как образующие его семемы *femme* ‘женщина’ и *enrhumee* ‘простуженная’ содержат общую сему одушевленности и не

имеют несовместимых признаков, в то время как сочетание *une chaise enrhumee* неправильно, поскольку семемы *chaise* ‘стул’ и *enrhumee* ‘простуженный’ имеют несовместимые родовые признаки: одушевленный vs неодушевленный [10, с. 23].

На материале английского языка семантические ограничения на сочетаемость могут быть проиллюстрированы примерами, взятыми в работе О. Кифер [14, с. 352], ср.: сочетание типа *handsome girl* не совсем корректно, так как прилагательное *handsome* содержит по определению мужской признак, а существительное *girl* – женский. Пример подобного плана можно встретить в работе У. Вейнрейха, ср.: «прилагательное pretty ‘приятный, хороший; прелестная, хорошенькая’ сочетается либо с обозначениями неодушевленных объектов, либо с обозначениями существ женского пола. Если сформулировать указанные сочетаемостные ограничения как <(неодушевленное) v (одушевленное) + (женский пол)>, то тем самым можно объяснить допустимость сочетания pretty girls ‘хорошенькие девочки’ и аномальность сочетания pretty boys ‘хорошенькие мальчики’, поскольку girl ‘девочка’ имеет в своем пути маркер (женский пол), а boy ‘мальчик’ не имеет» [8, с. 70]. Э. Косериу называет такое явление лексической солидарностью [6, с. 142 со ссылкой на Coseriu 1967].

М. Бирвиш называет ограничения подобного рода селекционными, так как «они указывают, какие лексические элементы могут быть выбраны для построения семантически правильного сочетания двух или более синтаксически связанных лексических элементов». Так, например, прилагательное *blond* ‘белокурый’ требует субъекта, значение которого включает такой признак, как волосы [5, с. 183].

Дж.Д. МакКоли, анализируя сочетаемостные ограничения (СО), представленные в работах по трансформационной грамматике (Хомский, Катц – Фодор и др.), приходит к двум следующим утверждениям: «1) любая информация, фигурирующая в семантическом представлении какой-либо единицы, может фигурировать и в соответствующих сочетаемостных ограничениях и 2) никакой другой информации в сочетаемостных ограничениях не требуется» [19, с. 249]. В доказательство первого утверждения автор ссылается на то, что «на каждой странице любого большого словаря можно найти слова, которые предполагают невероятно специфичные СО, опирающиеся на практически неограниченное множество семантических свойств» (ср.: прилагательное benign ‘доброкачественный’ требует определяемого, обозначающего ‘опухоль’. В доказательство второго утверждения МакКоли приводит следующий довод: «различные несемантические признаки, обычно приписываемые существительным, например собственное /нарицательное, грамматический род, грамматическое число и т.д., не играют с точки зрения СО никакой роли») [19, с. 249–250].

Проф. В.Г. Гак также замечает, что «подобно грамматическому, семантическое согласование есть формальное средство организации высказывания, достигшее, однако, значительно меньшей формализации» [10, с. 25], и указывает на то, что «возможность выбора слова в зависимости от семантического окружения в процессе номинации подчиняется одному из трех условий: а) наличие общей семы (синтагмемы) в обоих членах словосочетания; б) отсутствие в одном из членов словосочетания сем, противоречащих семам другого члена; в) погашение в одном из членов словосочетания сем, противоречащих семам другого члена, либо перенос из одной семантемы в другую недостающих сем» [10, с. 28].

4. *Стилистические ограничения* на сочетаемость слов фиксируют стилистическое соответствие компонентов сочетания, а также требуют стилистического согласования слова с текстом. В противном случае происходит стилистическая транспозиция [11, с. 483]. Стилистические и иные ограничения очень точно и подробно отражены в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка», созданном под руководством акад. Ю.Д. Апресяна (1997). Ср. взятые оттуда примеры типа *быстроходный / скоростной лайнер* при невозможности **ходкий лайнер* (*ходкий* имеет помету ‘уходящее’) [2, с. 22], *двусторонние отношения* при невозможности **двусторонняя любовь, *двустороннее уважение* (*двусторонний* наделено пометой ‘офиц.’) [2, с. 26], *ненаселенная тундра, ненаселенное кладбище* при нежелательности **ненаселенный дом, *ненаселенное место, *ненаселенная даль* (прилагательное *ненаселенный* имеет помету ‘офиц.’) [2, с. 229–231] и др.

5. Помимо наиболее известных и достаточно хорошо изученных ограничений в семантической, лексической и синтаксической сочетаемости, обусловленных структурными свойствами и поведением слов в предложении (характером значения, актантной структурой, особенно-

стями поверхностного выражения актантов и т.п.), в последние десятилетия (см. в этой связи работы Н.Д. Арутюновой, И.М. Богуславского, Е.М. Вольф, Е.С. Кубряковой, Г.Е. Крейдлина, Л.П. Крысина, Е.В. Рахилиной, Е.В. Падучевой и др.) делаются попытки выделения и описания других факторов, оказывающих влияние на ограничение сочетаемостных возможностей слов. К их числу относятся:

а) *прагматические* факторы, влияющие на употребление некоторых классов слов (частиц, кванторных и модальных слов, некоторых групп наречий и местоимений) в составе высказывания (подробнее см., напр., в работе Е.В. Падучева [21]);

б) *социальные* ограничения в сочетаемости слов в пределах высказывания и – шире – в пределах данной ситуации общения (см., например, анализ такого рода ограничений в книге Л.П. Крысина [16, с. 458 и далее] на примере особенностей сочетаемости некоторых симметричных предикатов и употребления местоимения *мой* с некоторыми разрядами существительных);

в) *прототипические*, или *коммуникативные ограничения* на сочетаемость иллюстрируются следующими рассуждениями проф. Е.В. Рахилиной: «Аномальность (или, по крайней мере, семантическая нестандартность) атрибутивных конструкций типа *утонченный агроном* или *глубокая брошюра* вызывается рассогласованием коммуникативно выделенных компонентов существительного и конструкции в целом. Действительно, прилагательное, будучи коммуникативным центром конструкции, воздействует как некоторый семантический оператор на коммуникативно наиболее значимую часть смысла существительного. Для существительного *брошюра* таковой оказывается информация о внешних характеристиках издания (ср.: нормальное: *потрепанная / голубая брошюра*, тогда как прилагательное *глубокий* предполагает апелляцию к его содержательным свойствам (ср.: *глубокая статья / глубокое сочинение*) [25, с. 56–57]. Аналогичные доводы лежат в основе «неудовлетворительного с точки зрения русского языка» сочетания **старый соловей*: «Мы подразумеваем, – пишет Е.В. Рахилина, – что в прототипической ситуации к такому объекту, как названный, не может быть применено данное свойство… Говорящий, в памяти которого в виде языковой картины мира зафиксированы наиболее частые и естественные употребления – другими словами, прототипические, – все равно будет ощущать такую возможность как “неполноценную”» (имеется в виду использование сказочного контекста, в котором соловей будет уподоблен человеку) [25, с. 21–22]. Вместе с тем, на материале разных языков можно выявить и те случаи, когда не подходящие, на первые взгляд, по лексико-семантическим, прототипическим и иным параметрам прилагательное и существительное все же образуют словосочетание, что может иметь ряд последствий. В этой связи проф. Е.С. Кубрякова справедливо заметила, что в таких случаях прилагательные могут, например, маркировать переход существительного из одного класса в другой (ср.: «*плюшевый медведь* или *пластмассовый заяц* – это “игрушки”, точно так же как *гипсовый Вольтер* или *каменный лев* – это “скульптуры”, а *деревянная лошадка* может быть и тем и другим» [17, с. 151]) или приводить к отрицанию самого объекта (ср. *искусственные цветы – пластиковые, пластмассовые*, но также *мраморные* и *каменные*; *фальшивые деньги, поддельные картины, бывший муж, прежний друг* и мн. др.) (подробно о композиционной семантике подобных сочетаний прилагательных с существительными см. в статье Е.С. Кубряковой [17, с. 152]). В подобных ситуациях вряд ли корректно говорить о нарушениях законов сочетаемости слов.

Однако в ряде случаев нарушение законов сочетаемости может иметь некоторые существенные последствия. Так, например, нарушение закона семантического согласования и, как следствие, появление в компонентах сочетания противоречащих сем может привести: а) к переосмыслению одного или обоих компонентов; б) к «угасанию» «лишней семы» у одного из слов в синтагме; в) к контекстуальному изменению значений одного или обоих слов (ср.: *больная совесть, Весь дом говорил об этом*) [10, с. 27; 11, с. 483]. Результатом этих изменений на языковом уровне становится появление разного рода устойчивых сочетаний слов (ср. *черные мысли, золотые руки* и др.); эти же явления – фундамент для объяснения такого феномена, как оксиморон (оксюморон) (ср. *горькая радость, сладкие слезы, живой труп, обыкновенное чудо* и др.).

В стилистическом плане намеренное нарушение сочетаемостных ограничений нередко становится эффективным средством художественной выразительности, и своего рода неожиданное сочетание может являться даже показателем оригинальности авторской манеры (ср. в этой

связи известную фразу Н. Хомского Colourless green ideas sleep furiously '*Бесцветные зеленые идеи яростно спят*', а также появившееся задолго до этого предложение Л.Н. Толстого *Все тот же ужас, красный, белый, квадратный* и др. Ср. также употребление прилагательного *беременный* в форме мужского рода в знаменитой фразе Д. Бурлюка *Мне нравится беременный мужчина, прислонившийся к памятнику Пушкина* [цит. по: 6, с. 143]). Как образно заметил А.Е. Бочкарев, нарушение такого рода сочетаемостных ограничений «сродни пластическому сдвигу в кубофутуристической живописи» [6, с. 143].

Другим более «серьезным» последствием отсутствия следования законам сочетаемости является нарушение общепринятой нормы, что в ряде случаев свидетельствует о низком уровне языковой и речевой культуры. Эту мысль можно подкрепить серьезными исследованиями проф. Н.Д. Арутюновой, справедливо обратившей внимание на то, что «человек, плохо владеющий языком, часто нарушает лексический узус и лексические нормы сочетаемости слов...» [3, с. 120], а «правила, фиксирующие лексические ограничения на сочетаемость, имеют статус нормы. Их нарушение свидетельствует о недостаточном владении языком или его литературным стандартом» [3, с. 93].

Среди наиболее типичных речевых ошибок, наблюдающихся в современной спонтанной речи, а также зафиксированных в печатных средствах массовой информации, отметим следующие: 1) явные и скрытые тавтологии и плеоназмы типа: *Вы стоите сейчас перед принятием решительных решений; Наша беседа подошла к завершающему концу; Наружная внешность героини достаточно привлекательна* и др.; 2) семантические тавтологии, связанные с «издержками» в освоении иноязычных слов типа *народный фольклор, свободная вакансия, монументальный памятник, мизерные мелочи, ведущий лидер, главный лидер, огромная махина, выдающийся виртуоз, специфические особенности* и др. (подробнее см., напр., [7, с. 116] и др.). Ср. также: *В ответ на критику часто получаешь обратный бумеранг; В это трудное и нелегкое время правительство должно представлять единый монолит; Каждый стремится привезти на память памятный сувенир, возвращаясь домой из зарубежного путешествия; Посетители нашего ресторана могут отведать изысканные и вкусные деликатесы из мяса и рыбы; В прошлый выходной жители наблюдали необычный феномен; Пламя загорания бумажной макулатуры возникло от непогашенной сигареты и стало источником пожара; Россия, которая еще недавно была передовым авангардом всемирного движения за мир, не может урегулировать нынешний конфликт в Чечне* и под.; 3) неудачное использование фразеологизмов вследствие незнания их семантики: *Радостные и счастливые выпускники спели на прощание свою лебединую песню; Директор школы на торжественной линейке сказал: «Мы сегодня собрались, чтобы проводить в последний путь своих выпускников»; «Спасибо устроителям сегодняшней выставки за путешествие в мир иной, где так отдыхаешь душой!»; Перед нашими учеными непочатый край научных поисков; Не замыкайтесь в себе и делитесь с нами своими больными местами* и др. Появление в речи носителей русского языка этих и подобных сочетаний обусловлено, на наш взгляд, отсутствием у говорящих определенных знаний, связанных как со значением употребляемых при образовании сочетаний слов, так и с существующими синтагматическими законами «притяжения слов» в родном языке. Определенным образом факт наличия серьезных речевых ошибок может быть объяснен так называемой «лингвистической глухотой» или отсутствием лингвистического чутья у некоторых носителей русского языка.

Таким образом, анализ ограниченной сочетаемости слов на материале атрибутивно-субстантивных комплексов позволяет констатировать тот факт, что ограничения в сочетаемости лексических единиц весьма разнообразны и зависят от ряда экстралингвистических и интралингвистических (лексических, семантических, лексико-семантических, морфологических, синтаксических, стилистических, прототипических, коммуникативных, социальных, прагматических и др.) факторов. При этом одна группа правил, фиксирующих разного рода ограничения, относится «к области поверхностных структур (т.е. способов реализации смысла), оценка которых дается прежде всего под углом зрения нормы, узуса, принятого стандарта» [3, с. 93], а другая не столь строга, и их нарушение может обнаруживать себя в сфере идиоматики, перифрастики, речевых штампов, клишированных выражений и т.п. и являться эффективным средством художественной выразительности и оригинальности авторской манеры. Кроме того, выявление и дальнейшее описание ограничений в сочетае-

мости языковых (в том числе и лексических) единиц в известной степени позволяет проиллюстрировать талантливо сформулированную А.С. Пушкиным мысль о том, что «грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи».

Библиографический список

1. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – VIII с., 472 с.

2. *Апресян Ю.Д.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – Вып. 1. – 552 с.

3. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). – 2-е изд., стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002.

4. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка: пер. с третьего франц. изд. Е.В. и Т.В. Вентцель. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955.

5. *Бирвиш М.* Семантика // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – Вып. X. – С. 177–199.

6. *Бочкарев А.Е.* Семантический словарь. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2003. – 200 с.

7. *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2001. – 304 с.

8. *Вейнрейх У.* Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – Вып. X. – С. 50–176.

9. *Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков: учебное пособие для студентов факультетов и институтов иностранных языков. – Л.: Просвещение, 1976. – 286 с.

10. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология (На материале французского и русского языков). – М.: Международные отношения, 1977.

11. *Гак В.Г.* Сочетаемость // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 483.

12. *Горелик Ц.С.* Английское прилагательное: управление и сочетаемость / Ц.С. Горелик, Р.С. Гинзбург, С.С. Хидекель, А.Л. Альперин. Тематический англо-русский словарь / под ред. М.Р. Кауль. – М.: ЭТС, 2001. – 376 с.

13. *Кацнельсон С.Д.* Общее и типологического языкознание / отв. ред. А.В. Десницкая. – Л.: Наука, 1986. – 298 с.

14. *Кифер Ф.* О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XVI. – С. 333–348.

15. *Копыленко М.М.* Сочетаемость лексем в русском языке: Пособие для студентов. – М.: Просвещение, 1973. – 120 с.

16. *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.

17. *Кубрякова Е.С.* О нетривиальной семантике в сочетаемости прилагательных с существительными // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура / отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 148–153.

18. *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филолог. фак. ун-тов. – М.: Высш. школа, 1982. – 152 с.

19. *МакКоли Дж.Д.* О месте семантики в грамматике языка // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – Вып. X. – С. 235–301.

20. *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Т. I. – М.: Прогресс, 1997.

21. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

22. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. – 512 с.

23. *Прокопович Н.Н.* Словосочетание в современном русском литературном языке. – М.: Просвещение, 1966. – 399 с.

24. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений // А.С. Пушкин. Критика и публицистика. Т. 5. – М.: Правда, 1954.

25. *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000.

26. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики: пер. с фр. А.М. Сухотина / науч. ред., пер., предисл. и прим. Н.А. Слюсаревой. – М.: Логос, 1998. – 296 с.

27. *Телия В.Н.* Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 244–267.

28. *Юдина Н.В.* Атрибутивная валентность релятивных существительных (на материале терминов родства). – Владимир: Посад, 2000. – 117 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. С. Хрякова

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКОГО ИСКУССТВА (ДРЕВНЕРУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ. ДРЕВНЕРУССКИЕ РАСПЕВЫ)

Преамбула. *Русское церковно-певческое искусство является неотъемлемой частью национального культурного достояния. Обращение к данной теме вызвано необходимостью глубокого изучения истории древнерусского церковного пения, для умения отличать историю музыки от истории богослужебного пения.*

В истории русской музыки певческое искусство занимало такое же место, как творчество мастеров строгого стиля на Западе с их мессами и мотетами, а точнее сказать, даже большее. На Западе одновременно с культовой музыкой с XII–XIII вв. уже фиксировалась и чисто светская (песни трубадуров, труверов, миннезингеров и мейстерзингеров), на Руси в это время «мирская» песня не записывалась.

Считается, что возникновение русского певческого искусства относится к моменту принятия крещения на Руси, ко времени княжения Владимира Святославича и сына его Ярослава Мудрого, т.е. к 1-й половине XI в. В «Повести временных лет» написано, что в княжение Ярослава Мудрого пришли на Русь «богоподвизаемы трие певцы гречести с роды своими». Они-то, по мнению известных исследователей Д.В. Разумовского и В.М. Металлова, и явились основоположниками русского церковного пения. Однако другой исследователь С.В. Смоленский утверждал, что к концу X в., когда произошло т.н. крещение Руси, русское пение имело уже вполне сложившийся вид.

Христианство в Киевской Руси существовало по крайней мере на 100 лет раньше признания его в качестве государственной религии, а значит здесь уже было певческое искусство. Конечно, официальное крещение Руси способствовало его быстрому росту и распространению.

Княжение Владимира Мудрого представляло вершину развития «империи Рюриковичей». Вступление Владимира в родственные отношения с византийским императором (женитьба Владимира на византийской царевне Анне) и введение христианства как государственной религии придало русско-византийским связям особый церковно-политический характер. В отдельных случаях можно говорить о соревновании Киева с Константинополем. В архитектурном устройстве своей столицы киевские князья подражали Византии, подражание распространялось и на быт и на одежду киевских князей. В Киев стекалось многообразие литературы, созданной на Переднем Востоке, в странах среднеземноморского бассейна и т.д.

Подобно литературе, в Киевской Руси появилась иноземная музыка – «заморная мусикия» и «органные писки».

Естественно, что в первую очередь заимствовалось то, что непосредственно было связано с оформлением христианского культа. К числу таких заимствований принадлежало и церковное пение. Маловероятным и бездоказательным представляется утверждение, что древнее русское церковное пение возникло на народной почве самостоятельным путем «самозарождения» без какого бы то ни было влияния извне. Оно не могло быть народным на самых ранних ступенях своего развития, т.к. само христианство оставалось еще далеким и чуждым народу. Лишь в течение времени христианская религия постепенно внедрялась в сознание широких народных масс, подвергаясь при этом своеобразному переосмыслению и приспосабливая свои формы к их образцу мышления, традициям и привычкам. Это был сложный, длительный и противоречивый процесс, сопровождавшийся острой и напряженной борьбой.

Процесс освоения русскими певцами византийской певческой премудрости можно проследить по первоначальным певческим книгам, написанным частью на греческом, частью на славянском языках. Текст славянский был господствующим, греческий же обыкновенно писался славянскими буквами и поддерживался в русском пении первыми греками – иерархами. При князе Владимире и поз-

© А. С. Хрякова, 2006

же богослужение нередко совершалось на обоих языках попеременно, так что один клирос пел на греческом, другой – на славянском.

Старейшие дошедшие до нас русские певческие книги с музыкальной нотацией относятся к концу XI – началу XII вв. Им предшествовали книги, в которых тексты песнопений не сопровождались никакими певческими знаками. Указания на глас, к которому относится то или другое песнопение, и регулярная перестановка точек, обозначающих границы мелодических строк, с очевидностью говорят о том, что книги предназначались для пения. Такой тип ненотированных певческих книг остается распространенным и позже, когда знаменное письмо было уже достаточно освоено. Это говорит о том, что в первые века развития русского богослужебного пения преобладала устная традиция и мелодии заучивались на память, по слуху – из уст в уста, от учителя к ученику.

Что же касается происхождения древнерусской крюковой нотации, то сейчас можно считать полностью установленным факт ее связи с нотацией старовизантийской, отличительной особенностью которой является отсутствие фиксации точной звуковысотности. Средневизантийская нотация, пришедшая на смену старовизантийской в XII в. и содержащая указания точных интервальных отношений между звуками, что давало возможность фиксировать точную высоту мелодического рисунка, не была воспринята на Руси.

Основой крюковой нотации явилась нотация старовизантийская, в которую были внесены изменения и дополнения, отражавшие специфику и особенности русского интонационно-мелодического языка. В результате был выработан свой тип нотации, производный от старовизантийского невменного письма, но не тождественный ему.

Все неповторимое своеобразие древнерусской теории пения проистекает от того, что византийская певческая система была изначально воспринята на Руси через старовизантийскую нотацию, т.е. нотацию, абсолютно не знающую интервального принципа. Это оказало решающее воздействие на все становление древнерусского теоретического мышления. Византийские нотационные реформы XII и XIV вв. не оказали никакого влияния на Руси, несмотря на обширные русско-византийские связи. Подобная невосприимчивость к повышению точности фиксации звуковысотного уровня была отнюдь не случайна, ибо присущая русскому сознанию ревность к чистоте богослужебного пения заставляла видеть в этом утончении сползание богослужебной певческой системы в систему музыкальную. *В теории небесного ангельского пения* невозможно допустить мышления вещественными, земными параметрами, каковыми являются высота и продолжительность звука, ибо ангельское пение, будучи невещественным по своей природе, не могло быть описано откровенно вещественным способом. Статистическому звукоряду музыки был противопоставлен динамический звукоряд богослужебного пения, или т.н. «звукоряд строки».

Исходной точкой звукоряда строки являлась строка, благодаря которой звукоряд и получил свое название. В самьм понятии строки уже заложен динамизм или процессуальность, ибо под строкой подразумевается некое «дление», произнесение текста на одном звуковысотном уровне. Сам же звуковысотный уровень, на котором протекал процесс «дления», оставался относительным, ибо его значение менялось как при переходе от одного гласа к другому, так и в зависимости от обстоятельств данного исполнения. Сверху и снизу строки образовывались производные звуковысотные уровни, которые выражались при помощи основных знамен и их модификаций. Например, крюк простой, крюк мрачный, крюк светлый, крюк тресветлый, каждый из которых «возглашался» – выше предыдущего. Крюк простой «возглашался» «мало повыше строки», крюк мрачный – «паки повыше простого», крюк светлый – «мрачного повыше», крюк тресветлый с сорочьей ногой – «вельми паки возгласити».

Снизу строки также образовывались звуковысотные уровни при помощи определенных знамен, например: запятая – «изнизку взяти», запятая с крыжем – «вельми ниже запятой». Таким образом, различные знамена образовывали ряд звуковысотных уровней, привязанных к строке и ориентированных на ней.

Если музыкальный звукоряд представляет собой ряд звуков, то звукоряд строки представляет ряд переходов от звука к звуку. Различные знамена и их модификации обозначают не ступени звукоряда, но ступания по ступеням. Это заложено уже в самих определениях высотных уровней, выражающих не предметность, а действенность и отвечающих не на вопрос «что?», но на вопрос «как?»: «мало повыше», «паки повыше» и т.д.

В этом смысле древнерусская теория гораздо более тонко и глубоко передает самую сущность процесса интонирования, ибо, в отличие от статистического музыкального звукоряда, искусственно разрывающего интонацию на отдельные моменты, она отображает динамику интонаций во всей жизненной актуальности. Таким образом, древнерусская теория есть уже не теория музыки, но теория богослужебного пения, и в этом заключается ее коренное отличие от всех прочих систем, управляющих звуковысотностью.

Все многообразие знамен русской крюковой письменности можно разделить на отдельные группы, исходя из количества ступеней, обозначаемых каждым отдельным знаменем.

Так, есть знамена, обозначающие одно ступание, есть знамена, обозначающие ходы вверх («горе»), есть знамена, обозначающие ходы вниз («долу»). Таким образом, отдельное знамя может обозначать как целые интонации, так и их фрагменты. Кроме того, знамена обозначают продолжительность звучания, динамику и способ исполнения. Особенно богата терминология, связанная со способом исполнения. Здесь можно встретить такие термины, как: «ступити», «поиграти», «подёрнути», «выгнути», «тряхнути», «гаркнуть», «покудрити», «вывертити» и мн. др., значение которых на сегодняшний день остается неясным. Все это позволяет понимать крюковое знамя как живую интонацию мелодизма, содержащую целый комплекс характеристик интонирования, способного существовать только в условиях живой устной традиции.

Отдельные знамена объединяются в группы знамен, или в графические формулы, за которыми стоят формулы мелодические, называемые попевками или «какизами». Если отдельные знамена обозначают интонации или их фрагменты, то попевки представляют собой законченные мелодические формулы. Попевки являются основой строительной формообразующей единицей богослужебного мелодизма. Древнерусский распевщик мыслил именно попевками, и мелодия каждого песнопения представляла собой комбинацию различных попевок. Каждый глас (а их восемь) обладал своим собственным набором попевок. Внутри гласа попевки делились на начальные, срединные и конечные. Количество попевок в гласе достигало и 70-ти и 80-ти. Это позволяло осуществлять выбор и приводило к значительному разнообразию мелодии в пределах одного гласа. Различные наборы гласовых попевок не только могли служить для различения гласа, но и являлись их объединяющим началом.

Особую область древнерусского мелодизма составляли лица и фиты – специальные графические начертания, скрывающие за собой обширные и развитые мелодические обороты. Специфика этих начертаний заключалась в том, что знамена теряли в них свое обычное певческое значение, превращаясь в некий род тайнописи, мелодический смысл которой мог быть усвоен только из устной практики. Это явление получило в древнерусской теории название «тайнозамкненности», означающее, что в лицах и фитах было тайно «замкненно» особое мелодическое содержание. В некоторых рукописях лица и фиты были определены еще как «сокровенные» или «мудрые строки», а также как «узлы».

В эти узлы как бы мелодии были завязаны, скрыты в оболочке тайнозамкненности. Духовный смысл тайнозамкненности заключался в том, что лица и фиты графически выражали состояние мистического восхищения, ибо фита есть как бы выход за пределы слов и понятий в свободное парение мелодии.

Таким образом, в последовательности графических единиц – знамя, попевка, лица и фиты – занимали высшую ступень, что обуславливало их употребление в самых ответственных и ключевых моментах песнопений.

На протяжении первых веков своего становления древнерусская теория существовала только как устное предание. Своеобразным типом музыкально-теоретического пособия, выработанного в Древней Руси, являются певческие азбуки, которые встречаются в отдельных сборниках XV–XVI вв.

Они весьма кратки, занимают всего 2–3 страницы книги рукописного текста. По содержанию это статьи свободного характера, в которых дан перечень музыкальных знаков с изображением их начертания. Но из этих знаков только 4 сохраняют свое греческое название: параклит, кулизма, хамила и фита.

Два знака получили название от созвучных им русских слов – крюк и паук (γ и а). Большинство же знаков получило новые русские наименования, происходящие от формы и начертания.

Так, византийский апостраф из-за его извилистости получил название змейцы – ξ, оксис ⁄, что буквально значит «острая», был назван стре-

лой; вария \, что значит «тяжелая», превратилась в палку; инос ψ стали называть сорочьей ножкой. Здесь сказалась свойственная русскому народу способность давать меткие, образные эпитеты и прозвища.

Но дело, конечно, не в одном переименовании византийских невм. Азбуки свидетельствуют об ином понимании самих музыкальных явлений. В этом отношении заслуживает внимание прежде всего подразделение знаков азбуки на разновидности, определяемые прилагательными: простой, мрачный, светлый и тресветлый. Такое разделение является показателем того, что в XV в. у мастеров пения уже сложилось представление о звукоряде как о сложном явлении.

Второе, что обращает на себя внимание в азбуках, это наличие комбинированных музыкальных знаков – например, статья с подчатием, статья с облачком, немка со стрелой, стрела громотресветлая, стрела мрачнокрижевая, стрела крыжевая с протягнённым облачком и т.д.

Сами по себе эти названия говорят о том, что здесь имеются в виду не отдельные звуки, а какие-то более сложные ходы голоса. Певцы отчетливо представляли себе те связи, в которых возникают эти обороты.

Итак, простейшим видом теоретического руководства на Руси являются азбуки – перечисления. Наиболее строгой формой таких азбук является та, при которой выдержан порядок изложения: сперва отдельные знамена, а затем фиты. Начинается азбука, как обычно, знаменем параклит. Это знамя не имеет разновидностей и не образует сочетаний с другими знаменами. Крюк – важнейшее знамя (отсюда название самой нотации – крюковая), имеет 4 вида – простой, мрачный, светлый и тресветлый. Еще большее разнообразие обнаруживают стрелы – простая светлая, громная, поводная, мрачная и поездная. После различных стрел идет статья, палка и др. знамена с их видами. Определяемые прилагательные имеют существенное значение для всех азбук, особенно беспометного времени.

Более развернутыми певческими азбуками являлись азбуки-толкования, в которых кроме начертания и названия знамен характеризовался также способ их исполнения.

Первым и обязательным знаменем, подлежащим объяснению, является крюк со всеми его разновидностями. Крюк простой – «возгласите его мало повыше строки». Крюк мрачный – «паки повыше простого». Крюк светлый – «мрачного повыше». Крюк тресветлый с сорочьей ногою – «вельми паки возгласити».

Но по таким толкованиям знамени не представляется возможнгым определить, какой интервал указывает слово «повыше». Очевидно, наибольшую высоту – «вельми паки возгласити» – следует понимать как напряженный подъем силы, яркости и высоты звука, как вершину всего ряда крюков, но не как увеличение интервала между крюком тресветлым с сорочьей ногою и предшествующим ему крюком тресветлым. Азбуки-толкования не являются точной расшифровкой музыкального значения знамен, а лишь приближают к этому значению. Например, в толкованиях говорится: «А со облачком стрела потянув опрокинути». Само токование «потянув опрокинути» означает потянуть звук, дать ему прозвучать, второй же звук спеть на более низком уровне. Здесь можно предположить и неодинаковую длительность звуков: второй звук короче первого.

Существовали также толкования по гласам, где речь идет не просто о распевах знамен, а о тех различиях в них, которые возникают в связи с их гласовой принадлежностью. Такие руководства назывались кокизники. Они представляли собой свод попевок – кокизов, расположенных по гласам так, что в начале излагались все попевки 1-го гласа, затем 2-го и так до 8-го гласа.

Кокизники насчитывали несколько сотен попевок. По такому же принципу были построены и фитники, появившиеся в конце XVI в. и содержащие разводы фит, т.е. расшифровку тайнозамкненных мелодий более мелким знаменем.

Введение на рубеже XVI–XVII вв. киноварных помет, по-другому заремб или шайдуровских помет (от Иоанна Шайдурова, которому приписывается их изобретение), а затем переводов знаменной нотации на 5-линейную позволяет установить музыкальное значение знаков азбуки. Киноварные пометы – это специальные значки, приписываемые красными чернилами впереди каждого знамени для обозначения точной высоты. За каждым звуковысотным уровнем определяется определенный музыкальный звук. За «строкой» – звук «ми», за «мало повыше» – «фа», За «паки повыше» – «соль» и т.п.

В результате звукоряд ступаний превратился в звукоряд ступеней, относительные уровни превратились в конкретные музыкальные звуки, и сам звукоряд стал церковным обиходным, со-

стоящим из 12-ти звуков, разделенных на 4 согласия: простое, мрачное, светлое и тресветлое.

Таким образом, музыкальные азбуки служили своего рода пособием по сольфеджио. По ним певцы укрепляли ощущения диатоники звукоряда, учились правильно интонировать, развивали память, приобретали элементарные навыки распева, т.е. создания новых мелодий по образцу фитных.

Основным мелодическим материалом, из которого слагались песнопения русской православной церкви от возникновения христианства на Руси и до середины XVII в., был знаменный распев.

Знаменный распев есть старейшая и исконнейшая форма русского богослужебного пения. Это совокупность одноголосных мелодий, используемых в русском церковном пении. Согласно церковным преданиям он был принесен из Византии вместе с христианством. Однако в настоящее время есть сомнения в справедливости подобного утверждения. Возникло много доводов в пользу того, что знаменный распев был широким художественным обобщением традиций восточно-славянского народного мелоса. Сравнение мелодий знаменного распева с образцами византийской музыки не обнаруживает существенного сходства, тогда как сравнение с русскими народными песнями говорит о совершенно очевидном родстве этих 2-х пластов русской музыкальной культуры – знаменного распева и народной песни.

Поводом для отождествления знаменного распева с византийской музыкой послужило разделение песнопений знаменного распева на 8 гласов, как в византийской церковной музыке.

Со временем введения христианства на Руси и до XVII в. знаменный распев претерпел немалую эволюцию. К сожалению, науке еще недоступна расшифровка записи церковных песнопений более ранних эпох – достоверней расшифровке поддаются образцы, начиная лишь с XVII в. Однако косвенные свидетельства позволяют утверждать, что мелодика песнопений не была строго фиксированной, и традиции церковного пения подразумевали известную импровизацию – вполне аналогично народно-песенному искусству.

Эта относительно свободная импровизационность исполнения и была одним из важнейших источников постепенного изменения и обогащения стиля знаменного распева на протяжении столетий.

В XVI–XVII вв. происходит особенно пышное «цветение» знаменного распева. Наряду с его старинным, традиционным видом появляются многочисленные распевы местного происхождения, связанные своим названием то с городом или монастырем (киевский, владимирский, новгородский, ярославский, киево-печерский), то с именем известного распевщика (Никодимов, Герасимовский, Баскаков, Опекалов, Кирилловский и др.), то со страной или национальностью (болгарский, греческий, сербский), а то и с техническим устройством распева (большой, малый, средний).

Далеко не все разновидности получили распространение. Только киевский, болгарский, греческий и малый распевы оказались художественно жизнеспособными и в свою очередь породили многочисленные варианты.

Однако мелодический стиль знаменного распева XVII в., при всем его многообразии, обладал вместе с тем определенным единством и строгими жанровыми границами. Мелодизм знаменного распева представляет собой результат строжайшего интонационно-ритмического отбора и отсева. Все телесное, двигательно-мускульное, остро характерное, изобразительное было отстранено, а это значит, что были отстранены песенная периодичность, танцевальная упругость, маршевая поступательность, и все то, что только могло вызвать телесно-мышечные ассоциации. Телесности песни, танца, шествия, т.е. телесности самого музыкального начала, была противопоставлена «духовность» распева, проявляющаяся в особом принципе интонационно-ритмической организации мелодии. Что же касается общего характера мелодического строя знаменного распева, то его можно определить как возвышенно-гимнический, торжественно-умилительный, радостно-сосредоточенный, просветленно-мужественный.

Рассмотрим мелодическую структуру знаменного распева. Ведущим началом был словесный текст – его общие размеры, число строк определяли и мелодическую структуру. Если в тексте выпадало или наоборот возникало какое-либо новое слово, то соответственно выпадала или вставлялась попевка в данное место мелодии. Однако определяющая роль словесного текста не шла дальше общего объема песнопения и числа его строк. Хотя каждой строке текста соответствовала мелодическая фраза, завершаемая кадансом, и расхождение между окончанием строки и окончанием мелодической фразы не возникало, выбор тех или иных конкрет-

ных попевок для мелодического оформления строк текста осуществлялся вне учета смыслового содержания слов.

Попевки представляли собой нейтральный в своей универсальности материал, их можно было использовать в любом порядке и в любой последовательности. Это становится возможным благодаря особой разомкнутости и раскрытости знаменных мелодических структур, что делает их проницательными друг для друга. Если музыкальные структуры тяготеют к замкнутости и закрытости, что делает произведения ограниченными, то любая знаменная структура, какой бы завершенной она не казалась, всегда будет являться лишь элементом структуры более высокого порядка, т.е. всегда будет разомкнутой и раскрытой. В мелодиях многих песнопений обнаруживаются общие принципы музыкального формообразования – повтора, варьирования, контраст, реприза точная, реприза измененная, а также структура типа дробления, суммирования, сопоставления с последующим объединением и т.д. Но все эти стройные, разнообразные структуры текучи и непостоянны.

Неизменным остается только мелодический контур опорных звуков – последовательность всех заключительных звуков в строках песнопения.

Обратимся к ладовому строению мелодий. Следует отметить, что всем гласам и вариантам знаменного распева свойствен один единственный звукоряд, отступления от которого делаются лишь в исключительных случаях. Этот звукоряд, именуемый «обиходным», состоит из квартовых тетрахордов.

Квартовое строение звукоряда отражает в себе очень характерные особенности ладовой структуры мелодий знаменного распева. Так, звуки, расположенные на расстоянии кварты ↑ и ↓, фактически обладают одинаковыми ладовыми функциями. Поэтому очень часто знаменные мелодии записывались то квартой выше, то ниже, т.к. транспонировка на кварту сохраняет ладовую структуру мелодий без изменения. Звуки же, расположенные на расстоянии октавы, различаются по своему ладовому значению. Например, если принять нижнее «ре» за тонику, то «ре» I окт. окажется II ступенью от тоники «до», а верхнее «ре» II будет служить вводным тоном к «ми ᵇ».

Вообще в звукоряде нет увеличенных интервалов, а есть только большие, малые, чистые и уменьшенные – тот круг диатонических интервалов, который отличается максимальным удобством именно для хорового интонирования. Диатонический по своей природе ладовый звукоряд заключает в себе хроматизм, но хроматизм «на расстоянии», в разных октавах. Таким образом, мелодии широкого диапазона, перемещаясь из одной октавы в другую, неизбежно создают модуляции. причем, мелодии знаменного распева аналогично мелодиям русских народных песен (где часто используется тот же звукоряд), в своем движении вверх модулируют в субдоминанту, возвращаясь же вниз, они образуют плагальное соотношение ладовых функций. Большинство мелодий знаменного распева строится на общем нисходящем движении и, следовательно плагальность является господствующим типом функциональных отношений. Отсюда ладовое родство знаменного распева с русской народной песней.

Кроме знаменной нотации, в Киевской Руси существовала еще особая, так называемая кондакарная нотация, которой соответствовал особый стиль пения. Кондакарная нотация представляет вид русской безлинейной нотации, сохранившейся в «кондакарях» XII и XIII вв., являющихся рукописными церковно-певческими книгами, главное содержание которых составляют церковные песнопения, носящие название «кондаков». По поводу происхождения кондакарной нотации высказывались самые различные мнения. А.В. Преображенский считал ее, как и знаменную, византийской по происхождению. Разницу он усматривал в том, что знаменная нотация предназначалась для напевов псалмодийного характера. Кондакарная же была связана со сложным, мелизматическим пением. С.В. Смоленский считал кондакарное знамя «совершенно не имеющим сходства с греческими знаменами». Советский музыковед В.М. Беляев высказал мнение о кондакарной нотации как об оригинальном русском виде нотного письма.

Кондакарная нотация, как и ранние образцы знаменного письма, не поддается расшифровке. Однако последователями памятников кондакарной нотации сделан ряд наблюдений над ее особенностями.

1. Кондакарное пение осмогласно, как и знаменное пение, оно основано на смене попевок законченных и повторяющихся мелодических построений (Разумовский).

2. Оно имеет свою собственную нотацию, совершенно не сходную по начертанию знаков

с греческой, но обнаруживает сходство с греческой и болгарской системами наличием в нем «разделительных указаний» между попевками и вставок в текст не относящихся к нему слогов (Смоленский). К этим слогам относились нёбные и гортанные звуки на, не, ни, хи-хи, хо-хо, хе-ву-е. Нёбные звуки получили название «аненбек», гортанные – «хабув». А.В. Преображенский полагал, что они представляют собой «остаток старого мелизматического греческого пения, в котором при повторении слоговых гласных звуков в мелодической фразе для устранения зияния вставлялись разного рода согласные звуки и преимущественно звук «н».

В Киевской Руси кондакарное пение не было так широко распространено, как знаменное. Об этом говорит небольшое число сохранившихся памятников – всего 5.

В то время, как количество знаменных рукописей с каждым столетием все возрастает, кондакарное письмо и пение, с его вычурной мелизматикой, чуждыми русскому пению приемами звукоподачи в виде аненаек и хабув, порой искажающими, если не обезображивающими язык песнопений, лишенное спокойной и величавой певучести, свойственной русской народной музыке, оказалось не по вкусу нашим предкам.

Путный или путевой распев возник из переработки напевов знаменного распева при использовании их в качестве главного голоса в произведениях т.н. строчного многоголосия. Этот голос носил название «путь» и был средним голосом в троестрочных произведениях. Термин «путь» появляется в памятниках певческого искусства со времени Ивана Грозного. Из всех распевов путевой наиболее тесно связан со знаменным распевом, ибо он представляет собой усложненный вариант знаменной попевки. Усложнение осуществлялось за счет увеличения количества нот, образующих попевку и усложнения ритмического рисунка. Для путевой ритмики было характерно сочетание синкопированных мелких длительностей с долгими, выдержанными нотами, что создавало впечатление особой и возвышенной торжественности. Именно эти качества обеспечили путевому распеву место в богослужениях почти всех Великих и особо значимых праздников.

Изначально, в момент своего возникновения путевой распев не имел собственной письменной системы и записывался при помощи знаменной нотации, в результате чего в рукописях XV в. весьма затруднительно выделить песнопения путевые из общей массы песнопений знаменных. К середине XVI в. начинает складываться собственно путевая нотация, состоящая как из совершенно самостоятельных знаков, так и из видоизмененной знаменной нотации.

К началу XVII в. появляются впервые путевые азбуки, входящие в состав знаменных азбук, а несколько позже – путевые кокидники и фитники, содержащие разворот фит. Подобно знаменному распеву путевой распев имел жесткую попевочную структуру, включающую в себя не только попевки, или кокизы, но и фиты. Путевые попевки и фиты образовали свою путевую систему осмогласия. Мелодическое развитие между путевыми гласами было выражено в гораздо меньшей степени, чем мелодическое различие между гласами знаменной системы осмогласия. Это объяснялось гораздо более высокой степенью индивидуализации путевой мелодики в целом, что препятствовало дальнейшей мелодической индивидуализации восьми путевых гласов.

Путевой распев со стороны ладо-интонационного строения в какой-то степени отличался от знаменного, поэтому и была изображена особая путевая нотация. Знаменательно, что в строчном пении путевой голос записывался не путевой, а обычной знаменной нотацией. Композиционной основой путевого пения является повторное изложение мелодии с использованием различных терцовых и квартовых ладов.

Импульс развития мелодической горизонтали заключается в постоянной смене движения, то устремленного в область светлого согласия (средний регистр), то нисходящего в мрачное (низкий регистр), и в кадансировании строк на различных тонах звукоряда. Если для знаменного распева характерно кадансирование мелодических строк посредством окончания их целыми нотами, то в путевом распеве это прием встречается только как исключение.

Таким образом, к главным чертам путевого распева относятся: подчиненность системе осмогласия, создание мелодики на основе его попевок, широкое применение синкоп. Путевой распев с середины XVI в. до середины XVII в. считается вершиной знаменного пения.

Самое раннее летописное упоминание о демественном распеве можно найти под 1441 г. Однако пока еще затруднительно говорить о на-

чальных формах демественного пения, т.к. в XV в. не была еще выработана специальная демественная нотация и демественные песнопения записывались при помощи знаменной нотации. Главной особенностью демественной нотации, сложившейся к сер. XVI в., является «образование обширного числа начертаний из ограниченного круга основных графических элементов», – так считает крупный знаток демественного пения Б.А. Шиндин. Создатели демественной нотации не изобретали нечто совершенно новое, а основывались на знакомых начертаниях обычного столпового знамени, комбинируя их различным, порой довольно хитроумным способом.

В демественном пении сохраняется попевочная структура, но границы попевок становятся гораздо более зыбкими и подвижными. Особой, отличительной чертой демественного пения является его неподчиненность системе осмогласия, и в этом отношении демество можно рассматривать как дальнейшее развитие знаменного внегласового пения («Херувимская», «Милость мира» и др.).

Демественное пение отличалось большей, даже по сравнению с путевым распевом, остротой характерности мелодического рисунка, отличающегося широтой распева, обилием мелизматических украшений, своеобразием ритмики, тяготеющей к пунктирным фигурам, возникающим в результате употребления т.н. «оттяжек». Все это придавало мелодизму демественного распева особо праздничный и пышный характер, отчего в письменных памятниках того времени демественное пение именовалось «красным», т.е. красивым, роскошным.

Став одним из наиболее употребительных и любимых праздничных распевов в XVI–XVII вв., демественный распев активно переводился на линейную нотацию в к. XVII в.

Однако в XVIII в. подобно путевому распеву, демественный распев начинает выходить из употребления в богослужениях Русской Православной Церкви.

Говоря о древнерусских распевах, невозможно не коснуться строчного пения – одного из самых таинственных и на сегодняшний день наименее изученных явлений. Его необычность и своеобразие порой заставляли исследователей сомневаться в самом его существовании. Один из зачинателей русской медиевистики князь В.Ф. Одоевский писал об этом пении следующее: «Между ними (голосами) нет никакого гармонического сопряжения: здесь явно партии все отдельные; никакое человеческое ухо не может вынести ряда секунд, что здесь на каждом шагу». А между тем, строчное пение было крайне любимо, почитаемо и ценимо русскими людьми в XVI–XVII вв.

Если на Западе многоголосие возникало в результате присоединения к богослужебному напеву некоего постороннего голоса или голосов (контрапунктическая полифония) или же подчинения богослужебной мелодии цепи аккордов, имеющих свою логику развития (гомофонно-гармонический склад), то на Руси в строчном пении богослужебный напев как бы обрастал подголосками, образуя подголосочное многоголосие.

Именно отсюда возникает тесное расположение голосов и обилие секундовых созвучий.

Очевидно, изначально многоголосное исполнение богослужебных песнопений было чисто устной традицией, и певчие выстраивали свои подголоски по известным им правилам, прибавляя их к богослужебной мелодии, записанной в той или иной певческой книге. Об этом говорят особые написания «низ» и «захват верхом» встречающиеся в некоторых рукописях середины XVI в. В местах этих написаний происходило или подключение голосов, или какое-то изменение в их рисунке. Но характерно, что с появлением строчных партитур надписания «низ» и «захват верхом» превратились в конкретные записываемые голоса, называемые «верх» и «низ». Эти голоса находились сверху и снизу основного голоса, называемого «путь» и образовывали многоголосную ткань, получившую название «троестрочия» по трем строкам строчной партитуры. Партитура писалась в 2 цвета: нижняя строка и верхняя – черная, средняя – красная.

Основную массу строчных партитур можно разделить на две категории в зависимости от способа их написания: партитуры, записываемые демественной и отчасти путевой нотацией и партитуры, записываемые знаменной нотацией. Отсюда название – «демественное строчное пение». Демественное строчное пение есть наиболее древний, исконно русский и самобытный вид многоголосия, в то время как знаменное строчное пение – более поздний и менее самостоятельный вид многоголосия, носящий в себе явные черты западного влияния. Демественное строчное пение, в отличие от знаменного, представлено значительным количеством строчных партитур как крюковых, так и нотолинейных, что

свидетельствует о сильной и устойчивой традиции этого пения.

Основой и формообразующей пружиной демественного строчного пения является средний голос – путь, целиком и полностью построенный на попевках путевого распева.

Каждой конкретной путевой попевке соответствовала определенная мелодическая формула «верха» и «низа». Эти формулы вместе с относящейся к ним путевой попевкой и образовали попевочный многоголосный «блок», т.е. вертикаль.

Каждая пара голосов троестрочного сложения – путь и низ, путь и верх – могла исполняться отдельно и самостоятельно: «в полскока», «в полскока путем да низом» и «в полскока путем да верхом».

Первый вид исполнения был распространен очень широко, второй же употреблялся лишь изредка. Из этого можно сделать вывод, что в основе трехголосного склада лежало двухголосие его нижних голосов, появившееся ранее трехголосия.

К трем голосам троестрочия сверху иногда добавлялся 4-й голос, называемый «демеством», в результате чего образовалось четырехголосие.

Названия хоровых голосов определялось наложением той или иной мелодии в партитуре и ее значением в хоре: «путники», «вершники», «нижники» и «демественники».

Основной контингент певцов древнерусских церковных хоров составляли мужчины, поэтому партитуры писались применительно к составу мужских голосов. Высокий регистр тенорового голоса оставался неиспользованным. Зато басы, обладавшие звуками всей большой октавы и частично контр. октавы, пели «низ» октавой ниже написанного.

Для малых певцов или «недоростков» (детских голосов) особых партий не писали. Они пели то же самое октавой выше написанного. Партии отдельных голосов строчной партитуры ограничивались объемом 5 или 6 и редко достигали октавы.

Гармоническая природа вертикали строчного демества лишена тонико-доминантных функциональных тяготений, что придает ей характер статичности и монолитности. Начинаясь с унисона всех голосов, строчная ткань как бы расслаивается, расщепляется в некие многослойные созвучия. Низ идет в основном или в унисон, или же в 4 (кварту) с главным путевым голосом. Лишь в редких случаях он перекрещивается с ним. Верх идет или в секунду с главным голосом, образуя при этом полные кварто-квинтовые созвучия, или же движется в 4 (кварту) с ним, образуя двух-квартовые и кварто-септимовые созвучия. Образующееся при этом общее гармоническое звучание поражает мощью и величавостью. Особая обертоновая наполненность этой вертикали напоминает колокольный звон.

В знаменном строчном пении преобладала консонантная терцовая структура аккордов, проявляющая себя в длинных цепях параллельных трезвучий. В то же время начинают выявляться функциональные тяготения и тонико-доминантовые отношения. В знаменном троестрочии полностью отсутствовал попевочный материал. Песнопение могло представлять собой вообще некую свободную композицию, не связанную ни с какими одноголосными источниками. Таким образом, знаменное троестрочие является переходом от русского многоголосного мышления к мышлению партесного пения.

Библиографический список

1. *Беляков В.М.* Древнерусская музыкальная письменность. – М.: Советский композитор, 1962.

2. *Бражников М.В.* Древнерусская теория музыки. – Л.: Музыка, 1972.

3. *Бражников М.В.* Статьи о древнерусской музыке. – Л.: Музыка, 1975.

4. *Бражников М.В.* Лица и фиты знаменного распева. – Л.: Музыка, 1984.

5. *Герасимова-Персидская А.* Партесный концерт в истории музыкальной культуры. – М., 1983.

6. *Мартынов В.И.* История богослужебного пения. – М.: Прогресс-традиция: «Русский путь», 1994.

7. *Скребков С.С.* Русская хоровая музыка XVII – начала XVIII вв. – М.: Музыка, 1969.

8. *Протопопов В.Л.* Значение партесного стиля в истории русской музыки // Советская музыка. – № 1. – М.: Советский композитор, 1991.

9. *Успенский Н.Д.* Древнерусское певческое искусство. 2-е изд. – М.: Советский композитор, 1971.

10. *Чайковский М.* Письма П.И. Чайковского и С.И. Танеева. – Музыкальное издательство «П. Юргенсон, Нотопечатня в Москве», 1893.

11. Музыкально-энциклопедический словарь. – Церковная музыка. – Советская энциклопедия, 1982.

Г. В. Красильников

«И У МЕНЯ ЕСТЬ СЕРДЦЕ» (ГИМНАЗИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК Л.Н. ТРЕФОЛЕВА)

О жизни и творчестве поэта-демократа Л.Н. Трефолева написано достаточно много, а в архивах сделано немало разысканий[1]. Однако в биографии его до сих пор имеются лакуны. К их числу можно отнести гимназический период в жизни поэта. Из автобиографии Леонида Николаевича нам известен только тот факт, что в Ярославской гимназии он не имел склонности к математическим наукам, «зато страстно любил русскую литературу, историю и естественные науки…»[2]. Да еще в письме к Н.А. Лейкину по прошествии многих лет после окончания учебы в гимназии поэт с юмором вспоминал учителя французского языка К.К. Турне[3].

Дневник ученика 6 класса Ярославской гимназии пятнадцатилетнего Леонида Трефолева охватывает события с 24 декабря 1854 года по 17 июня 1855[4]. Записи юноша вел ежедневно, за исключением двух дней: 28 и 29 декабря. В эти дни он не обнаружил «ничего замечательного» (3 об.). Ведению дневника поэт придавал большое значение, о чем свидетельствует тот факт, что он скрупулезно подсчитал в нем строки за январь, февраль и март: 1078 (20 об.), 611 (30 об.) и 863 (42 об.). Дневник озаглавлен «Мои записки за 1855 год», хотя автор начинает фиксировать события с Рождества 1854 года. Записи сделаны ровным почерком, почти без помарок.

«Записки» поэта хорошо продуманы и завершены, в них нет ничего случайного. Открываются они такими словами: «Нет ничего скучнее дневника, заметил кто-то. Положим так, но я все-таки пишу свой дневник, – пишу и думаю: к чему, в самом деле, послужат эти строки?.. Неужели они могут быть занимательными для кого-нибудь, даже для самого меня?.. Не знаю… Вероятно, нет… Но все-таки пишу, с меня довольно и этого… Итак, к делу, Леонид Николаевич, к делу!..» (1).

Во время полугодичного ведения дневника Л.Н. Трефолев несколько раз сомневался в целесообразности и необходимости своего труда (37). Однажды произнес: «Вот уже прошло слишком 3 месяца, как я начал вести свои записки, правда, очень скучные и неинтересные, – но что же делать? Я живу в атмосфере обыкновенностей, – а не чрезвычайностей» (42). Дневник поэт явно хотел впоследствии опубликовать, о чем свидетельствует в конце его «примечание и обращение к читателям»: «Вот первая часть моих записок, любезный читатель! Они, сознаюсь, нелюбопытны до крайности; но что же делать? – Происшествия моей жизни так мелки, так ничтожны, что из них нельзя выявить чего-нибудь порядочного. Для меня же они не так-то маловажны, потому что перо мое тут говорило истину. А истина – главное условие человеческой жизни» (84 об.). Дневники Л.Н. Трефолев вел и в зрелом возрасте, но все они не сохранились[5], за исключением одного листа[6]. Материалы гимназического дневника поэта публикуются впервые.

В дневнике Леонида Трефолева находим описания различных сцен из школьной жизни (уроки, экзамены). Широко представлены в нем характеристики педагогов Ярославской гимназии. Учитель Турне и здесь представлен в карикатурном виде. Вот, к примеру, запись от 20 января: «У нас в гимназии холод ужаснейший… Какие счастливцы, эти ученики других классов! Они не дрожат, подобно нам – беднякам, их лица не синеют от холода, а наши частенько изменяют свой натуральный вид… Сами учителя жалуются на это… Особенно Турне…Француз сегодня весь класс дрожал от стужи, а на слова учеников: «Как здесь холодно!», – отвечал: «Ме, полноте, как вам не стыдно! Ме, вы русски капитан, а жалюйся, что нет сила сидеть…». Толкуй себе, толстопузая особа!..» (13).

К личности педагога Трефолев подходил с очень строгими мерками. Так, например, всеобщего любимца ярославских гимназистов законоучителя Иллариона Тихомирова[7] будущий поэт упрекнул в поверхностных политических суждениях (32), а также в атеизме, который не пристало, по мнению Трефолева, пропагандировать особе духовного звания. «Впрочем, тут мало удивительного: сказал же Илларион однажды в церкви: Душечка, Иисус Христос! Историческая фигура, достойная Демосфена и Цицерона», – так завершил свой рассказ о священнике поэт (32 об.). В другом фрагменте дневника Трефолев воспроизвел фривольный анекдот, рассказанный законоучителем, о женщине, которая, об-

© Г. В. Красильников, 2006

манув кардиналов, стала папой (53 об.–54). «Рассказ кончен, – пишет Трефолев. – Не правда ли он хорош и оригинален? Так-то, так, – да священнику неприлично говорить подобные соблазнительные вещи…» (54).

Что же касается до самого Тихомирова, то он Трефолева «восхвалял», что ему показалось «невероятным» (47 об.), а на экзамене поставил ему «пятерку», наивысший балл в это время в гимназии (52 об.). По достоинству оценивал литературные способности Леонида Николаевича и учитель словесности И.И. Рогозинников. «Мое сочинение, – писал поэт, – удостоил особенною похвалою Рогозинников… И чего он тут не наговорил: и изящное-то оно, и написано-то слогом хорошим; просто целый ряд одобрений. Это мне нравится, и я вперед постараюсь написать сочинение получше, чем «О святках, в отношении к Русскому народу» (28 об.).

В дневнике Л.Н. Трефолев запечатлел также наказания, которым подвергались гимназисты. Так, например, за прогулы и другие проступки инспектор поставил однажды перед классом на колени троих учеников. «О, ужас! – пишет Трефолев, – Асафов, цвет нашего 6-ого класса, без прекословий опустился на колени – и пред кем же? Пред Г. Ив.[8] Будь я на его месте – ни за что бы не встал, что со мной и случилось месяцов 5 назад: на меня пожаловался надзиратель инспектору; тот велел мне стать в это позорное положение, – я отказался и как не кричал Г. Ив. – я остался непреклонным. – Он велел выдти вон из класса, потом сам же через минуту отпустил назад, сказав: «Я на вас надеюсь; идите!». Так вот что у нас поделывается в благословенном заведении! Стыд и срам!» (49). Примечательно, что умение сохранить чувство собственного достоинства после «разносов» со стороны начальства Трефолев неоднократно проявлял и в зрелом возрасте[9].

Внешкольная жизнь учащихся также широко представлена на страницах дневника: церковные службы (1 об., 39), балы (2 об., 6 об.–7, 14–14 об.), маскарад (3 об.), театр (3 об.–4), цирковое представление Ляпина (79 об.–80). Это также катания на лодках (39), рыбная ловля (65 об.), купания в прудах, на Волге (60–62, 78 об.–79 об.), походы в Тверицы (48, 62), к Леонтьевскому кладбищу (51). Встречаем в дневнике названия карточных игр: «в дурачка» (13), «в домик» (19 об.), «в суматоху» (22), в преферанс (40 об.). Дружеские пирушки поэт неизменно осуждал и рассказывал о них с юмором. Особенно забавен эпизод, когда изрядно выпивший знакомый его Медведев обратился к «сонмищу» собак, окруживших его, на французском языке (6).

С юмором и незаурядным мастерством рассказчика зафиксировал в дневнике Л.Н. Трефолев и другие «происшествия» из жизни учащихся. Вот, к примеру, один из таких рассказов, слегка стилизованный под старинный слог: «1855 года, Майя, 16-го дня случился следующий юмористический анекдот. Дмитрий Александров, сын Борисоглебский, по наущению ученика 6-го класса Леонида Трефолева засел в шкафу, в беседке, подслушивать разговоры неких благородных дев… План был устроен удачно, но непокорная, немилостивая судьба все перековеркала и дело не удалось, потому что в беседку пришли не те, которых мы ожидали, а сама хозяйка нашего Богоспасаемого дома, в сопровождении блестящей свиты – попов, попадей, тетушек, братцев и, наконец, папеньки… Взошли; уселись на диван; вдруг Бегунова – глядь: стакан!.. «Как он сюда попал?» – спросила она и хотела поставить его в шкаф, – отворила дверь… Вдруг, оттуда явился обототень… Вру, не оборотень, а сам, своею персоною – Д.А. Борисоглебский! – Все: «ах!», а он скорей драло!» (66 об.).

Одно из «происшествий» гимназической жизни Леонид Трефолев передал в стихах:

В перемену убежал,
Единицы я боялся…
Целый час тетрадь писал,
Целый день – с Крючком[10] ругался…
А потом под вечерок,
Бегал я и видел *штуку*:
Плут фельдфебель в зубы *кок* –
Испытали службы муку.
Дальше… Дальше – лег я спать
И предался сладким грезам…
Гадко (так дневник писать)
Наваляю лучше в прозе! (54 об.)

В гимназии Л.Н. Трефолев очень много читал, что подтверждается записями в дневнике. «Кстати, – писал он, – я нынче не читаю, а просто пожираю книги!» (35). Среди прочитанных книг в дневнике находим сочинения как отечественных авторов: А.А. Бестужева-Марлинского (3 об., 11, 19), Н.В. Кукольника (8 об.), И.И. Лажечникова (8, 37), Д.Т. Ленского (23 об.), Н.А. Полевого (21 об.), Е.П. Ростопчиной (37) и др., так и зарубежных: Ч. Диккенса (19, 21), А. Дюма (50), В. Скотта (34 об.), Э. Сю (34 об.)

и др. Некоторым произведениям гимназист давал сжатые или развернутые характеристики. Так, например, сочинения Марлинского, по его мнению, «довольно скучны и притом неестественно рассказаны» (3 об.). Роман П. Феваля «Королевские фанфароны» «довольно занимателен» (1 об.). «Записки доктора» писателя Гаррисона[11] Трефолев также находит занимательными, отмечая при этом, что «автор глубоко знал струны сердца человеческого, что у изголовья страдальцев он вполне изведал порывы страстей, не оставляющих человека и пред самой могилой!» (6 об.).

Из зарубежной классики Трефолев особенно предпочитал произведения Диккенса: «Что ни говори, а он прекраснейший романист, из малой вещи состроит такую историю, что на-поди!.. А это не шутка. Не трудно на обширном полотне набросать миниатюрную картину, но на малом листе изобразить многое – дело, могущее исполнится только человеком с умом (19 об.). Из произведений Диккенса особой похвалы Трефолев удостоил роман «Посмертные записки Пиквикского клуба»: «Я от него в восторге, – писал поэт, – С этого времени я решительно отдаю преимущество Английским романам пред Французскими; в последних все как-то напыщенно, неестественно; но писатели Английские дают своим произведениям новый, совершенно противуположный колорит. Семейная жизнь – вот их настоящая цель, предмет их рассказов! Нельзя без смеха читать замеч<ательные> «Записки Пиквик<ского> клуба» – и точно: я хохотал, смеялся от души, – а это дело немаловажное» (21).

Однако по сравнению с немецкими авторами и французские писатели, по мнению Трефолева, «истинные романисты»: «Эти Немцы не большие мастера писать романы; их дело – философия, история, поэзия… А в отношении к повестям, они, пожалуй, уступят Русским. Французы – это истинные романисты… Таланты Дюма, Сю, Бальзака, Моро и др. доказывают это. Взять, например, «Парижские тайны». Их можно прочесть с наслаждением; взять теперь же – «Берлинские тайны»; <…> и скучны; и нелепы и при том, не что иное, как подражание произведению Евгения Сю. Есть еще тайны Лондонские, Брюссельские и пр… – все глупо, очень глупо! Нет тайн Ярославских. А от чего бы не написать? Неужели Ярославль такой город, в котором нет своего рода Шуринеров, Сов, Родольфов? Попробую!.. Авось что-нибудь и скропаю (65 об.). Впоследствии Леонид Трефолев переменил свою точку зрения, отметив в «Берлинских тайнах» «простоту выражений и оригинальность мысли» (72).

Но самые восторженные отзывы в дневнике Трефолева высказаны в адрес некрасовского журнала «Современник» и романа Н.А. Некрасова и А.Я. Панаевой «Три страны света» (33, 34 об.–35, 82). Этому роману он даже отдавал предпочтение по сравнению с романом В. Скотта «Айвенго» (34 об.). По поводу покупки журнала сообщал: «Я самый счастливейший смертный: у меня бездна книг, книг хороших, а именно – «Современник», за 1849 год… Сколько тут прекрасного, умного!.. Положим, что и цена хороша: 5 руб. сер., но как бы то ни было – я не в проигрыше: один роман «Три страны света», помещенный тут, стоит половины этих денег. – Читай – не хочу… Веселись теперь, Леонид Николаевич! Долго не будешь ты заимствоваться у других в книгах: своих много… Одних романов четыре, повестей – 11-ть; многое множество рассказов. Я поэтому и ни ходил никуда, что остался дома читать книги» (33). Приобретал гимназист и другие журналы, но предпочтение все-таки отдавал «Современнику»: «…мы отправились на рынок, долго шатались по-пустому – наконец я купил – «Библиотеку для чтения», за 1853 год, 6 №-ов… Дал полтора рубли сер. – Не знаю – хороша ли моя покупка, думаю, что не слишком дурна, хотя не может стать на ряду с “Современником”» (35).

Некоторые эпизоды из романа «Три страны света» Л.Н. Трефолев соотносил с реальными лицами и событиями. Вот, например, запись от 24 апреля: «Рыжий, да красный – самый человек опасный», – замечает в своем дневнике один из действующих лиц в романе «Три страны света»; по-моему, это не совсем правда: человек, имеющий огненные волосы, может быть терпим в обществе, – то человек, у которого настолько в наличности нахальства, сколько глупостей в голове, всегда заслужит название существа, до крайности несносного. Под это правило подходит г-н Левинский…» (55 об.). Под «действующим лицом» романа Трефолев подразумевал петербургского домовладельца А.П. Доможирова, супруга которого обладала огненно-рыжей прической, – в ее адрес и были обращены слова героя[12].

Романы, повести, альманахи, журналы, газеты поступали к Л.Н. Трефолеву почти ежеднев-

но от друзей-гимназистов, от знакомых, от родственников в обмен на его книги. В дневнике фигурирует около десяти лиц, регулярно снабжавших будущего поэта самой разнообразной литературой: от классики до макулатурных изданий. Особенно много приносил книг ему Николай Аквилев, сын священника. Между ними даже было заключено соглашение, которое Трефолев переписал в дневник: «1855 г. месяца июня, 12 числа. Я, нижеподписавшийся, обязуюсь приносить Леониду Трефолеву каждый день книгу из сочинений литературных или ученых, от 1-го августа до 1-го сентября. В чем и подписуюсь. Аквилев. В случае неустойки он, Леонид Трефолев, может наплевать мне в харю торжественно. Свидетель – Н. Цветков. Свидетель: Дмитрий Александров, сын Борисоглебский» (83 об.–84). Последние строки «соглашения», по нашему предположению, были явно приписаны друзьями поэта. Среди ярославцев книги разыгрывались в лотерею (29), приобретались на рынках, особенно во время ярмарок (31 об., 32 об., 35), и даже ставились на кон во время азартных игр в гимназии (36). Потеря или невозвращение вовремя владельцу чужой книги считались серьезными проступками.

Чтение художественных произведений в немалой степени способствовало тому, что гимназисты и сами начали создавать свои произведения. Леонид Трефолев предполагал с 1 января 1855 года издавать свой журнал. «Сотрудники; – писал он, – я, Цветков, Медведев, Митя[13]…» (2 об.). Эта весть быстро распространилась по городу, и один из семинарских профессоров изъявил даже желание подписаться на журнал (8 об.). И хотя редакторский портфель Трефолева пополнялся сочинениями своих сотрудников, издание это в свет так и не вышло. Сам же поэт написал в это время «Рассказы моей покойной тетки» (21 об.) и повесть «Две сестры» (37). К повести он отнесся весьма критично: «Боже мой! И я попал в цех литераторов; только полагаю, за мои произведения Аполлон велел бы меня высечь розгами, так хороши и оригинальны они…» (37). Писал также гимназист-Трефолев «стихи на случай»: сатиры на своих товарищей, любивших «амуриться» с «бобылочками» (51 об.), а также с «нимфами» и «доморощенными сильфидами» из магазина мадам Бегуновой (47 об.–48). По поводу барышень, особенно благоволившим monseigneur Казанцеву, «мущине лет 25-ти» (80), он создал сатиру «Бык и коровы»:

…Повадился по ночам
Ходить бык к коровам;
Он красив собою сам
Да притом – здоровый!
Этого пастух не знал,
А то б задал гонку;
Все б рога переломал
Своим коровенкам.
И коровы не просты:
Смирно днем гуляют;
Только ночью ух хвосты
К верху поднимают.

Последнее четверостишие, по замыслу автора, имело варианты:

Больше всех он возлюбил
Двух прекрасных телок;
С ними игры заводил,
Когда вечер долог.

Или:

…Их пленил бычок злодей…
Пламенем сгорая,
Сколько он провел ночей,
Посреди сарая!.. (78)

Миру «глубочайшего разврата» (34 об.) Леонид Трефолев противопоставляет мир идеальной любви, выражая на страницах дневника свои чувства к кузине Ю.А. Борисоглебской в лучших традициях сентиментальной литературы: «Часто я спрашивал и спрашиваю сам себя и теперь: отчего так сильна моя привязанность к этой девушке?.. Отчего мое сердце полно к ней невыразимой нежности?.. Прекрасное всегда всех привлекает к себе, а она прекрасна, в полном смысле этого слова, – вот ответ на мои вопросы! И с этим добрым, милым существом я должен расстаться?.. Как печалит меня эта разлука – не могу вполне высказать… Да и к чему это послужит?.. Кто узнает об этом?.. Нет, лучше замолчать!..» (9 об.); «…скука, смертельная скука. Одно развлечение – читать книги. Нет, забыл, есть еще одна отрада: мечтать… Да, мечтать! – а о ком же? О ней, о моей милой, доброй, прелестной Юлии. Часто, очень часто прибегаю я к этому спасительному средству – и мне становится гораздо легче. Ах! Зачем я не птичка Божия? Зачем не имею я крыльев? Полетел бы я, полетел бы к ней, моей очаровательнице; сказал бы: Боже! Как я люблю тебя, моя Юлия! Люблю чисто, беспредельно, свято… Но… Но пора кончить. Сентиментальность не уместна» (20). Разлуку с Юлией Александровной, которую мать увезла в Мышкин, Трефолев переживал особенно тяжело. Позднее они стали переписываться и об-

мениваться подарками. Поэт на ее просьбу выслать ей книги решил: «Я думаю – послать в Мышкин мой «Современник»… Пускай читает его Юлья Александровна, пускай ее миленькие ручки перелистывают страницы моего журнала» (82).

О самом Мышкине и жизни своей возлюбленной в этом городе Л.Н. Трефолев получал сведения от ее брата Дмитрия Александровича: «Д.А. приехал из Мышкина. Он привез нам денег и все рассказывал о своем Мышкинском житье-бытье. У них квартира состоит из 6-ти комнат. Угар бывает почти ежедневно. У Юльи Александровны являются на голове странные украшения, – как жаль! Да что же делать? Авось со временем все поправится!… Вообще Д.А. отзывается о своем граде не очень ласково и не хочет ехать на Святую неделю к своим родным» (26).

Не только любовным переживаниям, но и семейно-родственным отношениям в дневнике поэта уделено немало места. Это сведения о «маменьке» Клавдии Петровне (6, 10 об., 32, 35 об.–36, 67 об.); сестре Наде (3 об.–4, 6, 53); бабушке Федосье Ивановне, проживавшей в Любиме и приходившей иногда в Ярославль пешком (16 об., 24 об., 67 об.); «тетеньке» Катерине Петровне Борисоглебской (6–9 об.); покойном «дядюшке» Александре Петровиче, который «имел поэтический дар» (40 об.); еще одном «дядюшке» Константине Петровиче, умершем в Петрозаводске (32 об.); няне Прасковье Ивановне (8, 29 об–30, 31 об.), состоявшей в замужестве за поляком Будинским, – у него поэт учился польскому языку, проявив при этом «некоторые успехи» (11). Особой теплотой и грустью пронизаны строки Трефолева о покойном отце Николае Дмитриевиче (35 об., 62 об.–63). Это и описание семейных праздников: встреча Нового года (6), «маменькины» именины (35 об.–36), обмен шутливыми подарками с соседями во время масленицы (20 об.), первоапрельские розыгрыши (43) и т.д.

Из дневника Трефолева нам косвенно удалось выяснить фамилию матери поэта до замужества – Маякова (67 об.). Именно эту фамилию поэт выберет позднее в качестве псевдонима и подпишется им под статьей и стихотворением, посвященным кончине Н.А. Некрасова в «Русской газете» (1878, 11 января)[14].

С особым чувством вспоминал Л.Н. Трефолев свой родной городок Любим; в котором, по его мнению, в «сто раз веселее», чем в Ярославле (60). Порывался однажды уехать в него «кутить» (34 об.). Порыбачив в Ярославле, заметил: «Здесь много рыбы нельзя поймать; в Любиме – иная статья; – там – всего вдоволь…» (65 об.). О своей малой родине поэт написал такие строки:

Вот опять я дома,
В городе родном;
Все мне здесь знакомо:
Знаю каждый дом.
Нет здесь перемены
Ровно никакой, –
Та же по колено
Грязь на мостовой…(60)

Возлагал поэт также надежды на нового любимского градоначальника, обратившего «все свое внимание на чистоту и опрятность улиц города» и заставившего обывателей «заботиться о порядке» (55). «…Теперь в городе не увидишь бродящей коровы – за это штраф! Что хорошо – то хорошо…», – констатировал Трефолев (55). В другом месте дневника замечал, что для местных жителей «ласка – вещь пустая; они только и боятся – строгости, принуждения» (81). Примечательно, что завершается дневник описанием летнего приезда Леонида Трефолева в Любим (84 об.).

События, происходившие в России, также нашли отражение в дневнике Трефолева. Смерть Николая I произвела в нем и в горожанах сильное потрясение: «Грустное событие записываю я в свой дневник: *Николая* не стало он умер… Еще вчера вечером прискакал *курьер* с этим горьким для России известием. У нас в Гимназии ученья не было… Да и до ученья ли теперь: все как-то особенно печальны, всяк чувствует всю величину потери…, Николая не стало – и что будет с нашим отечеством – не известно!» (29). Однако через месяц после кончины императора гимназист уже не так остро воспринимал его смерть и даже, прочитав подборку статей о его болезни и кончине в «Петербургских ведомостях», заметил: «…Умер Николай – и пошло писать; а скончайся Леонид – ни гу-гу…» (42 об.).

Много места уделено в дневнике событиям Крымской войны. «Ходят слухи, – писал Трефолев 22 января, – что Г. Попечитель Москов. Учеб. округа сказал ученикам 1 и 2-ой Гимназий: «Государь надеется видеть учеников 7-го и 6-го класса в рядах своей армии…» Что, как и нам тоже скажут?… Ура!.. Славно будет тогда! Авось из меня также выйдет солдат» (15). А 19 февраля гимназист в дневнике сделал такую запись: «Се-

годня большое собрание дворян в Доме Призрения ближнего по случаю Ополчения. Народа – бездна; говорят, что из одного Любимского уезда приехало сюда около 600 человек. Квартиры чрезвычайно дороги» (28). В то же время по поводу любимских помещиков Трефолев с иронией сообщал, что они «сделались офицерами, с торжеством разъезжают по городу в своих костюмах, надеясь обратить на себя внимание уездных барышень» (55). Стихи из многочисленных ура-патриотических брошюр Н.Р. Щиглева, К. Козлова, П. Татаринова входили в круг чтения поэта (17 об.), а некоторые стихи Ивана Ваненко из сборника «Заморские гости» он выписывал (37 об.).

В дневнике Леонид Трефолев размышляет также о смысле жизни, пытается разобраться в собственных чувствах, определить свой темперамент, особенности характера. Может быть, не случайно один знакомый поэта назвал его «философом» (64 об.). А вот характеристика, которую гимназист-Трефолев дал самому себе: «Я человек простой, необразованный, бука, любящий не шумное веселье, а тихие радости…<…>. Но если я увижу что-нибудь высокое, святое, прекрасное, – если замечу что-нибудь достойное человека, – то мое сердце пламенеет, мои чувства разгораются… О! И у меня есть сердце, и я человек!..(14–14 об.).

Итак, гимназический дневник поэта позволяет нам не только проследить его творческую эволюцию, умственное и нравственное развитие, но содержит уникальную информацию о жизни и быте ярославцев в 1850-е годы XIX века.

Примечания

[1] См., напр.: *Айзеншток И.Я.* Поэт-демократ Л.Н. Трефолев. – Ярославль, 1954; *Челышев Б.Д.* Некрасов и Трефолев // Некрасовский сб. – М.; Л., 1960. – Т. 3. – С. 357–363; *Агапитова Н.Н., Тюнина М.Н.* Письма и стихи Л.Н. Трефолева // Советские архивы. – 1976. – № 3. – С. 91–97; *Смирнова Л.Л.* Из архива Л.Н. Трефолева // Карабиха: Ист.-лит. сб. – Ярославль, 1993. – Вып. 2. – С. 332–339.

[2] *Трефолев Л.Н.* Неизданные стихи и автобиография // Литературное наследство. – М., 1932. – Т. 3. – С. 244.

[3] См.: Российская национальная библиотека. Отдел рукописей, ф. 427, оп. 1, д. 62, л. 38.

[4] *Трефолев Л.Н.* Мои записки за 1855 год // Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Отдел письменных источников. ЯМЗ – 15702/213. (Далее ссылки на страницы дневника – в тексте).

[5] См.: *Айзеншток И.Я.* Указ. соч. – С. 41–42.

[6] См.: *Тарасов А.Ф.* Некрасов в Карабихе. – Ярославль, 1989. – С. 88.

[7] См.: *Беляев А.Т.* Воспоминание о Ярославском Доме призрения ближнего. – Ярославль, 1886. – С. 101; *Гарусов И.Д.* Провинциальные училища в 30-х и 40-х годах: Воспоминания прежнего гимназиста // Русская школа. – 1910. – № 5–6. – С. 44–46.

[8] Речь идет об инспекторе Ярославской гимназии Г.И. Забелине. См. о нем: *Звонников И.М.* Историческая записка о Ярославской гимназии. – Ярославль, 1881. – С. 43.

[9] См.: *Достоевский А.М.* Воспоминания. – Л., 1930. – С. 345.

[10] Лицо не установлено.

[11] Возможно, речь идет об американском писателе-аболиционисте У.Л. Гаррисоне.

[12] См.: *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. – Л., 1994. – Т. 9. – Кн. 2. – С. 256.

[13] Речь идет о Дмитрии Александровиче Борисоглебском, двоюродном брате Л.Н. Трефолева.

[14] См.: *Красильников Г.В.* «Певец и мученик – Некрасов» // Ярославская неделя. – 1998. – 16 января.

ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

В. О. Волкова

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Проблема духовно-практической компетенции человека может быть понимаема в широком онтологическом значении, которое обосновывается рядом предпосылок ее становления и развития с точки зрения развертывания диалектического противоречия сущности и существования.

Явление человека как субъекта собственного развития связано с его избыточностью в отношении определений его сущности. В масштабах человеческого знания закодировано отношение человека к самому себе. Это означает, что при всех внутренних связях и отношениях существует его самореферентность, частично совпадающая со сферой подлинной человечности, личностным опытом и поступками. Выделяя субъективность в качестве метаобъекта, можно сказать, что происходит постоянное воспроизведение отношения металогического к логическому внутри множественности систем, связанных с собственными циклами развития. Эти системы могут быть представлены такими возможными мирами, как миры философии науки, философии повседневности или личного опыта конкретного философа, осуществляющего акты проникновения в другие возможные миры.

В истории философии проблема бытия связана с определением самого бытия в классическом контексте как символического измерения Логоса. Две исторические единицы человеческого опыта, имеющие глубинную традицию в истории философии как Логос, так и Эйдос выражаются через феномен Имени: Логос наделяет имя означивающей функцией, Эйдос – символической. В имени субъективность реализуется как постоянное скольжение, «челночное» движение между знаковым и символическим полюсами самой деятельности поименования. В поименовании человек встречается с новой реальностью своего имени, которую создает незримый эйдос имени. Отсюда и построение реальности художественных образов Ф.М. Достоевского, которому удалось в разработке своих героев учесть с необходимостью вытекающие из идеи образа смыслы. При этом именно поток постоянного притяжения внимания к переходам человека от поступка-мысли к поступку-чувству и поступку-действию создает реальность проникновения в мир поступающей личности, соединенной с глубинными онтологическими основами общечеловеческого бытия, где герой и читатель объединяются в «Мы».

В этом измерении слово обретает силу и власть как в рациональном, так и в мифически иррациональном значении для человеческой истории. Оно несет в себе всеобщность бытия, располагаясь «между» выражением как сферой человеческой деятельности и смыслообразованием как уникальной в своем составе энергией, удерживающей значения действования в глобальном по масштабу проективном различении: от использования человеком первого орудия до творческого замысла великого произведения искусства.

Символическое измерение Логоса феноменологически адресовано каждому человеку. Каждый человек в повседневном существовании *знает* о том, что он живет, но определить это свое знание он оказывается способным при выполнении условий, которые могут ему открыться, а могут не стать для него доступными в силу отсутствия того *доступа*, который полагается как подлинное бытие. Внутреннее сокрыто исторически и культурно. Оно становится открытым только благодаря усилию человека и стремлению к самому факту открытия.

Сократ ввел в философию тему самоочищения, определив один из первых шагов нахождения средств доступности человека самому себе, дойдя до предела словесного выражения и уткнувшись в «то» место, за которым слова ничего не выражают. Есть операция очищения как средство осознания рационального превосходства над субъективностью и наличествует «место», из которого можно опознать как само свое «Я», его возможности, так и то подлинное, куда словам нет доступа.

© В. О. Волкова, 2006

Платону открывается *поле приложения* разума как граница, благодаря которой он может действовать, соблюдая дистанцию «между» человеческим и Божественным. Нельзя проникать туда, куда не просят, но можно *припоминать* в идее. Имея источником субъективность, возможно дать разуму разрешение признать идею души как движимое собственными силами. Сама возможность такого разрешения связана с границей миров человеческого и Божественного, так как из начал возникает все возникающее, а если бы оно не возникало из чего-либо, оно бы не было началом [3]. Но о самом начале говорить можно только на языке признания его таковым или припоминания того, «что там» на основании того, «что здесь». Сама идея души – сущность Божественная, разрешаемая разумом самому себе для прояснения только потому, что человеку доступно его собственное существование. Таким образом, в своей духовной компетенции каждый человек может встать рядом с Сократом или Платоном, если положит для себя принцип открытости собственному бытию.

В данном контексте признание открытости бытию есть особого рода деятельность «между» выражением и смыслообразованием, на границе доступного и недоступного разуму, то есть открытия первоистока своего существования в качестве налично непостижимого, но «до ужаса» существующего.

Онтологическая обусловленность духовной компетенции выявляется при вложении в идею человека смысла экзистенциального положения дел. М. Хайдеггер говорит о Dasein как некотором основном способе, в котором человек обретает возможность положить свое собственное «Da» – топос, место или собственное для себя бессмертно движимое собою символическое измерение Логоса.

Согласно линии философствования Платона – Гегеля – Хайдеггера укоренность связывается с предельным существованием, смыслоопределяясь в мирском и тварном противостоянии повседневности, где ей неминуемо грозит растворение, если не будет оформлена соответствующая экзистенциальная защита субъектности посредством познания того, что есть в наличном опыте. Продолжая эту линию философствования, М. Фуко вводит представление о том, что духовная компетенция обладает качественным состоянием – «духовностью», но это качество не статического фактического, а динамического знаково-экзистенциального свойства. Оно определяется совокупностью поисков, но не может быть сведено к поисковой активности, какая свойственна животным и людям, ищущим наслаждений. Поиск предполагает нарушение покоя, неравновесную среду внутренней жизни, путь к собственную только интимно-личному «Da». Этот путь в религиозной картине мира носит название «духовная практика».

М. Фуко распространяет аналогичную сложно устроенную деятельность на философию, устремленную к поиску истины. Истина дает субъекту душевный покой, к истине надо пробраться через «очищение», «аскезу», «отречение», «обращение взгляда вовнутрь себя», «изменение бытия» [4, с. 286]. В этой деятельности недостаточно знания и сознания. Сознание здесь становится лишь «членом» экзистенциального отношения, в работе с которым субъекту предстоит освоить специфически герменевтический опыт.

В этом опыте действует иная причинность: не причинно-следственной связи, а результирующего смысла (от результата случающегося к смыслу события). Когда что-то случилось, постигается смысл как случившегося, так и неслучившегося события.

В символическом измерении Логоса знание дополняется самореферентностью включенного в контекст любого исследования самого ученого (его личностью), его сущностными силами (установками, стремлениями, замыслами и т.д.). Духовная компетенция как понятие предполагает, что противоречие сущности и существования постоянного расширяется через способы разрешения, в которых существование постоянно и динамично снимает свою тотальность в знаково-символических проекциях онтогенеза человеческой перцепции, замыкаясь в единстве апперцепции, артикулируя из ее смыслового состава феномены, приводившие философов к представлениям о человеческой сущности. Эти представления получили название идей – очевидных «умственными очами». Утверждение о том, что у ума имеются «глаза», так же интригует, как и утверждение А. Ф. Лосева о том, что идея – это то, что видно в вещи. Но в греческом языке оно служит для обозначения внешнего облика вещи, тогда как, всматриваясь в вещь, мы получаем «умную сущность вещи», ее внутренне-внешний лик [1, с. 150], идеальную картину. Следователь-

но, в состав духовной компетенции входит духовное видение, его фиксация в способах, выраженность в категориях интенциональности.

Вещное бытие не может быть рассмотрено в качестве формально-логического, так как его определенность связана с повседневностью, в которой растворяется как научная рациональность, так и обыденная обывательская мудрость. В человеческом мышлении оно достигает такого предельного обобщения, в котором открывается конкретная сущность вещи. Будучи поименованной, эта сущность выражает эйдетизм состояний. К ним неприложимы ни формально-логические, ни обыденно вещные квалификации. Эти состояния не носят психологического характера, так как не растворяются в человеческом поведении, не зависят от психики. Они могут быть поняты чисто феноменологически. Будучи недоступны для разума, они проявляют подлинное. Человек вырабатывает для себя позицию укоренности в бытии, потому что он не может оказываться в пустоте небытия или в «чистоте» логических конструкций, что экзистенциально порождает ту же пустоту. Понимая это, человек исходит из знания о том, что есть невозможное и он должен принять его как нечто тотальное, которое больше психологических, этических позиций и больше всех состояний, данных сознанию. Это принятие адресовано человеческой экзистенции, которая в смысле определенности не может стать предметом сознания. Частично она совпадает с понятием «духовный опыт», так как не может обойтись без самопознания, то есть вне фиксации и исследования выходов своей сущности за актуально данные пределы. Все приходящее постигается в опыте не как нечто иное (чужое), но определяется посредством себя как то, что есть. Частичное совпадение понятия «духовная компетенция» с понятием «духовный опыт» связано с тем, что компетенция распространяется не только на фиксацию опыта, но на тотальную открытость бытию как выраженную (поступком), так и скрытую (смыслом). Это первоисток идеи, в которой в знаках выражается экзистенция.

Следовательно, можно предположить наличие некоторой непсихологической реальности, активно взаимодействующей с человеческой психологией в измерениях динамических конструкций (духовных форм) через сечения знака и экзистенции в разрешении противоречий связей и отношений. Связи позволяют открыть процессы знаково-символического опредмечивания и взаимного пересечения социального и индивидуального значений для развития человека. Отношения делают явно выраженными связи поступков-мыслей, поступков-чувств и т.д. В этом случае связь становится образной конструкцией, порождаемой остановкой, задержкой и возвратом мыслей и чувств как объективированной самоценностью. Переходя в отношение, продолжаясь интенционально, связь как образ показывает сознанию онтологическую полноту значения «быть человеком», так как здесь в повышенной степени чувства этого значения возникает доминанта человеческой ценности в другом.

Действительность духовной компетенции – ноэматическая, которая в феноменологическом плане является результатом поступка, определяя точки совпадения человеческих действий в поступающем мышлении (М. М. Бахтин) в качестве энергии способности реализации своей сущности. Поэтому Платон, как подчеркивает А. Ф. Лосев, говорит об отдельной сфере, принадлежащей человеку, не совпадающей с психологической сферой, где действует иная причинность. Он связывал эту сферу с Божественными интуитивно постигаемыми полями прорицания, таинства, посвящения и творчества. В этой сфере складывается мифологическое единство субъекта, способного собирать и удерживать самого себя как части и целого многопревышающего его единства (Мира, Универсума, Бога). Если представить субъективную реальность человека как полифонически звучайщий подвижный и тревожный вечно устремленный в иные миры космос, то он способен удерживаться и быть охраняемым от саморазпадения актами внутренней динамики, за которой стоят функциональные системы человеческого организма, участвующие в реальном акте восприятия, например, речи собеседника. Они бывают различными, участвуют в зрительном восприятии, узнавании, памяти, коррелируют между собой, превозмогая психическую субстанцию, переходят на уровень духовного видения в представленности того и иного содержания. Их невидимая корреляция презентируется только внутри акта созерцания и живого интуитивно фиксированного единства, скрытого в символической существенности. Эти три элемента (видение [созерцание], живое единство и символическая существенность) А. Ф. Лосев связывает с понятием эйдос [2, с. 232–233].

Эйдология рассматривает эту сферу в предельных состояниях совпадения поступка-мысли со смыслом самого действия поступка, что видно в энергии, излучаемой словом. Имя предмета есть арена встречи «воспринимающего и воспринимаемого». Когда мыслится предмет, мы может мыслить «о» чем-нибудь в пределах психических процессов мышления. Когда произносится имя, включается тайна самой встречи, ее проживание в одновременности (антиномизме) интенции к предмету и интенции к другому человеку, так как в мире отсутствуют предметы, не содержащие социальной адресации. Произнося слово, мы делаем его живым, деятельным участником нашей жизни. В факте его произнесения мы выходим из своей индивидуальности в социальный мир, даже если он в прошлом или в будущем. Эта реальность человеческого существования, в котором есть своя предметность, выражаемая в слове. С одной стороны, произнесенное слово скрывает в себе однозначность, например принадлежность конкретному произносящему его человеку. С другой – значение слова бесконечно варьируется, становится принципом бесконечного варьирования самого значения, указывающего на наличие более глубинного слоя, к которому привязана необходимость возбуждать внимание, впечатление и понимание, «тащить» за собой слушателя, который, попадая в вариативность значений, становится «зрителем» интригующего действия, от которого нельзя оторваться. Эта вне-субъективная и над-индивидуальная стихия понимания, которая имеет разную представленность в сознании человека в качестве видения изнутри, укорененного в субъекте.

При условии действия в настоящем человек взаимодействует с прошлым, развертывая в своих поступках первоединые образцы поведения. Так, согласно мифологическим установкам человек воспроизводит в своем поведении ритуальные образцы, связывая самого себя с предками, выражая в самом себе социокультурные тенденции сохранения рода и одновременно удерживая в пределе поступка иное (чужое). Испытывая чужое на себе, он делает его родным и близким. Поэтому духовная компетенция как понятие опирается на категорию «отношения», но полиморфно удерживающего образы как результаты перцептивных актов и имагинативные образы, адекватные словам. Этот процесс удержания образов и их гетерогенности выполняется в отсрочке, остановке энергии сущностных сил. Отношение выражает себя также в интенциональности, влечении, устремлении, символизме образных конструкций, в их превращенных действиях, что позволяет говорить о динамике и развитии в отношении человека. Возникает объективированная возможность сохранять человеку самого себя в сложных и многозначных отношениях к миру, а также в представлениях как о нем, так и о самом себе.

Эта способность может быть названа духовной способностью воспроизводить самого себя во взаимодействии с миром.

Избавиться от стремления к этому воспроизводству человеку не дано, поэтому он существует в разрыве, пределе улавливания состояний откровенности смысла. Развитие сверхпространственного и сверхвременного метаобъекта духовной компетенции происходит через удержание полноты в практическом самопреобразовании. Полнота может быть выраженной, а может быть скрытой. В своих выражениях полнота функционирует в качестве обратимого нарастания элементов, имеющих тенденцию к сгущению в выявлении основных элементов и проявлению глубины при установлении связей и отношений между выявленными элементами путем образования синтезы разной степени точности в отношении как естественнонаучного, так и гуманитарного знания.

В отношении духовной компетенции человека принцип развития трактуется в своих контурах как многосторонний (эволюционный, формообразующий, преображающий внутреннее существо человека) процесс становления человеческой сущности и его существования в бимодальности коммуникативной реальности как ментальной конструкции в феноменологии возвращения сущности человека в существование.

Первоначально в истории философии был положен ход от действительности к идеальным ментальным сущностям. Начиная с Геродота, человек в самопознании устремлялся от изучения быта, нравов, внешней жизни к познанию жизни внутренней. Платоном был открыт самостоятельный мир идеальных сущностей – мир ноэматический, который подлежит познанию так же, как и мир внешний. Путь познания требует труда, сосредоточения и особой организации восприятия этого мира, так как для познания необходим отказ от всего изменчивого, случай-

ного, от чего невозможно отказаться простыми способами, так как это изменчивое есть повседневность, а любое познание находится внутри нее. Стратегия развития по Платону и развертывание ее по линии платонизма может быть определена как стратегия перехода от существования к сущности. В философии постмодернизма ход мысли обретает обратное направление. Ж. Деррида положил начало исследованию готовых идеальных организованностей и деятельности по наложению их на действительность, то есть от сущности к существованию. В русской философии выявляются контуры развития по пути метафизической диалектики взаимодействия «конкретного всеединства» и «живого знания» как строения, в котором переход от сущности к существованию происходит непрерывно и повторяется бесчисленное число раз.

Противоречие сущности и существования в истории философии позволяет выявить феноменальную способность развития человека в области духовной практики.

Духовная практика – феномен, позволяющий выявить потенциальные возможности человеческого сознания, прежде всего, в его собственно человеческой сущности. Здесь фиксируется проявленность внутреннего содержания, создаются благоприяные условия для исследования смыслов и способов существования человека в мире. К потенциальным возможностям человеческого сознания можно отнести попытки структурирования человеческого существования, в которых обнаруживается бытие человека, принимающее структуру деятельности, в развертывании которой можно выделить соответствующую ориентацию деятельности. Деятельность не всегда связана с сознанием. В ее исследовании необходимы более слабые предпосылки, чем осознанность, и более сильные, чем «безумие» в трактовке М. Фуко.

В традиции русской философии действительное сознание связано именно с глубинными побуждениями, мотивирующими любую деятельность и поэтому функционально с ней связанными. В философии этим глубинным побуждениям придавалось особое значение для человека: онтология обладает моментом собственной тотальности. Если это так, то невозможно выйти за пределы онтологии, но сделать это необходимо. Поэтому человек вынужден предпринять усилия по принятию этой антиномии как антиномии спасения. С точки зрения С. Н. Булгакова, Богочеловеческая личность Христа воплощает и одновременно решает ее. Христос – одновременно и Бог, и Человек. Рядовой человек тварной природы имеет ориентиры как религионого, так и светского характера. Идея спасения в смысловом очищении имеет адресацию к тотальности онтологии, которая одновременно и тотальна и личностна (антиномична). Спасти глубину своей онтологии, своей самости, своей личности можно только усилиями спасения, то есть превозможения как наличной реальности, так и собственного устройства – внутреннего блока связей, которые обозначаются как наследственность, эгоцентризм, гедонизм и т.д.

Философия Ф. М. Достоевского становится доказательной демонстрацией действительности духовно-практической компетенции человека. Она оказывается эйдетической, так как знание (в смысле компетенции) есть возможность использовать свою рефлексию во взаимодействии с интуицией в живом единстве и символической существенности, ориентированных на повседневность с ее образами. В топосах глубинного сосредоточения рефлексия должна уступать, замирать, оставливаться, предоставлять интуиции схватывать образ, затем включаться в поиски слов и образов. Но бывают ситуации безобразные и бес-словесные, то есть ситуации, в которых духовная практика попадает в со-причастие с тотальностью сущего, ее неопределенностью, запретом на ее транспонирование. В религиозной практике это ступени достижения мистических связей с Абсолютом, в практике искусства они соразмеримы с катарсисом, в деятельности – techne как деятельной силы, воставливающей каждый раз мир заново.

Деятельность должна быть опосредована действительными интенциональными структурами, выполняющими две функции, которые определяют онтологическое действие духовной компетенции.

Первая состоит в функции определении ситуации**.** Посредством этой функции окружение деятельности преобразуется человеком в некое пространство, структурированное в целях деятельности. В нем человек обладает деятельным бытием, то есть может впоследствии выработать к себе отношение как к субъекту. Здесь возникают ситуации деятельности, в которых человек должен ориентироваться не случайными попа-

даниями в свое «так кажется», а общей тотальностью уникального Dasein.

Перед человеком всегда стояла задача предопределения деятельности в конкретной ситуации. Например, в действительности мифа надо было вначале сотворить миф, а потом в нем жить (М. Элиаде). С рождением жрецов-толкователей мифа происходит освобождение от мифа, но в культурном материале мифа обособляется религия, которая в актах откровения устанавливает способы действия духовной компетенции.

Ситуации бывают разные, и определение ситуации не всегда успешно. Сознание не способно к постоянному контролю, поэтому духовно-практическая компетенция включает в себя отслеживание неслучившихся событий сознания, предстающих в абсолютной готовности к любому, что может приключиться.

Вторая функция – ориентирования деятельности – состоит в определении значения, какое имеет преопределенная ситуация. На фоне этого ориентирования разворачивается мотивационный процесс, внутри которого преопределенная деятельность погашается. В этом случае включается превращение или метаморфоз, согласно которому исходные отношения опускаются, выявляется стратегии доминантных значений, к которым устремляется сознание, артикулируются смыслы, диагностирующие в сознании предельные состояния.

Именно эта ориентировочная деятельность становится основой духовной компетенции, принимающей различные формы поведения, которым соответствуют психические конструкты, интеллектуализация, превращение в события мысли и успокоение от того, что наступила хоть какая-то определенность.

Преопределенная деятельность связана со способностью человека создавать идеальный объект в пространстве, опираясь на слово, на язык. Этот объект возникает одновременно с реальным действием создания пространственного контура идеи. Определение ситуации, определение ее значения и овладение идеей, то есть идеальным образом вещи, представляют собой единый онтологический процесс, на основании которого возможно материалистическое понимание идеального. Диалектика идеального заключается в том, что оно, не существуя в виде внешности, составляет ее (внешности) очевидность, которую можно зафиксировать как специфическую деятельную способность человека.

Идеальное представлено деятельным способом существования. Здесь деятельность невозможна без со-знания, некоторого объединяющего предпосылочного знания, которое заключает в себе первичную общность с миром. Эта общность может быть представлена как общность социальная, а также общность, тип которой относится к идеальной действительности и поэтому не может получить объяснение через одну какую-то категорию: через сознание, деятельность, самосознание, общение и т.д. Поэтому любая коммуникация при всех коннотативных аббревиатурах всегда несет в себе метасоциальность как зародыш, в котором закодирован «шифр» идеи спасения.

Интегральный характер идеальной действительности и успешность субъекта в ориентации «вглубь» ее позволяет считать духовно-практическую компетенцию органом жизнедеятельности индивида.

Библиографический список

1. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М.: Ладомир, 1994. – 716 с.

3. *Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.

3. *Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2.

4. *Фуко М.* Герменевтика субъекта // Социологос. – Вып. 1. – М.: Прогресс, 1991. – С. 284–311.

М. Н. Баскова

УЧЕНИЕ В.И. ВЕРНАДСКОГО КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

Нарастание глобальных проблем делает катастрофу современной цивилизации вполне осязаемой возможностью. Человечество все более осознает свою органическую связь с живой природой, считая себя ее неотъемлемой частью. Стремление сохранить научно-технический прогресс, и с его помощью выйти из системного кризиса, не оправдало себя.

Люди все больше задумываются над выходом из сложившейся ситуации, стремятся предпринять практические шаги по ее преодолению. В числе ключевых идей, в поисках ответов на вопросы о сохранении и развитии цивилизации оказалась теория эволюции ноосферы В.И. Вернадского.

В.И. Вернадский глубоко исследовал происходящие перемены во взаимодействии общества и природы. Ученый обратил внимание на качественные изменения биосферы в глобальном масштабе под влиянием природопреобразующей деятельности человека. Анализируя беспрецедентные масштабы и формы проявления этой активности, он пришел к выводу, что на современном этапе «человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой»[1]. Этот тезис на протяжении многих лет был одним из основных источников размышлений ученого. В.И. Вернадский предпринял попытку научно обосновать качественные изменения во взаимодействии общества и природы под влиянием деятельности человека, рассматривая общество как единство живой и неживой природы, как целостную систему, в которой человек доминирует в качестве активного субъекта. Достижение такого состояния во взаимодействии общества и природы, при котором разумная деятельность человека становится определяющим фактором, он определил понятием «ноосфера» (от греч. noos – ум, разум и sphaira – сфера), т.е. сферой разума.

Ученый рассматривал нашу планету как высокоорганизованный, предельно энергонасыщенный, кристаллический организм, который обладает неограниченными возможностями обратного воздействия на людей. Живой, дышащий организм планеты Земля настроен в резонанс с вибрационным вихрем Вселенной, многие процессы, происходящие на планете, диктуются Высшим Разумом – тем бесконечным малым и в то же время безгранично большим сгустком энергии, который инициировал «большой взрыв», то есть начало мироздания. Через живое вещество собирается и концентрируется солнечная энергия, она частично переходит в кислород, охватывающий всю географическую оболочку, придавая планете особые, нигде вне не наблюдаемые свойства.

Приняв термин «ноосфера» в начале тридцатых годов XX века, В.И. Вернадский рассматривал ее как результат человеческой деятельности, направленной на преобразование биосферы и природы в целом. С его точки зрения, вокруг Земли действительно образовалась «оболочка» антропогенного происхождения, однако это не идеальная сфера, а определенная ступень, этап в развитии биосферы, когда сознательная преобразующая деятельность людей становится реальной движущей силой этого развития, а возникшая таким образом «сфера разума» есть явление материальное, так как и биосфера, и разум человека, и его деятельность рассматриваются с материалистических позиций. Ноосфера мыслится как высшая ступень интеграции всех форм существования материи, когда любая преобразующая деятельность человека будет основываться на научном понимании естественных и социальных процессов и органически согласовываться с общими законами развития природы. Иными словами, это высший этап эволюции системы «общество–природа», этап, которого еще нет, но который уже начал формироваться и обязательно должен быть, если человечество хочет избежать потрясений и в будущем жить достойно. Положение о единстве Природы является ключевым для понимания всей жизненной позиции В.И. Вернадского.

Достижение такого этапа, по мнению многих современных исследователей, может состояться в том случае, если и общество, и природа будут гармонично эволюционировать в одном направлении – по пути оптимизации своего взаимодействия. Данный тип согласованного развития природы и общества имеет своим итогом достижение ноосферы.

© М. Н. Баскова, 2006

Идеи эволюции отношений общества и природы базируются на новом понимании закономерностей, определивших возникновение и развитие на земной поверхности органического, а впоследствии, и социального мира. Результатом же взаимодействия живой и неживой природы стало новое качественное состояние литосферы, гидросферы и атмосферы Земли, что нашло отражение в таких синтетических понятиях, как «биосфера» и «ноосфера». Введение этих понятий в научный обиход и их философское обоснование стало качественно новым этапом в понимании природы.

Такое единство взгляда на все три компонента: географическую среду, органический мир и общество – принципиально отличает подход, предложенный В.И. Вернадским, от предшествовавших попыток объяснить принципы взаимодействия живых организмов с окружающей средой. В этом новом понимании биосфера являет собою не совокупность географической среды и обитающих в ней живых организмов (как было принято считать раньше), а качественно новое состояние земной поверхности, которое она приобрела в результате длительного взаимодействия организмов с неживой природой, когда уже практически нельзя вычленить отдельно какой-либо элемент, не изменяя сложившегося качества. Итак, ноосферу следует понимать не как особую самостоятельно существующую оболочку, отделяющуюся от биосферы, а как итог перехода биосферы от одного ее состояния к другому, в результате чего она приобретает новое качество. При этом чисто географические параметры биосферы и ноосферы совпадают. Так, используя космическую технику, человек выходит далеко за пределы границ естественно сложившейся сферы, но, являясь частью этой биосферы, он тем самым расширяет и ее границы «социализирует» биосферу, наполняя ее новым сознанием. Биосфера все в большей степени оказывается включенной в ткань общественного бытия, а ее процесс конечного развития и совершенства затрагивает, тем самым, и социальную сферу. При этом человек, являясь частью природы, не в состоянии прекратить данный процесс иначе, как прекратив свое общественное бытие, следовательно, и человеческое бытие.

Переход биосферы в ноосферу, таким образом, означает, прежде всего, то, что человек вынужден (и у него нет возможности уклониться от этого) взять на себя всю ответственность за дальнейшую эволюцию как биосферы в целом, так и самого себя, неизменно руководствуясь в своей преобразующей деятельности принципом: «Не навреди».

Для осуществления такой задачи необходим колоссальный арсенал знаний как о самом обществе, так и о системе «общество–природа», а это, собственно, и составляет содержание практически всех естественных, гуманитарных и технических дисциплин. При этом на первое место выступает философия, ее аксиологический аспект, способность формулировать нравственные идеалы, моральные и этические нормы.

В.И. Вернадский связывает ноосферу с усилением роли научной мысли как планетной силы, приобретающей характер масштабного геологического фактора. Превращение биосферы в ноосферу В.И. Вернадский связывает в первую очередь с XX веком. «Биосфера XX столетия превращается в ноосферу, создаваемую, прежде, всего ростом науки, научного понимания и основанного на них социального труда человечества»[2].

Как ученый гуманист он был убежден в том, что научная мысль – такое же неизбежное, естественное явление, возникшее в ходе эволюции живого существа, как и человеческий разум, и она не может ни повернуть вспять, ни остановиться. Она таит в себе безграничные потенции развития. Вера в науку у В.И. Вернадского, по сути, безгранична. Он убеждает нас, что научное знание, проявляющееся как геологическая сила, создающая ноосферу, не может приводить к результатам, противоречащим тому процессу, созданием которого она является.

А.И. Субетто замечает, что ноосфера по В.И. Вернадскому, в своем становлении подчиняется «естественной» логике геологической истории и истории биосферы[3]. Это есть логика фиксируемая «наблюдателем» во внешней, космической позиции. При этом у В.И. Вернадского ноосфера приобретает двойное значение и как «царство разума» в биосфере, и как сама биосфера, ассимилированная человеческим разумом[4]. Биосфера закономерно переходит в ноосферу.

В.П. Казначеев и Е.А. Спирин развивают концепцию ноосферогенеза. Ученые опираются на идеал единства Истины, Добра и Красоты, как идею синтеза научных и универсальных духовно-культурных представлений, восходящей к концепции оправдания Добра как абсолютной

ценности В.С. Соловьева, на идею космической ответственности духа (человека) и на идею становления автотрофности человечества, впервые сформулированную В.И. Вернадским в 20-х годах XX века[5]. В.П. Казначеев преодолевает узкие натурфилософские рамки учения о ноосфере, поднимая поставленную еще В.И. Вернадским проблему Большого Синтеза всей человеческой мысли прошлого и настоящего, отраженной в науке, религиозных системах мировоззрения, фольклоре, искусстве.

Ноосферизм – категория, выведенная А.И. Субетто в последние годы в ряде работ. Эта категория отражает уже сложившуюся целостную теоретическую систему научных взглядов, законов, принципов, положений, которые есть теоретическая база нового мировоззренческого переворота, теоретически и идеологически вооружающие человечество для преодоления того глубокого «бытийного кризиса», который обозначился в конце XX века. Ноосферизм одновременно предстает итогом той научной революции, того синтеза научных знаний, которые могут быть названы «вернадскианской революцией», названной так в честь В.И. Вернадского.

А.И. Субетто сформулировал императив будущего ноосферогенеза: ноосферогенез может в будущем состояться только в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества[6].

Образование – основной механизм воспроизводства общественного интеллекта. Образовательное общество есть такое общественное устройство человеческого бытия, в котором образование как фундаментальная функция становится ведущей функцией всех социальных институтов и организационных систем в обществе. Новый социоприродный гомеостаз с общественным интеллектом в центре только тогда состоится, когда будет реализован закон опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе.

Фактически речь идет о новых нравственных ценностях, обращенных к человеку, обществу и экономике. В систему нравственных регуляторов начинает входить интеллект. Интеллект этический, включающий категорию добра как базовой ценности, социальную справедливость, человечность, устремленный к социоприродной гармонии, к реализации императива выживаемости человечества.

Таким образом, центральной проблемой теории развития ноосферы остается проблема обеспечения гармоничного совместного развития природы и общества, в центре которого находится человек не только разумный, но и духовный. Вне культуры немыслим синтез человека, природы и общества.

Культура есть основное условие самоорганизации общества в его цивилизационных формах. Культура изменяет природу человека, выступает ценностной ориентацией целостного развития общества, природы и человека. Ценности культуры отвечают на вопрос – во имя чего развивается та или иная социальная общность.

Лишь на уровне приобщения к сфере культуры начинают формироваться отношения осознанного сотрудничества и сотворчества, отношения кооперационного характера. Базируясь на знаниях законов функционирования и развития природы и общества, культура творит ноосферно развитого и активного человека.

Таким образом, в понимании ноосферы следует различать два аспекта – естественнонаучный и содержательно-мировоззренческий. Следует отметить, полной ясности, что понимать под разумом (ноосферой) в мировоззренческом смысле не сложилось. Более распространенной трактовкой стала характеристика ноосферы как особого духовного явления космического масштаба. Своей мыслью, в процессе духовной деятельности, человек создал вокруг земного шара тонкую, духовно-спиритуальную оболочку. На этой своеобразной пленке отпечатались творческие открытия, художественные образы, культурные шифры. Также ноосферу представляют рационалистично – как создание огромного универсального банка научных данных, к которому в перспективе сможет получить доступ каждый житель планеты. Однако не исключена возможность, что в такой ноосферный информационный поток попадут антигуманные ложные теории и концепции.

Необходимо воспитывать интеллект с нравственным наполнением. Важную роль в этом процессе должно сыграть образование, ориентированное на развитие духовности, формирование целостности мышления. Процессы культуры и духовности становятся своеобразным «ключом» к ноосферному развитию, немыслимому без гуманитарных усилий человека и общества в целом. В ноосферной концепции на

первом месте стоит гуманистический смысл. Человек ноосферный живет, действует и работает в духовном поле, в пространстве нравственных ориентаций, исторических духовных оснований, составляющих единое целое.

Примечания

[1] *Вернадский В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М., 1965. – С. 328.

[2] *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста: научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1977. – С. 501.

[3] *Субетто А.И.* Ноосферизм. Т. 1: Введение в ноосферизм. – СПб.: Астерион, 2003. – С. 17.

[4] *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 127.

[5] *Казначеев В.П., Спирин Е.А.* Космопланетарный феномен человечества. Проблемы комплексного изучения. – Новосибирск: Наука, 1991.

[6] См.: *Субетто А.И.* Ноосферизм. Т. 1: Введение в ноосферизм. – СПб.: Астерион, 2003.

А. Е. Куделин

ТИПОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Современное предпринимательство – это предпринимательство капиталистическое. Даже предпринимательство, направленное на устранение капиталистического предпринимательства, осуществляемое в некоторых странах современного мира (в Китае, Вьетнаме, Северной Корее и на Кубе), остается еще в пределах действия закона стоимости и вызываемых им рыночных отношений, и, как отмечал К. Маркс, «буржуазного права». Но главное даже не в этом. А в том, что базисом современного хозяйства выступает технология, для которой принципиально адекватным является только капиталистическое предпринимательство.

Романтическое (свободное от хрематистики, если сказать словами Аристотеля) предпринимательство в капиталистическом обществе является исключением, а не правилом. Ибо, как правило, такое предпринимательство капитализму противопоказано. Оно не может служить ему основой. Может только украшать.

Поэтому, осмысливая буржуазное предпринимательство как, в основном, хрематистику, можно, тем самым, осмысливать его и в целом. Можно с той глубиной и с той точностью, с какой хрематистика пронизывает это предпринимательство в целом. А поскольку хрематистическая сторона предпринимательства, обращенная к «земле», – это его материалистическая основа, а романтическая сторона, обращенная к «небу» – его духовная атмосфера, то осмысливать предпринимательство целесообразнее и надежнее всего со стороны хрематистики, более доступной, как любое другое материальное образование, научному анализу. Поэтому в этой статье капиталистическое предпринимательство будет раскрываться только как хрематистика.

Эта буржуазная хрематистика, **бизнес**, осуществляется, вопреки расхожему мнению, не только в сфере хозяйствования, но и во всех остальных сферах жизнедеятельности общества (разумеется, в разной степени): в научной, образовательной, художественной, экологической, медицинской, управленческой, физкультурной[1]. Но в основном хрематистическое буржуазное предпринимательство осуществляется в сфере хозяйствования. И определяется этим хозяйственным предпринимательством. Поэтому, то, что для него справедливо, будет справедливо, так или иначе, для всего капиталистического предпринимательства. И дальше в нашей статье речь пойдет только об этом хозяйственном буржуазном предпринимательстве.

По своей юридической определенности это хозяйственное буржуазное предпринимательство делится, в адекватном ему **капиталистическом** обществе, на предпринимательство 1) частное, 2) государственное и 3) смешанное. Последнее образуется просто из долевого участия частного и государственного капитала.

Казалось бы, напрашивается еще кооперативное предпринимательство. Но в вышеперечисленный ряд оно не может быть включено. Потому что кооперация – это всегда и везде просто совместное осуществление хозяйственных операций. Одной, некоторых или всех – суть дела не меняется. Весь вопрос в том – кто совместно осуществляет эти операции. Субъектами совместных операций могут быть только самостоятельные предприятия. Иначе это не совмест-

© А. Е. Куделин, 2006

ность, а общность, органичность, общинность. А самостоятельные предприятия могут быть только у частных (т.е. не казенных) лиц и у государства. Других самостоятельных хозяйственных субъектов в буржуазном обществе быть не может. Поэтому любой кооператив будет, в принципе, объединением частных лиц, в процессе своего предпринимательства осуществляющих какие-либо функции своих предприятий совместно, из-за целесообразности (как правило – экономической) совместности, но, оставаясь, в то же самое время, самостоятельными хозяевами своих предприятий. Остаются, поэтому, только три юридических модуса современного предпринимательства.

Все эти три модуса имеют, разумеется, свои разновидности – как по вертикали, так и по горизонтали – по самым разным свойствам (по масштабам, по организованности, по сферам деятельности, по ответственности, по функциям и т.д.). Но эти юридические разновидности для раскрываемого в данной работе понимания предпринимательства значения не имеют. Они находятся на другом уровне анализа и осмысления, и, поэтому, здесь не раскрываются.

В социальном же плане **частное** предпринимательство бывает индивидуальным и объединенным.

Индивидуальное предпринимательство – это предпринимательство отдельного индивида общества, с полным его правомочием и такой же ответственностью в своем творчестве. В экономическом предпринимательстве, в бизнесе, это деятельность людей, являющихся или единоличными собственниками применяемых капиталов, или одиночными искусниками. Или представляющими в одном лице хозяина и работника одновременно, т.е. тех, кого у нас на Руси (в городе) называли мещанами. Ни в чем другом сущность этого, третьего, вида предпринимательства в социальном аспекте не заключается. И, поэтому тоже нет никакой надобности раскрывать его здесь более обстоятельно.

Объединенное предпринимательство может быть и бывает трех видов, которые выделяются по тому, чем предприниматели обладают, что, следовательно, объединяют и на основе чего, соответственно, объединяются.

Первый из них – это **предпринимательство** сотрудников, **соратников**, сотоварищей (как в старину на Руси говорили), **не имеющих** никакой **собственности**, но **решающихся**, **за счет** рискующих, но и ожидающих, в случае их успеха, большого выигрыша, **собственников**, на невиданное, рискованное (для жизни, чести и положения), но заманчивое предприятие. Такое предпринимательство наблюдалось на заре становления капитализма (яркий пример – Колумб и его команда или даже Ермак и его ватага, осуществившие свои экспедиции за счет средств заинтересованных «инвесторов»), существует оно и сейчас. Суть такого предпринимательства в том, что оно есть творчество не собственников, рискующих своей собственностью, а тружеников, рискующих часто всей своей жизнью. В собственно экономической сфере в дореволюционной Руси такие объединенные предприниматели выступали в виде артелей, которые рядились на выполнение каких-то специфических – тяжелых или сложных – работ, ведение промыслов и т.д., требующих особой согласованности, выучки и сплоченности. Сегодня же вместо таких артелей вполне можно представить содружества ученых, идущих на научный прорыв за счет средств заинтересованных инвесторов.

Второй вид объединенного предпринимательства – это, конечно, предпринимательство объединивших свои капиталы собственников, нанимающих, ради достижения своей цели, несобственников. Виды, механизмы и степени объединения капиталов, в данном случае, значения не имеют. Они почти неисчерпаемы. Главное – это то, что это объединение капиталов, совместное предпринимательство собственников.

Третий вид объединенного предпринимательства – это предпринимательство мещан, объединяющих свои достояния и усилия в одном товариществе. Это не что иное, как объединение индивидов, являющихся одновременно и собственниками, и тружениками. Это товарищество людей, не работающих на какого-либо собственника и не эксплуатирующих, одновременно, какую-либо чужую рабочую силу. Такими, в строгом смысле слова, должны быть товарищества, выступающие единым предприятием, в любом обществе.

Но следует иметь в виду, что невозможно считать объединенное предпринимательство частных лиц, совмещающих в себе тружеников и собственников, коллективным предпринимательством, если, разумеется, таковым не считать

предпринимательство всякого множества людей, объединивших свои средства и силы.

Коллективное предпринимательство может быть только у коллектива, т.е. объединения, образующегося из индивидуальностей, ведущих одно хозяйство, живущих общей жизнью и действующих по отношению друг к другу по принципу «каждый за всех и все за одного». И притом не по принуждению, а добровольно, в силу своих внутренних, индивидуальностных потребностей и способностей.

Такими коллективами были первобытные общины. Но они и составляли тогда общества как таковые. Сколько общин, столько и обществ. Сегодня таких общин нет.

В советские времена, до начала хрущевских обывательских профанаций всего советского, старались на каждом предприятии, в каждом учреждении и заведении формировать из работающего персонала коллектив. Конечно, в условиях советских предприятий эта цель в полном объеме, строго говоря, была недостижима. Но в разной степени на разных предприятиях она достигалась. Люди работали в пределах своих предприятий ради выполнения одного плана, организовывали общими усилиями свой отдых, создавали инфраструктуру быта, строили дворцы культуры (как физической, так и духовной) и занимались в них культурной самодеятельностью, строили детские учреждения и дворцы пионеров для своих детей и жили как бы одной жизнью.

Поэтому неудивительно, что «Философский энциклопедический словарь» времен «советского развитого социализма» (1983 г.) даже не пытается дать определение коллектива вообще, а определяет только «коллектив **социалистический**». И доходит при этом только до выделения того, что такой коллектив есть «социальная общность, объединяющая людей, занятых решением конкретных общественных задач», что он «сочетает интересы индивида и общества и основан на общности целей, принципах социалистического сотрудничества, выступающих для его членов в виде ценностных ориентаций и норм деятельности», что «положение и ценность человека в коллективе определяются преимущественно его личными… способностями (и, разумеется, потребностями. – *А.К.*), что «член коллектива нравственно ответственен не только за свою деятельность, но и за деятельность других членов коллектива и всего коллектива в целом»[2]. Точно так же обстоит дело с определением коллектива и в «Советском энциклопедическом словаре» (1981. С. 608).

Понятно, что это определение правильное, но далеко не достаточное. Да и правильно оно лишь постольку, поскольку выражает раскрытую выше приближенность советских коллективов к коллективу в собственном смысле слова. А в целом же не выдерживает критики уже по методологическим причинам, ибо является частным определением без общего и вне общего. Поэтому и не доходит (и не пытается дойти) до сущности определяемого им предмета. В содержательном же плане, согласно этому определению, получается, что коллектив существует только при социализме (или, во всяком случае, другой коллектив не заслуживает никакого внимания). Но тогда надо объяснить, почему это так, почему первобытная община не является коллективом, почему им не является община ранних христиан, почему не является им община земледельцев на Руси. И не применять прилагательное «социалистический» (раз никакого другого нет).

И уж тем более, как уже очевидно из сказанного, не надо и невозможно отождествлять с общественным предпринимательством объединенное предпринимательство частных лиц. Предпринимательство объединения частных лиц, т.е. людей, действующих от своего имени, за счет своих средств и на свой риск, независимо от их количества и доли в составе населения, не является общественным предпринимательством, осуществляемым всем обществом за счет всего общества, для всего общества и на риск всего общества. Даже не всякое государственное предпринимательство является таковым, а только то, которое осуществляется государством для всего общества. Не может считаться объединенное предпринимательство частных лиц и коллективным предпринимательством. Ибо ни акционеры, ни кооператоры никакой коллектив не образуют. Их связывает только частный интерес, и связывает только в одном экономическом (и, в определенной степени, политическом и идеологическом) отношениях, во всех же остальных отношениях они живут каждый своей жизнью.

А то, что коллективным предпринимательством не может являться государство, можно уже и не доказывать. Ибо ясно, что любое государство – это не добровольное объединение людей

как индивидуальностей, а стоящая над ними и повелевающая ими организация. Организация, хотя и действующая от имени всего (и во многом для всего, а, в конечном счете – для своего) общества, но являющаяся, прежде всего, организацией хозяев общества.

Итак, имеем сегодня **предпринимательство:**

1) **государственное,**

2) **частное**, **образующееся**, в свою очередь, **из** предпринимательства

а) **индивидуального** на основе: 1) собственности, т.е. на основе чужого труда, 2) искусности (трудомочности), т.е. на основе собственного труда, и 3) равномерного сочетания своей собственности и своей искусности (т.е. своего капитала и своего труда),

б) **объединенного** (на тех же трех основах), **и**

3) **смешанное**.

Предпринимательство можно делить еще по такому основанию как труд: на собственном труде оно основано или на чужом труде. Но такое деление даст немного.

Оно позволяет с научной строгостью отделить эксплуататоров от не-эксплуататоров (в буржуазной реальности – капиталистов от мещан и фермеров) и так же строго отделить так называемое малое предпринимательство от остального. Но не более того. В соответствии с этим критерием, малым предпринимательством следует считать предпринимательство такого мещанина или фермера, который уже начал эксплуатировать чужой труд, но еще не успел довести масштаб его эксплуатации до уровня, позволяющего ему (и всей его семье, разумеется) полностью освободиться от собственного труда на своем предприятии, заниматься одним предпринимательством и держаться на плаву[3]. К слову, среднее предпринимательство, по аналогии, можно определить как такое предпринимательство, субъект которого (не важно – индивид или объединение) от труда уже освободился, но от менеджерства (от капитала-функции, по Марксу) еще не освободился. А крупное предпринимательство – это уже такое предпринимательство, субъект которого эксплуатирует менеджеров так же, как и рабочих. Субъект тут освобожден от собственно предметных функций (не важно – в какой сфере жизнедеятельности общества), он пользуется только своим капиталом, «живущим» исключительно в виде денег.

В этом плане таким субъектом, точнее квазисубъектом, может выступать и высшая элита государства, но не всякого, а только типа азиатского или советского (после хрущевской «либерализации» советского общественного строя). Верхушке буржуазного государства такое превращение, конечно, не грозит. Ибо она в принципе не может оказаться указанным квазисубъектом. Но сдача господствующей позиции своим функционерам, т.е. менеджерам, грозит бедой самим чистым собственникам, хозяевам буржуазного государства. Итак, труд как основа типологизации предпринимательства ничего не говорит о внутренней структуре капиталистического предпринимательства. Для выделения этой структуры требуется другое основание. Как видится автору этих строк, наиболее фундаментальным и непротиворечивым является то основание, которое было дано выше: общественный (в смысле – социальный) характер современного предпринимательства (начальный уровень), материальная основа того или социально определенного предпринимательства (средний уровень) и субъект (индивид или объединение) социально определенного предпринимательства на данной его материальной основе (последний уровень). Последующая конкретизация этой структуры принципиального значения уже не имеет. Ее можно продолжить и по вертикали, и по горизонтали, и по любому другому срезу общества.

Говоря же о государственном предпринимательстве, надо, конечно, отличать два смысла этого понятия.

В широком смысле государственное предпринимательство – это предпринимательство всего общества, выступающего в виде государства, общества, организованного как государство, общества, управляемого государством. В этом смысле никогда, нигде и никакое государство не может не быть в той или иной степени (т.е. в меру своих потребностей и способностей) предпринимателем. Можно только отметить, что как цивилизованное (т.е. вступившее на путь цивилизации) общество вообще в историческом плане отличается большим предпринимательством, чем первобытное, так и более цивилизованное общество, а значит, и соответствующее ему государство, отличается большим предпринимательством, чем менее цивилизованное общество и его государство. Предпринимательства у буржуазного государства больше, чем у феодального, античного и, тем более, «азиатского».

Такое государственное предпринимательство неизбежно, при любой хозяйственной основе общества – как при общественной собственности (точнее – при переходной от общественной к частной и от частной к общественной), так и при частной собственности на условия и средства хозяйствования. Вообще, «правовой (и не только правовой. – *А.К.*) основой (такого. – *А.К.*) государственного вмешательства (в процессы общественной жизнедеятельности. – *А.К.*) служит сама природа государственной по преимуществу организации… жизни общества, в том числе экономики»[4].

Поэтому с частным предпринимательством соотносится государственное предпринимательство в другом значении, в узком смысле. Государственное предпринимательство, выступающее как явление, однопорядковое с частным предпринимательством, как одна из разновидностей предпринимательства, существующего в данном обществе, подчиняющаяся единым для всех разновидностей законам и принципам функционирования. Соответственно, это предпринимательство не просто государства, а классово ориентированного государства. Государственное предпринимательство в пределах, интересах и логики бытия определенной исторической формации общества. А, следовательно – его ведущего, хозяйствующего и господствующего класса.

Это значит, что на любой ступени развития экономической формации общества возможны и, так или иначе, неизбежны три вида классового предпринимательства:

1) государственное классовое предпринимательство;

2) частное классовое предпринимательство;

3) смешанное классовое предпринимательство.

Сегодня, следовательно, имеем не просто государственное предпринимательство, а буржуазное государственное предпринимательство, действующее в чистом виде на Западе, и «тоталитарное» государственное предпринимательство, существующее в Китае, Вьетнаме, Северной Корее и на Кубе, а совсем недавно – на Руси и в странах Восточной Европы.

«Можно ли говорить… о советском предпринимательстве?» – спрашивает С.И. Сметанин. И логично отвечает: «нет, если считать предпринимательством только частное предпринимательство, основанное на личных интересах и рыночных отношениях». Но мы знаем, напоминает он, что на Руси существовало и большую роль играло «государственное предпринимательство. В этой сфере не действовали и рыночные отношения». Советское «предпринимательство стало прямым продолжением дореволюционного государственного, только теперь это государственное предпринимательство охватило все хозяйство страны»[5].

Следует только добавить, что в лице такого предпринимательства, вопреки имевшимся в то время и сейчас мнениям, имеем дело еще не с социалистическим государственным предпринимательством. Ибо нет еще самого социализма. Но и буржуазным государственным предпринимательством оно не выступает, ибо капитализма как такового там тоже нет. Это предпринимательство государства такого общества, которое, логично считать, является еще не социализмом, а всего лишь средством целенаправленного строительства его адекватной технологической основы.

В силу сказанного, под современным государственным предпринимательством будем понимать в дальнейшем только предпринимательство буржуазного государства, выступающее в буржуазном обществе явлением, однопорядковым по сравнению с буржуазным частным предпринимательством.

В таком смысле оно есть не что иное, как предпринимательство всего класса буржуазии, в отличие от предпринимательства отдельных ее представителей и их различных объединений. А это значит, что классовое предпринимательство любого государства при любых условиях это есть, в принципе, частное предпринимательство в широком смысле. Есть предпринимательство господствующего класса, а не всего общества. И, поэтому, оно есть не общественное, а частное предпринимательство. Но, поскольку это частное предпринимательство в виде государственного предпринимательства выступает, в отличие от предпринимательства отдельных индивидов или их всевозможных объединений, предпринимательством всего общества, то в социальном плане оно оказывается противоположностью предпринимательства отдельных индивидов, по отношению к государству выступающих частными лицами.

Поэтому, говоря о частном и государственном предпринимательстве, как это делает, к примеру, А.В. Бусыгин, констатируя, что «предпринимательство может осуществляться как в го-

сударственном, так и в частном секторе экономики» и что «в соответствии с этим различают государственное и частное предпринимательство»[6], надо иметь в виду, что и частное, и государственное предпринимательство в классовом обществе – это классовое предпринимательство. Предпринимательство только одного господствующего класса. А значит – предпринимательство частное, а не общественное, в строгом смысле слова.

Поэтому, в интересах строгости надо было бы государственному предпринимательству противопоставлять не частное, а не-государственное предпринимательство. Как его назвать – это уже дело целесообразности. Возможно, есть смысл его называть предпринимательством гражданским, хотя для феодального общества, в отличие от античного и, тем более, от буржуазного общества, это не совсем подходит. Но более подходящего термина, кажется, нет. В таком случае, термины «общественное предпринимательство» и «частное предпринимательство» логично остались бы только для обозначения предпринимательства в обществах, основанных или на общественной собственности, или на частной собственности. В обществах же, основанных на частной собственности, и будут как раз существовать государственная, гражданская (т.е. частная в узком смысле слова) и смешанная собственность и соответствующие им государственное, гражданское (частное) и смешанное предпринимательство.

В итоге, на любой из ступеней экономической формации общества (т.е. при рабовладении, при «феодовладении» и при «капиталовладении») имеем виды классового (частного в широком смысле) предпринимательства:

1) государственное (античное, феодальное или буржуазное) предпринимательство;

2) гражданское (частное античное, феодальное или буржуазное) предпринимательство (выступающее в двух видах – как индивидуальное и объединенное – на основе а) искусности, б) собственности и в) той и другой);

3) смешанное (античное, феодальное или буржуазное) предпринимательство.

Примечания

[1] См. о них: Антропономия. Общая теория человека. – Н. Новгород, 1991.

[2] Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 264.

[3] См. об этом уровне: *Сметанин С.И.* История предпринимательства в России. – М., 2002. – С. 110.

[4] *Бирюков В., Кузнецова Е.* Госсобственность и госсектор в рыночной экономике // Международная экономика и международные отношения. – 2001. – №12. – С. 57.

[5] *Сметанин С.И.* История предпринимательства в России: Курс лекций. – М., 2002. – С. 174.

[6] *Бусыгин А.В.* Предпринимательство. – М., 2001. – С. 170.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

А. В. Петров

АНТИТЕРОРИСТИЧЕСКИЙ «ЛИКБЕЗ» КАК ПОВЫШЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Толковый словарь русского языка С.И.Ожегова раскрывает понятие «терроризм» (от лат. terror – страх, ужас) как: политика и практика устрашения своих политических противников, выражающееся в жестком запугивании, физическом насилии, вплоть до уничтожения. Энциклопедический словарь под терроризмом понимает насильственные действия (убийства государственных и общественных деятелей, взрывы, захваты заложников и др.) преступных лиц с целью подрыва существующей власти, осложнения международных отношений, политических и экономических вымогательств у государства и др. Оба определения показывают терроризм, как исключительно опасное явление в человеческом обществе XXI века.

Современный терроризм не признает ни географических, ни политических границ, не имеет моральных пределов. Сегодня террористы могут активизировать свою деятельность в любой точке Земного шара, на любом континенте, в любой стране. Даже такая супердержава как США, о чем свидетельствуют события 11 сентября 2001, не застрахована от террористических и экстремистских проявлений.

С целью активизации *афиширования* своей деятельности изменился выбор террористов в отношении объектов своего преступного проявления. Ранее предполагалось, что в первую очередь террористической опасности могут подвергнуться военные объекты, предприятия атомной, химической и оборонной промышленности, предприятия обеспечения жизнедеятельности: топливно-энергетические, очистные, гидротехнические и водоохранные объекты, объекты гражданской авиации, железнодорожного и др. транспорта. Террористические акты на этих объектах направлены на подрыв стратегической и экономической стабильности государства. Последствия террористических проявлений на данных объектах могут вызвать техногенные аварии, экологические катастрофы и др. чрезвычайные ситуации с последующей массовой гибелью не только персонала, но и посторонних людей из близлежащих населенных пунктов или случайно попавших в эпицентр террористического акта. В настоящее время силовые структуры государства надежно обеспечивают охрану подобных объектов, что подтверждается отсутствием террористических проявлений на них.

Но, к сожалению, в последнее время избирательность террористов направлена на абсолютно «гражданские» и, как оказалось, совершенно не защищенные объекты здравоохранения (городская больница в Буденновске в июне 1995 г.), культурно-зрелищные заведения (театральный комплекс на ул. Дубровка в г. Москве в ноябре 2002 г.), образовательные учреждения (захват средней школы в г. Беслан в сентябре 2004 г.). Все эти объекты характеризуются массовым пребыванием людей в условиях душевного покоя, психологического расслабления, испытания радостных и положительных эмоций. Атмосфера пребывания людей на подобных объектах, до недавнего времени, не предполагала насильственного изменения хода событий, испытания физического воздействия, унижения, захвата или похищения. По изуверским расчетам террористов активизация их деятельности на подобных объектах привлекает наибольшее внимание различных слоев общества и принуждает государственные и политические структуры выполнять их требования, вызывает значительный резонанс в обществе, влияет на его социальную устойчивость и порождает неуверенность в способности государства защищать своих граждан, обеспечивать их спокойное существование.

В основном, террористическая угроза в России исходит от недобитых бандформирований, рассредоточившихся на территории Чечни и подпитываемых международным терроризмом. Понятно, что Чечня для России чрезвычайно болезненная тема. Чечня сейчас дезинтегрирована. Она как среди людей, так и по территории разбита на отдельные, плохо координирующиеся между собой части. И каждый там правит свой

© А. В. Петров, 2006

бал, играет свою игру. Это означает, что власти не с кем искать консенсус по нормализации обстановки. Дело в том, что господин Масхадов, по его заявлениям, не отвечает за действия последних лет (имеется в виду «Норд-Ост», взорванные в августе этого года самолеты и прочие трагедии, не говоря уже о Беслане), вступив с ним в диалог, ровным счетом никак не облегчить ситуацию в виде террористических акций, диверсий, подрывов в стране.

Государственной власти необходимо нормализовать обстановку в Чечне, реализуя свои действия по двум направлениям: первое – это эффективное подавление террористов, которого, к сожалению, не происходит в последнее время; и второе – это, безусловно, мирное строительство, поскольку оторвать часть населения, которая поддерживает террористов (часть по убеждениям, часть по заблуждениям, часть под давлением и угрозами), от бандформирований, от террористического подполья можно только мирным строительством, давая людям зарплату, семьям – возможность спокойно жить, растить детей, чтобы они вместо землянок посещали школы, чтобы они учились по учебникам, а не разборке-сборке автомата Калашникова.

Принимая во внимание последствия террористических актов, происшедших в России за последнее время, перед государственными структурами возникает необходимость реализации третьего, не менее важного, направления – это предупредительные антитеррористические мероприятия среди всех слоев, возрастных и социальных групп населения. Так как от этого вида преступлений не застрахован никто, и любой гражданин в той или иной ситуации может оказаться в заложниках или каким-либо иным образом испытать на себе последствия терракта.

Самый надежный способ предотвращения возможных терактов –своевременная информированность населения и его подготовленность к адекватному реагированию на возможные экстремальные или чрезвычайные ситуации. Речь не идет о насаждении атмосферы всеобщей подозрительности и военизации. Безусловно, непосредственной борьбой с данным видом преступлений должны заниматься спецслужбы – соответствующие государственные структуры. Но эффективность деятельности силовых систем в этом процессе далека от желаемого уровня. В связи с тем, что за эти годы во многом развалился государственный механизм, наблюдается неспособность у силовых ведомств четкого выполнения задачи борьбы с экстремизмом и терроризмом. Назрела серьезная реформа ФСБ и МВД с точки зрения качества кадров. Сегодня качество кадров чрезвычайно низкое (имеется в виду общий уровень кадрового потенциала, и совершенно не хочется обижать людей, которые действительно обладают выдающимися данными). Но если сохранятся те же условия российского бюджета, которые мы наблюдаем сегодня, из года в год будут повторяться одни и те же ошибки с точки зрения качества кадров правоохранительных органов.

Так как от актов терроризма погибают не только сотрудники правоохранительных органов, а в большей массе население, то следовательно, борьба с терроризмом – это, в первую очередь, борьба самих налогоплательщиков. Подготовленное и обученное население способно более эффективно противостоять террористическим проявлениям.

Исходя из этого, целесообразно:

– отдавать приоритет профилактическим и предупреждающим мерам;

– разработать учебно-методические и практические курсы, в том числе обучающие компьютерные программы, для реализации в системах производственного обучения, повышения квалификации или при освоении специальностей профессионального образования различного уровня (начального, среднего, высшего и т.д.);

– в общеобразовательных школах предусмотреть изучение опасности терроризма и элементарных мер по его предупреждению;

– создать условия для освещения через средства массовой информации тенденций развития терроризма и противодействия его проявлениям не только спецслужбами, но и простыми гражданами.

В этих целях может быть издана брошюра (памятка) с методическими рекомендациями по антитеррористическим мерам, подготовленная авторским коллективом, состоящим из специалистов различных сфер деятельности, но по своей профессиональной специфике связанных с антитеррором и ликвидацией последствий террористической деятельности. В состав авторской группы должны войти сотрудники правоохранительных органов, пожарной охраны, спасатели, юристы, психологи, медики, педагоги. Это издание должно быть многотиражно издано, до-

ступно, доходчиво и понятно для каждого гражданина Российской Федерации. Содержание данного учебного пособия органично включается в школьные учебники по предмету «Основы безопасности жизнедеятельности».

Аналогично тому, как при освоении каждой специальности обязательно изучаются вопросы пожарно-технического минимума в сфере будущей профессиональной деятельности, также необходимо включить в содержание государственных образовательных стандартов каждой специальности среднего профессионального и высшего профессионального образований спецкурсов по антитеррористической безопасности.

Примерное содержание курса может включать в себя:

– общее понятие и меры антитеррористической безопасности;

– основной круг мероприятий, который должен быть осуществлен при террористической угрозе на соответствующем объекте, учреждении, предприятии, коммерческой фирме;

– действия коллектива предприятия при угрозе взрыва, техногенной аварии, попытке захвата в заложники и т.п.;

– персональные действия и правильное поведение при внезапном контакте с террористами или в случае захвата в заложники;

– правильные действия при проведении антитеррористического мероприятия, переговорах, эвакуации, штурме, угрозе взрыва;

– основы оказания первой помощи, в том психологическая поддержка и первичная реабилитация;

– основы антитеррористического законодательства и правовая помощь жертвам терракта;

– опасные факторы терракта: огневое поражение, обрушение конструкций, отравление, травмирование, паника и т.п., возможность избежать или предотвратить их последствия.

Должная подготовка и предусмотрительность в действиях снизит вероятность возникновения террористического насилия, уменьшит возможные людские и материальные потери. Воздействие поражающих факторов на людей дополняется сильным психологическим эффектом. Во многих случаях возникает испуг человека. Состояние испуга, как известно, является врожденной защитной реакцией организма на сверхмощные раздражители, однако это состояние сохраняется недолго. Оно проходит по мере осознания человеком сложившейся обстановки и заканчивается в одних случаях успокоением, в других возникновением страха. Страх возникает в том случае, когда ситуация оценивается как опасная. Эмоциональное возбуждение наиболее легко распространяется среди людей, не подготовленных к преодолению опасностей и порождает панику. Паника возникает внезапно и представляет собой чувство безграничного, безотчетного ужаса, который моментально передается окружающим. Когда она возникает, вероятность жертв и разрушений увеличивается. Известны случаи, когда паника даже при небольших условиях возникновения экстремальной ситуации служила причиной значительных жертв. В 1972 г. в одном из клубов г. Бостона (США), где находилось около 600 посетителей, раздался хлопок и загорелся занавес. От неожиданности среди присутствующих возникла паника. В результате 339 человек погибли. Данный пример уместен, так как в последнее время все террористические акты с массовым захватом заложников осложняются угрозой взрыва, который, как правило, сопровождается возникновением пожара.

Вместе с тем ярким примером организованного, слаженного поведения людей, испытавших на себе последствия подрыва террориста-смертника, может служить факт взрыва в Московском метрополитене в феврале 2006 г.

Безусловно, провести слаженную эвакуацию пассажиров на станции Автозаводская, избежать паники и, соответственно, значительных жертв удалось не только благодаря четким оперативным действиям пожарных, спасателей и милиции, но и благодаря постоянно проводимой информации пассажиров о правилах поведения в метрополитене, визуальной и звуковая агитации о бдительном отношении к оставленным вещам и предметам, а также готовности персонала метрополитена к реагированию на возможные чрезвычайные ситуации.

Наряду с выполнением обязанностей по предотвращению и пресечению преступлений, обеспечению общественного порядка и общественной безопасности органы внутренних дел, как правоохранительные органы, в той или иной степени выполняют такую немаловажную функцию в масштабах государства, как пропаганда законопослушного поведения, правовая информированность и помощь населению. Учитывая численность всех правоохранительных структур и их роль по формированию правового общества

в нашем государстве, представляется целесообразным возложить на них контроль за выполнением профилактических антитеррористических мероприятий на объектах различной формы собственности и, тем более, в государственных учреждениях с массовым пребыванием людей. Через участковых уполномоченных и их помощников, в том числе и возрождающиеся народные дружины, следует пропагандировать антитеррористические меры в жилом секторе и населенных пунктах. Для этого, представляется целесообразным расширить их административные полномочия, наделив их правом обследования вышеназванных объектов, оценки их террористической уязвимости, с последующим составлением предписания по совершенствованию средств и мер обеспечения безопасности. За невыполнение или игнорирование требований предписания руководство потенциально-опасных объектов различной формы собственности должно нести ответственность согласно Российскому законодательству.

Правоохранительные органы осознают свою ответственность за защиту жизни и собственности людей, однако, если все люди хотят жить и работать в безопасности, каждый гражданин должен иметь представление об элементарных антитеррористических мерах и быть готовым проявить свою собственную ответственность. Задача каждого действовать так, чтобы жизнь на Земле была не только обеспеченной, но и безопасной.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. – М., 1993.

2. Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

3. *Полежаев А.П., Савельев М.Ф.* Терроризм и антитеррористические меры: Вопросы и ответы. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2003.

4. Интервью народного депутата, члена Комитета по безопасности Государственной Думы Г. Гудкова // Коммерсант. – 2004. – 15 октября.

5. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М., 1993.

6. Советский энциклопедический словарь. – М., 1987.

7. Политика пожарной охраны Великобритании // Пер. ст. из журн.: British Fire Service Association Jornal. – 1980. – Vol. 6. – №4.

Т. А. Киселева

ОБЪЕКТ АВТОРСКОГО ПРАВА – СЛУЖЕБНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Служебное произведение – произведение литературы, науки и искусства, созданное автором в рамках своих служебных обязанностей (служебного задания) по трудовому договору.

В качестве служебного произведения могут быть созданы энциклопедии, энциклопедические словари, периодические и продолжающиеся сборники научных трудов, газеты, журналы и другие периодические издания.

Большое практическое влияние на объем авторских правомочий и режим использования произведения оказывает признание его служебным. Понятие «*служебные произведения*» закон не раскрывает, относя к их числу произведения, созданные в порядке выполнения служебных обязанностей или служебного задания работодателя (ст. 14 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах»). Юридическая наука и судебная практика вносят в это понятие большую определенность и ставят его в известные рамки. В частности, отмечается, что произведение может считаться созданным в порядке выполнения служебного задания только тогда, когда содержанием такого задания является именно создание произведения. Если содержание служебного задания заключалось, например, в создании технической разработки без оформления ее результата в виде произведения – объекта авторского права, оно не может считаться созданным в порядке служебного задания.

Нередко признаком служебных произведений является отнесение их к плановым работам соответствующих научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений. В этой связи Пленум Верховного Суда СССР в руководящем постановлении «О применении судами законодательства при рассмотрении споров, возникающих из авторских правоотношений» от 18 апреля 1986 г. указал, что «плановой следует считать работу, зачтенную с согласия автора в выполнение плана его работы. Сам по себе факт использования автором для создания произведения материалов организации, с которой он

 © Т. А. Киселева, 2006

находится в трудовых отношениях, не может служить основанием для вывода, что выполненная автором является плановой» [1].

Наряду с плановыми работами служебными обычно признаются произведения, создаваемые в порядке выполнения служебных обязанностей штатными сотрудниками редакций газет и журналов, киностудий и радиовещательных организаций и т.д. Если же произведение штатного сотрудника не связано непосредственно с его трудовыми обязанностями, оно служебным не является. Приведем довольно типичный пример такого рода. В 1985 г. судом было рассмотрено дело по иску художника Т. к Ленинградской студии документальных фильмов о взыскании авторского вознаграждения за пять пейзажных акварелей, которые были использованы в качестве зрительного ряда в научно-популярном фильме, созданном студией. При рассмотрении дела было установлено, что все пять картин были написаны художником специально для фильма по заказу съемочной группы. Фильм был принят и одобрен студией, однако в выплате вознаграждения художнику было отказано. Свой отказ студия мотивировала тем, что истец является художником-постановщиком фильма и поэтому вся выполненная им работа, включая написание акварелей для фильма, является служебной и не подлежит отдельной оплате. Истец, однако, представил убедительные доказательства того, что создание акварелей не входит в обязанности художника-постановщика фильма. Суд согласился с этим и обязал ответчика оплатить стоимость пяти картин в соответствии с оценкой, данной экспертизой [2].

Основные особенности правового режима служебных произведений заключаются в следующем. Во-первых, российское авторское законодательство исходит из того принципиального положения, что авторское право на него принадлежит его автору. Этим оно существенно отличается от законодательства многих стран, признающего обладателем авторских прав на произведение работодателя, по заданию которого оно создано. Авторское право России исключает здесь правопреемство работодателя и сохраняет все основные авторские правомочия за непосредственным создателем. В частности, автор пользуется правом на имя, правом на защиту репутации, правом на обнародование произведения и т.д. Это означает, что работодатель не может без согласия автора сделать произведение доступным для публики, не вправе без согласия автора вносить в него какие-либо изменения и т.п. Однако правомочия автора не носят неограниченного характера. Учитывается, что работодатель поручал автору создать произведение для того, чтобы оно могло быть использовано для определенных целей. Поэтому хотя за автором в соответствии с господствующей доктриной сохраняется возможность решать вопрос о готовности произведения к обнародованию, считается, что он обязан дать такое разрешение, так как иначе его отказ будет расценен как нарушение трудовых обязанностей. Точно так же автор не может воспрепятствовать тому, чтобы на титульном листе или в выходных данных были указаны наименование или официальный символ организации, в рамках которой создано произведение.

Во-вторых, создание произведения по заданию работодателя самым существенным образом влияет на режим его использования. Согласно п. 2 ст. 14 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» исключительные права на использование служебного произведения принадлежат лицу, с которым автор состоит в трудовых отношениях (работодателю), если в договоре между ним и автором не предусмотрено иное. Это означает, что автор не вправе без согласия работодателя передать созданное им произведение для использования другим лицам. Напротив, работодатель может как использовать такое произведение в своих собственных интересах, так и выдавать разрешения на его использование третьим лицам.

Как видим, по сравнению с ранее действующим законодательством вопрос об использовании служебных произведений в новом законе решается более жестким для авторов образом. Напомним, что ранее работодатель автоматически приобретал право на использование служебного произведения лишь способом, обусловленным целью служебного задания и в вытекающих из него пределах. Например, киностудия могла использовать созданные по ее заданию костюмы и декорации для постановки фильма, но чтобы использовать их для издания альбома репродукций, она должна была получить на это особое разрешение автора. Кроме того, принятые в 1991 г. Основы гражданского законодательства ограничили права работодателя на использова-

ние произведения 3 годами с момента представления произведения (ст. 140). наконец, сам автор не лишался возможности использовать свою работу способами, не обусловленными целью служебного задания. Например, штатный дизайнер, по эскизам которого работодатель выпускал произведение ДПИ, мог заключить договор на издание своих работ, если только запрет на такие действия не содержался в его договоре с работодателем.

Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» закрепляет за работодателем все права по использованию произведения, в том числе по использованию его такими способами, которые не связаны прямо со служебным заданием, а также исходит из того, что соответствующие права переходят к работодателю на весь срок их действия. Однако это является лишь общим правилом, применяемым тогда, когда в договоре между работодателем и автором не предусмотрено иное. Стороны могут договориться о том, что работодатель приобретает права лишь на использование произведения в целях, обусловленных служебным заданием, и о том, что срок действия их прав ограничивается определенным периодом, и т.д.

В-третьих, особым образом решается вопрос о вознаграждении за использование служебных произведений. Ранее действовавшее законодательство исходило из того, что их создание уже оплачено заработной платой автора и потому, по общему правилу, не предусматривало выплату автору дополнительного вознаграждения, за исключением случаев, прямо установленных нормативными актами. В новом авторском законе указывается, что размер авторского вознаграждения за каждый вид использования служебного произведения и порядок его выплаты устанавливаются договором между автором и работодателем (п. 2 ст. 14). данная норма позволяет сделать вывод, что отныне использование служебных произведений, по общему правилу, подлежит дополнительной оплате. Конечно, если в конкретном договоре автор отказался от получения вознаграждения, созданного в порядке выполнения служебного задания, это не будет нарушением закона. Но если между сторонами возникает по этому поводу спор и они не могут прийти к соглашению, автор может добиваться защиты своих прав в судебном порядке. Причем автор вправе претендовать на получение особого вознаграждения за каждый вид использования своего произведения.

На этот счет в литературе имеется и другая точка зрения. По мнению Э.П. Гаврилова, автор имеет право на получение специального вознаграждения за использование произведения, созданного им в порядке выполнения служебных обязанностей или служебного задания работодателя, лишь в случае, если это прямо предусмотрено его соглашением с работодателем [3]. К сожалению, Э.П. Гаврилов не приводит каких-либо аргументов в обоснование своей позиции, которая, на наш взгляд, расходится как с текстом п. 2 ст. 14 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах», так и с положениями в развитие Закона подзаконных актов [4].

В-четвертых, российское авторское право исходит из того, что отношения между авторами, создающими произведения в порядке выполнения служебных обязанностей или служебного задания работодателя, и их работодателями регламентируются заключенным между ними трудовым договором или контрактом. Данный договор (контракт) может, в частности, предусматривать сохранение прав на использование созданных произведений за автором, включать условия использования созданных произведений за автором, включать условия использования служебных произведений, устанавливать порядок определения размера причитающегося автору дополнительного вознаграждения, а также содержать иные условия, не противоречащие действующему законодательству. Если в таком договоре(контракте), заключенном при найме работника либо уже в период его работы, эти условия не определены, правовой режим служебных произведений, взаимные права и обязанности сторон устанавливаются на основе правил действующего законодательства. Заключения между работником-автором и работодателем-пользователем произведения какого-либо особого авторского договора закон не требует. Соответственно на отношения между работником и работодателем не распространяются те требования, которые предъявляются законом к авторским договорам, в частности, правило о том, что предметом договора не могут быть права на использование произведений, которые автор может создать в будущем (п. 5 ст. 31 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах»).

В-пятых, применительно к созданным в порядке выполнения служебных обязанностей или служебного задания работодателя энциклопедиям, энциклопедическим словарям, периодическим и продолжающимся сборникам научных трудов, газетам, журналам и другим изданиям закон устанавливает более жесткий правовой режим по сравнению с другими служебными произведениями. В данном случае действует правило, установленное ч. 1 ст. 11 Закона РФ «Об авторском праве и смежных прав», в соответствии с которым издателям указанных изданий принадлежат исключительные права на использование таких изданий. Это, например, означает, что по смыслу закона журналист или фотограф, находящийся в штате газеты, не вправе, опираясь на п. 2 ст. 14 Закона, претендовать на получение особого вознаграждения за использование газетой материала, созданного им в порядке выполнения своих служебных обязанностей или служебного задания своего работодателя. Предполагается, что их творческий труд, оплата которого обычно увязана с количеством переданного ими газете материала, уже полностью оплачен газетой, и последняя приобрела исключительное право на использование этого материала. Именно по этой причине в п. 4 ст. 14 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» указано на то, что общие правила, действующие в отношении служебных произведений (п. 1–3 ст. 14), на создание в порядке выполнения служебных обязанностей или служебного задания работодателя энциклопедий, энциклопедических словарей, периодических и продолжающихся сборников научных трудов, газет, журналов и других периодических изданий не распространяются.

Нельзя не отметить, что иногда п. 4 ст. 14 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» пытаются придать совершенно иное значение, а именно доказать, что издатели подобных изданий вообще не приобретают исключительного права на использование материалов, созданных их штатными авторами в порядке выполнения служебных обязанностей или служебного задания, и что права на эти материалы сохраняются за этими авторами. При этом помимо п. 4 ст. 14 апеллируют к ч. 2 п. 2 ст. 11 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах», где указывается на то, что «авторы произведений, включенных в такие издания, сохраняют исключительные права на использование своих произведений независимо от издания в целом».

Как представляется, такое толкование закона не имеет ничего общего с его действительным смыслом. Указание закона на сохранение за авторами исключительных прав на использование своих произведений независимо от издания в целом означает лишь то, что любой автор, в том числе и находящийся в штате работодателя, который передал свое произведение для использования в газете, журнале, продолжающемся сборнике и т.п., не лишается права использовать свое произведение в иной форме и иным способом, которые не совпадают с формой и способом использования его произведения издателем газеты, журнала и другого периодического или продолжающегося издания. Например, штатный журналист газеты имеет право издать опубликованные им в газете материалы в виде отдельной книги или переработать свою статью в произведение другого жанра; ученый, опубликовавший свое произведение в продолжающемся научном сборнике вуза, в котором он работает, может включить его в качестве составной части в свою монографию, и т.п. Данное понимание закона полностью согласуется с давно сложившейся в России практикой.

Затронутый вопрос имеет большое практическое значение. В частности, нередки случаи, когда газеты, не получив соответствующего разрешения, перепечатывают материалы, опубликованные другими газетами. При этом доказывается, что газета, материал которой перепечатан без ее согласия, не может даже выступать в защиту своих интересов, так как не обладает никакими правами на опубликованный ею материал, хотя бы он и был создан ее штатным автором. Такая позиция является, безусловно, ошибочной. Газета, как и любое другое периодическое или продолжающееся издание, на которое распространяется действие п. 2 ст. 11 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах», приобретает исключительные права на использование как издания в целом, так и каждого отдельного произведения, включенного в такое издание, если речь идет о таком же способе использования произведения. Поэтому она может выступать в качестве истца в защиту своих нарушенных прав без какого-либо специального уполномочивания на это со стороны своих штатных сотрудников, усилиями которых были созданы

эти материалы. Если же дело касается несанкционированного использования помещенных в газете произведений нештатных авторов, то решение вопроса о том, кто может выступать в качестве истца (газета или сам автор произведения), зависит от характера и условий того авторского договора, который заключен между газетой и таким автором.

Нередки случаи, когда только часть произведения создается в порядке выполнения служебного задания. В подобной ситуации его правовой режим признается смешанным, а его авторы имеют неодинаковые права. Например, по делу, рассмотренному в 1984 г. одним из судов г. Москва, было установлено, что истец принимал участие в подготовке коллективной работы, представленной издательству «Наука» в качестве плановой работы от Института истории АН СССР. Истец не был работником этого института, в своей организации подготовка данной работы ему не поручалась, о чем он представил соответствующие документы. Ответчик – издательство «Наука» – возражал против удовлетворения иска, ссылаясь на то, что книга выпущена небольшим тиражом и потому является для издательства убыточной, а также на то, что она была заявлена Институтом истории АН СССР как плановая работа. Суд отклонил все доводы ответчика, указав, что закон предусматривает исчерпывающий перечень оснований для безгонорарного использования произведений. Работа, представленная истцом, не являлась плановой и потому должна быть оплачена по утвержденным ставкам [5].

Библиографический список

1. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1986. – № 3. – С. 23.

2. Обзор работы ВААП за 1985 г. – М., 1986. – С. 32–33.

3. *Гаврилов Э.П.* Комментарий к Закону об авторском праве и смежных правах. – М., 1996. – С. 77–78.

4. Положение о минимальных ставках авторского вознаграждения за воспроизведение произведений изобразительного искусства и тиражирования в промышленности произведений декоративно-прикладного искусства // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1994. – №13. – Ст. 994.

5. *Гаврилов Э.П.* Авторское право. Издательские договоры. Авторский гонорар. – М., 1988. – С. 31.

ЧТО. ГДЕ. КОГДА

А. И. Захаров, Т. В. Луданова

VIII ОТКРЫТЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ МУЗЫКАЛЬНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ ВУЗОВ РОССИИ (КГУ ИМ. Н. А. НЕКРАСОВА, 25–28 АПРЕЛЯ 2006 Г.)

По решению Министерства образования и науки Российской Федерации с 25 по 28 апреля 2006 г. на базе музыкально-педагогического факультета КГУ им. Н. А. Некрасова прошел VIII Открытый фестиваль преподавателей и студентов музыкальных факультетов вузов России. Фестиваль проходил при спонсорской поддержке ОАО Костромской ювелирный завод» (В. В. Сорокин), филиала ООО «РГС-Центр» Управления по Костромской области (Д. Б. Лебедев), «Росгосстрах» (Д. М. Крупин), Костромской областной федерации профсоюзов (М. А. Батин), Костромской областной думы (С. В. Галичев, Ю. П. Кудрявцев), Агентства ОСАО «Россия» по г. Костроме (Н. А. Бобарыкина), ООО «Автогарант» (А. Ю. Банаков) и информационной поддержке ГТРК «Кострома» (С. К. Ситников, И. А. Гуськова, Л. Л. Котилова, А. А. Кондаурова, С. М. Простов), ООО «Народная медиа группа» (В. В. Лукашенко, И. В. Смирнова), «МК в Костроме», «Костромские Ведомости» (И. А. Варламов).

25 апреля состоялась торжественная церемония открытия фестиваля, на которой выступили Н. М. Рассадин – ректор КГУ им. Н. А. Некрасова, А. И. Захаров – декан музыкально-педагогического факультета КГУ им. Н. А. Некрасова, Б. А. Печерский – председатель жюри исполнительских конкурсов. В церемонии открытия фестиваля приняли участие: смешанный хор музыкально-педагогического факультета КГУ им. Н. А. Некрасова (рук. проф. В. А. Шурыгин), фольклорный ансамбль «Венец» (рук. В. А. Дружинин), хор «Вдохновение» детской областной хоровой школы (рук. Н. Сивушкова); Р. Сухоплещенко, студенты музыкально-педагогического факультета КГУ им. Н. А. Некрасова В. Плотникова и А. Яковлева. Работала научно-практическая конференция «Музыкальная культура и образование в XXI веке: проблемы и перспективы». Вечером, в Белом зале Дворянского собрания состоялся концерт мастеров искусств с участием членов жюри, ведущих исполнителей и коллективов г. Костромы и городов-участников фестиваля.

26 и 27 апреля проходили конкурсные прослушивания студентов и преподавателей по всем номинациям. Состоялся Круглый стол участников фестиваля, были подведены итоги исполнительских конкурсов. С большим успехом прошел концерт хора «Глория» КГУ им. Н. А. Некрасова (художественный руководитель – заслуженный деятель искусств РФ, Лауреат международных и всероссийских конкурсов М. Л. Жулябина).

28 апреля в Белом зале Дворянского собрания состоялась торжественная церемония закрытия фестиваля и концерт лауреатов и дипломантов VIII Открытого фестиваля преподавателей и студентов музыкальных факультетов вузов России.

В работе жюри фестиваля приняли участие авторитетные педагоги-музыканты ведущих вузов России:

Номинация «Академический вокал»

Э. Б. Фертельмейстер – проф, заслуженный деятель искусств РФ, ректор Нижегородской консерватории им. М. И. Глинки; Б. Д. Критский – д-р пед. наук, проф., заслуженный работник культуры РФ; О. В. Сраджева – проф. Елецкого гос. ун-та им. И. А. Бунина; А. М. Яровой – заслуженный артист РФ, проф. КГУ им. Н. А. Некрасова; В. А. Шурыгин – заслуженный работник культуры РФ, проф. КГУ им. Н. А. Некрасова.

Номинация «Народное пение» и «Эстрадный вокал»

Ю. В. Степняк – д-р пед. наук, проф., декан музыкального факультета Московского пед. гос. ун-та; А. И. Захаров – проф., заслуженный работник культуры РФ, декан музыкально-педагогического факультета, зав. каф. хорового дирижирования КГУ им. Н. А. Некрасова; А. А. Дружинин – заслуженный работник культуры РФ, художественный руководитель фольклорного ансамбля «Венец».

© А. И. Захаров, Т. В. Луданова, 2006

Номинации «Фортепиано» и «Фортепианный ансамбль»

Б. А. Печерский – проф. Московского городского пед. ун-та, композитор, заслуженный деятель искусств РФ, лауреат международных конкурсов; А. Н. Документов – заслуженный артист РФ, проф. КГУ им. Н. А. Некрасова; Ю. И. Крючков – заслуженный работник культуры РФ, проф. КГУ им. Н. А. Некрасова; Н. И. Балыков – проф. Нижегородской консерватории им. М. И. Глинки.

Номинации «Народные и струнно-смычковые инструменты» и «Свободная номинация»

В. С. Федотов – проф., заслуженный артист РФ, народный артист республики Татарстан; В. И. Сорожкин – заслуженный деятель искусств РФ, художественный руководитель Костромского оркестра народных инструментов; В. Д. Соловьева – заслуженный работник культуры РФ; В. И. Павлов – заслуженный работник высшей школы, доц. КГУ им. Н. А. Некрасова; К. Н. Герцензон – заслуженный работник культуры РФ, проф. КГУ им. Н. А. Некрасова.

В рамках форума состоялась презентация сборника «Каденции к фортепианным концертам В. А. Моцарта» Б. А. Печерского заслуженного деятеля искусств РФ, профессора Московского городского педагогического университета, композитора, лауреата международных конкурсов учебного пособия К. Н. Герцензона – канд. пед. наук, заслуженного работника культуры РФ, проф. каф. музыкальных инструментов КГУ им. Н. А. Некрасова, а также были проведены мастер-классы членов жюри: В. С. Федотов (народные инструменты), О. В. Сраджева (академический вокал), А. Н. Документов (фортепиано).

В фестивале приняли участие 250 человек из 30 вузов, география которых представлена следующими городами: Белгород, Брянск, Вологда, Воронеж, Глазов, Елец, Иркутск, Казань, Кострома, Красноярск, Курск, Москва, Новосибирск, Пермь, Пенза, Самара, Санкт-Петербург, Саранск, Таганрог, Тамбов, Тула, Уфа, Чебоксары, Челябинск, Чита, Ярославль.

Основным содержанием фестиваля стали исполнительские конкурсы по номинациям: «Фортепиано», «Фортепианный ансамбль», «Академический вокал», «Эстрадный вокал», «Народное пение», «Народные и струнно-смычковые инструменты», «Свободная номинация», «Оркестр народных инструментов».

Ректорам вузов и преподавателям, подготовившим студентов к исполнительским конкурсам, были направлены Благодарственные письма от оргкомитета фестиваля. Все участники получили грамоты за участие в фестивале.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАБАЕВА Раиса Ивановна, канд. филол. наук, доц., докторант каф. лексики и фонетики немецкого языка Московского гос. пед. ун-та.

БАРАНОВ Андрей Николаевич, канд. истор. наук, доц. каф. всемирной истории и историографии КГУ им. Н. А. Некрасова.

БАСКОВА Маргарита Николаевна, аспирант каф. философии и политологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

БОБРЫШОВ Сергей Викторович, канд. пед. наук, проректор по учебной работе Северо-Кавказского социального института.

ВАВИЛОВ Юрий Павлович, канд. психол. наук, доц. каф. педагогики и психологии начального обучения ЯГПУ имени К.Д. Ушинского.

ВИНОГРАДОВА Галина Леонидовна, канд. техн. наук, доц. каф. ВТ Костромского гос. технол. университета.

ВОЛКОВА Вера Олеговна, канд. филос. наук, доц. Нижегородского филиала Московского гуманитарно-экономического ин-та.

ГАЛАФЕЕВ Виктор Анатольевич, канд. хим. наук, доц. каф. химии КГУ им. Н.А. Некрасова.

ГАНЦОВСКАЯ Нина Семеновна, канд. филол. наук, проф. каф. русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

ГРАБОВА Ольга Николаевны, канд. экон. наук, докторант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

ДМИТРИЕВ Дмитрий Олегович, зам. начальника Департамента сельского хозяйства и продовольствия Ивановской области.

ЕРАСТОВА Анна Владимировна, студентка физ.-мат. факультета КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЗАКИНЧАК Галина Николаевна, д-р экон. наук, проф., зав. каф. экономики и управления в городском хозяйстве Ивановского архитектурно-строительного ун-та.

ЗАХАРОВ Андрей Иванович, заслуженный работник культуры РФ, декан музыкально-педагогического факультета, проф., зав. каф. хорового дирижирования КГУ им. Н.А. Некрасова.

ИВАНЕНКО Лариса Викторовна, канд. техн. наук, доц., зав. каф. городского хозяйства, декан экономического факультета Самарского муниципального ин-та управления.

ИСАЕВ Павел Павлович, д-р хим. наук, проф. зав. каф. математической физики и информационных технологий КГУ им. Н.А. Некрасова.

КАРСАКОВА Юлия Евгеньевна, аспирант каф. физиологии человека и животных Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова.

КАТАЕВА Сталина Гавриловна, канд. филол. наук, доц., зав. каф. немецкого языка Липецкого гос. пед. ун-та.

КИСЕЛЕВА Татьяна Александровна, аспирант каф. теории и истории государства и права Костромского гос. технол. ун-та.

КОЗЫРЕВ Федор Николаевич, докторант каф. педагогики РГПУ им. А.И. Герцена.

КОТОВА Светлана Вениаминовна, студентка 5 курса института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ.

КРАСИЛЬНИКОВ Григорий Владимирович, соискатель каф. русской литературы XIX века и культурологи Ивановского гос. ун-та.

КРЫЛОВ Александр Михайлович, аспирант каф. ВТ Костромского гос. технол. университета.

КУДЕЛИН Анатолий Евгеньевич, канд. экон. наук, проф. Нижегородского гос. архитектурно-строительного ун-та.

ЛАБУЗ Людмила Станиславовна, соискатель каф. ИКТ, управления и права Ярославской гос. сельскохозяйственной академии.

ЛАВРЕНТЬЕВА Зоя Ивановна, канд. пед. наук, доц. каф. педагогики и психологии Новосибирского гос. пед. ун-та.

ЛЕБЕДЕВ Владимир Павлович, д-р. биол. наук, проф., зав. каф. ботаники КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЛЕБЕДЕВА Ольга Александровна, доц. каф. истории России КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЛЕГОСТАЕВА Валентина Ивановна, канд. экон. наук, доц. Санкт-Петербургского гос. политехнический ун-та.

ЛУДАНОВА Татьяна Владимировна, канд. пед. наук, старший преподаватель каф. истории и теории музыки КГУ им. Н.А. Некрасова, лауреат всероссийского фестиваля.

МАРКОВ Владимир Николаевич, канд. физ.-мат. наук, доц. каф. общей и теоретической физики Липецкого гос. пед. ун-та.

МЕШАЛКИН Александр Николаевич, канд. филол. наук, доц. каф. педагогики и методики начального образования КГУ им. Н.А. Некрасова.

МИЛОСЛАВСКИЙ Сергей Львович, канд. экон. наук, соискатель СПбГУЭФ.

МИЛЬТОНЯН С.О., заслуженный работник культуры РФ, преподаватель Тверского музыкального училища им. М. П. Мусоргского.

МУДРОВА Елена Борисовна, доц. Санкт-Петербургского гос. политехнический ун-та.

МУСАРСКИЙ Марк Михайлович, докторант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

НОВОСЁЛОВА Наталья Григорьевна, учитель истории средней школы №49 г. Ярославля.

ПАЛАШ Светлана Витальевна, канд. экон. наук, доц. каф. экономики труда и институциональной теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

ПЕТРОВ Андрей Владимирович, преподаватель каф. управления органами внутренних дел Академии управления МВД России.

ПРИСТУПА Елена Николаевна, канд. пед. наук, доц. каф. психологии филиала Российского гос. социального университета в г. Дедовске Московской обл.

ПУХОВ Николай Михайлович, канд. физ.-мат. наук, доц. каф. общей и теоретической физики Липецкого гос. пед. ун-та.

ПУШКАРЕВ Артемий Михайлович, аспирант каф. истории Государственного ун-та гуманитарных наук (г. Москва).

ПЯТНИЦКИЙ Дмитрий Витольдович, канд. техн. наук, доц. Ивановской гос. текстильной академии.

РАДЧЕНКО Дмитрий Игоревич, аспирант каф. внутренних незаразных болезней, хирургии и акушерства Костромская гос. сельскохозяйственная академия.

РЫБКИН Анатолий Анатольевич, аспирант каф. истории России КГУ им. Н.А. Некрасова.

САМОХВАЛОВА Анна Геннадьевна, канд. пед. наук, доц. каф. социальной психологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

СТЕКОЛЬНИКОВ Анатолий Александрович, д-р ветеринарных наук, проф., Санкт-Петербургской гос. академия ветеринарной медицины.

ТИМОНИН Андрей Иванович, канд. пед. наук, проф., директор института педагогики и психологии КГУ им. Н. А. Некрасова.

ТИМОНИНА Любовь Ильинична, канд. пед. наук, зав. каф. педагогики и методики начального образования КГУ им. Н. А. Некрасова.

ТОКАРЕВА Ирина Васильевна, аспирант Российского гос. открытого техн. ун-та путей сообщения.

ТЯТЕНКОВА Наталия Николаевна, д-р биол. наук, проф. каф. физиологии человека и животных Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова.

ФОКИНА Мадина Александровна, канд. филол. наук, доц. каф. русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

ХАЙНОВСКАЯ Татьяна Александровна, старший преподаватель каф. музыкально-инструментальной подготовки РГПУ им. А.И. Герцена.

ХЛЯКИНА Оксана Владимировна, аспирант каф. физиологии человека и животных Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова.

ХРЯКОВА Антонина Семеновна, доц. каф. хорового дирижирования, музыкально-педагогического факультета КГУ им. Н.А. Некрасова

ЦЕЛИКОВА Людмила Евгеньевна, аспирант каф. ботаники КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЧЕРЕДНИКОВА Алла Викторовна, канд. физ.-мат. наук, доц. каф. алгебры и геометрии КГУ им. Н.А. Некрасова.

ШЕМЕТ Ирина Сергеевна, канд. психол. наук, доц. каф. социальной психологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЮДИНА Наталья Владимировна, канд. филол. наук, доц. каф. русского языка Владимирского гос. пед. ун-та.

ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ

Журнал «Вестник КГУ» публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Размер статей не должен превышать 10 страниц текста, включая библиографию и подписи под рисунками. Количество рисунков не должно превышать 6, в кратких сообщениях – 2.

Статьи, заказываемые редколлегией для обзора работ в одной из научных областей, могут иметь объем до 1 п.л.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в 1 экземпляре с дискетой (формат MS Word 7.0, рисунки в формате (*.bmp), (*.tif), (*.jpg), (*.psd), (*.pcx)). Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующие требования: кегль 14 через 1,5 интервала; поля 25 мм со всех сторон.

Материал должен быть тщательно отредактирован.

2. Построение статьи:

2.1. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима). Сведения об авторе (фамилия, имя, отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, должность).

2.2. Преамбула, объясняющая цель работы, актуальность проблемы.

2.3. Выводы.

2.4. Литературные ссылки.

3. Все страницы рукописи должны иметь сплошную нумерацию.

В тексте статьи необходимо дать ссылки на все рисунки и таблицы, которые, в свою очередь, должны быть озаглавлены.

Единицы измерения даются в соответствии с международной системой единиц (СИ).

Библиографический список помещается в конце статьи, авторы указываются в алфавитном порядке.

Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками.

Порядок оформления ссылок:

– Статья в журнале: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. От–до.

– Статья в сборнике трудов: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Город, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.)

– Монография или книга: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (или число страниц в книге __с.).

– Авторские свидетельства и патенты: А. с. номер. Название.

– Автореферат: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

4. Работы, опубликованные в других изданиях, не принимаются.

Статьи следует направлять по адресу:

156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14, Костромской государственный университет, корпус «В», кабинет 1.

vestnik@ksu.kostroma.net

Не принятые к публикации статьи возвращаются.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 29.06.2006
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. л. 24,5
Тираж 1000 экз.
Изд. № 188

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(0942) 31-65-61**, факс: **(0942) 31-65-61,**
E-mail: **vestnik@ksu.kostroma.net**

Цена свободная